
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	МГЛУ
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусэку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ
В 6-ти томах

Под редакцией
Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева

Предисловие
А.М. Рыбакова

Издание осуществлено благодаря партнерству
с Торгово-промышленной палатой РФ,
Департаментом по работе
с территориальными палатами

при содействии
торгово-промышленной палаты
Республики Башкортостан,
Брянской торгово-промышленной палаты,
Волгоградской торгово-промышленной палаты,
торгово-промышленной палаты
Воронежской области,
Липецкой торгово-промышленной палаты

А.В. Антошин

Том 4

НА ФРОНТАХ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ
И «ХОЛОДНОЙ» ВОЙН:
РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ
в 1939 — начале 1950-х гг.

Москва
2014

Координатор проекта – *И.В. Зубков*

Дизайн и вёрстка – *Сергей Щербина*

Антошин А.В.

На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-242-1.

Монография посвящена ситуации в Русском зарубежье в условиях Второй мировой войны и первых послевоенных лет. На основе использования документов российских и зарубежных архивов, периодической печати тех лет, мемуарной литературы и других исторических источников показаны условия жизни русских эмигрантов в Европе и за океаном, их правовой статус, роль в жизни диаспоры Русской православной церкви. Особое внимание уделено отношениям русских эмигрантов с Советским Союзом в 1939 – начале 1950-х гг. В приложении представлены выдержки из документов, характеризующих отдельные аспекты рассматриваемой темы.

Адресована всем, кто интересуется историей Русского зарубежья в XX в.; может быть использована в качестве учебного пособия по истории России и российской эмиграции в XX

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ»	10
ВВЕДЕНИЕ.....	13
Глава 1 ОТНОШЕНИЕ РУКОВОДСТВА СССР К ЭМИГРАНТАМ. РЕПАТРИАЦИЯ ЭМИГРАНТОВ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	22
Глава 2 ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО МИРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ЭМИГРАНТОВ. ПРАВОВОЙ СТАТУС РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА В 1939 – НАЧАЛЕ 1950-х гг.	56
Глава 3 СТРУКТУРЫ РУССКОГО МИРА В 1939–1953 гг.	90
Глава 4 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭМИГРАНТОВ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ. РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РУССКОГО МИРА В 1939–1953 гг.	126
Глава 5 ОТНОШЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО МИРА К ПОЛИТИКЕ РУКОВОДСТВА СССР В 1939–1953 гг.	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	263
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	266
БИБЛИОГРАФИЯ.....	336
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	360

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский мир, российское зарубежье существуют на протяжении почти 150 лет и являются примером не только межкультурного взаимодействия, но и важным элементом лучшего понимания истории самой России, ее современного потенциала в экономике, науке и образовании. Соотечественники в разных странах мира, их жизнь и заботы – одно из основных направлений внешней политики Российской Федерации. За сравнительно короткое время в свыше 40 странах мира открыто 90 центров «Русского мира». Практически каждое федеральное министерство и ведомство имеет сегодня нормативно-правовые документы и ежегодные планы по конкретным направлениям поддержки выходцев из России, а стержневым в течение 15 лет является Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом».

В свою очередь, исторической миссией многомиллионной диаспоры стала причастность к проблемам нашей страны, её ценностям и традициям. На Ассамблеи Русского мира, проводимые с 2007 года и традиционно приуроченные к празднованию Дня народного единства, ежегодно собираются тысячи представителей различных общественных, некоммерческих, волонтерских организаций из 80 стран мира. Со многими из них поддерживает связи Торгово-промышленная палата РФ, которая активно содействует интегрированию отечественной экономики в мировую хозяйственную систему. Неслучайно, как сможет убедиться читатель, в представляемом издании прослеживается и такой аспект Русского мира, как эмигрантское предпринимательство. Его основу в начале прошлого века составляли наследники крупных состояний (к примеру, Елисеевы, Путиловы), а позднее – «новая» элита, сколотившая капитал на русской экзотике или благодаря торговле с Россией. И в наши дни современные российские бизнесмены за рубежом пусть и не находятся в истеблишменте, но занимают прочные позиции в бизнес-сообществах многих стран.

Торгово-промышленная палата в течение десяти лет поддерживает различные инициативы Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), но данный проект является, пожалуй, самым значительным и масштабным. Представляемое издание в шести томах посвящено истории Русского мира в XX веке. Однако хочется выразить уверенность, оно не станет для читателя лишь воспоминанием о прошлом, а будет стимулировать к лучшему будущему, к миру со всем миром.

А.М. Рыбаков
Вице-президент
Торгово-промышленной
палаты РФ,
кандидат исторических наук

О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ»

Понятие *Русский мир* и проблематика Русского мира ворвались в общественный и научный лексикон буквально за одно последнее десятилетие. До этого Русский мир имел скорее религиозное либо художественное наполнение: «живущие в единстве веры, обрядов и обычаев» (Александр Островский), «первобытный русский мир», когда «вся Русь говорила одним и тем же языком» (Пантелеймон Кулиш) и др. Теперь же Русский мир имеет довольно основательное концептуальное и категориальное оснащение, обосновывается как международное «трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, объединённое причастностью к России и лояльностью к русскому языку и культуре» (В.А. Тишков), обозначается также как «цивилизационное, социокультурное и наднациональное пространство, охватывающее около трети миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя планеты, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и неравнодушны к судьбе и месту России в мире» (О.Н. Батанова). Разработаны геополитическая и геоэкономическая трактовки Русского мира (В.Л. Цымбурский и П.Г. Щедровицкий), выделены его главные опоры: православие; русская культура и русский язык; общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие (Г.В. Друзенко).

Созданный в 2007 году Фонд «Русский мир» также довольно отчетливо сформулировал исходные идеологические постулаты своей разнообразной деятельности. Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки, но и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. Все пласты Русского мира – полиэтничного, многоконфессионального, социально и идеологи-

чески неоднородного, мульти-культурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России. Формируя Русский мир как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития.

Историки имеют все возможности внести свой вклад в осмысление природы Русского мира и перспектив его бытования. Современное историческое знание, обращаясь на протяжении многих десятилетий к таким темам, как Русское зарубежье (зарубежная Россия, Россия в изгнании), Российская эмиграция и Российская диаспора, имеет колоссальный документальный и исследовательский потенциал, без которого крайне сложно понять и структурировать Русский мир во всех его социально-экономических, политических, культурных и коммуникационных аспектах.

Наше издание в шести томах завершает проект, важнейшим этапом которого стало составление в 2008–2009 гг. уникальной и доступной всем Базы Данных*. Её авторы стремились раскрыть смысл и основные факторы единства или разъединения Русского мира, включая отношение к Российской империи, СССР, РФ и их восприятия на протяжении всего XX века. Учитывались различные проявления изменений – привязанность к государству или нации, исторической памяти, культуре вообще или религии, рассмотрение влияния русского сегмента современных коммуникаций, русской музыки и литературы, других «эмоциональных факторов». Для этого понадобилось новое прочтение корпуса известной научной, мемуарной и художественной литературы о русском зарубежье и эмиграции под углом зрения главной цели проекта. В Базу вошли также опубликованные документальные источники, а также хранящиеся в центральных архивах, в частности, Государственном архиве РФ (ГА РФ), включая «Пражский архив», Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), материалы массовой и специализированной

* См.: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/research/news0005.html>; <http://www.airo-xxi.ru/-xx->

эмигрантской прессы – «День», «Социалистический вестник», «Новое русское слово». «Русская мысль», «Новый журнал», «Континент», «Политический дневник» и др. Каждый раздел Базы посвящен определённому периоду XX века: конец XIX в. – начало XX в.; 1917–1927; 1928–1938; 1939–1953; 1953–1985; 1986–2000.

Эта хронология легла и в основу настоящего шеститомного издания, канву которого в той или иной мере составляют следующие сюжеты: общая оценка периода, включая характеристику понятия Русский мир для каждого периода; отношение России к эмигрантам и эмиграции, юридическое оформление явления и разных его проявлений; география размещения эмигрантов по миру, примерная численность, сфера занятий; законы и нормы, определяющие статус эмигрантов в разных странах и их права; степень связанности представителей Русского мира в разных странах – общественные организации, центры, клубы, печать, праздники, акции и т. д.; меры по поддержке русского языка, образования, развитию русской культуры и приобщения к ней; роль Русской православной церкви в объединении эмигрантов; роль посольств России / СССР; отношение представителей Русского мира к России / СССР, событиям, происходившим на родине, организации акций помощи и др.

Авторы выражают благодарность Фонду «Русский мир», поддержавшего первый этап проекта, и особенно В.А. Николу. Благодарим также заместителя председателя Российского комитета по делам ЮНЕСКО А.С. Дзасохова. Незаменимое содействие в публикации результатов наших исследований оказала нам Торгово-промышленная палата РФ, Департамент по работе с территориальными палатами и лично С.Н. Катырин, А.М. Рыбаков и И.В. Зубков, которым мы выражаем искреннюю признательность.

Г.А. Бордюгов

А.Ч. Касаев

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война и первые послевоенные годы – один из самых тяжелых периодов в истории Российского зарубежья. Многим русским эмигрантам пришлось в те годы делать крайне сложный нравственный выбор, определять свою позицию в экстремальных обстоятельствах. Вторая мировая война многими эмигрантами воспринималась как вторая Гражданская, возможность взять реванш за поражение 20-летней давности, шанс на освобождение покинутой Родины от большевистского режима. Все это привело к тому, что писать об этом периоде в истории русской эмиграции всегда было чрезвычайно непросто.

И вместе с тем, это один из самых важных и имеющих общественную значимость сюжетов в истории русской эмиграции. Неслучайно зачастую именно он и «подогревал» интерес общества к эмигрантской тематике. Раскол эмиграции времен войны имел эффект бумеранга: он вновь и вновь раскалывал и российское общество, вызывая жаркие дебаты. Неслучайно, еще во времена «перестройки» одной из тех фигур, с которых начались ожесточенные дискуссии «либералов-западников» и «почвенников» на страницах «толстых» журналов «Новый мир» и «Наш современник», был известный ученый Н.В. Тимофеев-Ресовский, ставший прототипом главного героя романа Д. Гранина «Зубр». Поведение русского эмигранта в годы войны, его нравственный выбор раскололи советское общество второй половины 1980-х гг., а затем начавшиеся дискуссии перекинулись и на другие сферы.

Но и сейчас проблема политического выбора, который вынуждены были делать российские эмигранты в годы Второй мировой войны, продолжает оставаться одной из самых тяжелых тем для исследования. Известный специалист по истории Российского военного зарубежья В.И. Голдин так и назвал свою книгу – «Роковой выбор». Как подчеркивает В.И. Голдин, «выбор, сделанный в пользу сотрудничества с фашистской Германией, не просто обрекал русских эмигрантов на

незавидную роль наемников, выполнявших чужую волю, но своими действиями они фактически помогали врагу, стремившемуся уничтожить русскую государственность, рассматривавшему славян как низшую расу, недочеловеков, которым было уготовано массовое уничтожение и роль рабов в Третьем рейхе»¹.

Любопытно, однако, что в современной историографии предпринимаются и попытки как-то объяснить причины выбора, сделанного теми эмигрантами, которые пошли на союз с державами «оси». Для этого исследователи приводят самые различные мотивы. Так, например, С.С. Балмасов доказывает, что необходимо помнить о факторе воинского долга: эмигранты, верно служившие японцам в годы Второй мировой войны, «сохранили честь русских на японской службе, показав, что далеко не все из них в трудную минуту готовы предать своих командиров»². На наш взгляд, новаторским по своим подходам является труд С.В. Смирнова, который впервые в историографии проанализировал феномен русских воинских отрядов (РВО) в японской армии в годы Второй мировой войны. Он опирается на материалы судебно-следственных дел репатриантов, которые были подвергнуты репрессиям в Советском Союзе в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Эти документы ныне хранятся в Государственном архиве административных органов Свердловской области и ранее в таком объеме не привлекались исследователями истории российской эмиграции. Анализируя трагические судьбы рядовых и офицеров русских воинских отрядов после окончания Второй мировой войны, С.В. Смирнов указывает: «Несмотря на то, что ни один военнослужащий РВО не поднял оружие против Красной армии, большая часть бывших отрядников были арестованы Смершем»³.

Весьма противоречивым был и политический выбор, сделанный в годы Второй мировой войны казачеством. В литературе можно встретить весьма высокие оценки опыта боевого применения казачьих частей, воевавших на стороне нацистской Германии. Любопытной представляется позиция П. Крикунова, который доказывает, что «именно казачьи части благодаря своему высокому моральному духу, надежности и боеспособности пользовались практически безграничным доверием немецкого командования и занимали не последнее место в

системе Германских вооруженных сил»⁴. Особое место среди казачьих лидеров занимала фигура П.Н. Краснова. Объясняя сделанный им в годы Второй мировой войны выбор, О.Г. Гончаренко заявляет, что генерал «был и оставался принципиальным и последовательным германофилом, искренним врагом еврейства и большевизма»⁵.

Среди наиболее значительных научных форумов последних лет, где проблема «Российское зарубежье и Вторая мировая война» рассматривалась особенно основательно, на наш взгляд, важное место занимает международная конференция «Нансеновские чтения 2009», которая прошла в Санкт-Петербурге. Конференция еще раз показала, что невозможно говорить о некой единой позиции Российского зарубежья в условиях этого глобального конфликта. Достаточно полно была представлена тема российского коллаборационизма. Среди авторов, чьи доклады были посвящены этому вопросу, особое место, бесспорно, занимает петербургский исследователь К.М. Александров, много лет занимающийся историей армии генерала А.А. Власова⁶. Незадолго до конференции он выпустил 2-е, существенно дополненное издание своего труда, посвященного офицерам власовской армии⁷. К.М. Александров в своих трудах доказывает закономерность возникновения такого явления, как РОА, тесную связь его с репрессивной политикой советского государства в 1917–1940 гг. Именно К.М. Александров, член Народно-трудового союза (НТС) с 1989 г., был автором посвященного Второй мировой войне раздела в книге «Две России», вышедшей под редакцией одного из лидеров НТС Б.С. Пушкарева. В этой работе, пародируя усилия властей новой России по поиску официальной идеологии, петербургский историк стремится доказать, что «реальное “соглашение и примирение” между участниками Гражданской войны на красной и на белой стороне состоялось в рядах армии Власова»⁸.

В целом же история власовской армии по-прежнему вызывает ожесточенные дискуссии. После того, как в первой половине 1990-х гг. делались попытки пересмотреть отношение к генералу Власову и его армии, в последнее десятилетие вновь стали доминировать работы, содержащие исключительно негативную оценку этого явления. Труды К.М. Александрова, основанные на огромном архивном материале, неоднократно

подвергались критике на страницах «Военно-исторического журнала» и других изданий.

Очень интересный и в чем-то даже провокационный вопрос поставил на конференции уже в названии своего доклада М.Г. Шендерюк: «Совпатриоты и коллаборанты: возможен ли знак равенства?». Исследователь подчеркивает: сами эмигранты указывали на тот факт, что во Франции многие из «советских патриотов» послевоенной поры – это бывшие коллаборационисты времен нацистской оккупации Парижа в 1940–1944 гг. Очень многое зависело от психологии человека, его нравственных качеств. На наш взгляд, М.Г. Шендерюк очень точно указывает на причины того, почему совпатриоты и коллаборанты многими эмигрантами оценивались аналогично: «После окончания Второй мировой войны Зарубежная Россия... распалась под натиском переломных политических изменений на карте Европы, неизбежных ассимиляционных процессов, вливая в ряды старых эмигрантов значительные массы чуждых им по духу представителей второй волны эмиграции. В этих условиях русские эмигранты, стремясь сохранить “чистоту рядов”, всячески старались отмежеваться как от истинных или мнимых коллаборантов, запятнавших себя сотрудничеством с немцами, которых открыто обвиняли в предательстве и лишали помощи из США, так и от совпатриотов, многие из которых вернулись на Родину».

Вместе с тем, сам исследователь обоснованно полагает, что в современной исследовательской литературе к этому вопросу необходимо подходить взвешенно, без навешивания ярлыков: «Если негативное отношение мемуаристов-эмигрантов к совпатриотам вполне объяснимо, то современный отечественный исследователь истории русского зарубежья не может его разделять. Судьбы вернувшихся на родину совпатриотов складывались по-разному, порой трагически, но это нисколько не умаляет значение волны русского патриотизма, вовлекшей в антифашистскую борьбу тысячи людей»⁹.

Таким образом, военные годы, расколовшие Российское зарубежье, по-прежнему являются одной из самых тяжелых тем для исследователей. Думается, дискуссии вокруг проблемы политического выбора, сделанного эмигрантами в условиях того глобального конфликта, утихнут еще не скоро. Если утихнут когда-либо вообще...

Привлекая большой комплекс новых источников, исследователи в последнее десятилетие обратились и к изучению различных проблем послевоенной истории российской диаспоры. Бесспорно, этот период освещен в историографии значительно менее основательно, чем эпоха расцвета Российского зарубежья 1920–1930-х гг. Тем не менее, и здесь появляются интересные исследования, основанные на обширном архивном материале. Так, проблема взаимоотношений лидеров белой эмиграции с Советской властью в первые годы после окончания Второй мировой войны анализируется, в частности, в работах О.В. Будницкого¹⁰. Современные исследователи показывают сложность той ситуации политического выбора, в которой оказались вожди послевоенной российской диаспоры, когда наряду с антикоммунистическими настроениями было сильно стремление к достижению компромисса между эмиграцией и руководством СССР, усилившееся после того, как наша страна внесла решающий вклад в победу над нацизмом.

Далеко не однозначно оценивается в современной отечественной историографии «вторая волна» эмиграции из СССР. Она всегда оставалась как бы «на периферии» исследовательского интереса, «в тени» ярких имен эмигрантов «первой» послереволюционной волны. Однако только ли дело в «яркости» имен, степени общественной известности представителей политической и культурной элиты каждой из волн? На одну из причин того, почему о «второй» волне написано существенно меньше, чем о «первой», верно, на наш взгляд, указал известный исследователь А.В. Попов. Сам много сделавший для того, чтобы видные представители «второй волны» стали известны широкому кругу читателей, он отмечает, что одной из проблем при изучении «второй волны» является «роль и значение иностранных спецслужб в деятельности этой эмиграции, ее использование правительствами иностранных государств в деле борьбы с СССР, работа советской агентуры против и внутри таких организаций»¹¹. Действительно, без привлечения материалов архивов ЦРУ и Службы внешней разведки РФ на многие вопросы этой темы осветить очень трудно.

Однако в последние 15–20 лет у читателей в нашей стране появилась возможность услышать и мнение самих представителей «второй» волны эмиграции. Во многом благодаря усилиям упомянутого выше историка А.В. Попова в России

вышли работы Н.А. Троицкого, протоиерея Димитрия Константинова и др., где содержится взгляд на армию генерала А.А. Власова и «вторую» волну эмиграции из СССР как на «мощное народное оппозиционное движение», противостоявшее большевистскому режиму¹². Вместе с тем, не вполне корректно судить о «второй» волне эмиграции из СССР только на основании произведений, написанных представителями ее политической элиты. В таком случае «за кадром» остаются десятки и сотни тысяч рядовых эмигрантов, которые зачастую были гораздо менее политизированы. Эту проблему во многом позволяет решить сборник воспоминаний «Судьбы поколения 1920–1930-х гг. в эмиграции», редактором-составителем которого выступила известная представительница современной российской диаспоры в США Л.С. Флам-Оболенская¹³. Характерно, что он был выпущен московским издательством «Русский путь», связанным с Домом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына, с которым активно контактирует Л.С. Флам-Оболенская. Сборник позволяет иначе взглянуть на очень важную проблему взаимоотношений между эмигрантами «первой» и «второй» волн эмиграции. В предисловии к данному изданию Л.С. Флам указывает: «Когда окончилась война, в лагерях для перемещенных лиц, в русских начальных школах и гимназиях, возникших в оккупированных западными союзниками частях Германии и Австрии, при церквях, в студенческих группах и скаутских лагерях произошло немедленное и естественное сближение рожденных на Западе и выехавших из Советского Союза. И если среди старшего поколения ощущалось подчас деление на старых и новых эмигрантов, то мы, молодежь, сразу же органически слились»¹⁴.

В сфере интереса отечественных исследователей остается и политическая история послевоенной российской диаспоры. По-прежнему значительное внимание историков привлекает НТС. Особенно большой вклад в исследование истории НТС внес Д.Ю. Алексеев. Его работы¹⁵, содержащие позитивную оценку деятельности солидаристов, написаны на основе большого комплекса источников, в том числе личной переписки автора с деятелями НТС. В рамках этой же концепции написано и очередное издание краткого курса истории НТС, созданного самими солидаристами¹⁶. Редакция журнала «Посев» постоянно полемизирует с основными тезисами советской историогра-

фии, стремится подчеркнуть, что никогда сотрудничество НТС с иностранными силами (нацистская Германия, США эпохи «холодной войны») не было беспринципным. Настойчиво доказывается утверждение, что деятельность Союза всегда была продиктована национальными интересами России.

Вместе с тем, далеко не все исследователи согласны с положительной трактовкой образа НТС. Против идеализации его деятельности выступала Г.Я. Тарле, отмечавшая: «Трудно согласиться с попытками обелить тех, кто звал бывших советских военнопленных... повернуть оружие против Красной Армии и помочь гитлеровской Германии разгромить ее»¹⁷. Многие другие авторы также подчеркивают, что и в годы «холодной войны» сильная зависимость НТС от финансовой помощи со стороны ЦРУ не позволяет говорить о Союзе как о самостоятельной антикоммунистической силе. В целом, на наш взгляд, традиционная для советской историографии трактовка образа НТС не подверглась кардинальной трансформации в современной литературе.

История НТС, естественно, тесно связана с весьма важной проблемой – вопросом о позиции США по отношению к организациям эмигрантов из Советского Союза в условиях «холодной» войны. Так, П.Н. Базанов указывает, что в закрытых источниках тех лет, например, в совершенно секретной директиве Совета Национальной безопасности США СНБ 20/1 «Цели США в отношении России», знаменитом плане «Дропшот» и т. д. не последнее место отводилось «использованию русскоязычной эмиграции». Именно в этих документах уже применялись термины «диссидент» и «психологическая война»¹⁸. Повествуя о судьбе Мюнхенского института, все повороты которой в значительной мере определялись «подъемами» и «спадами» «холодной войны», А.В. Попов указывает: «К середине 1950-х гг. полностью возобладала и победила тенденция – курс на национальное раздробление России. Американское правительство и учреждения, курирующие эмигрантские организации, стали поддерживать и финансировать только те организации, которые отвечали задачам курса, направленного на расчленение России, и не проявляли излишней самостоятельности»¹⁹.

Среди тех проблем, которые еще требуют дополнительного изучения, важное место занимает вопрос о воздействии эмиг-

рации на советское общество. Очень интересное исследование этого вопроса было предпринято А.Б. Горяниным. Он подчеркивает: «Эмиграция влияла на “советских людей” даже в самые глухие годы – в 30-е, 40-е и 50-е. Очень многое уцелело, произошло и состоялось благодаря эмиграции – просто потому, что закупоренная субмарина СССР протекала тысячами дыр отнюдь не только на закате советской власти». Исследователь осознает, что данный вопрос связан с тем, как мы оцениваем и само советское общество, насколько закрытым оно было: «Те, кто говорят о невозможности влияния эмиграции на метрополию в тридцатилетие между 1930 и 1960 годами, по умолчанию исходят из того, что общество в СССР было в этот период контуженным и обездвиженным, а страна в целом – большой серой дырой. Но это полностью неверно. Миллионы (не тысячи, а миллионы) людей сомневались и недоумевали, размышляли и делали выводы, жадно ловили информацию и признаки перемен»²⁰.

Таким образом, история российской диаспоры времен Второй мировой войны и первых послевоенных лет по-прежнему относится к числу наиболее сложных для осмысления и одновременно – наиболее «будурирующих» общество сюжетов истории Российского зарубежья. Еще одним шагом, который может расширить представления общества о специфике этой эпохи, является данная книга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. – Архангельск–Мурманск, 2005. С. 404.

² *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М., 2007. С. 484.

³ *Смирнов С.В.* Отряд «Асано»: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945. – Екатеринбург, 2012. С. 134.

⁴ *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. – М., 2005. С. 111.

⁵ *Гончаренко О.Г.* Белоэмигранты между Звездой и Свастикой. – М., 2005. С. 215.

⁶ См., напр.: *Александров К.М.* Армия генерала Власова. 1944–1945. – М., 2006; а также многие другие исследования.

⁷ См.: *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945 гг. – М., 2009.

⁸ См.: *Пушкарев Б.С.* Две России XX века. Обзор истории. 1917–1993 / Соавторы К.М. Александров, С.С. Балмасов, В.Э. Долинин, В.Ж. Цветков, Ю.С. Цурганов, А.Ю. Штамм. – М., 2008. С. 302.

⁹ *Шендерюк М.Г.* Совпатриоты и коллаборанты: возможен ли знак равенства? // Нансеновские чтения 2009. – СПб., 2010. С. 298.

¹⁰ См.: *Будницкий О.В.* Попытка примирения // Диаспора: новые материалы. Париж – СПб., 2001. Вып. 1. С. 179–240.

¹¹ *Попов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России. 1941–2001. – М., 2007. С. 119.

¹² См.: В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. – М., 1997. С. 66–67; *Константинов Д.*, протоиерей. Мюнхенский институт. Из истории второй российской политической эмиграции // Трибуна русской мысли. 2002. № 4. С. 133–144; *Дичбалис С.* Зигзаги судьбы. Воспоминания. – М., 2003 и др.

¹³ См.: Судьбы поколения 1920–1930-х гг. в эмиграции. Очерки и воспоминания. Ред.-сост. Л.С. Флам. – М., 2006.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ См.: *Алексеев Д.Ю.* НТС российских солидаристов в борьбе против тоталитарного режима: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Владивосток, 1998; *Он же, Печерица В.Ф.* Российский солидаризм: теория, история и современность. – Усурийск, 2000; *Алексеев Д.Ю.* Российский солидаризм: теория, практика, люди. – Владивосток, 2010.

¹⁶ См.: НТС: мысль и дело. – М., 2000.

¹⁷ *Тарле Г.Я.* Судьбы российских эмигрантских диаспор в годы Второй мировой войны // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. С. 76.

¹⁸ См.: *Базанов П.Н.* «Лига борьбы за народную свободу»: политическая и издательская деятельность // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001 гг. С. 161.

¹⁹ *Попов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // Там же. С. 124.

²⁰ *Горянин А.Б.* Воздействие русской эмиграции на СССР в 1930-е – 1950-е гг.: к постановке вопроса // Нансеновские чтения. 2008. – СПб., 2009. С. 442.

1

ОТНОШЕНИЕ РУКОВОДСТВА СССР К ЭМИГРАНТАМ. РЕПАТРИАЦИЯ ЭМИГРАНТОВ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война стала тяжелейшим испытанием не только для народов всего мира, но и для правительств стран, втянутых в глобальный конфликт. Многие приоритеты во внутренней и внешней политике приходилось пересматривать, зачастую принципиально менять свое отношение к важнейшим явлениям и событиям. Эволюционировала и политическая линия советского руководства, что уже неоднократно описывалось в исторической литературе (большой акцент на пропаганду патриотических, а не классовых ценностей, поворот в отношениях власти и православной церкви и т. д.). И хотя данный процесс начался еще в 1930-е гг., война, несомненно, сделала эти явления значительно более заметными.

Изменилось ли отношение официальных властей СССР к эмигрантам, многие из которых, как будет показано ниже, активно помогали в годы войны своей покинутой Родине? Данная проблема является очень сложной, и однозначный ответ на этот вопрос дать непросто. Конечно, обращает на себя внимание тот факт, что на страницах советских газет и журналов в годы войны можно было встретить упоминания об эмигрантских акциях в разных странах мира (в основном в Канаде, США и государствах Латинской Америки), направленных на оказание помощи Советскому Союзу. Анализ публикаций главной газеты Советского Союза – «Правды» показывает, что основное внимание уделялось той патриотической позиции,

которую заняли в годы Второй мировой войны трудовые эмигранты из Российской империи, а также те, кто эмигрировал в 1920–1930-е гг. из украинских и белорусских районов Польши и из стран Прибалтики. Уехавшие не из Советского государства, эти люди не воспринимались властью изначально как «антисоветчики», поэтому рассказ об их деятельности на страницах советского официоза считался допустимым. Далеко не всегда эти люди в культурном и психологическом плане принадлежали к Русскому миру, однако своим происхождением и многими незримыми нитями были тесно связаны с его представителями.

Уже в первые недели и месяцы после нападения Германии на Советский Союз советская пресса показывала, что эта часть эмигрантов за океаном поддерживала свою Родину, когда-то покинутую по разным обстоятельствам. Так, «Правда» неоднократно информировала советских людей о патриотических митингах, которые проводились украинскими организациями Канады. Летом 1941 г. в различных городах Канады звучал призыв местной украинской диаспоры оказать помощь своим братьям из Советского Союза. И это неслучайно, поскольку именно земли Украины одними из первых оказались под ударом гитлеровской армии. 11 июля 1941 г. в «Правде» сообщалось о том, что лидеры существовавшего в Канаде Украинского комитета по оказанию помощи Родине заявили: «Украинский народ, неразрывно связанный со всеми народами Советского Союза, снова, как в 1918 г., раздавит ненавистных иностранных бандитов»¹. На следующий день та же «Правда» информировала своих читателей о митингах украинцев-антифашистов в канадских городах Торонто и Виннипеге, где принимались резолюции солидарности с народами Советского Союза, «которые защищают свою священную землю от предательского агрессора». Участники митингов призывали оказать всестороннюю помощь СССР². А уже 20 июля сообщалось о том, что группа проживающих в Канаде украинцев прислала в советское посольство в США письмо: «Приветствуя советский народ, мы выражаем искренние чувства украинцев, проживающих в Канаде и всех национальных групп, чья родная земля порабощена предательской нацистской кликой». И вновь звучали воспоминания о событиях 1918 г., когда на земли Украины вступила германская армия³. Многие эмигранты стар-

шего поколения еще помнили, к каким последствиям для Украины привела эта германская оккупация

Читавшие «Правду» советские люди знали и о проходивших в первые месяцы Великой Отечественной войны акциях украинских эмигрантов, проживавших в США. Так, например, сообщалось о массовых митингах украинских и польских эмигрантов в Филадельфии, Чикаго, Кливленде и других американских городах, где принимались резолюции с призывом оказать всестороннюю поддержку Советскому Союзу⁴. Широко звучала на подобных мероприятиях и идея общеславянского единства, которая побуждала многих представителей славянских диаспор за океаном жертвовать средства в помощь СССР. В сентябре 1941 г., когда враг рвался к Москве, советские люди узнали из «Правды» об украинском антифашистском митинге в Нью-Йорке, где было собрано 4 тысячи долларов в фонд помощи Советскому Союзу⁵.

И после разгрома германских войск под Москвой на страницах главной газеты Советского Союза можно было прочитать информацию о патриотических акциях, базировавшихся за океаном объединений народов СССР. В январе 1942 г., например, «Правда» поместила на 1-й полосе небольшое сообщение о том, что митинг 700 русских и украинцев, созданный русско-украинскими объединениями помощи Родине в Виндзоре (Канада), решил выделить 9 тысяч долларов на приобретение медикаментов для Красной Армии. Комментируя эту информацию, председатель митинга Хунчак со страниц «Правды» заявил: «Митинг обещал полную поддержку вашей борьбе против фашистов. Мы уверены в том, что победа будет за вами»⁶.

Однако, особенно важен тот факт, что иногда «Правда» ссылалась и на небольшие заметки, которые публиковались на страницах прессы Русского Нью-Йорка. Преимущественно, конечно, речь шла о публикациях «Русского голоса» – главной просоветской газеты США. Уже 14 июля 1941 г. «Правда» изложила сообщение «Русского голоса» о массовых митингах, которые состоялись в США в первые недели Великой Отечественной войны. Идея общеславянского единства особенно ярко звучала на этих мероприятиях. Их участники – русские, украинцы, белорусы, поляки и сербы заявляли о своей поддержке Советского Союза. Главной газетой СССР была пере-

печатана опубликованная «Русским голосом» резолюция состоявшегося в Сан-Франциско митинга, участники которого подчеркивали: «Мы возмущены предательским нападением на Советский Союз. Мы знаем, что Красная Армия защищает не только Советский Союз, но и будущее всего человечества. Мы обещаем помочь Советскому Союзу разгромить гитлеризм»⁷. Уже через неделю «Правда» проинформировала своих читателей еще об одной публикации «Русского голоса», посвященной митингу нью-йоркского союза русских, польских и украинских портных. На этом собрании также приветствовалась Красная Армия, которой портные единодушно желали полной победы⁸.

Осенью 1941 г., когда ситуация на фронте на московском направлении становилась все более тревожной, «Правда» еще несколько раз обращалась к публикациям «Русского голоса». Необходимо было вселить в советских людей надежду на то, что враг может быть остановлен. Для этого очень важно было показать, что прогрессивная общественность всего мира желает победы над нацизмом и готова помочь нашему народу. Со ссылкой на «Русский голос» «Правда», например, сообщала: русские организации в американских штатах Коннектикут, Нью-Джерси, Пенсильвания и др. собрали 2 тысячи долларов для Красной Армии, «Общество имени Чернышевского» в Нью-Йорке – 2700 долларов, Общество имени Радищева – 1300 долларов⁹. А уже через несколько недель была перепечатана информация «Русского голоса», из которой явствовало, что состоявшийся в США «Американо-славянский конгресс» объявил о полной поддержке политики помощи Советскому Союзу»¹⁰.

Но, пожалуй, еще более показателен другой факт. На страницах «Правды» можно было встретить даже информацию о статьях, которые публиковались в годы войны в главной газете Русского Нью-Йорка – «Новом русском слове». Конечно, изложение материалов этой либеральной антикоммунистической газеты встречалось в «Правде» гораздо реже, чем ссылки на статьи «Русского голоса». Тем не менее, даже главная газета Советского Союза не могла игнорировать ту патриотическую позицию, которую заняла редакция «Нового русского слова» в годы войны. В сентябре 1941 г. «Правда» сообщила о публикации в «Новом русском слове» статьи русского священника

Шепелева (Чепелева), выступившего с предложением созвать съезд представителей 7 русских организаций, объединявших 200 тысяч человек, для разработки мероприятий по оказанию помощи Советскому Союзу. Шепелев призывал к «полному единству русских и американцев в деле защиты Советского Союза». Одновременно «Общество русских братств» в США приняло решение собрать 50 тысяч долларов в фонд борьбы против гитлеризма¹¹. А уже через три недели, в период генерального наступления немцев на Москву, «Правда» перепечатала сообщение главной газеты Русского Нью-Йорка о том, что возглавляемый священником Стефаном Варзалий «Союз карпатских украинцев» заявил о «твердой уверенности в окончательной победе Советского Союза»¹².

И в то же время нельзя не сказать о другой стороне проблемы. Публикуя все эти материалы, «Правда», как правило, старалась не замечать, что патриотическую позицию в годы Великой Отечественной войны заняли многие старые «белоэмигранты», которых в течение 20 лет клеймила как пособников иностранных интервентов советская пресса. Главной коммунистической газете мира было очень трудно писать о том, что убежденные антикоммунисты оказались пламенными патриотами России, желавшими победы Красной Армии над гитлеровскими войсками.

Вторая мировая война привела и к формированию новой, второй волны эмиграции из СССР. Среди эмигрантов этой волны были люди с разными судьбами, принадлежавшие до войны к разным слоям населения Советского Союза. Одной из важнейших составляющих этой волны стали оказавшиеся в плену военнослужащие Красной армии. Статистика численности советских военнопленных весьма противоречива. Как известно, еще в годы Великой Отечественной войны советское руководство неоднократно заявляло, что германское командование преувеливало в политических целях количество взятых в плен бойцов Красной Армии. Одним из примеров этого является сообщение Советского информбюро под названием «Как немецкие генералы фабрикуют “русских военнопленных”», где подчеркивалось: «Вконец изолгавшееся командование гитлеровской армии неоднократно публиковало в своих “специальных” и “чрезвычайных” сообщениях фантастические

данные о якобы захваченных немцами в плен красноармейцах. Советское информбюро в свое время разоблачило махинации гитлеровцев, их технику лживых “подсчетов”, когда гитлеровцы систематически объявляют военнопленными все взрослое население занятых немцами советских сел и городов, угоняемое в тыл или насильно мобилизованное ими на разные тяжелые работы»¹³.

В целом данные советских официальных источников говорят о более чем 4 млн военнопленных (по немецким источникам этот показатель превышает 5,7 млн чел.)¹⁴. Нужно учитывать, однако, такой фактор, как исключительно высокая смертность советских военнопленных в нацистских лагерях: очень многие из них не дожили до конца войны. В годы войны в советской прессе постоянно появлялись статьи, где сообщалось о негуманном обращении с советскими военнопленными в нацистских лагерях, сокращении и без того мизерных норм продовольственного снабжения, массовом голоде среди пленных, неоказании им медицинской помощи, расстрелах пленных немцами за нарушение строя и медленное выполнение приказа и т. д. Только «Правда» зимой 1941–1942 гг., например, поместила около десятка статей такого рода¹⁵. Однако, те из военнопленных, кто выжил (по данным из советских источников, на 1 января 1945 г. в немецком плену оставалось около 930 тыс. солдат и офицеров¹⁶), далеко не всегда стремились вернуться в СССР, зная отношение советского руководства к побывавшим в плену бойцам Красной армии, репрессии в отношении членов их семей в соответствии с приказом НКГБ, НКВД и Прокуратуры СССР от 28 июня 1941 г.

Помимо военнопленных, среди эмигрантов второй волны оказалась и часть «остарбайтеров» – гражданского населения, угнанного на работы в Германию в годы войны. Особенно активно проходила мобилизация населения с оккупированных территорий в 1942–1943 гг. Общая численность советских «восточных рабочих» составляла около 4,8 млн человек (П.М. Полян приводит цифру 4,1 млн чел. с учетом т. н. «западников»)¹⁷. Большая их часть работала на крупнейших германских монополиях: как указывал уральский историк В.М. Шуплецов, доля иностранных рабочих и военнопленных на сталелитейных предприятиях Круппа и Флика составляла около 50 %¹⁸. По воспоминаниям командующего 1-м Украин-

ским фронтом маршала И.С. Конева, угнанные в неволю люди весной 1945 г. «радостно приветствовали» наступавшие советские войска¹⁹. Однако нередко впоследствии их настроение менялось, когда они узнавали об отношении советской власти к бывшим «восточным рабочим», о необходимости прохождения через многочисленные унижительные проверки.

Вопрос о том, с какими настроениями ехали «восточные рабочие» в Германию, уже неоднократно становился предметом дискуссий в исторической литературе. Любопытное описание «остарбайтеров» содержится в воспоминаниях эмигранта первой послереволюционной волны, видного деятеля Народно-трудового союза (НТС) А.С. Казанцева²⁰: «Начиная с декабря 1941 года, на вокзалах и улицах больших городов в Германии все чаще и чаще можно было наблюдать необычайное зрелище – траурные процессии привезенных на работу в Германию русских людей. Первые партии ехали добровольно. Люди старались уйти от близкого большевизма – “Бог его знает, как будет колебаться фронт”, – от наступающего кое-где голода, да и поучиться у Европы уму-разуму, главным образом техническому... Поток добровольцев скоро кончился, потому что ни одно обещание не исполнялось – привозили, загоняли за проволоку в лагерь и заставляли работать без просвета. Того, кто мечтал поучиться на немецком заводе у фрезерного станка, гнали копать землю, инженера-электрика – таскать грузы, а преподавателя музыки – “как не поедешь? Ведь страна Моцарта, Бетховена и прославленных консерваторий!” – возить на тачке стальные болванки. Вести об этом скоро дошли, конечно, и до родных мест. Эти первые транспорты и были последними добровольными. Следующих привозили уже как военные трофеи, под стражей, свирепо разговаривающей окружающих зевак...»²¹.

На наш взгляд, вряд ли можно согласиться с заявлениями А.С. Казанцева о том, что большинство остарбайтеров были «естественными сторонниками» генерала А.А. Власова, поскольку «ненавидели и большевиков, и Гитлера». Спорным нам представляется и тезис А.С. Казанцева о добровольности пребывания в Германии первых «остарбайтеров», хотя, несомненно, что такие факты имели место. Впрочем, сам старый деятель НТС признавал, что очень быстро поток добровольцев иссяк, и возобладала практика принудительной отправки населения оккупированных территорий СССР в Германию.

Бесспорен, однако, тот факт, что остаться на Западе после войны стремились отступившие вместе с частями немецкой армии коллаборационисты – лица, сотрудничавшие с нацистами на оккупированных территориях СССР или воевавшие на стороне гитлеровской Германии. Естественно, после разгрома нацизма бойцы власовской армии, например, стремились избежать возвращения в СССР.

Таким образом, вторая волна эмиграции из СССР могла бы иметь весьма большие масштабы. Однако, советское руководство активно проводило политику репатриации в СССР советских граждан. Специально для этого в структуре СНК СССР было создано Управление уполномоченного по делам репатриации во главе с генерал-полковником Ф.И. Голиковым. Относительно причин проведения Советским Союзом целенаправленной политики репатриации интересное мнение высказал уральский исследователь А.С. Смыкалин, отметивший, что допуск в страну репатриантов должен был прежде всего повысить авторитет СССР в глазах мирового сообщества: «Страна-победительница принимает своих бывших сограждан с распростертыми объятиями»²². Играли роль, на наш взгляд, и иные соображения, в частности, опасение, что оказавшиеся за пределами Родины граждане СССР примут участие в антисоветских акциях.

Одним из наиболее известных исследователей проблемы репатриации является британский исследователь Н.Д. Толстой²³, чья опубликованная впервые в 1970-е гг. на Западе работа «Жертвы Ялты» сразу же получила неоднозначную оценку общественности. Со многими высказываниями Н.Д. Толстого, на наш взгляд, согласиться трудно. Тем не менее, нельзя не обратиться к его точке зрения на данную проблему: «Прежде всего, следует отметить, что советское правительство считало всех советских граждан, временно вышедших из-под его контроля, предателями, независимо от обстоятельств, которые привели их за границу, и независимо от того, как вели себя эти люди в другой стране... Любой человек, ухитрившийся краешком глаза взглянуть на жизнь за пределами социалистической шестой части суши, немедленно оказывался на подозрении... В репатриационных миссиях чекистам был предоставлен небывалый простор для выполнения их разнообразных задач. Там же, где полной свободы действий не было, прибегали

к внедрению тайных агентов, запугиваниям, угрозам, шантажу. Впрочем, для поимки тех, кто был признан советским гражданином, никаких сверхъестественных усилий не требовалось: англо-американцы с величайшей готовностью выдавали их сами, задача же сотрудников миссий сводилась к тому, чтобы склонить максимальное число пленных к «добровольному возвращению» на родину»²⁴.

Юридическим основанием для политики репатриации служили решения Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, состоявшейся в феврале 1945 г. Было решено обеспечить «быструю репатриацию всех военнопленных и гражданских лиц». Кроме этого, на основе подготовленного У. Черчиллем проекта было достигнуто соглашение о взаимной выдаче военных преступников²⁵. Необходимо отметить, что СССР стремился приравнять коллаборационистов к военным преступникам. Об этом свидетельствовал, например, проект резолюции о беженцах, внесенный советскими представителями в ООН в феврале 1946 г., где отмечалось: «Квислинговцы, предатели и военные преступники, как лица, запятнавшие себя сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций, не должны рассматриваться как беженцы, которые могут пользоваться покровительством Объединенных Наций»²⁶. Таким образом, здесь не только происходило объединение коллаборационистов и военных преступников в одну категорию, но и наблюдалось четкое противопоставление их беженцам. Выдача коллаборационистов была предусмотрена СССР и в мирных договорах, заключенных с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией, Финляндией²⁷.

Очевидно, важным фактором, который обусловил готовность Запада в Ялте пойти на уступки Советскому Союзу, было давление части общественности в Великобритании и США, рассматривавшей нашу страну в качестве союзника в борьбе против нацизма. Вместе с тем, такая политика Ф. Рузвельта и У. Черчилля впоследствии подвергалась резкой критике со стороны некоторых западных историков и публицистов. Характерно высказывание Ф. Хэрбатта, сравнивавшего Ялтинские соглашения с Мюнхенским «сговором» западных демократий и Гитлера²⁸.

Вопрос об отношении к проводимой Советским Союзом политике репатриации вызывал дискуссии в среде политиче-

ской элиты западных стран. Как отмечали британский историк Н. Бетелл и упомянутый выше Н.Д. Толстой, серьезная полемика шла по этому вопросу в правительстве Великобритании. Если У. Черчилль еще летом 1944 г., в период подготовки конференции в Ялте, высказывал сомнения в необходимости содействия Советскому Союзу в проведении насильственной репатриации, то министр иностранных дел А. Иден выступал за уступки руководству СССР в этом вопросе²⁹. Именно на последнем, по мнению ряда исследователей, лежит значительная часть вины за то, что многие советские граждане были в принудительном порядке выданы британскими войсками СССР.

Ключевую роль в определении параметров политики репатриации сыграли переговоры в Галле в мае 1945 г. Советскую делегацию там возглавлял председатель Ставки Верховного Главнокомандования – заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-лейтенант К.Д. Голубев, делегацию союзников – представитель Верховного Главнокомандования союзных экспедиционных войск генерал Р.В. Баркер. Как отмечает известный отечественный исследователь данной проблемы В.Н. Земсков, с рядом пунктов предложенного К.Д. Голубевым плана Баркер не согласился. Так, он решительно выступил против формулировки, требовавшей возвращения в СССР всех без исключения советских граждан. Кроме того, «в категоричной форме» союзники отказались производить передачу советских граждан по спискам и актам. Несмотря на эти и некоторые другие разногласия, 22 мая советский план с небольшими и непринципиальными поправками был принят. Союзники поставили подписи под документом, закрепляющим принцип обязательной репатриации советских граждан. Они обязаны были передать СССР всех советских перемещенных лиц (как «восточников», так и «западников»). Однако, как указывает В. Н. Земсков, «союзники с самого начала негласно освободили от обязательной репатриации “западников”, а примерно с сентября – октября 1945 г. – и “восточников”. В результате большинство лиц, не желавших возвращаться на Родину, и часть колеблющихся, находившихся на подконтрольной союзникам территории, уклонились от обязательной репатриации и остались на Западе. Впоследствии англо-американские службы нередко старались задержать у себя даже тех советских граждан, которые хотели вернуться

в СССР. Что касается лиц, отнесенных к категории военных преступников, то бывшие союзники, случалось, передавали таковых Советскому Союзу даже после начала «холодной войны»³⁰.

Активно проводившаяся весной–летом 1945 г. репатриация носила зачастую откровенно насильственный характер, сопровождалась жертвами, известны случаи самоубийств среди тех, кто не хотел возвращаться в СССР. Широкий резонанс получила насильственная выдача СССР союзниками казаков в австрийском городе Лиенце. Информация об этом заставила командующего американскими войсками в Европе генерала Д. Эйзенхауэра в сентябре 1945 г. негласно распорядиться прекратить репатриацию. Одновременно в британской прессе усилились выступления против содействия репатриации³¹. В целом оно приняло более ограниченный характер. Ужесточение политики США и Великобритании в этом вопросе вызвало негативную реакцию СССР. Дипломатические представители СССР в 1946–1947 гг. неоднократно заявляли о том, что страны Запада препятствуют скорейшей репатриации советских граждан. Протесты по этому поводу делались, в частности, А.А. Громько на заседании Генеральной ассамблеи ООН в декабре 1946 г., А.Я. Вышинским на Московской сессии Совета министров иностранных дел в марте 1947 г. и др.³² В октябре 1947 г. А.Я. Вышинский обвинял США и Великобританию в укрывательстве военных преступников, в частности, офицеров дивизии СС «Галичина»³³. На наш взгляд, советские заявления такого рода прежде всего укладывались в логику начинавшейся «холодной войны» и свидетельствовали об ухудшении отношений между Востоком и Западом. Кроме этого, следует указать и на большую роль субъективного фактора в процессе репатриации, влияние личного отношения к этому вопросу конкретных американских и британских офицеров, на что неоднократно указывали мемуаристы. Характерен рассказ видного деятеля НТС Е. Романова³⁴, который в интервью с М.В. Назаровым вспоминал о деятельности советских репатриационных комиссий в Германии:

«Е.Р. Через некоторое время пошел разговор о нашей репатриации. Потребовалась проверка лагеря. Вот, мол, советская комиссия должна приехать и проверять советских граждан для репатриации.

М.Н. Это когда началось?

Е.Р. Вероятно, весной 1946-го, перезимовали мы спокойно.

М.Н. Лишь на следующий год? Но в других местах выдачи шли раньше, и очень активно...

Е.Р. Естественно. Но советских граждан нужно было обнаруживать – для этого требовалось время. До нас почему-то очередь дошла позже. И тогда Болдырев поехал к нашему знакомому генералу... нам назначили американского офицера, капитана Стюарта. Он, в общем, стал нашим защитником. Поселился он... в отельчике на перекрестке, около лагеря. У него там бюро было, и когда туда приехала репатриационная комиссия – он заранее нас предупредил. И он всегда присутствовал при беседах комиссии.

А советские приехали, уже наученные опытом – с польским офицером, с югославским офицером, чтобы проверять наши показания. Всего их пять человек было. Они потребовали всех опросить, посмотреть документы и так далее. Но поскольку мы знали заранее об этом, то А.И. Данилов, “крупный специалист по фальшивкам”, создал целое бюро...

М.Н. Что значит “специалист по фальшивкам”?

Е.Р. Он у нас хорошо “маршфебели” подделывал еще при немецких властях... И вот стали делать фальшивые бумажки, которые доказывали бы, что человек из Югославии, из Польши и жил там еще до войны – такие люди не подлежали выдаче в СССР. Плюс была целая комната такая, где была карта развешана и где людей натаскивали. Например: “Где Вы жили? – В Белграде”. А из Белграда были эмигранты, члены Союза, и они объясняли, что мы могли работать там-то и многое другое... Нужно сказать, что это героическая работа была. А почему советским нужны были польский и югославский офицеры – потому что они язык проверяли. Правда, если легенду связывали с Польшей, то годился и украинский. Я, например, по-польски не молвлю, значит в моем случае – западная Украина. Отрабатывались все варианты... Калмыки же все делали просто – они одного и того же калмыка посылали как эмигранта из Франции, переодевая и гримируя его, и тот выдавал себя то за одного, то за другого... Конечно, и Стюарт не давал советским особенно расхотиться, обрывал их, что здесь не допрос, мол, задали один вопрос и хватит. В основном это благодаря ему у нас более-менее все довольно благополучно прошло.

М.Н. Он из политических симпатий это делал?

Е.Р. Да. Ну вот, это пережили мы, комиссия уехала. Не без конфликта со Стюартом. Он возмутился: мол, в конце концов, сколько можно допрашивать, отвлекать людей, ведь у нас не просто лагерь, а рабочий, люди работают на американских объектах, поэтому не морочьте нам здесь голову.

М.Н. Это была единственная попытка вашей репатриации?

Е.Р. Да, на этом все кончилось»³⁵.

Прекращению содействия со стороны Запада репатриации советских граждан способствовало осложнение отношений с СССР во второй половине 1940-х гг. в результате начала «холодной войны». В 1947 г. было аннулировано соглашение о взаимной репатриации между СССР и Францией, ликвидированы существовавшие во Франции советские репатриационные лагеря (по данным Н. Росса, их насчитывалось 70)³⁶.

Исключительно сложной является проблема мотивации репатриантов. Поскольку репатриация представляла собой целенаправленную политику советского руководства, то большую роль играл фактор ее пропагандистского обеспечения. Были задействованы средства массовой информации, выпускались специальные газеты, распространявшиеся среди советских «перемещенных лиц». Так, в Швейцарии выходила газета «На Родину», которая была нацелена на формирование у советских граждан репатриационных установок. Создатели газеты настойчиво внушали советским «перемещенным лицам» («ди-пи»): «Мы должны быть готовыми каждый час к отправке на нашу любимую Отчизну, где нас ждут, где о нас заботятся»³⁷. Одновременно заметно стремление изолировать «перемещенных лиц» из СССР от западного общества, не допустить проникновения в их сознание элементов либеральной идеологии. Как известно, именно боязнь того, что репатрианты станут носителями таких идей, была одной из причин настороженного отношения к ним со стороны официальных властей СССР. Уже в 1945 г. советские пропагандисты внушали «ди-пи»: «За рубежами родной страны советский человек попадает в чужую ему и сложную обстановку. Во многих местах враг притаился, действует коварными способами, нападает из-за угла. За маской фальшивой любезности скрыт волчий оскал фашиста». Поэтому, делался закономерный (в данной системе координат) вывод: «Повышенная бдительность обязательна для советского

человека за рубежом. За рубежом советский человек попадает в атмосферу частнособственнической наживы, спекуляции, хищнических инстинктов, проституции, оскорбительного неуважения к человеку. Ни одна пылинка этой грязи не должна приставать к советскому человеку!»³⁸.

В пропаганде репатриации в СССР приняли участие и некоторые деятели культуры, популярные среди эмигрантов и советских людей. Так, в 1949 г. с призывом возвращаться на Родину обратился к «ди-пи» А.Н. Вертинский, сам в годы войны вернувшийся в нашу страну. В открытом письме «Мои заграничным друзьям», опубликованном в просоветской газете «Русский голос», он подчеркивал: «Сегодня меня слушают русские люди. Многих я знал. Еще больше знали меня. Я никогда не лгал. 30 лет в эмиграции я пел о том, что Родина прежде всего... Время от времени до меня долетают отголоски той грязной, лживой и крикливой шумихи, которую поднимают за рубежом наши враги в своих попытках оплевать и оклеветать нашу великую Советскую Социалистическую Родину. В этих попытках они не брезгают ничем. Все средства для них хороши, если они ведут к цели. С этой точки зрения даже мое скромное имя используется ими как материал для гнусной антисоветской пропаганды. Так, например, за эти пять лет, что я живу в Советском Союзе, меня уже трижды “хоронили”. То меня “расстреляли” на первой же станции советской при возвращении из Китая, то я “умер в концлагере” от изнурительного труда где-то в Магадане, то “покончил с собой” в Москве, как утверждали нью-йоркские газеты... Все это говорит о необыкновенном скудоумии и отсутствии всякой фантазии у авторов этих наивных и однообразных инсинуаций... Нет, я не торгую ни газетами, ни собой, как торгуют некоторые зарубежные “патриоты” в кавычках. Я творю и пою своему народу и получаю за это такую благодарность и любовь, которой за границей не купишь ни за какие деньги... Я уже говорил вам, что у меня просторная светлая квартира в центре Москвы, на улице Горького (бывшая Тверская). У меня прекрасная мебель, которую я купил на свои заработанные деньги, заработанные не спекуляцией на бирже, не эксплуатацией людей, а честным трудом актера высшей квалификации, который оплачивается очень высоко, как всякий квалифицированный труд в нашей стране... Я живу со всем комфортом,

который может себе позволить человек. У меня есть и радио, и рефрижератор, и рояль Бехштейна, который мне подарило правительство, на котором я работаю и занимаюсь. Скоро у меня будет собственная дача... Повторяю вам, я считаю себя абсолютно счастливым человеком. У меня есть Родина, семья и благородный любимый труд. Чего же мне еще желать? Впервые за всю свою длинную бродячую жизнь я узнал, что такое «свой собственный угол», что такое свой честно заработанный кусок хлеба, хлеба моей Родины. Это не тот хлеб, который зарабатываешь в чужой стране, все время чувствуя себя иностранцем. Нет, это мой собственный хлеб, не тот, которым давится человек со слезами на глазах... Советские граждане, находящиеся еще за рубежом на положении перемещенных лиц, не верьте нашим врагам, которые стараются отравить вас ядом клеветы, лжи и ненависти к Советскому Союзу. Верьте своему чувству патриотов, помните, что вы дети своей Великой Родины, что вы должны вернуться в свой отчий дом для того, чтобы жить и помогать своей дорогой и любимой матери»³⁹. На наш взгляд, мнение таких популярных деятелей культуры оказывало существенное влияние при принятии эмигрантом решения о репатриации.

В итоге после Второй мировой войны действительно произошло добровольное возвращение на Родину части представителей первой послереволюционной волны эмиграции, связанное с патриотическими настроениями, вызванными победами Красной Армии. У некоторых эмигрантов существовали и надежды на изменения в политике советской власти после войны. Как уже отмечалось, основания для этих надежд, казалось, давала политика руководства СССР в годы Великой Отечественной войны. Всего во Франции в 1945 г. пожелало вернуться в СССР 11 тыс. эмигрантов, в Югославии – 6 тыс.⁴⁰

Важным является вопрос о мотивации добровольных репатриантов. Главную роль играли здесь чувства ностальгии по Родине, ощущение психологического дискомфорта в период пребывания за границей. Очень четко написал об этом начальник канцелярии генерала А.А. Власова полковник К.Г. Кромиди в письме своему соратнику по власовской армии Н.А. Троицкому: «Будьте счастливы, если чужбина может дать счастье человеку! Ведь недаром советские рабовладельцы, желая получить эмиграцию, уверяют ее в том, что родина прощает

и зовет своих заблудившихся и провинившихся сынов домой. А они лучше, чем кто-либо другой знают, какого червяка надо насадить на удочку, чтобы поймать уставшие эмигрантские души»⁴¹. Искренним нам представляется письмо эмигрантки К.А. Мозжухиной в посольство СССР во Франции, которое отражает ее огромное желание вернуться на Родину: «Рвусь к работе – как можно скорее быть с дорогим народом нашим и работать, скорее работать, пока могу передавать знания, все, что имею, дорогому родному народу моему... Я очень устала и физически, и морально»⁴². Ностальгические настроения были характерны в этот период и для известного писателя А.М. Ремизова, отмечавшего в одном из писем Н.В. Кодрянской: «Все думаю, и душа плачет. Хочу домой на старое вернуться»⁴³.

Вместе с тем, определенное значение имели, бесспорно, политические взгляды эмигрантов и их осведомленность о ситуации в СССР. Так, неудивительно, что член Французской компартии с конца 1930-х гг. Ю.М. Феличкин в 1946 г., по его словам, «начал готовиться к отъезду на Родину». Однако интересно, что даже его одолевали сомнения: «Все было крайне туманно... Когда? И вообще – пустят ли? И чем я займусь на Родине?»⁴⁴.

Источники свидетельствуют: даже многие из тех эмигрантов, которые открыто симпатизировали Советскому Союзу, не были уверены в том, что им разрешат вернуться на Родину. Опасения у них прежде всего вызывала позиция власти. Что же касается простых советских людей, то общение с ними зачастую внушало эмиграции оптимизм. Проживавший во Франции А.П. Марков, например, писал в ноябре 1944 г. Е.В. Саблину: «Здесь у нас в городе живут временно советские солдаты и офицеры, бежавшие из немецкого плена. С ними у меня установились добрые отношения. Я читал им несколько лекций и, что называется, выдержал экзамен по “политграмоте”. Я убедился, что с народом советским жить можно и – нетрудно. Но те, кого я видел, не руководящие, а подчиняющиеся. Что касается руководящих, то относительно возвращения на Родину ничего определенного от них не узнаешь»⁴⁵.

Советское руководство, используя лозунг «возвращения на Родину» в пропагандистских целях, далеко не сразу разрешало вернуться старым «белоэмигрантам». Так, П.А. Оболенский

вспоминал, что после отправки трех партий репатриантов из Франции советское правительство объявило, что «отправка на родину временно прекращена» и в течение нескольких лет никто не получил разрешения⁴⁶. Лишь в 1975 г. смог вернуться в СССР бывший товарищ (заместитель) военного министра Временного правительства генерал В.А. Яхонтов, который еще в начале 1920-х гг. добивался разрешения на это через своего старого товарища известного советского военачальника С.С. Каменева. После войны даже посол СССР в США ходатайствовал за В.А. Яхонтова, но советское правительство неоднократно давало отказ⁴⁷.

В отдельных случаях активная репатриация в СССР происходила и значительно позже, в начале 1950-х гг. Проживавшая в Синьцзянь-Уйгурском районе Китая Е.И. Софронова вспоминает: «Летом 1952 года, кто придумал такое движение, неизвестно, но только русская молодежь из Кульджи стала переходить через границу на сторону Советского Союза. Там их ловили и содержали где-то в определенном месте, но не наказывали. Убегала молодежь различными путями, кто как мог: кто пробирался по суше, кто находил такие места, где можно было перейти границу, или по реке переплывали на лодках. А вообще-то советские пограничники тогда очень строго следили за границей. Рассказывали люди, что там была не только проволочная изгородь, но также перепахивалась широкая полоса земли, чтобы на ней оставались следы ног. Рассказывали также, как кто-то придумал пограничников обмануть, привязав к рукам и ногам коровьи копыта, а добился ли он желаемого, я что-то не помню. В то лето много русской молодежи перешло советскую границу, в их числе была и одна из дочерей наших хозяев, но через несколько месяцев их всех вернули... Был ли переход границы молодежью рекламой того, чтобы им показать, что в Советском Союзе ничего плохого не происходит, мы не знали. Может быть, это было просто совпадение, но только сразу после этого все зашевелились, стали подавать прошения, чтобы им дали разрешение на въезд в Советский Союз. Да и открытая пропаганда шла со всех сторон: то показывались интересные фильмы о целине, то из советского консульства пугали людей, что граница закроется, или что в Китае русских не останется. Кроме того, родственники и друзья уговаривали нерешительных. По этой причине некоторые

семейства разделялись, когда муж хотел уехать, а жена не хотела или наоборот. Иногда молодежь в семье рвалась, а родители не хотели, а в народе были всякие толки, так что было очень трудно выбрать себе путь...»⁴⁸.

Уже к 1952 г. в СССР вернулось около 4,5 млн советских граждан и более 430 тыс. человек, ранее не являвшихся гражданами СССР (в основном – представителей первой волны эмиграции из Советской России). На Родине судьбы репатриантов складывались непросто. В соответствии с инструкциями о репатриации попавшие в немецкий плен офицеры РККА и лица, служившие в РОА, а также коллаборационисты направлялись в спецлагеря НКВД. Бывшие в плену рядовые РККА оказывались в сборно-пересыльных пунктах (СПП) Наркомата обороны, репатрианты из числа гражданского населения – в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) НКВД. О том, каковы были результаты «фильтрации», свидетельствуют, например, данные по Свердловской области. Так, только на 1 ноября 1946 г. местными органами МГБ было профильтровано 34.796 человек. Из них после этого арестовано 129 человек: 25 как «немецкие агенты», 74 – «изменники Родины», 30 – «прочие». Кроме этого, 2.955 человек находились в агентурной разработке органами госбезопасности⁴⁹.

Какие люди привлекали особое внимание органов госбезопасности? На этот вопрос нам помогают ответить документы Архива федеральной службы безопасности по Свердловской области. Они показывают, что советским спецслужбам нередко удавалось обнаружить информацию о сотрудничестве некоторых репатриантов с нацистами в годы войны. Формы этого сотрудничества могли быть самые разные, однако, все подобные случаи привлекали пристальное внимание сотрудников органов госбезопасности. Вот данные о некоторых бывших военнопленных и репатриантах, взятых в разработку УНКГБ-УМГБ по Свердловской области в 1946 г.

Сардаров – 1899 г. р., армянин. Работал главным инженером Райпромкомбината в Свердловске. В годы войны жил в оккупированном Орджоникидзе, итальянским комендантом города был поставлен директором кинотеатра «Колизей». Подчинялся зондерфюреру фон Треско из Германского бюро пропаганды. В возглавляемом им кинотеатре демонстрировались антисоветские фильмы.

Сапранков Ф.Д. Дал согласие сотрудничать с гестапо, но практическую деятельность в пользу гестапо скрыл. Впоследствии изобличен в том, что выдал гестапо комсомольца по имени Алексей, который затем был арестован гестапо. С 1941 г. – старший команды в лагере для военнопленных, выдал военнопленного Николая и еще нескольких заключенных.

Малышкин Г.Е. – 1918 г. р., уроженец Смоленской области, русский, образование 5 классов, с 1938 г. служил во флоте. Попал в плен в 1941 г. В 1942 г. завербован, обучался в немецких разведшколах, перебрасывался через линию фронта.

Селиванов Ф.А. – 1898 г. р., уроженец Ростовской области, из казаков, состоял в личной охране П.Н. Краснова. В годы войны на оккупированной территории работал помощником начальника районной полиции, руководил расстрелами.

Головина М.М. – 1924 г. р., уроженка Свердловской области, образование среднее. Окончила воздушно-десантную школу в Кунцево, радисткой заброшена в немецкий тыл. Задержана полицией, выдала остальных разведчиков и секретные шифры, позывные Москвы. Передала по заданию гестапо фиктивную радиограмму. Выполняла другие задания.

Морозов С.Н. – 1908 г. р., русский, образование 7 классов, в 1933 г. получил 10 лет ИТЛ по закону 7.08.1932. В сентябре 1941 г. попал в плен. С августа 1944 г. завербован в лагере для выявления коммунистов.

Рыбковский В.А. – 1924 г. р., образование 5 классов, уроженец Витебской области. В 1942 г. выехал на работу в Германию. Бежал от хозяина, пойман, согласился работать на гестапо. По его доносу арестован военнопленный-поляк, распространявший листовки.

Чеченев А.Е. – 1912 г. р., родился в Свердловской области, образование высшее техническое. В годы войны был в окружении. На допросе выдал секретные данные об уральских заводах. Составлял научные работы о промышленности и экономических возможностях СССР, выполнял чертежные работы.

Фольмер В.Ф. – 1899 г. р., уроженец Одессы, немец, образование высшее, инженер-строитель. В 1919 г. служил в Добровольческой армии белых. В 1941 взят в плен, принял немецкое гражданство, обучался на курсах Министерства восточных территорий. Работал на немецком военном заводе.

Аргинский Р.М. – 1919 г. р., татарин из Крыма, работал контролером ОТК. Прибыл в одиночном порядке. Рассказал, что его дед – помещик, отец – учитель, подвергался репрессиям НКВД. Сам был студентом Педагогического института в Симферополе, жил в общежитии. Не выселен немцами. Имел беседу с начальником гестапо, расклеил по его заданию листовки. Записался членом мусульманского татарского комитета в Евпатории.

Буцкий М.П. – 1924 г. р., уроженец Краснодарского края. Участвовал в боях против РККА, имеет Железный крест.

Волнянский М.Ф. – 1902 г. р., уроженец Днепропетровской области, среднее образование. Добровольно сдался в плен, дал сведения о своей воинской части. Работал корреспондентом газеты «Новое украинское слово», издававшейся при немцах в Ковно.

Большинство из перечисленных выше были советскими людьми, судьбы которых круто изменила Великая Отечественная война. Некоторые, правда, имели немало оснований быть обиженными на Советскую власть, возможно, таили на нее ненависть со времен Гражданской войны или массовых репрессий 1930-х гг.

Удалось выявить органам госбезопасности среди репатриантов и ряд лиц, служивших во власовской армии. Попав в плен, эти люди оказались по другую сторону от линии фронта. В основном это были рядовые РОА: большинство офицеров, конечно, выявлялись гораздо раньше. Таков, например, *М.А. Уразов* – 1907 г. р., уроженец Воронежской области. До войны он работал на оборонном заводе в Воронеже. Когда пришли немцы, не эвакуировался, «работал на немцев». Затем призван в РККА, сдался в плен. Служил в РОА⁵⁰. Рядовым власовцем был и *С.Н. Медведев* – 1926 г. р., уроженец Калининской области, 4 класса образования, из крестьян. С февраля 1943 г. – солдат санитарного взвода немецкой армии. С 1944 г. – в РОА, участвовал в боях на территории Бельгии и Германии. Успел послужить в немецкой армии и *А.Ф. Семененко* – 1907 г. р., уроженец Минской области, малограмотный. В годы войны он попал в немецкий плен, жил в оккупации, отступил с немцами. Служил поваром в немецком строительном батальоне. А вот *П.С. Косинцев*, как свидетельствовала собранная УНКГБ информация, имел у Власова даже офицерское звание. Ро-

дившийся в 1913 г., уроженец Новосибирской области, он, как и некоторые из перечисленных выше репатриантов, тоже познакомился с органами госбезопасности уже до войны. Сын кулака в 1939 г. был приговорен к 4 месяцам ИТЛ за прогул. В годы войны служил в РОА, окончил власовскую офицерскую школу в Бобруйске.

Интересно, впрочем, то обстоятельство, что в ряде случаев главным основанием для взятия человека «в разработку» были даже не его поступки в годы Великой Отечественной войны. Начавшаяся к середине 1940-х гг. «холодная война» диктовала уже иную логику действий советских спецслужб. Ряд репатриантов вызвали подозрение тем, что в их судьбах оказался «американский» или «британский» след. Таков, например, *Ц.А. Вацянов* – 1908 г. р., уроженец Эрзерума (Турция), имел высшее образование. В годы войны попал в плен, был завербован гестапо в лагере. Как подчеркивалось в спецсообщении, «освобожден американцами, обработан в духе невозвращения на Родину». Интерес вызвал и *В.П. Буйвило* – 1912 г. р., уроженец Барановичской области. В 1941 г. мобилизован в польскую армию и обучался военному делу в Англии. Как сообщают осведомители, в послевоенном СССР «вспоминал о своей положительной жизни в Англии». Имел основания быть обиженным на Советскую власть *И.Я. Яковлев* – 1918 г. р., уроженец Калининской области. В 1936 г. он был арестован НКВД (известно, что его дядя являлся бывшим архиереем). В годы войны попал в плен, работал телефонистом у немцев. После освобождения, как сообщали информаторы УНКГБ, якобы с американскими солдатами на самолете летал в Америку. Прямо разрабатывался УНКГБ как американский шпион *Е.Н. Алимтиев* – 1919 г. р., уроженец Кушвы. И он в годы войны попал в немецкий плен, но ему не повезло – был освобожден не советскими, а американскими войсками. После освобождения он вроде бы даже работал некоторое время в американской комендатуре, что и вызвало подозрения со стороны советских спецслужб.

Особняком стоят некоторые судьбы. Не может не обратить на себя внимание, например, *Г.Л. Миропольский* – 1912 г. р., уроженец Белой Церкви, еврей, бывший член ВКП(б) с 1932 г., образование высшее, по специальности инженер-механик. До войны он работал инженером-технологом. Интересен этот

человек тем, что в 1940 г. он окончил Высшую школу НКВД. До конца 1941 г. был сотрудником УНКВД СССР, после этого – в Особом отделе 52-й, а затем 2-й ударной армии в должности старшего оперуполномоченного. В 1942 г. попал в плен. Завербован гестапо, по данным спецсообщения УНКГБ выдавал в лагере политработников РККА. Сотрудником органов госбезопасности в прошлом был и *П.И. Морозов* – 1904 г. р., уроженец Верхней Салды, бывший член ВКП(б). На оперативной работе в ОГПУ – НКВД он провел все 1930-е гг., время массовых репрессий. Во время войны попал в плен, работал у фермера в Вильно. Жил под фамилией Иванов. Как было отмечено в спецсообщении УНКГБ, «некий Иванов, обстоятельства жизни которого и приметы схожи с Морозовым, разыскивается СМЕРШ». Таковы оказались в годы войны судьбы бывших сотрудников органов госбезопасности.

Оказались «на карандаше» сотрудников УНКГБ и две латышские женщины, ставшие советскими гражданками уже в ходе Второй мировой войны. *А.Я. Пургалис* – 1899 г. р., в 1934–1939 гг. являлась членом военной организации «Айзсарг». В 1942 г. в период немецкой оккупации вновь вступила в «Айзсарг», собирала продукты и теплые вещи для латышей, служивших в немецкой армии. Ее более молодая подруга, *Д.Г. Катланс* – 1906 г. р., в 1930-е гг. также была членом «Айзсарг». В период немецкой оккупации Латвии в 1942 г. она выдала двух красноармейцев, которые скрывались на хуторе, в 1944 г. – еще троих красноармейцев, бежавших из плена и зашедших к ней пообедать. Бесспорно, эти женщины не считали Красную Армию своей национальной вооруженной силой.

Но особый интерес, пожалуй, представляет судьба *К.И. Страховича* – 1908 г. р., уроженца Кронштадта, образование высшее. Это был довольно типичный представитель русской эмигрантской молодежи «первой волны». Его отец – крупный чиновник, эмигрировавший в 1917 г. К.И. Страхович жил в Дании, Германии, Франции, окончил русскую гимназию и Католический университет г. Лувен (Бельгия). С 1939 г. служил в Иностранном легионе (в Тунисе и Марокко). Как и многих других эмигрантов, в годы Великой Отечественной войны его охватил патриотический подъем, желание вернуться на Родину и помочь ей в борьбе с врагом. В 1944 г. он обратился

с просьбой о получении советского гражданства. Однако, совершил роковой шаг: по совету капитана Грашенского из советского посольства решил вернуться на Родину под видом военнопленного РККА, сменил фамилию на Шахович. Обман раскрылся, и подозрительный репатриант привлек пристальное внимание органов госбезопасности.

Документы, хранящиеся в Архиве Управления ФСБ по Свердловской области, помогают понять и политические настроения репатриантов. Как отмечалось в спецсообщении областного УМГБ, большинство репатрируемых было настроено «здорово, патриотически». Однако, встречались и иные высказывания:

«СССР – это страна рабов»;

«За что я работаю и мучаюсь?»;

«Это разве жизнь, в колхозе?»;

«Наживаются только руководители»;

«У нас рабочим продукты дают только овес и крупу, а в Германии получали все одинаково»;

«Руководители власти тянут с бедных»;

«В Германии народ культурный, в несколько раз грамотней, чем русский народ»;

«Рабочие живут как при царе в рабстве»;

«Живу хуже, чем жили нищие в царской России»;

«Все труднее становится жить»;

«Я бывал во многих странах и везде видел справедливость.

Работая там на заводе, я в сто раз жил лучше, чем сейчас живу в России»⁵¹.

Такие заявления становились одной из причин более пристального отношения к некоторым репатриантам со стороны спецслужб, которые брали их «в разработку».

Очень непросто, как позднее выяснилось, сложились в СССР и судьбы тех репатриантов, которые в годы войны активно участвовали во французском Сопротивлении, открыто симпатизировали Советскому Союзу. В 1947 г. французское правительство выслало из страны группу эмигрантов-деятелей «Союза советских граждан». Один из них, А.А. Угримов в своих воспоминаниях описывал, как поступили официальные власти СССР с высланными из Франции «советскими патриотами». Высланные были направлены в Бранденбургский репатриационный пункт, который выглядел так: «В сосновом

лесу ворота, вахта, территория обнесена колючей проволокой... Никакого надзора мы над собой не чувствовали, никто нас никогда и никуда не вызывал, не опрашивал и не беседовал с наводящими вопросами (насколько я знаю). Мы были “из ряда вон” выходящие, на особом счету и положении... Скоро мы получили белье, костюмы, пальто, шляпы, ботинки. Выдавали и какие-то деньги... И началось наше бренденбургское сиденье, довольно однообразное и скучное. И осталось о нем воспоминание какой-то фальши... Фальшивость была в нашем особом положении (ни то, ни се); фальшивость (невольная) и в нас самих – от этого не отстали и к тому не пристали. Это состояние как нельзя лучше выражено бюрократическим словом **резмигранты**, при помощи которого оформлялись касающиеся нас документы. “Как? – возмущались мы, – у нас же советские паспорта!”. “Федот, да не тот”, – это уже почувствовали. Конечно, это чистилище было организовано по всесоюзной схеме. Какое-то подобие КВЧ с библиотечкой, вахта, ограждение... Но, в общем, кроме официальных контактов с начальством, – никакого абсолютно общения не было ни с военными, ни со штатскими советскими гражданами...

Но вот в середине февраля нам объявили, что отправка наших семей задерживается и что мы поедем одни. Взяли наши паспорта... Наконец, подали состав к самому лагерю – все одни теплушки с двухъярусными нарами. Нам предоставили выбрать вагон. Была зима, стояли приличные морозы и там. Такой транспорт нас несколько с непривычки ошарашил... С нами ехали сопровождающий офицер, медсестра и конвой. Характерно, что пока ехали по Германии, никаких особых мер охраны не предпринималось, а бросилось в глаза, что как въехали в Польшу, так бойцы с оружием наготове не сходили с платформ... После пустынной тихой Польши при подъезде к Гродно нас поражает необычное оживление... Потом садимся в грузовые машины и с солдатами едем через грязные ухабистые улицы... Приехали в самый настоящий лагерь, с бараками-полуземлянками. Но и здесь нас встречают с почетом, как необычных “гостей”. Начальник (очень невзрачный) сильно старается нас устроить получше, для нас освобождают какое-то особое помещение (не то клуб, не то санчасть), где стоят деревянные, похожие на детские, кровати, заправленные чистым бельем, с подушками и одеялами».

Через некоторое время репатрианты получили возможность поехать в Москву: «Тронулись; поезд катит очень медленно и мягко, и это хорошо сочетается с пушистыми снежными волнистыми просторами за окном. В нашем вагоне публика подобранная, совсем не то, что на вокзале: как бы просеянная через решето, чистая. А какая – я еще не разбираюсь: скажем, советская. Напротив нас сидит гражданин в сером костюме. Постепенно завязывается разговор, из которого неожиданно выясняется, что он хорошо информирован о жизни в эмиграции; говорит о Бунине и о других видных людях. Назвался журналистом. От такого совпадения наших мест в купе в голову залезла сразу мысль, что наша бронь не случайна, может быть, и что внимание к нам надо понимать с другого бока»⁵².

По приезде в Москву А.А. Угримову было предложено переехать в Саратов на должность заместителя главного инженера мельницы, чтобы «освоиться с обстановкой, с условиями работы, не неся большой ответственности». После этого его обещали перевести в Москву в Институт зерна. Однако уже через два с половиной месяца, в июне 1948 г., А.А. Угримов был арестован. Рассказывая впоследствии в своих мемуарах о сути дела, по которому его арестовали, А.А. Угримов писал: «Каков был общий “сценарий”, мне неизвестно, так как я никаких подробностей о деле Андреева (сына писателя Л. Андреева. – прим. А.В. Антошина) не знаю. Но очень скоро я сперва почувствовал, а потом понял, что от меня хотят и чего ожидают. В двух словах это сводилось к следующему: Даниил Андреев здесь – крупный террорист; Вадим Андреев там – крупный агент американской и английской разведок; а я, также агент, приехал, чтобы установить связь между ними, и для этой цели меня и заслали в СССР под видом высылки... Поразила меня сразу грубость и топорность работы. Я рассчитывал встретиться с умным, тонким, всезнающим оператором, а пришлось иметь дело с тупой, грубой скотиной. Никакого знания граничных условий, эмигрантской жизни он (следователь. – прим. А.В. Антошина) не обнаружил и даже интереса к ним. Видимо, это не входило в его задачу и компетенцию. Все сводилось даже не к “докажи, что ты не верблюд”, а к “расскажи, как ты стал верблюдом”»⁵³. В итоге все закончилось для А.А. Угримова – участника французского Сопротив-

ления и члена Союза советских патриотов – знаменитой 58-й статьей Уголовного кодекса СССР, пункт 4-й, наказанием в виде 10 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Только после 8 лет, проведенных в лагере на Воркуте, после XX съезда КПСС, в 1956 г. А.А. Угримов был освобожден. Схожими оказались судьбы и некоторых других соратников А.А. Угримова по Союзу советских граждан во Франции. Так, например, И.А. Кривошеин уже в 1949 г. был осужден к 10 годам заключения в лагерях. Освободившись после смерти И.В. Сталина, он вновь эмигрировал во Францию.

Репрессиям в СССР подвергались и представители других групп послевоенных репатриантов. Были арестованы, например, некоторые (хотя, конечно, далеко не все) из тех, кто вернулся в Советский Союз из Китая. Немало свидетельств об этом содержится, например, в судебно-следственных делах репатриантов, которые хранятся в Государственном архиве административных органов Свердловской области. Так, принявший советское гражданство и вернувшийся в СССР в 1946 г. Е.Г. Алябьев был арестован по доносу провокатора и после многочисленных допросов признал, что сотрудничал с японской разведкой, за что был осужден на 25 лет ИТЛ. Лишь в 1959 г. приговор был отменен и Е.Г. Алябьев реабилитирован⁵⁴. Такие судьбы, к сожалению, были отнюдь не единичными. Но очень нелегко приходилось и тем, кто избежал ареста. Упомянутая выше жившая в Синьцзяне Е.И. Софронова вспоминает о начале 1950-х гг.: «В Советский Союз люди продолжали уезжать, и... мы оттуда получили залитое водой письмо, говорившее о том, что жизнь у них была очень трудной... Оказалось, что после того, как группы уезжающих на целину перевозились через Китайскую границу, их сразу же везли на нетронутую никем землю, на которой вообще ничего не было. Снимали их там с грузовиков и оставляли просто под открытым небом, а потом, как наши рассказали, им привезли немного леса для покрытия крыш и сказали: “Стройте себе жилища сами”. Делать было нечего, необходимость заставляла как-то выживать, и они стали рубить из земли пласты и складывать их один на один, сооружая таким образом стены для жилищ, которые потом накрыли крышами и так перезимовали. Когда весной вокруг начало таять, то на улице стала подниматься вода, и дошло до того, что она стояла в их жилищах.

Люди начали болеть и проситься переехать в город, но уезжать с целины никому не разрешалось, а когда кто-то тяжело заболел из наших родственников, то их семье кое-как удалось упросить своих начальников отпустить их. В городе они оказались совсем без денег, и хорошо еще, что у них были отрезки материи, которые они увезли из Китая. Благодаря им, на вырученные от продажи деньги, они смогли купить материалы для постройки своего дома»⁵⁵.

Непросто жилось в Советском Союзе и А. Вертинскому, который, как мы отмечали выше, после войны принял участие в пропаганде возвращения на Родину. Конечно, он избежал репрессий, однако постепенно все больше и больше ощущал те административные границы, в которых оказалось его творчество в СССР. В 1956 г. знаменитый артист вынужден был даже написать письмо заместителю министра культуры СССР С.В. Кафтанову. Это был настоящий «крик души» известнейшего русского деятеля культуры: «Я не вижу никого, к кому бы мог обратиться с моими вопросами, и не верю в человечность, внимательность, чуткость ни одного из ваших “больших” людей, потому что они слишком заняты другими, более важными государственными делами и их секретари никогда не положат на их стол мое письмо и вообще не допустят меня до них. Щадя время, учитывая их занятость и еще потому, что эти большие люди за 13 лет, что я нахожусь в Союзе, ни разу не удосужились меня послушать! Где-то там... наверху все еще делают вид, что я не вернулся, что меня нет в стране. Обо мне не пишут и не говорят ни слова, как будто меня нет в стране. Газетчики и журналисты говорят “нет сигнала”. Вероятно, его и не будет. А между тем я есть! И очень “есть”! Меня любит народ! (Простите мне эту смелость). 13 лет на меня нельзя достать билета! Я уже по 4-му и 5-му разу объехал нашу страну. Я пел везде – и на Сахалине, и в Средней Азии, и в Заполярье, и в Сибири, и на Урале, и в Донбассе, не говоря уже о центрах. Я заканчиваю уже третью тысячу концертов. В рудниках, на шахтах, где из-под земли вылезают черные, пропитанные углем люди, ко мне приходят за кулисы совсем простые рабочие, жмут мне руку и говорят: “Спасибо, что Вы приехали! Мы отдохнули сегодня на Вашем концерте. Вы открыли нам форточку в какой-то иной мир – мир романтики, поэзии, мир, может быть, снов и иллюзий, но это мир, в кото-

рый стремится душа каждого человека! И которого у нас нет (пока)". Все это дает мне право думать, что мое творчество, пусть даже не очень "советское", нужно кому-то и, может быть, необходимо. А мне уже 68-й год! Я на закате. Выражаясь языком музыкантов, я иду "на коду". Сколько мне осталось жить? Не знаю, может быть, три-четыре года, может быть, меньше. Не пора ли уже посчитаться с той огромной любовью народа ко мне, которая, собственно, и держит меня, как поплавок, на поверхности и не дает утонуть? Все это мучает меня. Я не тщеславен. У меня мировое имя, и мне к нему никто и ничего добавить не может. Но я русский человек! И советский человек. И я хочу одного – стать советским актером. Для этого и вернулся на Родину. Ясно, не правда ли? Вот и я хочу задать Вам ряд вопросов:

1. Почему я не пою по радио? Разве Ив Монтан, языка которого никто не понимает, ближе и нужнее, чем я?

2. Почему нет моих пластинок? Разве песни, скажем, Бернеса, Утесова выше моих по содержанию и качеству?

3. Почему нет моих нот, моих стихов?

4. Почему за 13 лет нет ни одной рецензии на мои концерты? Сигнала нет? Я получаю тысячи писем, где меня спрашивают обо всем этом. Я молчу. В декабре исполняется 40 лет моей театральной деятельности. И никто этого не знает. Верьте мне – мне не нужно ничего. Я уже ко всему остыл и высоко равнодушен. Но странно и неприлично знать, что за границей обо мне пишут, знают и помнят больше, чем на моей Родине! До сих пор за границей моих пластинок выпускают около миллиона в год, а здесь из-под полы все еще продают меня на базарах "по благу"! Мне горько все это. Я, собственно, ничего у Вас не прошу... Как стыдно ходить и просить, и напоминать о себе... А годы идут. Сейчас я еще мастер. Я еще могу! Но скоро я брошу все и уйду из театральной жизни... и будет поздно. И у меня останется горький осадок. Меня любил народ и не заметили его правители!»⁵⁶. Через год, в 1957 г., А.Н. Вертинского не стало...

Наряду с процессом возвращения эмигрантов на Родину в послевоенные годы наблюдались и встречные «потоки» людей, пытавшихся уехать из Советского Союза. Несмотря на противодействие советских властей, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. развивается феномен «перебежчиков» – советских

граждан, тайно ушедших на Запад и включавшихся в антикоммунистическую деятельность. Широкою известность имели имена офицера Советской военной администрации в Германии Г.П. Климова, написавшего о своем побеге книгу «Песнь победителя»⁵⁷, В.А. Кравченко – автора получившего большой резонанс произведения «Я выбрал свободу» с описанием сталинских репрессий и т. д. «Ушли на Запад» некоторые сотрудники советских спецслужб (шифровальщик И. Гузенко, резидент МГБ в Австрии В. Петров и др.)⁵⁸. Отношение США к таким людям претерпело некоторую эволюцию. Если сначала американцы настороженно относились к перебежчикам, то по мере ухудшения советско-американских отношений они начали стремиться вынудить советского гражданина остаться на Западе, используя эти факты в антикоммунистической пропаганде.

В конце 1940-х – 1950-е гг. СССР проводил репатриацию иностранных военнопленных, находившихся на его территории. Данная проблема в последние годы нашла отражение в историографии⁵⁹. Отметим, что репатриацией поляков пытались воспользоваться некоторые советские граждане, стремившиеся эмигрировать из СССР. В основном это касалось советских женщин, заключивших браки с поляками. Как отмечалось в спецсообщения УМГБ по Свердловской области в 1946 г., на 10 апреля 1946 г. в Свердловской области польскими гражданами было подано 4220 заявлений на выезд в Польшу. Из них рассмотрено 4205, удовлетворено 4197. Кроме того подано 317 заявлений от их родственников-граждан СССР, не удовлетворено 2. К апрелю 1946 г. уже уехало в Польшу 2 эшелона, в которых находилось 2541 человек. Сотрудниками спецслужб были зафиксированы различные высказывания репатриантов:

«Подавая заявление о выходе из советского гражданства и выезде в Польшу, я совершил большую глупость» (рабочий Штехенберг)

«Здесь не жизнь, а каторга... В Польше мы будем жить гораздо лучше, чем здесь» (рабочий Шафранович)⁶⁰

Некоторые советские граждане пытались использовать эту возможность, чтобы уехать из СССР по политическим и экономическим мотивам. Характерны высказывания бывшего шофера «Тагилстроя» В.А. Гордеева, зафиксированные сек-

ретным сотрудником НКГБ в Свердловской области в 1946 г.: «Я являюсь инженером-механиком, знаю хорошо английский язык, был репрессирован в 1929 и вторично в 1937 г. ...Для меня вопросом жизни является выезд из СССР за границу и я готов на все, чтобы это осуществить. У меня имеется несколько изобретений, которые я хочу использовать именно за границей... Я имею возможность получить паспорт, где будет указано, что я родился, например, в г. Лодзь, а также могу вступить в брак с польской подданной»⁶¹. В.А. Гордееву не удалось осуществить свои намерения, однако, очевидно, некоторые советские граждане пошли по этому пути эмиграции из страны.

Таким образом, отношение советского руководства к эмигрантам в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы диктовалось прежде всего политическими соображениями. Власти СССР умело использовали симпатии части эмигрантов к Советскому Союзу сначала для того, чтобы получить помощь в борьбе против нацизма, а затем для усиления своих позиций в «холодной войне». Однако, многие из тех, кто поверил в искренность намерений советского руководства, впоследствии, к сожалению, раскаялись в этом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда. 1941. 11 июля.

² Правда. 1941. 12 июля.

³ Правда. 1941. 20 июля.

⁴ Правда. 1941. 14 июля.

⁵ Правда. 1941. 27 сентября.

⁶ Правда. 1942. 4 января.

⁷ Правда. 1941. 14 июля.

⁸ Правда. 1941. 20 июля.

⁹ Правда. 1941. 7 сентября.

¹⁰ Правда. 1941. 27 сентября.

¹¹ Правда. 1941. 7 сентября.

¹² Правда. 1941. 27 сентября.

¹³ Правда. 1942. 1 января.

¹⁴ См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ.ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993. С. 338; Судьба

военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. С. 127.

¹⁵ См.: Издевательства гитлеровцев над советскими военнопленными в Норвегии // Правда. 1942. 3 января; Фашистские мерзавцы сжигают пленных красноармейцев // Правда. 1942. 13 января; Гитлеровцы расстреливают советских военнопленных // Правда. 1942. 20 января; Расстрелы пленных красноармейцев в Норвегии // Правда. 1942. 7 февраля; Зверские издевательства гитлеровцев над советскими военнопленными // Правда. 1942. 8 февраля; Чудовищные издевательства гитлеровцев над пленными красноармейцами в Норвегии // Правда. 1942. 13 февраля; Издевательства над советскими военнопленными в Румынии // Правда. 1942. 18 февраля; Зверское обращение гитлеровцев с пленными красноармейцами // Правда. 1942. 28 февраля.

¹⁶ См.: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. С. 452.

¹⁷ См.: Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР... С. 95; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. С. 133.

¹⁸ См.: *Шуплецов В.М.* Насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии (1941–1945): Автореф.дис... канд.ист.наук. – Пермь, 1983. С. 14.

¹⁹ См.: *Конец И.С.* Сорок пятый. – М., 1970. С. 168.

²⁰ *Казанцев Александр Степанович (1908–1963).* Родился в Челябинске. Вместе с кадетским корпусом, в котором учился, попал в эмиграцию. Жил сначала в Китае, а с 1924 г. – в Югославии. Член НТС с 1930 г. Учился в кадетском корпусе и на юридическом факультете Белградского университета, зарабатывая на жизнь игрой на гитаре в ресторанах. В 1940–1941 гг. редактировал центральный орган НТС «За Россию» и журнал «Огни». Во время войны содействовал «власовской акции», был лично знаком с А.А. Власовым, являлся заместителем редактора власовской газеты «Воля народа». После войны сотрудничал в «Посеве», редактировал «За Россию». В 1952 г. начал работать на «Голосе Америки». В 1954 г. вышел из НТС. С 1955 г. работал в русской редакции Радио «Свобода». Умер в Мюнхене.

²¹ *Казанцев А.С.* Третья сила. – М., 1994. С. 205–209.

²² *Смыкалин А.С.* Вопросы репатриации в СССР (на материалах Свердловской области) // Клио. – СПб., 1999. № 3(9). С. 285.

²³ *Толстой-Милославский Николай Дмитриевич (р. 1935).* Родился в Кенте (Англия). Его прадед по отцу – двоюродный брат Л.Н. Толстого. Отцу удалось эмигрировать из Советской России в 1920 г. В 1961 г. окончил Тринити-колледж в Дублине, специализировался в области современной истории и политических теорий. Автор исследования о роде Толстых, нескольких исторических работ и романов. Пять лет изучал документы и вел опросы уцелевших участников и свидетелей репатриации в СССР. Книга «Жертвы Ялты» впервые напечатана по-английски

в 1978 г., вслед за чем выдержала несколько изданий в Англии и США. Вторая книга по данной тематике – «Министр и расправа» – вышла в 1986 г. и вскоре после этого подверглась цензуре властями Великобритании. На русском языке книга «Жертвы Ялты» впервые вышла в 1988 г. в серии «Исследования новейшей русской истории», основанной А.И. Солженицыным (Издательство YMCA – Press, Париж).

²⁴ Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. – М., 1996. С. 457–470.

²⁵ См.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). – М., 1984. С. 170, 211.

²⁶ Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Док-ты и мат-лы. – М., 1952. С. 226.

²⁷ См.: Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Док-ты и мат-лы. – М., 1952. Ч. 1. С. 85, 211, 253, 292, 331.

²⁸ См.: *Harbutt F.J.* The Iron Curtain. Churchill, America and the origins of the Cold War. – New York, 1988. P. 82.

²⁹ См.: Бетелл Н. Последняя тайна. Лондон, 1974. С. 12; Толстой Н.Д. Указ.соч. С. 57.

³⁰ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41.

³¹ См.: Толстой Н.Д. Указ.соч. С. 406.

³² См.: Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Док-ты и мат-лы. – М., 1952. С. 535; Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Док-ты и мат-лы. – М., 1952. Ч. 1. С. 408.

³³ См.: Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Док-ты и мат-лы. – М., 1952. Ч. 2. С. 166.

³⁴ Романов Е. (настоящие фамилия, имя и отчество Островский Евгений Романович) (1914–2001). Родился в Екатеринославе (Днепропетровск) в семье офицера Перекопского полка, поляка по национальности. В 1929 г. окончил семилетку. В 1929–1930 гг. работал учеником в частной артели по изготовлению музыкальных инструментов, затем на городском почтовом отделении. Увлекался шахматами, с 1933 г. руководил шахматным кружком при Дворце пионеров, в 1934 г. выиграл первенство Днепропетровской области. В 1934 г. поступил на шахтостроительное отделение Горного института, в 1936 г. перешел на факультет русского языка и литературы Днепропетровского университета. С началом войны и оккупацией немецкими войсками Днепропетровска остался в городе. Работал в редакции «Днепропетровской газеты». В 1942 г. вступил в НТСНП. После отступления немцев переехал в Берлин, где работал в редакции газеты «Новое слово». В 1944 г. арестован Гестапо, находился в тюрьме до апреля 1945 г. После войны находился в лагере для перемещенных лиц в Менхегофе. В 1946 г. избран в Совет НТС, в 1984–1995 гг. – председатель НТС. Умер 29 августа 2001 г. в Болгарии.

³⁵ Романов Е. В борьбе за Россию. – М., 1999. С. 95–97.

³⁶ См.: *Росс Н.* Советские лагеря во Франции // *Русская мысль*. Париж, 1997. № 4170. С. 16.

³⁷ На Родину (Рудсвиль-Бад). 1945. № 5. С. 1.

³⁸ На Родину. 1945. № 3. С. 2.

³⁹ *Вертинский А.Н.* Дорогой длиною... М., 1991. С. 390–393.

⁴⁰ См.: Почему мы вернулись на Родину: Свидетельства реэмигрантов. – М., 1987. С. 175; *Фрезинский Б.* Алма-Ата – Париж // *Русская мысль*. 1997. № 4175. С. 11; *Пушкарева Н.Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // *Отечественная история*. 1996. № 1. С. 61.

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015. Оп. 1. Д. 445. Л. 1.

⁴² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2625. Оп. 1. Д. 245. Л. 2–3.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Д. 185. Л. 10.

⁴⁴ *Феличкин Ю.М.* Как я стал двойником: Воспоминания. – Ростов-на-Дону, 1990. С. 115.

⁴⁵ Leeds Russian Archive (LRA). MS 1285/1041.

⁴⁶ См.: *Оболенский П.А.* На чужой стороне // Москва. 1965. № 8. С. 220.

⁴⁷ См.: *Куликов Н.Г.* Я твой, Россия. – М., 1990. С. 21.

⁴⁸ *Софронова Е.И.* Где ты, моя Родина? М., 1999. С. 124–125.

⁴⁹ См.: Архив Управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области (АУФСБСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 255. Л. 288.

⁵⁰ АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. Л. 9. Л. 140–143; Д. 254. Л. 18–32. Л. 156. Л. 2728; Д. 255. Л. 17–19. Л. 295. Л. 300.

⁵¹ АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 254. Л. 32–33; Д. 255. Л. 85. Л. 302.

⁵² *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. – М., 2004. С. 47–64.

⁵³ Там же. С. 123–126.

⁵⁴ См.: Учреждение «Государственный архив административных органов Свердловской области» (УГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 30082. Л. 310.

⁵⁵ *Софронова Е.И.* Где ты, моя Родина? С. 158–159.

⁵⁶ *Вертинский А.* Дорогой длиною... С. 410–412.

⁵⁷ *Климов Григорий Петрович (1918–2007).* Родился в Новочеркасске. В 1938 г. окончил Новочеркасский индустриальный институт, а в 1945 г. – Военный институт иностранных языков. Направлен на работу в Советскую военную администрацию в Германии. В 1947 г. бежал в американскую зону оккупации и чудом избежал выдачи назад. Первая его публикация – очерки в «Посеве», затем они вышли отдельной книгой «Берлинский Кремль», которая переведена на многие языки, второе издание с добавленной антиамериканской главой он назвал «Крылья холопа». В 1950–1955 гг. – председатель Центрального объединения послевоенных (затем – политических) эмигрантов (ЦОПЭ). После закрытия ЦОПЭ в 1967 г. переехал в США, где издал множество книг в публици-

стическом жанре. После 1991 г. его работы активно переиздавались в России национал-патриотическими издательствами.

⁵⁸ См.: Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – М., 1992. С. 379, 431.

⁵⁹ См., напр.: Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956): Дис... канд.ист.наук. – Екатеринбург, 2001; Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956: Автореф.дис... докт.ист.наук. – Волгоград, 2001 и др.

⁶⁰ АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. Л. 23–25.

⁶¹ АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 137.

2

ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО МИРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ЭМИГРАНТОВ.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА

в 1939 – начале 1950-х гг.

Вторая мировая война серьезно изменила географическую карту Русского мира. Все большая доля русских эмигрантов стала проживать за океаном. И это не случайно, поскольку, как свидетельствуют источники, и степень безопасности, и уровень жизни в США в годы войны был, конечно, существенно выше, чем в Европе. Даже в разгар Второй мировой войны прилавки американских магазинов отнюдь не были пустыми. Например, накануне православного Рождества 1942 г. крупнейшая русскоязычная газета США – «Новое русское слово», информируя читателей об открытии на Бродвее гастрономического магазина «Черняев – Турицын К^о», с восторгом писала: «Имеется большой выбор импортированных и местных гастрономических и бакалейных товаров: икра паюсная и кетовая нового прибытия, рижские рыбные консервы, шведские кильки, сельди королевские в винном соусе, шпроты, скумбрия и бычки в маринаде. Польская ветчина от 2 фут. коробка. Заготовлена партия малосольных окороков. Шоколад и фруктовые конфеты, марципаны, мармелад и халва. Принимаются заказы на молочных поросят и малороссийскую колбасу домашнего приготовления»¹. Конечно, речь идет о рождественском столе, однако нельзя не признать, что в таких условиях мечтали оказаться очень многие русские эмигранты, которых начало войны застало в Европе. Несомненно, война

оказала определенное воздействие на американскую экономику и жизнь среднего американца, тем не менее, быт жителей США в 1939–1945 гг. существенно отличался от тех экстремальных условий существования, в которых оказались в годы войны европейцы. Вполне закономерен поэтому был тот поток эмигрантов, который хлынул из Европы за океан уже в 1939–1940 гг.

Новые переселенцы оказались за океаном в совершенно новых условиях. Как известно, основу Русского мира здесь составили трудовые эмигранты из Российской империи. Хотя война и внесла коррективы в жизнь американцев, тем не менее, старые эмигранты из дореволюционной России и их потомки и в годы Второй мировой войны продолжали жить в рамках созданных ими в предшествующий период социальных структур. Интересным примером «маленького» «русского мира» в США был, например, городок Саут Ривер, расположенный в 5 милях от железнодорожной станции Нью-Брунsvик в Пенсильвании. Насчитывавший около 10 тысяч жителей, этот городок был подробно описан в одной из заметок на страницах «Нового русского слова». Автор статьи, А. Омельянюк, подчеркивал: «Для русских в Америке этот городок интересен тем, что в нем все жители русского происхождения живут рядом, как они жили в “старом краю”. Это – чисто русское местечко, где все улицы населены исключительно русскими, а в самом центре поселения блестят купола красивой русской православной церкви. Саут Ривер – русско-польский город. Огромное большинство его жителей составляют поляки и русские. Тяжело работая на пороховых и кирпичных заводах, эти славяне покупали участки земли, строили дома, открывали торговые заведения, и в результате Саут Ривер из небольшой деревушки превратился в живописный городок. Русских в Саут Ривере более тысячи семейств, в большинстве выходцев из Виленской губернии. Все они живут благоустроено, не хуже других национальностей, а иногда и выдвигаются на политических, промышленных и других поприщах. Есть русские адвокаты, учителя, “консилмэны”, инженеры и фабриканты. Русские в Саут Ривере предприимчивы; они быстро усвоили американскую технику и с русской смекалкой проводят ее в жизнь. Была здесь одна большая фабрика носовых платков. Русские, работавшие там, изучили это дело и стали устанавли-

вать машины в своих домах и сами производить носовые платки. После такой конкуренции фабрика носовых платков обанкротилась. Особой популярностью славится здесь швейная мастерская Павла Козака, родом из Минской губернии. У него в мастерской работает более 300 человек русских и поляков, мужчин и женщин. В мастерской образцовый порядок, условия труда хорошие, жалование рабочим выше среднего. Мастерская завалена правительственными заказами. Павел Козак выплатил 20 тыс. долларов своим рабочим в виде рождественского «бонуса» в размере недельного заработка. Хлебопекарня И. Сушко и Д. Ситца выпекает житный русский хлеб и успешно конкурирует с американскими хлебопекарнями... Паровая прачечная А. Дроздовского моет белье не только всех русских г. Саут Ривера, но и американцев. Все торговые заведения в русской части Саут Ривера: магазины, лавки, парикмахерские – исключительно в русских руках»². Как показывают источники, возникнув еще до начала Первой мировой войны и укрепившись в 1920–1930-е гг., такие «островки» Русского мира в США продолжали существовать и в годы Второй мировой войны. Несомненно, глобальный военный конфликт наложил свой отпечаток и на их жизнь, молодые русские американцы из местных семей призывались в американскую армию, тем не менее, сложившиеся в течение десятилетий структуры продолжали функционировать.

Совершенно иной была атмосфера в годы Второй мировой войны в Европе, откуда и бежали за океан русские эмигранты. Несомненно, уже начало войны существенно изменило жизнь Русского Парижа. Об этом красноречиво свидетельствовали знаменитые «Последние новости», предпринявшие весной 1940 г. специальный анализ этой проблемы: «Война убила множество мелких профессий, кормивших русских. Кому были нужны в сентябрьские дни (1939 г. – А.А.) полотеры, специалисты по мытью стекол, фабриканты искусственных цветов, игрушек, коробочек, поясов, раскрашенных платков? Внезапно потеряли работу парикмахерши, гувернантки, изготовительницы кремов для лица... В одном только Париже сотни русских женщин зарабатывали на жизнь себе и своей семье, работая по хозяйству по часам... Опустели квартиры, уехали в провинцию зажиточные люди, исчезли иностранцы... В безвыходном положении очутились мелкие посредники –

комиссионеры, ремесленники, торговцы вразнос. Не могут до сих пор найти применения своим силам лица либеральных профессий; художники, писатели, журналисты, музыканты...»³.

Впрочем, несмотря на это, проживавшие во Франции русские эмигранты и в условиях начавшейся войны стремились найти источники средств существования, обеспечить себя и свои семьи. Весной 1940 г. раздел объявлений в «Последних новостях» по-прежнему содержал массу предложений услуг. Только в одном номере газеты можно было найти, например, шесте объявлений русских стоматологов такого плана:

«Русский зубной врач Е.М. Смуляр. Лечение и удаление зубов без боли. Коронки и бриджи. Неимушим уступка».

Вообще, русская медицина в Париже в первый год войны продолжала активно предлагать клиентам свои услуги. Те же «Последние новости» информировали:

«Доктор медицины И. Дубосарский. Мочеполовые. Женские. Расширение вен. Геморрой. Ревматизм. Ишиас. Подагра. Электротерапия»;

«Доктор Чацкин Парижского университета. Венерические, мочеполовые, кожные, женские. Сифилис»;

«Аптека для русских в русском районе Парижа. Специальное приготовление лекарств по русской фармакопее русским провизором. Все французские и иностранные патентованные средства... Цены ниже всех»⁴ и т. д.

Врачи нужны были русским эмигрантам в Париже в условиях начавшейся войны не реже, а, к сожалению, возможно, даже чаще, чем в мирное время. Гораздо менее востребованы в воюющей стране были, видимо, предложения «русских семян огородных, цветочных, полученных из-за границы». Одиноким по сравнению с довоенными временами выглядело на страницах главной газеты Русского Парижа и предложение своих услуг присяжным поверенным Наумом Цацкиным⁵.

Разгром Франции в июне 1940 г. привел к тому, что многие эмигранты, придерживавшиеся антинацистских взглядов, вынуждены были покинуть оккупированную часть страны. По воспоминаниям известного в прошлом эсера В.В. Сухомлина, почти все парижские социалисты-революционеры и меньшевики «успели выбраться на юг с последними поездами, на автомобилях, велосипедах и пешком». При этом он признавал обоснованность их опасений за свою жизнь, так как Гестапо уже в конце июня 1940 г. побывало на их квартирах⁶.

Те же, кто остался, вынуждены были жить в принципиально новой ситуации нацистской оккупации. На наш взгляд, не стоит преувеличивать степень активного сопротивления эмигрантов оккупационной политике Германии, что, к сожалению, нередко случалось в некоторых работах историков. Заметна эта тенденция и в воспоминаниях вернувшихся после войны в Советский Союз бывших представителей российской диаспоры во Франции. Характерны в этом плане мемуары П.А. Оболенского, стремившегося доказать, что коллаборационисты составляли меньшинство эмигрантов. На наш взгляд, с этим тезисом следует согласиться, однако в работе П.А. Оболенского отмечается и такой факт: большая часть тех, кто составлял Русский Париж – 70 % – зарегистрировались в германских учреждениях. Само по себе это, безусловно, не является доказательством их сотрудничества с оккупантами, а лишь демонстрирует всю сложность ситуации, сложившейся во французской столице в 1940–1944 гг., когда многие эмигранты были вынуждены получать регистрацию у германских властей, чтобы не остаться без работы. Более того: тот же П.А. Оболенский в своих воспоминаниях обмолвился, что и сам работал переводчиком у немецких офицеров⁷.

Как показывают работы современных исследователей проблемы, политика оккупационных властей существенно ухудшила ситуацию для русских на германском рынке труда. Уже само наступление германской армии на Париж, сопровождавшееся бомбардировками, вело к разрушению французской промышленности. В июне 1940 г. все парижские предприятия приостановили работу. Заводы «Рено» и «Ситроен» уволили 180 тыс. рабочих. 27 августа 1940 г. правительство Виши приняло закон, защищающий национальную рабочую силу. Для русских беженцев это обернулось тотальной безработицей. Как отмечает Р.Л. Урицкая, «закон, защищающий национальную рабочую силу, интерпретировался предпринимателями и местными властями как запрещающий прием на работу иностранцев»⁸. В результате потеряли работу многие русские шоферы такси, в сложном положении оказались и многие другие эмигранты, работавшие по найму.

Следует отметить, что война оказала огромное влияние на психологическое состояние российской эмиграции во Франции. В течение нескольких лет европейцы, в том числе и эмигранты,

страдали от острой нехватки продуктов питания. Во Франции для многих представителей российской диаспоры актуальной стала проблема физического выживания. Об этом свидетельствует, в частности, переписка И.А. Бунина. Так, в 1944 г. великий русский писатель отмечал в письме к В.Ф. Зеелеру: «Что Вы слабеете – не дивлюсь, сам весьма слабею: чем себя поддерживать?». В другом письме того же периода он указывал: «У нас еще очень-очень голодно!»⁹.

Впрочем, вряд ли правомерен тезис о том, что все русские эмигранты в оккупированном Париже с трудом сводили концы с концами. О противоречивости атмосферы во французской столице в годы войны ярко свидетельствовал в своих воспоминаниях бывший сотрудник «Возрождения» Л.Д. Любимов (1902–1976), вернувшийся после войны в Советский Союз:

«Одно обстоятельство влияло на часть русской эмиграции, развращало ее в годы оккупации. Выкачивание из Франции ее добра осуществлялось немцами двумя путями: прямым, в виде контрибуции, обязательных поставок государственного масштаба, реквизиций, и косвенным, при помощи так называемых “закупочных бюро”. Печатали специальные оккупационные марки и на эти бумажки скупали все оптом и в розницу. Страну это разоряло, зато сказочно наживались ловкие продавцы вместе с целой армией посредников. Таким путем немцы не только получили без всякого нажима то, что им было нужно, но еще (что их также устраивало) буквально развращали население, особенно молодежь, умышленно создавая условия для бешеной, беспримерной по своим размерам спекуляции.

Париж годов оккупации – это постоянное недоедание, вытянувшиеся лица, постоянные отправки в Германию рабочей силы, унижение французской нации, сжатые кулаки, промерзшие квартиры, аресты, списки расстрелянных заложников, тяжелые бомбежки пригородов американской авиацией, лихорадочное ожидание спасения, надежды лучших сынов Франции, обращенные на Восток, в страну великого народа, который, истекая кровью, освобождал Европу от рабства, выученные на зубок, хотя и с неверным произношением, названия русских городов и рек, подлинное пробуждение французской гордости, живого духа нации, формирование тайных отрядов Сопrotивления, жертвенность, героизм, “Марсельеза” в сердцах, готовых на подвиг...

Но Париж годов оккупации – это также цветник крохотных причудливых шляпок за столиками “Максима”, роскошные ночные пиры с окороками (баснословная редкость!), паштетами и шампанским, разговоры в кафе: “Если дело выйдет, каждому по полмиллиона” (часто это говорили мальчишки, бросившие школу, чтобы познать радости “широкой жизни”), быстрая трата колоссальных сумм, так как подобные доходы нельзя объявлять (страх расплаты после войны!), и, значит, надо “обращать” в драгоценности, картины или просто прокучивать при участии несметного количества почтительных прихлебателей – подлинный “пир” во время чумы, дикая вакханалия»¹⁰

Источники подтверждают справедливость этих замечаний Л.Д. Любимова. В оккупированном Париже в 1942 г. было обилие русских ресторанов: «Киев», «Медведь», «Москва», «Яр», кабаре «Шехерезада» и другие... Широко открывал двери для покупателей «русский винно-гастрономический магазин»... Предлагали свои услуги «русский портной Швабо» и «русский парикмахер Александр»...¹¹ В июне 1943 г., как и в мирное время, в газетах можно было прочитать такие объявления:

«Ювелир и часовой мастер А.Т. Федоренко. 31, rue d'Aguesseau. Voulogne. Покупка. Продажа»;

«Портниха, хорошо крою, шью. Хожу работаю по домам. Согласна в отъезд в деревню. Могу привезти машину».

Тем не менее, рынок труда в Русском Париже, несомненно, испытал на себе сильное влияние войны и немецкой оккупации. Характерно объявление, помещенное в коллаборационистском «Парижском вестнике» летом 1942 г.: «Изучайте немецкий язык и немецкую стенографию и хорошо оплачиваемые места будут в вашем распоряжении»¹². Знание немецкого языка стало в эти годы особенно цениться работодателями во французской столице. Иногда это было главным требованием к работнику. Любопытное объявление было напечатано, например, в «Парижском вестнике» летом 1943 г.:

«Приглашается дама средних лет, энергичная, работавшая в крупном предприятии, на должность chef de personnel и заведующей прачечной, обслуживающей немецкие воинские части. Весьма приличное вознаграждение. Кроме знаний немецкого языка, никаких иных не требуется»¹³.

Направляя такие объявления в коллаборационистскую газету, их авторы справедливо предполагали, что все заинтере-

сованные лица с ними ознакомятся. Характерно, что в том же номере «Парижского вестника» объявлялось о продолжении приема в легион «Шпеер», при этом подчеркивалось:

«1) Для обслуживания русского отдела требуются медики;

2) Для пополнения русского отдела требуются шоферы и шоферные ученики, механики, электротехники, портные и сапожники. Составляются особые группы казаков, молодежи и музыкантов для смешанного оркестра. Возраст для второй категории от 18 до 45 лет. Очень выгодные условия. Запись производится ежедневно в Управлении делами русской эмиграции».

Характерна и небольшая приписка, сделанная в конце данного объявления: «Служба, пока, во Франции»¹⁴. В условиях коренного перелома в войне никто не взялся бы предположить, как далеко от Франции могут оказаться русские эмигранты, согласившиеся вступить в легион «Шпеер»...

Между тем, война, конечно, накладывала и иной отпечаток на жизнь Русского Парижа. Дефицит товаров первой необходимости делал полезными такие знания, которые вряд ли заинтересовали бы большинство жителей французской столицы в мирное время. Заведующий «курсами мыловарения» инженер М.Ф. Мари предлагал читателям «Парижского вестника» записываться на курсы, чтобы знать ответ на вопрос: «Как у себя на дому приготовить мыло?»¹⁵.

1943-й год стал важнейшим в ходе коренного перелома в Великой Отечественной войне. Высадка союзников в Нормандии в июне 1944 г. сыграла ключевую роль в судьбах Франции. Но и летом 1944 г. в Париже были русские эмигранты, способные тратить большие деньги на развлечения. Свои услуги им предлагали ресторан «Тифлис» с «первоклассной русско-кавказской кухней», корчма на знаменитой площади Пигаль, где можно было послушать «Павлушу с гитарой» и другие заведения такого рода¹⁶... Спустя две недели после высадки в Нормандии, в тот момент, когда союзные войска стремительно двигались вглубь Франции, некая мадемуазель Vologdine предлагала уроки игры на рояли, изучение всех предметов французского лицея и русской гимназии...¹⁷ Но французская столица переживала последние недели оккупации. Русский Париж стоял на пороге кардинальных перемен.

Естественно, русские эмигранты в годы Второй мировой войны жили не только во Франции. Довольно значительная их группа проживала и в нацистской Германии. Естественно, что жизнь русских эмигрантов в столице Третьего рейха – Берлине имела свою специфику. Одним из наиболее интересных источников по этой теме является знаменитый «Берлинский дневник» княжны Марии Васильчиковой¹⁸. В январе 1940 г. ее семья прибыла в столицу нацистской Германии, где ей довелось провести долгих пять лет до самого конца войны. Вот как она описывала свои поиски работы в Берлине в первый год Второй мировой войны:

«1940

Среда, 3 января... Мы прибыли в Берлин с опозданием на три часа...

Воскресенье, 7 января. По-прежнему отчаянно ищем работу. Мы решили не просить о помощи друзей, а обращаться непосредственно к деловым знакомым.

Понедельник, 8 января. Сегодня днем в американском посольстве у нас была встреча с консулом. Он был дружелюбен и сразу же подверг нас испытанию, которое нас обескуражило, так как мы не были внутренне к нему готовы. Нас усадили за пишущие машинки, вручили нам также стенографические блокноты, и консул стал диктовать в таком темпе и с таким сильным американским акцентом, что мы не все понимали... Он сказал, что позвонит нам, как только появятся вакансии. Однако мы не можем долго ждать, и если тем временем подвернется что-нибудь другое, нам придется согласиться. К сожалению, значительная часть международного бизнеса свернута и нет больше фирм, которые нуждались бы в секретаршах со знанием французского или английского языков...

Пятница, 19 января. Катя Клейнмихель работает в английском отделе ДД. Не исключено, что она сможет устроить туда на работу и меня. Мы просто не знаем, как быть, потому что из посольства США молчат, а мы их беспокоить не смеем. Мы едва сводим концы с концами, а с приездом родных наши небольшие сбережения быстро тают. Мы говорили с кем-то из концерна И.Г. Фарбен, но им нужны люди, умеющие хорошо стенографировать по-немецки, а с этим у нас неважно...

Понедельник, 22 января. Сегодня пошла в бюро к Кате Клейнмихель на Фридрихштрассе и все утро печатала на

машинке под диктовку по-английски; это было мое первое испытание, и оно не могло быть легче. Испытание было на скорость; мне сказали, что меня вызовут позже. Учреждение напоминает сумасшедший дом: все делается в спешке, потому что надо уложиться в расписание радиопередач...

Суббота, 27 января. Татьяна познакомилась с одним человеком, который предложил ей работу в его учреждении, представляющем собой подразделение немецкого Министерства иностранных дел. Им нужны люди с хорошим знанием французского. Большинство наших друзей не советуют нам идти работать в американское посольство, так как, будучи иностранцами, мы, должно быть, уже находимся под бдительным оком Гестапо. Учитывая нынешнюю дружбу Германии с Советским Союзом, плохо еще и то, что мы «белые» русские. Более того, мы обе работали в британском представительстве. Но так или иначе, мы сейчас в таком бедственном положении, что первое же предложение мы примем, от кого бы оно ни исходило. Американское посольство все молчит...

Понедельник, 29 января. Сегодня мы обе приступили к работе: я в ДД, а Татьяна в Министерстве иностранных дел, более известном как АА. В моем учреждении никому, кажется, не ясно, кто наш главный босс, так как командуют все и одновременно. Хотя говорят, что последнее слово принадлежит министру пропаганды рейха д-ру Йозефу Геббельсу. Мы получаем каждая по 300 марок; 110 вычитается в виде налогов, так что остается 190, на которые и надо жить. Что ж, придется...»¹⁹.

В нацистской Германии тоже (хотя, очевидно, и в меньшей степени по сравнению с побежденными ею странами) ощущались проблемы с продовольствием. М. Васильчикова в своем дневнике уже в апреле 1940 г. отмечала, что «все продается по карточкам, в большинстве магазинов большие очереди»²⁰. Анализ дневниковых записей показывает, что по мере приближения военной катастрофы Германии ситуация в этой сфере ухудшалась.

После нападения Германии на Советский Союз политический центр Третьего Рейха стал особенно привлекателен для некоторой части антикоммунистически настроенных эмигрантов. Как свидетельствуют источники, многие из них со всех концов Европы разными путями стали стекаться в Берлин.

О том, как происходило перемещение в Германию членов НТС и о целях этой акции, рассказывает, например, в своих воспоминаниях уже упоминавшийся А.С. Казанцев:

«22 июня поставило нас перед двумя вариантами нашего отношения к событиям – остаться в стороне и наблюдать, кто кого, Сталин Гитлера или наоборот, или броситься в эти события и устремить все свои силы на достижение наших русских целей. Для нас был приемлем только второй вариант.

План действий был сложен и труден. Во-первых, во что бы то ни стало в этой борьбе, нужно было стать рядом со своим народом, во-вторых, сразу же бросить в народные массы идею о создании “Третьей силы”, стоящей на страже интересов народа, а не коммунистической партии, и при помощи ее, этой “Третьей силы”, отстоять целостность страны от посягательств внешнего врага, а также освободиться от коммунизма.

После 22 июня мы приступили к осуществлению этого плана...

Чтобы перебросить кадры нашей организации в занятые немцами области России, было два пути. Один, через территорию южных сателлитов Германии – Болгарию, Румынию, Венгрию – был путем более трудным... Второй путь вел через Германию и дальше через Польшу. Польша, как “генерал-губернаторство” включенная в состав немецкого Рейха, не имела со стороны Германии точно обозначенных затвердевших границ – это в значительной степени облегчало задачу. Кроме того, мы надеялись, что можно будет рассчитывать на помощь поляков, с первого дня капитуляции начавших готовиться к борьбе против оккупационных властей. Попасть же в Германию было делом самым легким. Нужно было записаться едущими туда на работу... Немецкая промышленность, в то время еще нетронутая бомбардировками западных союзников, работала полным ходом и бесперебойно. Армия еще не требовала таких пополнений, так что Германии вполне хватало своих рабочих немецких рук и насильного увоза на работу из занятых стран еще не практиковалось. Но отдельные, главным образом частные немецкие фирмы и, прежде всего не работающие непосредственно по военным заказам, страдали от недостатка рабочих рук, которые они и имели право вербовать в оккупированных странах на совсем тогда еще добровольных началах. Нашим друзьям, живущим в Германии эмигрантам

и членам организации, удавалось доставать частью фиктивные, частью настоящие контракты для ввоза небольшого количества рабочих»²¹.

Как же определялся правовой статус российских эмигрантов на оккупированных нацистской Германией территориях Европы? Третий Рейх накопил некоторый опыт управления русскими беженцами еще в довоенный период. Анализ этого опыта показывает, что политика германских нацистов свидетельствовала об их незаинтересованности в существовании независимых эмигрантских структур. Это выражалось, в частности, в подчинении всей российской диаспоры в Германии в 1938–1939 гг. специально созданному Управлению делами русской эмиграции во главе с генералом В.В. Бискупским, который тесно сотрудничал с НСДАП с начала 1920-х гг. Затрагивавший эту проблему в своих работах известный уральский германист В.А. Буханов указывал, что в целом отношение нацистского руководства (и прежде всего А. Розенберга) к организациям российских эмигрантов было «сугубо избирательным, зависело от тех или иных потребностей внешнеполитического бюро НСДАП. Диктовали национал-социалисты, а не наоборот»²².

Аналогичные структуры были созданы немцами во Франции после оккупации Парижа в 1940 г. Уже 26 июня 1940 г. с разрешения оккупационных властей князь М.К. Горчаков создал Организационно-представительский комитет русской национальной эмиграции во Франции. Среди его лидеров, наряду с самим М.К. Горчаковым, значились полковник В.К. Модрах, генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе, полковник П. Богданович и другие представители правых сил Русского Парижа. В апреле 1941 г. уже под руководством В.К. Модраха была создана новая структура – Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции. Как отмечает Р.Л. Урицкая, «в действительности создание “Комитета Модраха” не было личной инициативой русских эмигрантов. Решение о ее создании принималось главнокомандующим немецких военных сил во Франции»²³.

В апреле 1942 г. «Комитет Модраха» был преобразован в Управление делами русской эмиграции во Франции (УДРЭФ). Как следовало из официального оповещения УДРЭФ, которое было опубликовано в «Парижском вестнике» – печатном

органе УДРЭФ, «Управление, кроме общего руководства русскими эмигрантами во Франции, получило полномочия произвести регистрацию, обязательную для всех русских эмигрантов во Франции, начиная с 15-летнего возраста. После регистрации эмигранты будут получать от Управления удостоверения, имеющие официальный характер. Удостоверение является документом, указывающим, что владелец его есть лицо русского происхождения и русский эмигрант». При этом специально подчеркивалось, что «лица, не получившие удостоверения до 1 сентября 1942 г., приравниваются к гражданам СССР и будут подлежать административным мерам, применяемым к последним»²⁴. Вот как характеризовал в своих воспоминаниях реакцию русских эмигрантов на создание УДРЭФ вернувшийся после войны в СССР П.А. Оболенский: «На французских видах на жительство ставился штамп, нечто вроде визы на право проживания в оккупированном Париже... Наиболее дальновидные решили, что французский документ пачкать такой отметкой не следует. Они были правы. После изгнания немцев из Парижа союзное командование при приеме на работу иностранцев отдавало предпочтение тем, кто не имел подобных отметок»²⁵.

Особое место в Третьем Рейхе занимали, как уже отмечалось, миллионы «остарбайтеров». Интересный материал об их правовом положении содержится, например, в воспоминаниях В.Г. Фурсенко, отрывок из которых приводится в приложении. А вот как характеризовал впоследствии положение «восточных рабочих» известный деятель НТС К.В. Болдырев: «Рабочие из западноевропейских стран (из коих известный процент приехал добровольно) жили в небольших, относительно благоустроенных лагерях, в основном при заводах. Питание и зарплату они получали по нормам, установленным для немецких рабочих. Приравнены к немцам они были и в других отношениях. Многие жили индивидуально или группами на частных квартирах и без большого труда могли менять место работы. В подавляющем большинстве это были молодые мужчины. Интеллигентных людей среди них было очень мало. Несколько хуже было положение итальянцев. В особо же тяжелых условиях содержались рабочие из России, так называемые “остовцы” (“остарбайтеры”) и в чуть лучших – поляки. “Остовцы” жили в больших, плохо оборудованных и битком

набитых центральных лагерях, иногда в примитивных бараках, сараях и пустых складских зданиях при предприятиях, на которых они работали. Спали они на двух – и даже трехъярусных нарах, питались скудно от котла. Продовольственные купоны им на руки не выдавались. Выход за пределы лагеря, как правило, был строго ограничен. За свой тяжелый, порой изнурительный труд, главным образом, в качестве разнорабочих, они получали мизерную плату. Правда, к концу войны этот режим несколько смягчился. Хотя в этой группе тоже преобладали мужчины, но процент молодых женщин и даже детей среди них был достаточно высоким. Прослойка интеллигенции в этой среде тоже была незначительной»²⁶. Эволюция правового положения «остарбайтеров» в годы войны, проблема законодательного регулирования их статуса обстоятельно проанализированы в работе одного из ведущих исследователей вопроса П.М. Поляна²⁷.

Некоторые русские эмигранты жили и в стране-союзнице Германии – фашистской Италии. Здесь в годы войны тоже складывалась непростая ситуация с обеспечением населения продуктами питания. Даже районы, долгое время удаленные от основных театров военных действий, постепенно начали испытывать проблемы. Как вспоминала позднее Л. Иванова – дочь знаменитого поэта Вяч. Иванова, продовольственный вопрос «начал обостряться даже в самом Риме. В провинции же дело обстояло плохо уже со второго года войны... Хлеб выдавали по карточкам и в абсолютно недостаточном количестве; на рынках обычно ничего не продавалось»²⁸.

Однако надежды части эмигрантов на страны фашистского блока оказались иллюзорными. К концу 1943 г. на советско-германском фронте выявилось превосходство Красной Армии. В результате на заключительном этапе войны география Русского мира в Европе вновь начала принципиально меняться. По мере того, как немецкие войска терпели военные поражения и советская армия захватывала новые территории перед многими эмигрантами вставала проблема эвакуации во внутренние районы «Третьего рейха». В 1944–1945 гг. представители российской диаспоры в Центральной и Восточной Европе находились в состоянии постоянного движения, имевшего характер бегства. Уже в 1944 г. современники отмечали, что в Софии и Белграде «все русские говорят только о том, куда бы

эвакуироваться»²⁹. Анализ личной переписки сотрудничавших с Германией казаков показывает, что особую остроту приобрела проблема эвакуации их семей. О настроениях в казачьей среде свидетельствовало, в частности, письмо проживавших в Братиславе казаков атаману Общеказачьего объединения в Германской империи генерал-майору Е.И. Балабину в декабре 1944 г., где отмечалось: «Все наши попытки выяснить возможности эвакуировать казачьи семьи до сего времени не дали никаких положительных результатов, и казаки будут, кажется, вынуждены эвакуировать семьи в неизвестность»³⁰. В таком состоянии постоянного ожидания, испытывая беспокойство за судьбы своих близких, эмигранты находились в течение многих месяцев. Еще в марте 1945 г. казаки в Чехословакии надеялись на помощь германских властей в процессе эвакуации, о чем свидетельствовало письмо казака Н.Д. Серикова, отмечавшего: «У нас многие собрались уезжать, но их отправка откладывается, говорят, что может быть, и не уедет... Им кто-то обещал вагон пассажирский»³¹. Такой низкий уровень организации эвакуации не только создавал сильнейшее психологическое напряжение для эмигрантов, но в итоге привел также и к тому, что многие из них так и не смогли избежать насильственной репатриации в СССР.

Эвакуация создавала дополнительные трудности также и для тех районов, куда переселялись российские беженцы. Обострялись проблемы с жильем, продовольствием, медикаментами, ухудшалась санитарно-эпидемиологическая ситуация. В январе 1945 г. начальник Юго-Восточного отдела Объединения русских воинских союзов полковник С.Д. Гегелашвили вынужден был издать циркуляр, в котором просил чинов отдела «временно предоставить ночлег для офицеров и их семей, прибывших в Прагу из занятых неприятелем областей»³². Но и разгром нацистской Германии в мае 1945 г. не привел к прекращению массовых перемещений людей. Многие «старые» эмигранты еще долго искали новое место своего жительства в разоренной войной Европе.

До войны одна из наиболее крупных колоний русских эмигрантов находилась в Чехословакии. О том, как менялось положение этих людей в дни Пражского восстания 1945 г. рассказывал в своих воспоминаниях Д.И. Мейснер³³: «Пражское восстание охватило город, когда нацистская сила была

уже на исходе... В дни восстания, начавшегося 5 мая, среди русских пражан зародилась одна идея. Она заключалась в том, чтобы эмигранты, не имеющие гражданства, на переходное время позаботились получить от Международного Красного Креста, развернувшего тогда в Праге свою работу, документы, подкрепляющие их виды на жительство. Идея эта была совсем неудачна. Ни у новых чехословацких, ни у советских властей Международный Красный Крест того времени особым авторитетом не пользовался. Но человек, как известно, задним умом крепок, и работой в этом Красном Кресте занялся также и я... Кого только из русских эмигрантов не пришлось мне тогда повидать в приемных комнатах Красного Креста! Однажды появилась супружеская чета – актеры, прося поскорее переправить их на Запад ввиду приближения советских войск. Я им ответил, что с приходом Красной Армии исполнится наше горячее желание и что отправкой на Запад мы отнюдь не занимаемся. Так оно, разумеется, и было. А через несколько лет я пил у этих супругов вкусный чай с вареньем в прекрасном русском городе. Они за это время стали советскими гражданами, успели вернуться на родину и сами любили подсмеиваться над собой и своими страхами, вспоминая майские дни 1945 года.

Помню и совсем иную картину. Появился вдруг в Красном Кресте заместитель начальника так называемого Опорного пункта – квазирусской организации, созданной немцами и ведавшей русскими, живущими в Чехословакии; эта организация работала в годы оккупации под непосредственным руководством немецких властей. В. Балдин, о котором я сейчас говорю, прибежал в полной панике и предложил принять документы его учреждения. Спрашивал, что же делать ему лично. Мне пришлось вести с ним тяжелый разговор и сказать, что вряд ли Красный Крест захочет принять архивы Опорного пункта. О том же, что делать ему лично, я никаких советов дать не могу. Я знал, что этот человек был где-то в оккупированных районах Советского Союза не то следователем, не то каким-то другим чиновником у нацистов. Теперь пришло время ответа»³⁴.

Д.И. Мейснер относился к числу тех эмигрантов, которые активно встали на просоветские позиции. Он, как и некоторые другие российские эмигранты, попытался интегрироваться

в политические системы «народной демократии», возникшие после войны в странах Центральной и Восточной Европы. Однако, немалое влияние на положение эмигрантов оказывала постепенная большевизация политических режимов в этих государствах. В частности, известный философ С.И. Гессен, проживавший в Польше, в 1948 г. вынужден был написать И.И. Лапшину: «Я, несмотря на мое более чем лояльное отношение к правительству, которое искренне считаю и с самого начала считал “наилучшим из возможных”, становлюсь все более и более *persona ingrata*. Министерство в этом году не утвердило моих лекций по философии права, отказалось дать субвенцию здешнему научному обществу на печатание моего очерка»³⁵. В социалистической Польше философия как учебный предмет в вузах упразднялась «до формирования марксистских философских кадров»³⁶. Выступления С.И. Гессена за синтез социализма и либерализма, за правовой социализм привели к тому, что он подвергся критике на Всепольском педагогическом съезде, что во многом ускорило смерть российского философа в 1950 г.

В сложном положении находились российские эмигранты и в других странах «народной демократии». В той же Чехословакии, где и после войны продолжал жить, например, Д.И. Мейснер, политика правительства К. Готвальда привела к тому, что уже летом 1946 г. практически закончил свою работу Русский народный (свободный) университет в Праге – одно из наиболее известных учебных заведений Российского зарубежья. В Югославии произошло ухудшение положения российских эмигрантов после начала конфликта между И.В. Сталиным и Тито. Так, в октябре 1949 г. был арестован югославскими властями известный историк, советский гражданин А.В. Соловьев, который впоследствии был вынужден переехать в Швейцарию. Поводом для задержания А.В. Соловьева стало то, что он не сообщил о факте знакомства с текстом резолюции об исключении Югославии из Коминформа, которую ему принес знакомый болгарский юрист³⁷.

Приход Красной Армии существенно изменил политическую ситуацию не только в странах Центральной и Восточной Европы. Разгром Японии сыграл огромную роль в судьбе дальневосточной ветви российской диаспоры. По замечанию А.М. Кайгородова, «репрессии начались буквально с первых

же дней или даже часов появления советских войск и проходили буквально везде, где они появились»³⁸. Вместе с тем, не следует преувеличивать насильственный характер репатриации представителей российской диаспоры в Китае: многие из них добровольно вернулись в СССР. Кроме того, необходимо учесть, что конец Русского мира в Китае в большей степени связан с победой КПК в гражданской войне в конце 1940-х гг. Значительная часть тех, кто находился на непримиримых по отношению к коммунистическому режиму позициях, бежали из Китая в другие страны и районы мира. Своеобразной «перевалочной базой» здесь выступил остров Тубабао (Филиппины), где до 1953 г. находился лагерь беженцев. История жизни эмигрантов из Китая здесь уже нашла свое отражение в литературе³⁹. Яркое описание скитаний русских эмигрантов по пути из Китая на Тубабао содержится и в воспоминаниях Е. Ширинской:

«1948 год был трудным для жителей Мукдена. Город был окружен китайскими коммунистическими войсками, и ожидалось, что они займут его в любой момент. Положение русских было незавидным. В городе был введен комендантский час. Не хватало продуктов. Из Пекина доставляли на аэропланах муку. Все это беспокоило нас и хотелось уехать из Мукдена в Пекин, чтобы там попробовать получить визу в Америку. Во время полета на грузовом аэроплане из Мукдена в Пекин мы везли огромные мешки, набитые совершенно обесцененными деньгами. Инфляция была потрясающая, деньги теряли свою ценность ежеминутно... Из Пекина мы уехали в Тяньцзинь, где были наши друзья. Там мы и узнали, что русские эмигранты будут эвакуированы в Шанхай... Не прошло и месяца, как нас, русских эмигрантов, проживавших в Тяньцзине и Пекине, посадили в трюм американского военного корабля “LST”, и повезли в Шанхай. Американские матросы и офицеры были очень добры к нам. Сытно кормили и поили крепким кофе, который был в изобилии».

В Шанхае русских разместили в бывших французских военных бараках на улице Фрелюбт. «Мы жили в огромных комнатах с нарами и ждали эвакуации из Китая, – вспоминала Е. Ширинская. – Жизнь в бараках напоминала ожидание поезда на вокзале. Прожили мы в бараках около трех месяцев и все это время были в неизвестности. Куда? Когда? И действительно ли нас эвакуируют?».

Большую роль в организации переезда на Филиппины этой группы русских беженцев сыграл полковник Бологов. Ему пришлось написать множество писем в разнообразные посольства и консульства, провести немало встреч с дипломатами разных стран. Но, признавала Е. Ширинская, в ответ полковник получал «вежливые отказы»: «Никто не хотел принять людей, которые были первыми жертвами большевистской власти и с 1920 гг. оказались за пределами России, положив начало русскому рассеянию. Пребывание русских антикоммунистов в Китае, Европе и Америке было, фактически, негласной оппозицией могущественному и всесильному СССР».

После долгих хлопот, наконец, полковнику Бологову удалось получить согласие Филиппинского правительства предоставить русским эмигрантам временное убежище на одном из маленьких необитаемых островов – Тубабао, расположенном к югу от острова Самар, с которым он был соединен мостом. «Только люди, доведенные до безвыходного тупика, – отмечает Е. Ширинская, – могли согласиться на такую рискованную авантюру. А что оставалось делать группе русских людей без страны и всякой защиты (кроме Господа Бога)?». В январе 1949 г. началась эвакуация русских из Шанхая. Первыми выехали люди, которые должны были подготовить место для палаток, и разработать план расселения 6000 человек. Е. Ширинская так описывала свои первые впечатления от прибытия на Филиппины: «Пароход причалил в Маниле, а затем мы поплыли на Тубабао. Жара была тропическая, воздух обжигал, настроение было тревожным. Гавани на Тубабао не было. Это был необитаемый остров, и на берегу была грязь и слякоть. К моменту нашего приезда была проведена главная дорога, и в железном бараке находилась контора ИРО. Нам выдали палатки, колышки, койки, москитники и другие хозяйственные принадлежности. Нам показали место, где можно установить палатку. Мы, горожане, понятия не имели, как ставить палатку, но после некоторых усилий эта нам удалось. В ней установили койки и москитники, без которых спать было нельзя. На острове были крысы, змеи, сколопендры, скорпионы и комары, от укуса которых можно было заболеть тропической лихорадкой. Ночью мы слышали, как крысы бегали по верху москитника. Так началась наша жизнь в лагере на острове Тубабао, которая длилась двадцать месяцев до нашего прибытия в Австралию».

Русские эмигранты на Тубабао жили в старых американских армейских палатках под открытым небом в тропической жаре. «У нас, – вспоминала Е. Ширинская, – не было никаких даже самых примитивных удобств. Воду наши инженеры сами провели в лагерь из речушки, уборные были в ямах с известью. У нас, конечно, не было холодильников, охлаждения, радио и прочего».

Однако, главным было другое – морально-психологическая атмосфера в русских лагерях на Тубабао. Е. Ширинская подчеркивает: «Невзирая на ужасающие условия, русские женщины не падали духом, и в лагере никогда не было скандалов, голодовок, жалоб, требований, и никто из нас не сходил с ума, не убегал и не стремился к созданию международного скандала. Русская эмиграция в лагере была высоко дисциплинированной и спокойной группой. Мы были идеологически сплочены и рассматривали наше пребывание на Тубабао как часть нашей борьбы за жизнь. Мы были бесподанные, незащитные люди, но мы с честью несли свое испытание – пребывание в лагере Тубабао. Наши мужчины обслуживали лагерь, стараясь создать терпимые условия жизни. Женщины наладили приготовление ежедневной горячей пищи, и жизнь пошла по определенно установленному руслу. У нас была церковь, бывали доклады, ставились театральные постановки и оперетты, была частная библиотека писателя Ловича, администрация предоставляла нам прокат кинофильмов (под открытым небом). У нас были курсы кройки и шитья. Был детский сад, и скауты вели свою работу с молодежью»⁴⁰.

Приход коммунистов к власти в Китае привел к ухудшению положения и тех русских, которые проживали в Синьцзяне. Учившаяся в те годы в школе Е.И. Софронова пишет о том, как резко изменилась атмосфера в стране: «Коммунизм начал проявляться не только в обществе, в жизни людей, но и в школе. Почти в самом начале осени погнали нашу школу собирать хлопок, а потом собирать кукурузу, для чего мы шли за город строем и, проработав весь день, строем же возвращались в школу, а уж из школы вечером шли домой. Затем нас стали гонять на демонстрации по улицам города с плакатами, красными флагами и портретами в руках. Под команду выбравших директором мальчиков четвертого класса или самого директора мы должны были уметь ходить в ногу, и все школы

Суйдуна, собравшись вместе, представляли собой длинную вереницу демонстрантов. В каждой школе по-своему кто-нибудь выкрикивал всякие лозунги, а все остальные подхватывали и кричали, поднимая свои кулачки. И я была в числе последних, демонстрировала против чего-то, чего и сама не понимала, но должна была принимать активное участие вместе со всеми учащимися своей школы... Так, вместо того, чтобы учиться, мы ходили полдня или весь день в рядах по улицам и останавливались в иных местах, чтобы послушать какого-нибудь кричащего изо всех сил оратора... Часто в строю мы должны были петь революционные песни... Кроме того, что мы ходили по улицам и пели песни по-русски, к нам в школу каждую неделю стал приходить китаец и учить нас китайским новым песням на китайском языке». Иногда, вспоминает Е.И. Софронова, демонстрации заканчивались тем, что школьников приводили на большую площадь, и там начинался митинг.

«Большей частью эти собрания заканчивались тем, что выводили на сцену с закованными ногами и руками одного человека или нескольких, причем руки их всегда были связаны сзади. Это были не бедные люди, и за свое богатство так страдали. Все время суда, который обычно длился много часов, эти несчастные должны были стоять смиренно, даже не двигая головой... Свидетели кричали, пинали подсудимых, плевали им в лицо и старались всячески их очернить... Во время вот таких судов подсудимые всегда “перед лицом народа” осуждались на смертную казнь, то есть расстрел...».

Сильно изменился и внешний облик городов Синьцзяня: «не стало никаких столиков с семечками, тангарами, бобами, английской или какой-либо жвачкой, различными сушеными фруктами и конфетами. Вместо всего этого в тот год дети стали подбирать на улицах черный вар, которым кое-где заливались дороги, и жевать его вместо жвачки. На базаре все исчезло, как рукой кто-то смел, как были сметены и толпы народа. Вид города стал унылым и неинтересным... Вместо магазинов с лакомствами на столиках день и ночь на улицах стали кричать лозунги по радио, прославлявшие то Мао, то его друзей, давших власть народу, и новую необыкновенно хорошую жизнь. Что стало с хозяевами закрывшихся магазинов – неиз-

вестно...»⁴¹. В итоге многие российские эмигранты вынуждены были уехать из Синьцзяня в Австралию, США и другие страны.

1945 год стал важнейшей вехой и в жизни российских эмигрантов в странах Западной Европы. В литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что 1940-е гг. стали периодом завершения истории Русского Парижа, т. к. война «разрушила» его как центр культурной жизни зарубежья. Нелучайно один из обобщающих трудов по его истории завершается 1945 г.⁴² Привлеченные нами источники показывают, что война действительно оказала огромное воздействие на ситуацию в российской диаспоре во Франции. Большинство эмигрантов указывали на изменение политической и духовной атмосферы Русского Парижа. Характерно письмо известного меньшевика И.Г. Церетели Нине Рубинштейн в 1946 г.: «Если бы Вы приехали сюда, то не узнали бы Вашего любимого Парижа. На улицах как будто есть и движение, и шум, но все это как-то механично, не чувствуется родника жизни»⁴³. О том, что почти все, кто составлял Русский Париж, после войны «исчезли», писала и Н.Н. Берберова⁴⁴.

Отъезд многих эмигрантов за океан в 1940-е гг., гибель некоторых в годы войны и т. д. негативно воздействовали и на тех, кто оставался жить во французской столице. Тяжелое физическое и психологическое состояние многих эмигрантов (особенно из числа представителей старшего поколения) приводило к тому, что воссоздание в полной мере инфраструктуры довоенного зарубежья становилось невозможным. Супруга И.А. Бунина В.Н. Бунина отмечала в письме к М.С. Цетлин: «Никаких почти сборищ. Даже у соседей не бываем... На гостей собственно сил нет. Очень уж все измотаны»⁴⁵.

Пожалуй, еще более тяжелая ситуация, чем во Франции, складывалась в первые послевоенные годы в побежденной Германии. Очень точно положение, в котором оказались представители первой послереволюционной волны российской эмиграции в этом регионе, выразила О. Чехова, отметившая: «Жизнь складывается так, что спустя 25 лет мне снова приходится начинать все сначала»⁴⁶.

Следует обратить внимание на существенные отличия в положении российских эмигрантов, проживавших в центрах

диаспоры (Париж, Нью-Йорк, Сан-Франциско и др.) и в городах, где почти не имелось россиян. Последним, безусловно, психологически было значительно труднее, т. к. они были практически лишены возможности ежедневно общаться на родном языке, входить в структуры Российского зарубежья и т. д. О сложностях, которые испытывали такие эмигранты, свидетельствует их личная переписка. Так, проживавший в Венеции старый меньшевик Е.А. Ананьин (бывший секретарь одного из первых русских марксистов П.Б. Аксельрода) писал в 1955 г. Л.О. Дан: «Я оторван действительно... не только от “мира”, но даже в Италии (не забывайте, что Венеция – это провинциальная дыра)... Русских я никаких не знаю»⁴⁷. Схожие проблемы были и у Б.Н. Плаксина, жившего в одном из маленьких германских городков: «Жизнь здесь затхло-узкая, и порой я прямо-таки задыхаюсь в ней. Русских тут немного и почти никто из них не представляет для меня интереса»⁴⁸. Неслучайно он, как и многие жившие в таких городках эмигранты, мечтал переехать в Париж, т. к. это существенно расширило бы его круг общения. Даже некоторые административные центры, столицы государств могли быть глухой провинцией на карте Российского зарубежья, что создавало проблемы для немногочисленных эмигрантов, живших там. От недостатка общения с соотечественниками страдала, например, проживавшая в канадской столице Оттаве Е. Монтеро, которая указывала в письме к Н.И. Саблиной в 1949 г.: «Я здесь никого не знаю из русских, да их в Оттаве и нет – и давно уже не слышу русского слова»⁴⁹.

Сложная ситуация для эмигрантской интеллигенции сложилась и на рынке труда в послевоенной Европе и Америке. Как уже отмечалось выше, спросом нередко пользовалась дешевая, но не слишком квалифицированная рабочая сила. В результате для многих эмигрантов-интеллектуалов литературная деятельность не была основным источником их доходов, заменяя собой отдых. Этому способствовали небольшие тиражи эмигрантских изданий, низкий уровень жизни их потенциальных читателей. Редактор эмигрантского журнала «Современник» В.Л. Савин, например, писал известному литератору А.И. Угрюмову: «Помимо журнала я вынужден работать 10 часов в сутки для существования. Журнал мне приходится тянуть за счет лишения себя отдыха»⁵⁰.

Многие эмигранты, оказавшись за рубежом, вынуждены были заниматься тяжелым малоквалифицированным трудом, чтобы заработать на жизнь. Этот труд отнимал практически все их силы и время. Литературная, общественная деятельность в таких условиях зачастую становились невозможными, представляли собой обузу, от которой нередко пытались избавиться. Интересный, но, думается, весьма типичный случай приведен в датированном 1950 г. письме известного театрального деятеля эмиграции Д.Н. Кульчицкого М.Н. Чудаковой. Проживавший в то время в столице Перу Лиме Д.Н. Кульчицкий, рассказывая о выборах приходского совета местной православной церкви – структуры, игравшей немалую роль в жизни диаспоры, писал об одной эмигрантке: «Когда ее мужа хотели избрать членом совета, она выпалила залпом, что муж ее недавно приехал, “пробивается”, чтобы устроить свою жизнь, работает с утра и до вечера, а потом спит, что она должна заботиться о его здоровье и ни в какие члены он не вступит»⁵¹.

После окончания Второй мировой войны одной из важнейших проблем стал вопрос о правовом статусе тех советских граждан, которые в результате военных действий оказались за пределами территории СССР. Несмотря на проводившуюся советским правительством политику репатриации, часть бывших граждан СССР смогла избежать возвращения в Советский Союз. Они находились в расположенных в Германии лагерях для «перемещенных лиц» и до декабря 1946 г. относились к ведению ЮНРРА (Администрации помощи и восстановления при ООН). Эта структура оказывала СССР большую помощь в восстановлении Украины и Белоруссии, сотрудничала с советскими властями⁵², что, очевидно, и вызвало недовольство США. Впоследствии вместо нее по инициативе США была создана Международная организация по делам беженцев (ИРО), которая помогала «перемещенным лицам», содействовала их размещению в различных странах мира. В 1949 г. возникла новая структура, занимавшаяся этими вопросами – Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

Вся территория Германии и соседних стран превратилась в первые послевоенные месяцы и годы в район интенсивного перемещения масс людей. Как отмечают современные демо-

графы, в 1945–1955 гг. только в Западную Германию прибыло около 8 млн «перемещенных лиц». Массовые миграции происходили в этот период и внутри германских земель. По некоторым данным, из советской зоны оккупации на Запад бежало 4 млн чел.⁵³ Значительное число «перемещенных лиц» и оказалось после Второй мировой войны в лагерях, созданных международными организациями.

Создание лагерей было вызвано тем, что конец нацистского режима привел к необходимости установить стабильность на территории Германии, взять ситуацию под контроль. В мемуарах К.В. Болдырева содержится яркое описание обстановки, сложившейся в Германии весной 1945 г.: «С занятием крупных центров с большим скоплением иностранных рабочих из лагерей на улицы устремились ликующие толпы... Начинался стихийный грабеж... повальное пьянство, порой переходившее в разбой, поджоги и разного рода бесчинства». Все это сопровождалось разрушением системы коммунального хозяйства, уничтожением материальных ценностей. Известная актриса О. Чехова так характеризовала атмосферу летом 1945 г.: «Электричество уже давно не подается, водопровод разрушен... Совсем неподалеку горит дом»⁵⁴. Поэтому закономерно, что борьба с «анархией» стала первоочередной задачей военных властей. Именно для этого и проводилась концентрация рабочих в лагерь. Как указывал К.В. Болдырев, «поначалу люди шли в лагерь неохотно, но ...крайне обострившийся после окончания грабежей вопрос питания»⁵⁵ вынуждал их соглашаться на размещение в лагерь.

Сохранившиеся в архивах письма некоторых «перемещенных лиц» показывают, что пребывание в лагерях негативно сказывалось на их психологическом состоянии. Многие из них сменили нацистские концлагеря на лагеря ЮНРРА, в течение нескольких лет не имели четкого представления относительно своего будущего. Настроения многих выразил З. Макаренко, писавший в 1947 г. известному поэту Д.Д. Бурлюку: «Есть развязные разговоры о том, что скоро будут беженцев отправлять, ну и пусть, поскорее, лишь бы не к лешему на рога... Знаете, Д.Д., как нам надоели эти скитания по лагерям с 1943 г.?»⁵⁶.

Большая часть тех эмигрантов, кто хотел избежать репатриации, стремилась уехать как можно дальше из Европы.

Наиболее привлекательным являлся вариант иммиграции в США – самую развитую в экономическом отношении мировую державу. Об этом свидетельствуют многие высказывания советских «перемещенных лиц». Так, известный политик до революционной России В.Б. Станкевич, находившийся после войны в лагере «ди-пи», указывал в письме своему старому знакомому, литератору М.А. Алданову: «Здесь наша жизнь до смешного убогая и беспросветная. Единственная надежда – выбраться из Европы и, если только возможно, попасть в Америку»⁵⁷. Другая эмигрантка этой волны впоследствии вспоминала: «Для меня было только одно место в мире, чтобы жить: Америка. Я благодарю Бога, что он дал мне возможность здесь жить»⁵⁸. Заметим, что такая идеализация США впоследствии привела к горькому разочарованию многих из тех эмигрантов, которые столкнулись с реальной ситуацией в этой стране. По нашему мнению, именно излишне позитивный образ США, который изначально сложился у части эмигрантов, мог стать причиной для формирования «антиамериканских» настроений, свойственных части представителей российской диаспоры.

Однако резкому увеличению числа «ди-пи», уезжавших в США, мешали особенности американской иммиграционной системы – наличие национальных квот. Во второй половине 1940-х гг. были изданы законы, предоставлявшие «перемещенным лицам» преимущественное право получения иммиграционных виз. В итоге, по некоторым данным, к началу 1950-х гг. в США оказалось более 30 тыс. «ди-пи» – бывших граждан СССР⁵⁹. При этом советские историки и демографы стремились доказать, что главным критерием, на основании которого осуществлялся прием иммигрантов из «ди-пи» в США, был их антикоммунизм, «готовность выполнять любое задание заокеанских нанимателей»⁶⁰. Безусловно, такая оценка выглядит излишне резкой и отражает условия идеологической борьбы, в которых она была дана. Тем не менее, необходимо учитывать, что в соответствии с принятым в 1950 г. в США Законом о внутренней безопасности доступ в страну был закрыт для бывших и нынешних членов коммунистических партий.

Анализ данных американской статистики показывает, что после войны иммиграция становится более важным фактором роста населения США, чем в 1930-е гг. Количество прибы-

вающих в страну лиц, имеющих статус иммигрантов (только в 1947–1948 гг. таких было более 170 тыс. человек⁶¹) превышало число тех, кто уезжал из США.

Однако далеко не у всех советских перемещенных лиц была возможность уехать в США. Многие из них вынуждены были соглашаться на отъезд в страны Латинской Америки, причем руководствовались они не информацией об условиях жизни в данном регионе, а льготными правилами приема иммигрантов в этих странах. Как отмечал известный деятель власовской армии полковник К.Г. Кромиади, «народ валом валил в приемочные учреждения, помогавшие выбраться подальше от большевиков. Психоз был до того велик, что люди даже не задумывались, куда они едут и что там их ожидает, лишь бы уехать подальше от советской чумы»⁶². Большая группа «перемещенных лиц» оказалась в Венесуэле, впоследствии признавая, что до отъезда в эту страну они не имели о ней никакого представления. Венесуэла привлекала тем, что принимала и представителей старшего поколения, одновременно не предъявляя профессиональных требований к иммигрантам. Однако, приезжая в эту страну, российские эмигранты сталкивались с тяжелыми климатическими условиями, их начинали преследовать болезни. Одному из таких эмигрантов, Ф.М. Легостаеву, писали его соратники по власовской армии в 1951 г.: «Мы вместе с тобой проклинаем тот день и час, когда ты надумал ехать в Венесуэлу. Твое подорванное здоровье не для тех мест»⁶³.

Из латиноамериканских стран российские эмигранты, пожалуй, наиболее активно выбирали Аргентину (куда их активно привлекало правительство Х.Д. Перона). Впрочем, после того, как все больше русских получали информацию о реальной ситуации и условиях жизни в этой стране, они более осторожно начинали относиться к перспективам отъезда туда на постоянное место жительства. Неслучайно, уже в конце 1940-х гг. парижский журнал «Возрождение» писал: «Одной из самых притягательных для беженцев стран казалась до сих пор Аргентина. На переселение туда записалось в Европе свыше 100 тыс. русских беженцев; в числе записавшихся было немало и “старых” русских беженцев, с нансеновскими паспортами. В последнее время начались затруднения и разочарование. Тем не менее, тяга в Аргентину все еще велика»⁶⁴.

Большую помощь новым эмигрантам оказывали «старые» эмигранты, давно уже обосновавшиеся в странах Латинской Америки. Так, в Парагвае к таким относился бывший генерал Белой армии Эрн, в доме которого в первые послевоенные годы, по словам корреспондента одной из газет, всегда были «приезжие, которые никогда не уходят от него без слова одобрения, совета и помощи»⁶⁵. Впрочем, очевидно, что далеко не все «старые» эмигранты в Латинской Америке были настроены на активную помощь новым переселенцам. Неслучайно, издававшийся в Буэнос-Айресе журнал «Вехи» в 1949 г. писал: «Многие из нас живут здесь давно, привыкли, ассимилировались, разбогатели... Большинство эмигрантов устроило себе уютные квартиры... Но те из нас, кто сегодня ушли с головой в добывание земных благ, забыв обо всем другом, напоминают людей, построивших свои дома на кратере действующего вулкана... Безумные слепцы! Нужно отказаться от ограниченного обывательского равнодушия ко всему тому, что нас лично сейчас не касается...»⁶⁶.

Несомненно, совершенно иначе интерпретировалась эта тема в советской историографии. Исследовавший проблему правового положения трудовых эмигрантов из славянских стран в Южной Америке советский историк А.А. Стрелко в характерном для исследователей той эпохи ключе писал: «В первые годы второй мировой войны правительства переселенческих стран Латинской Америки, занимая зачастую откровенно лояльную позицию по отношению к державам “оси”, разрешили фактически полную свободу деятельности фашистских и других реакционных элементов национальных групп, преследуя в то же время их демократическую часть. Под влиянием приближающегося краха гитлеровской Германии и ее сателлитов, а также под воздействием мощного антифашистского движения на континенте власти до некоторой степени временно ослабили преследование прогрессивных сил трудовой иммиграции. Что же касается фашистских и других реакционных элементов и организаций, то для них практически продолжал существовать режим наибольшего благоприятствования и на завершающем этапе войны, и после нее, когда правящие круги Аргентины, Бразилии, Чили, Парагвая и ряда других стран континента не препятствовали въезду многих тысяч бывших нацистов»⁶⁷.

Некоторые эмигранты, получив информацию об условиях жизни в Латинской Америке, выбирали в качестве постоянного места жительства Австралию и Новую Зеландию, активно привлекавших иммигрантов. Так, уже упоминавшаяся Е.И. Софронова отмечала, что большинство представителей российской диаспоры в Синьцзяне были поставлены перед выбором: эмиграция в Бразилию или в Австралию. Было известно, что в Бразилии «жизнь тогда была трудной». Первоначально Австралия так же не была привлекательной, так как многие считали, что «жить на каком-то островке не совсем бы их устраивало»⁶⁸. Однако в условиях, когда отсутствовала реальная альтернатива, значительная часть иммигрировала в Австралию через Гонконг. Известно, что всего Австралия в 1947–1954 гг. приняла около 170 тыс. «ди-пи» из Европы⁶⁹. Что же касается Новой Зеландии, то она после войны принимала иммигрантов старше 50 лет, т. е. именно тех, кому отказывали в разрешении на въезд многие другие страны.

Большинство стран, принимавших иммигрантов, были заинтересованы в лицах трудоспособных возрастов, которые были готовы к тяжелому физическому труду. Это создавало большие проблемы для интеллигенции, принадлежавшей к старшему поколению. Так, поэт Ю. Трубецкой с горечью писал в 1950 г. Г.В. Иванову: «Я уже думаю ехать в Марокко – не принимают... Печать, стихи... кому они вообще нужны теперь?!! Теперь ведь не люди, а обезьяны-роботы. Так что придется работать, и тяжело работать. А откуда взять здоровье?»⁷⁰. Аналогичное мнение высказал эмигрантский публицист Н. Переселенков в 1948 г.: «Не легко в нынешнее время перетащить таких ди-пи, как мы (не углекопы и не землеробы, а, простите за выражение, интеллигенты) из Германии во Францию»⁷¹. Тем не менее, чтобы выжить, и некоторым таким эмигрантам приходилось браться за физическую работу.

Общая же численность второй волны эмиграции из СССР оценивается историками по-разному. Так, известный деятель НТС В.Д. Поремский, пытаясь вычислить количество собственно русских эмигрантов (без учета западных украинцев, белорусов и т. д.), называл цифру 100–130 тыс.чел.⁷² По другому пути пошел А.А. Шевяков, использовавший данные советских органов репатриации, где утверждалось, что после войны в Советский Союз не вернулись 451 тыс. чел.⁷³ Известные

историки-эмигранты И.А. Дугас и Ф.Я. Черон оценивали этот показатель в 529 тыс. чел.⁷⁴. Одним из крупнейших специалистов по этой проблеме, безусловно, является В.Н. Земсков. Он указывал, что с учетом жителей Бессарабии и Северной Буковины, принявших румынское гражданство, лиц, вступивших в браки с иностранцами и ряда других категорий численность этой волны составляет 620 тыс. человек, из которых около 75 % – бывшие жители тех регионов, которые были включены в состав СССР в 1939–1940 гг.⁷⁵ Следует отметить, что все эти данные приблизительны, т. к. многие эмигранты сознательно называли себя поляками, румынами и т. д., меняли фамилии, чтобы избежать репатриации.

Ведущим центром Русского мира после Второй мировой войны стали США. Здесь начали новую жизнь многие эмигранты «второй волны». Русский мир в США становился все более ярким и многообразным. «Новое русское слово» печатало множество объявлений, предлагавших самые разнообразные формы досуга для проживавших в Америке русских. Довольно типичным было, например, такое объявление:

«Пансион “Russian Village”

711 Pelham Road, New Rochelle,

14 миль от Нью-Йорка

Идеальное место для вакаций и “вик-эндс”

Все городские удобства и деревенские преимущества

10 акров земли, занятой под тенистый лес, сад и огороды

Здоровая и гористая местность

Заново отремонтированные и хорошо меблированные комнаты

Первоклассная кухня под наблюдением госпожи Мочаровой

Морские купанья на прекрасных двух пляжах на дачном застрахованном автомобиле

Умеренные цены

Там же сдаются 2 маленьких бонгало и комнаты без стола

С почтением А.А. Федоров»⁷⁶.

По-прежнему разнообразными были и русские магазины в США. Характерно то, что после разрушительной для всего мира Второй мировой войны они продолжали предлагать предметы роскоши. Таким был, например, магазин «Русское искусство» Лидии Камышниковой в Нью-Йорке. Его реклама

уже спустя год после окончания войны постоянно появлялась на страницах «Нового русского слова»:

«Russian Art Shop

103 West 56 Улица

Русские вышитые блузы и шарфы

Полотенца, куклы, платки. Русские народные лубки

Гравюры, изображающие Россию, ее города и природу.

Картины знаменитых русских художников в оригиналах.

Иконы и складни. Самовары. Бронза.

Открыто ежедневно от 10 часов утра до 7 часов вечера»⁷⁷.

Бесспорно, далеко не все вновь прибывшие за океан русские могли себе позволить отдохнуть во время уик-энда в загородном пансионе или приобрести сувениры в магазине госпожи Камышниковой. Однако, постепенно, все больше эмигрантов начинали обустраивать жизнь на новом месте. Война и связанные с нею потрясения остались в прошлом. Десятки и сотни тысяч русских начинали новую жизнь в Новом свете...

Таким образом, Вторая мировая война внесла существенные изменения не только в географию Русского мира, но и в образ жизни русских эмигрантов. Тем, кто продолжал жить в Европе, было крайне трудно восстановить прежний, довоенный уклад жизни. Совершенно в особых условиях лагерной жизни еще долгое время после войны существовали огромные массы советских «ди-пи». А в США – ведущей державе послевоенного Запада – на продолжавшие жить почти по-прежнему «островки» Русского мира прибывали из «старой» Европы новые эмигранты, сделавшие блеск Русского Нью-Йорка гораздо более ярким.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новое русское слово (Нью-Йорк). 1942. 4 января.

² Новое русское слово. 1942. 16 января.

³ Последние новости (Париж). 1940. 20 апреля.

⁴ Последние новости. 1940. 14 апреля.

⁵ Последние новости. 1940. 14 апреля.

⁶ См.: Сухомлин В.В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. – М., 1965. № 11. С. 132.

⁷ См.: Оболенский П.А. На чужой стороне // Москва. – М., 1965. № 8. С. 218.

⁸ Урицкая Р.Л. Правовое положение русской эмиграции в оккупированной Франции // Нансеновские чтения 2009. – СПб., 2010. С. 77.

⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 429, карт. 4, ед.хр. 3. Л. 11–12.

¹⁰ Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1965. С. 330–331.

¹¹ Парижский вестник. 1942. 14 июня.

¹² Парижский вестник. 1942. 14 июня.

¹³ Парижский вестник. 1943. 26 июня.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Парижский вестник. 1944. 17 июня; 12 августа и др.

¹⁷ Парижский вестник. 1944. 17 июня.

¹⁸ Княжна Мария Илларионовна Васильчикова (1917–1978) – дочь бывшего члена Государственной Думы 4 созыва князя И.С. Васильчикова. Весной 1919 с семьей эмигрировала из России, в 1920–1930-е гг. жила в Германии, Франции и Литве. С января 1940 г. – в Берлине.

¹⁹ Васильчикова М. Берлинский дневник. 1940–1945. – М., 1994. С. 15–19.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Казанцев А.С. Третья сила. С. 48–51.

²² Буханов В.А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах. Идеино-политические проблемы. – Екатеринбург, 1998. С. 98.

²³ Урицкая Р.Л. Указ.соч. С. 79.

²⁴ Парижский вестник. 1942. 14 июня.

²⁵ Оболенский П.А. На чужой стороне // Москва. 1965. № 8. С. 209–221.

²⁶ Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 110–141.

²⁷ См.: Полян П.М. Жертвы двух диктатур. – М., 2002.

²⁸ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. – М., 1992. С. 263.

²⁹ ГАРФ, ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

³⁰ Там же. Л. 279.

³¹ ГАРФ, ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 31. Л. 186.

³² ГАРФ, ф. Р-5862. Оп. 1. Д. 1. Л. 260.

³³ Мейснер Дмитрий Иванович – в 1917 г. – председатель Петроградской молодежной организации учащихся средних школ кадетской партии. С 1919 г. – в Белом движении, воевал в рядах первой артиллерийской гвардейской бригады Добровольческой армии. С 1920 г. – в эмиграции в Чехословакии, участвовал в деятельности Пражской демократической группы кадетской партии.

³⁴ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. – М., 1966. С. 253–254.

- ³⁵ ОР РГБ. Ф. 753, карт.1, ед.хр. 19. Л. 2.
- ³⁶ См.: *Гессен С.И.* Избранные сочинения. – М., 1999. С. 7.
- ³⁷ См.: *Баран Х., Душечкина Е.В.* Вокруг «Слова о полку Игореве»: из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьева // *Славяноведение*. 2000. № 4. С. 51.
- ³⁸ *Кайгородов А.М.* Маньчжурия: август 1945 // *Проблемы Дальнего Востока*. 1991. № 6. С. 101.
- ³⁹ См.: *Хисамутдинов А.А.* Русские эмигранты на Филиппинах // *Вопросы истории*. 2003. № 8. С. 141–146.
- ⁴⁰ *История русских в Австралии*. Сидней, 2004. Т. 1. С. 150–153.
- ⁴¹ *Софронова Е.И.* Где ты, моя Родина? С. 112–116.
- ⁴² См.: *Русский Париж* / Сост. Т.П. Бушлакова. – М., 1998. С. 16.
- ⁴³ International Institute of Social History (IISH). N. Rubinstein collection. Folder 4.
- ⁴⁴ См.: *Берберова Н.Н.* Курсив мой. – М., 1999. С. 530.
- ⁴⁵ *Новое о Буниных* // *Минувшее. Исторический альманах*. – М., 1992. Вып. 8. С. 310.
- ⁴⁶ *Чехова О.* Мои часы идут иначе. С. 235.
- ⁴⁷ IISH. L.O. Dan collection. Folder 7.
- ⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 1. Д. 236. Л. 8.
- ⁴⁹ LRA. MS 1285/2032.
- ⁵⁰ LRA. MS 1396/2631.
- ⁵¹ LRA. MS 1365/246.
- ⁵² См.: *Anglo-Russian News Bulletin*. London, 1946. № 46. P. 4.
- ⁵³ См.: *Global transformations. Politics, economics and culture* / *Held D., McGrew A., Goldblatt D.* – Stanford, 1999. P. 297; *Western Europe. Economic and social change since 1945*. – London; New York, 1999. P. 182.
- ⁵⁴ *Чехова О.* Мои часы идут иначе. – М., 1998. С. 223.
- ⁵⁵ *Болдырев К.В.* Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // *Вопросы истории*. 1998. № 7. С. 113.
- ⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 372, карт. 13, ед.хр. 29. Л. 1.
- ⁵⁷ IISH. V.B. Stankevic collection. Folder 1.
- ⁵⁸ *Polovchak W., Klose K.* Freedom`s child. A courageous teenager`s story of fleeing his parents – and the Soviet Union – to live in America. – New York, 1988. P. 47.
- ⁵⁹ См.: *Danilov D.P., Deutsch H.D.* Immigrating to the USA. – Vancouver, 1994. P. XVIII; *Иванов М.М.* США: правовое регулирование иммиграционного процесса. – М., 1998. С. 26.
- ⁶⁰ *Шамиур О.В.* «Проблема» беженцев: кому это выгодно? // *США: Экономика, политика, идеология*. 1985. № 2. С. 16.
- ⁶¹ См.: *The American Year Book*. 1948. – New York, 1949. P. 438.
- ⁶² *Кромиади К.* За землю, за волю... – Сан-Франциско, 1980. С. 264.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 24. Л. 6.
- ⁶⁴ *Возрождение* (Париж). 1949. № 1. С. 187.
- ⁶⁵ *Суворовец* (Буэнос-Айрес). 1948. 17 декабря.
- ⁶⁶ *Вехи* (Буэнос-Айрес). 1949. № 13–14. С. 9.

⁶⁷ Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980. С. 27–28.

⁶⁸ Софронова Е.И. Где ты, моя Родина? С. 210.

⁶⁹ См.: Лепервани М. де. Иммиграция в Австралию в 1947–1979 гг. // Советская этнография. 1981. № 4. С. 65.

⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 713, карт. 1, ед.хр. 19. Л. 1–2.

⁷¹ ИШ. V.V. Stankevic collection. Folder 1.

⁷² См.: Поремский В.Д. Стратегия антибольшевицкой эмиграции: избранные статьи 1934–1997. – М., 1998. С. 147.

⁷³ См.: Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социс. 1993. № 8. С. 8.

⁷⁴ См.: Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. С. 359.

⁷⁵ См.: Земсков В.Н. Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6–7. С. 111.

⁷⁶ Новое русское слово. 1946. 7 июля.

⁷⁷ Там же.

3

СТРУКТУРЫ РУССКОГО МИРА в 1939–1953 гг.

Институциональная структура Русского мира во многих странах не могла не претерпеть кардинальных изменений под влиянием Второй мировой войны. Как известно, в 1930-е гг., пожалуй, наибольшее развитие феномен Русского Зарубежья получил во Франции. Уже начало войны привело к серьезным трансформациям структур Русского мира в этой стране. Весной 1940 г. «Последние новости» даже посвятили проблеме влияния войны на деятельность русских благотворительных организаций во Франции специальную статью. Как явствовало из нее, война «тяжко ударила» по таким структурам: «Одни организации лишились притока средств и прекратили свое существование, другие – сильно сократили его, “свернули” свою деятельность до лучших времен». Вместе с тем, война породила и новые нужды, новые потребности – и вместо старых гуманитарных организаций появились новые, которые занимались о русских мобилизованных и их семьях. Серьезные изменения произошли, например, в системе детских приютов во Франции. До войны существовало шесть таких приютов – в Шатнэ, Медоне, Сен-Жермене, Кэнси, Канне и Веррьер. Уже в первые полгода войны два из них закрылись. Приют в Кэнси переориентировался на прием детей испанских и австрийских беженцев. Около половины русских детей, находившихся до войны в Сен-Жерменском приюте, были эвакуированы или взяты родителями, на их места были приняты дети из интернатов французских профессиональных школ Бовэ и Дрэ, закрытых после начала войны.

Однако, оба русских учебных заведения во Франции – Русская гимназия в Париже (250 учащихся) и русский корпус-

лицей (30 учащихся) в первый год Второй мировой войны продолжали свою работу. Как сообщали «Последние новости» в апреле 1940 г., «в случае надобности, оба эти учебных заведения будут эвакуированы вглубь Франции». За первые полгода войны возникли и новые учреждения помощи детям-беженцам – эвакуационные центры. Это было тем более необходимо, поскольку, когда в сентябре 1939 г. началась массовая эвакуация детей из Парижа, русские попали в особо сложное положение. Как выяснилось благодаря публикациям эмигрантской прессы, некоторые мэрии французских городов отказывались принимать эвакуированных детей иностранцев. Ситуацию тогда спасло то, что Русский дом для престарелых в Сен-Женевьев-де-Буа выделил для детей одно из своих зданий, где нашли приют 105 детей. Еще один эвакуационный центр был развернут Русским студенческим христианским движением в Нижних Пиренеях. Уже к весне 1940 г. в нем считывалось около 100 детей¹.

Конечно, война больно ударила и по престарелым русским беженцам, что увеличило объем работы для русских благотворительных организаций. Был значительно уплотнен и расширен Дом престарелых в Ницце. Продолжали работать дома в Сен-Женевьев-де-Буа, Шелле, приют в Роз-ан-Бри и ряд других мелких учреждений.

Война привела к тому, что появилось еще одно направление в деятельности русских благотворительных организаций – помощь мобилизованным во французскую армию и их семьям. Известно, что семьи русских эмигрантов, призванных в армию наравне с французами, получали такое же правительственное пособие, как и семьи мобилизованных французов. При льготной квартирной плате это давало возможность семьям мобилизованных существовать, пока не возникало каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Но болезнь сразу выбивала их из колеи. В этой ситуации большую помощь оказывал Центральный комитет помощи мобилизованным и их семьям, во главе которого стояли М.А. Маклакова и М.М. Федоров. Комитет направлял мобилизованным и их семьям вещевые посылки, книги, газеты, небольшую денежную помощь². Представители семей русских мобилизованных объединились в Союз, члены которого регулярно проводили собрания во французской столице.

Как свидетельствуют источники, война внесла существенные изменения в содержание деятельности и тех структур Русского мира во Франции, которые не специализировались на благотворительных мероприятиях. В помощи мобилизованным и их семьям, например, приняли активное участие многие русские организации. Так, Правление Союза казаков-комбатантов во главе с генералом С.Д. Позднышевым предлагало членам союза, чьи сыновья и братья были призваны во французскую армию, сообщить их адреса для отправки им от имени союза пасхальных посылок³. Вопрос о помощи мобилизованным значился в повестке дня и проходившего в апреле 1940 г. в помещении ресторана «Встреча друзей» собрания Объединения владикавказских кадетов⁴. Правление Союза комбатантов и инвалидов Великой войны приглашало своих членов принять участие в изготовлении спальных мешков.

В целом, в первый год Второй мировой войны структура довоенного Русского Парижа продолжала сохраняться. Многочисленные Союзы и Объединения регулярно устраивали свои традиционные собрания. Весной 1940 г. только в одном номере «Последних новостей» за 1 апреля, например, содержалась информация о мероприятиях, которые в этот день проводили в Париже Союз русских военных инвалидов (на рю де Касабланка), Союз русских шоферов (на рю Ивар), Общество взаимопомощи русских шоферов (на рю Даниель Стерн). Продолжал функционировать Русский высший технический институт, профессора которого М.А. Кедров и Пастаков в этот же день вели практические занятия по железобетону, а также по водоснабжению и канализации⁵. Русский Париж жил, казалось, своей обычной жизнью. За два месяца до германской оккупации во французской столице было выбрано новое правление Союза сестер милосердия имени Вревской (председатель – Т.И. Алексинская), прошли заседание правления Общества артиллеристов, встреча тифлисских кадетов, мероприятия Общества галлиполийцев и Национальной организации русских скаутов⁶. А Общество врачей имени Мечникова вместо традиционного бала устроило просмотр французской кинокомедии Бурдэ «Фрик-фрак» в синема «Ранелаг» на авеню де Вин...⁷

Ситуация принципиально изменилась уже через несколько месяцев. Разгром Франции и оккупация ее значительной части нацистской Германией привели к прекращению деятельности

многих структур Русского мира. Важнейшую роль в оккупированном Париже, как уже отмечалось, стало играть Управление делами русской эмиграции во Франции, возникшее в апреле 1942 г. Его начальником был назначен Ю.С. Жеребков⁸, чьим заместителем стал П.Н. Богданович. При начальнике Управления было организовано Собрание, председателем которого являлся генерал Н.Н. Головин. Управление делилось на три отдела. Во главе 1-го отдела стоял секретарь Управления П.А. Рогович, 2-й отдел возглавлял С.Н. Краснов, а 3-й, занимавшийся регистрацией эмигрантов – А.М. Греков. В качестве отдела в Управление была включена и редакция газеты «Парижский вестник»⁹.

Нельзя, конечно, сказать, что все структуры довоенного Русского мира во Франции в годы Второй мировой войны прекратили свое существование. Те из них, чьи руководители ориентировались на коллаборационистское УДРЭФ, в годы нацистской оккупации проводили разнообразные акции. Так, например, в апреле 1944 г. Национальная организация витязей провела в Париже большой спортивный праздник. Характерно, что в качестве почетного гостя на этом мероприятии присутствовал начальник УДРЭФ Ю.С. Жеребков. Как сообщал «Парижский вестник», «гвоздем всего праздника явился матч сборной русской команды с волейболистами 1-го клуба Франции Рэсинг К.Ф., 1-я команда которого является основой Национальной команды Франции»¹⁰.

Пожалуй, именно Национальная организация витязей стала в Париже одной из тех структур, члены которых наиболее активно сотрудничали с УДРЭФ. Именно «витязи» вели наиболее активную работу в среде русской молодежи, объединяя ее вокруг созданного УДРЭФ т. н. Русского Дома. Вот как впоследствии, в 1944 г., описывал «Парижский вестник» процесс возникновения и деятельность Русского Дома в оккупированном нацистами Париже: «Около года тому назад, по распоряжению начальника УДРЭФ Ю.С. Жеребкова, возглавители Объединения русской молодежи во главе с Н.У. фон Самсон, поставили своей целью сооружение среди французского моря небольшого русского островка, где был бы поднят русский национальный флаг, вокруг которого смогла бы сосредоточиться культурно-просветительская и воспитательная работа по сохранению русскости подрастающего молодого поколения

русской эмиграции... Медленно, но верно, Дом Русской молодежи становится вообще Русским Домом в Париже: стоит лишь проследить происходившую за неделю жизнь в этом, занимаемом русскими, особняке 40, рю Сэн-Дидье, Париж, 16. Ежедневно несколько комнат Дома превращались в классы, в которых производились занятия с учениками Русской Гимназии, эвакуированной из Булони, пригорода Парижа... Руководитель Литературного Отдела, знаток русских классиков и русской литературы Г.А. Майер, читал по вторникам и пятницам очень интересные лекции о творчестве знаменитых русских писателей... По четвергам можно было слушать совершенно исключительные по своему содержанию доклады генерала Спиридовича на тему об "Истории общественных движений в России в XIX и XX веках"... Членами Объединения русской молодежи М. Арцимовичем и В. Звегинцевым, являющимися одновременно и инструкторами "Национальной организации витязей" каждую среду производились занятия с молодежью младшего и среднего возраста (не старше 17 лет). На развитие спорта руководители Объединения обращают серьезное внимание... А.С. Скрябин, не жалея сил и времени, организовал прекрасную футбольную команду, выступающую ныне под своими русскими эмблемами против французских команд. Женская команда волейбола (капитан Буримова) дала отличные результаты и уже имеет свое имя в Парижском спортивном мире. Мужскую команду организует известный специалист этого вида спорта И. Остров... Почти что ежедневно шли репетиции театра Русской молодежи "Терема" под руководством опытного драматического актера П.П. Великатова... Труппа "Терема" дала несколько спектаклей для частей РОА»¹¹.

Следует обратить внимание на последнее замечание корреспондента «Парижского вестника», касающееся выступлений артистов театра Русского Дома перед бойцами власовской армии. Это неслучайно, поскольку вся деятельность этой структуры так или иначе была нацелена на укрепление коллаборационистской тенденции в Русском Париже. УДРЭФ и связанные с ним организации должны были мобилизовать русских эмигрантов в Париже на борьбу против стран антигитлеровской коалиции, всячески содействуя войскам нацистской Германии. Особенно ярко эта линия проявлялась, пожалуй,

в последние недели и месяцы немецкой оккупации Парижа. Очевидно, германские власти потребовали от УДРЭФ более активной помощи после высадки союзников в Нормандии летом 1944 г., когда оккупационный режим оказался на пороге крушения. Неслучайно в августе 1944 г. на страницах «Парижского вестника» появилась статья о создании внутри структуры СС особого института «русских воспитанников». Заявлялось, что цель этого института – «не превратить русского гражданина в немца по психике, а помочь подростку в формировании его национального мировоззрения, сделать из него русского националиста, овладевшего и воспринявшего европейскую культуру». Публицист «Парижского вестника» с восторгом писал: «Шефство над русской молодежью принимает организация SS – крупнейшая сила, в задачи которой входит не только активная борьба с темными силами международного иудо-большевизма, но и подготовка европейского Завтра... Намечается создание ряда лагерей для подростков 15–20-летнего возраста. Под руководством специально выделенных достойных уважения опытных руководителей молодежь должна пройти в лагерях 8-месячные сборы, ставящие своей задачей формирование в юном гражданине основ национально-политического мировоззрения... По окончании лагерного курса перед молодежью откроется много путей – служба во вспомогательных частях воздушной защиты, поступление в офицерские школы, получение бесплатного профессионального образования или направление в особые сельскохозяйственные школы»¹². Однако, очевидно, немногие представители русской молодежи Парижа успели воспользоваться предлагавшимися возможностями, которые открывались после поступления в ряды «русских воспитанников SS». Коллаборационистское Управление делами русской эмиграции во Франции и связанные с ним структуры доживали последние дни. Вскоре союзные войска освободили французскую столицу. Начиналась новая страница в истории Русского Парижа.

Поражения вермахта на заключительном этапе Второй мировой войны вносили серьезные изменения в деятельность русских эмигрантских организаций в тех странах Европы, которые были оккупированы войсками нацистской Германии. Тем не менее, несмотря на то, что война весной 1945 г. шла уже на территории Германии и ее поражение было очевид-

ным, в Праге, например, продолжали функционировать структуры Российского зарубежья, так или иначе ориентировавшиеся на сотрудничество с нацистами. Так, в апреле 1945 г. Комитет по оказанию социальной помощи русским эмигрантам продолжал устраивать регулярные благотворительные концерты: последнее известное нам такое мероприятие прошло 15 апреля. При этом эмигранты продолжали запрашивать на проведение каждого концерта разрешение у германских властей¹³. А ведь к середине апреля 1945 г. советские войска уже захватили Венгрию и значительную часть Чехословакии, вступили в Австрию, начиналась Берлинская наступательная операция.

Тем не менее, лишь 20 апреля 1945 г. прошло последнее заседание правления Донской казачьей имени войскового атамана графа Граббе станицы в Праге. Оно постановило в связи с приближением фронта «условно станицу распустить». При этом подчеркивалось, что речь не шла об окончательной ее ликвидации, а лишь о том, чтобы приостановить ее активную работу, «чтобы вновь собраться здесь или в другом пункте, если общая военно-политическая обстановка этому будет благоприятствовать». Весьма любопытно также и то, что одновременно правление удовлетворило просьбы двух казаков – полковника М.А. Полицарпова и старшего унтер-офицера Д.Д. Копыла о вступлении в состав станицы¹⁴. Впрочем, очевидно, речь шла о казаках, эвакуированных в Прагу из других районов «третьего рейха». Тем не менее, это свидетельствует о попытках эмиграции сохранить структуры Российского зарубежья, что позволило в определенной степени обеспечить преемственность между довоенной и послевоенной российской диаспорой на институциональном уровне.

Свою специфику, бесспорно, имело функционирование структур Русского мира в годы Второй мировой войны в США. Эта специфика определялась и ролью США как одной из ведущих стран антигитлеровской коалиции, и их удаленностью от основного – европейского – театра военных действий, и составом русских эмигрантов в этой стране. Большую роль здесь играли не доминировавшие в Европе представители «белой» эмиграции, а трудовые эмигранты, уехавшие из Российской империи. В массе своей они отнюдь не были жесткими антикоммунистами. Многие из них к тому же столь давно

переехали за океан, что уже осознавали себя не эмигрантами, а гражданами Американского государства. Экономическая ситуация в США была значительно более благополучная, чем в странах Европы, многие их граждане (в том числе и выходцы из России) обладали значительными средствами. Все эти факторы и обусловили тот факт, что благотворительные акции занимали существенное место в деятельности структур Русского мира в США. Как уже отмечалось, именно помощь русских организаций США сыграла огромную роль в том, что русские эмигранты в Европе смогли пережить тяжелые военные годы. Активно действовало, например, Общество помощи русским детям за рубежом, проводившее в лучших залах Нью-Йорка (например, в Казино Рюсс) под покровительством великой княгини Марии Павловны благотворительные мероприятия. В них участвовал цвет русской эмигрантской аристократии в США. Среди дам-патронесс Общества были, например, княгини А. Гагарина, М. Горчакова, О. де Клюге и др. В 1940–1941 гг. значительную помощь Общество оказывало русским детским учреждениям в Болгарии и Югославии. При этом, анализируя международную обстановку, уже в январе 1941 г. руководители Общества прозорливо отмечали, что сообщение с этими странами в ближайшее время «может быть прервано», поэтому помощь направлялась заранее, на полгода вперед¹⁵. Направлялась Обществом помощь и в адрес русских эмигрантов во Франции, Чехословакии, Китае и других странах.

Как уже отмечалось, большую помощь деятелям русской культуры в Европе оказывал базировавшийся в США Литературный фонд. Одним из первых мероприятий Фонда в этом направлении стало проведение в Нью-Йорке 16 февраля 1941 г. митинга, целью которого провозглашалось «выяснение перед русской колонией Нью-Йорка действительного положения русских писателей и ученых в Европе и возможной им помощи». Как отмечали организаторы митинга, «вести, идущие из Франции и других стран, указывают на крайнюю нужду лучших представителей русской интеллигенции и на необходимость принятия экстренных мер для их спасения»¹⁶. Председателем митинга был почетный глава Фонда профессор А.И. Петрункевич. Среди выступавших значились такие видные фигуры Русского мира в США, как Н.Д. Авксентьев, М. Алданов, Р. Абрамович, С.М. Ингерман, Б.И. Николаевский,

В.В. Набоков и другие. Очевидно, что такие мероприятия способствовали привлечению внимания русской эмигрантской общественности к проблеме организации благотворительных акций в помощь соотечественникам, проживавшим в страдавшей от войны Европе. Среди структур Русского мира в США, оказывавших помощь русским литераторам в Европе, можно назвать также Объединение писателей, среди учредителей которого были С. Прегель, Н. Кодрянская и другие известные эмигранты-деятели культуры. В марте 1941 г. Объединение организовало в Нью-Йорке вечер памяти известного писателя Е.И. Замятина. Средства, собранные на этом мероприятии, пошли в пользу вдовы писателя, проживавшей во Франции и находившейся в очень тяжелом положении¹⁷.

Большую роль в годы войны сыграли русские организации США в сборе средств в помощь странам антигитлеровской коалиции. Прежде всего, источники фиксируют высокую активность в этом направлении наиболее крупных объединений выходцев из России – РНОВА и РООВА. Возникшее еще до революции 1917 г. в Чикаго РНОВА (Русское независимое общество в Америке), объединявшее массы трудовых эмигрантов, имело большинство своих отделов на Среднем Западе (в штатах Иллинойс, Мичиган и т. д.). После нападения японской эскадры на Перл-Харбор РНОВА выступило с призывом к выходцам из России отдать все силы на борьбу с врагом. В опубликованном в январе 1942 г. воззвании «К русским людям в Северной Америке» подчеркивалось: «Русские организации и отдельные лица Чикаго и окрестностей! Помогите правительству и президенту США выиграть войну! Все мы должны жить, думать и работать только для того, чтобы разбить темные силы фашистских стран! Внушайте вашей молодежи презрение к смерти в борьбе с врагом. Учите молодежь, что гораздо лучше погибнуть в геройской борьбе на поле брани, чем медленно умирать под властью германских и японских милитаристических разбойников. Не забывайте урока, полученного Францией. Францию погубили пацифизм и трусость перед смертью... Мы призываем к войне потому, что это – наша война. Война всего Американского Народа за свое существование. Война за свободу против насилия тоталитарных разбойников. Помните слова русских героев: “В борьбе обрешь ты право свое!”»¹⁸. Заметим, что использование старого

лозунга партии эсеров вполне закономерно для организации, чье ядро составляли трудовые эмигранты из Российской империи, многие из которых являлись выходцами из социальных низов дореволюционного русского общества.

Характерен также и тот факт, что текст воззвания РНОВА четко свидетельствовал: его члены в годы Второй мировой войны воспринимали себя уже прежде всего как граждане США. Это настроение ощущается и при анализе деятельности некоторых других организаций, например, функционировавшего в годы войны Филадельфийского объединенного комитета помощи России. Как отмечалось, например, в отчете «Нового русского слова» о митинге, проведенном комитетом в декабре 1941 г., «отрадно было видеть, с каким благоволением каждый из многочисленных ораторов становился под сенью большого американского флага, выставленного впереди сцены». Собравшиеся на митинге призывали помочь правительству США и Вооруженным силам страны в их борьбе против германо-японских агрессоров. Характерно выступление доктора Дубина-Александрова, заметившего, что «даже наши маленькие дети могут принять в этом участие, откладывая центы, получаемые ими на сладости и игрушки, на покупку “дефэнс стэмпис”». В итоге митинг принял резолюцию на имя Президента США, выражающую «лояльность собравшихся граждан русского происхождения и готовность всемерно помогать Правительству в скорейшем достижении победного конца этой войны и достойного наказания варварам»¹⁹.

Что же касается характеристики общего состояния структур Русского мира в США в годы Второй мировой войны, то многие из них продолжали функционировать в довоенном режиме. По-прежнему проводили свои собрания многочисленные союзы и объединения самого разнообразного типа, вплоть до Клуба русских маляров. В Нью-Йорке в «Казино-Рюсс» продолжались банкеты Союза русских пажей, участниками которых были старый русский морской офицер В. Макаров (сын знаменитого адмирала), князь и княгиня Гагарины, князь С. Оболенский, графиня П. Коцебу, баронесса Врангель... Регулярно собирался Кружок поэтов (правление – В.С. Иванов, Н.Н. Алл, В.В. Бабилов). Союз русских евреев проводил в нью-йоркском отеле «Эмпайр» музыкальные вечера, а по случаю Пасхи – «традиционные сейдеры». Ежегодные балы уст-

раивал на Бродвее Союз русских старообрядцев. А 25 января там же, на Бродвее, Русский Нью-Йорк ежегодно отмечал Татьянин день...²⁰

После разгрома нацистской Германии, окончания Второй мировой войны не произошло полного крушения институциональной структуры Русского зарубежья как в Европе, так и за океаном. Так, во Франции продолжали существовать военные организации российской эмиграции. В Париже функционировали Общество офицеров Генерального штаба, Объединение выпускников Николаевской инженерной академии, Объединения Галлиполийцев, Корниловцев, Дроздовцев, Союз российских кадетских корпусов, Гвардейское объединение и т. д. Собрания Объединений проходили редко. В основном военные организации в послевоенный период занимались благотворительностью, сбором средств в помощь пожилым российским офицерам, проведением вечеров. Анализ издававшейся ими периодической печати свидетельствует о том, что пожилые эмигранты в основном были ориентированы на воспоминания о своем участии в событиях Гражданской войны. Популярными темами для публикаций становились и исторические очерки о боевом пути отдельных частей и соединений Императорской и Белой армий.

Подобная ситуация складывалась и в среде казачества. Собрания Союза казаков-комбатантов в Париже, например, уже в 1950-е гг. проходили редко и считались состоявшимися при любом числе присутствующих. Основной задачей казачьих объединений, как и военных организаций, стала благотворительная деятельность. Именно надежда на помощь со стороны членов своей корпорации зачастую являлась главной причиной вступления казаков в состав многих структур. Это отмечали, в частности, лидеры Казачьего Союза, указывавшие в 1948 г.: «Многие необходимость Союза понимают слишком практически: в смысле получения только материальной помощи... Однако, участники Казачьего Союза не должны упускать из виду, что и они сами должны проявить жертвенность». Одновременно справедливо отмечалось, что нецелесообразно сосредотачиваться только на материальной стороне проблемы: «Ведь на чужбине нередко тяжело казаку, даже если он и материально не нуждается. Тяжело само одиночество»²¹.

Большой спецификой отличалась ситуация в послевоенной Германии, сначала разделенной на 4 зоны оккупации – советскую, американскую, британскую и французскую, а затем – на два государства – ФРГ и ГДР. Появление второй волны эмиграции из Советского Союза, обострение «холодной войны» привели в конце 1940-х – начале 1950-х гг. к возникновению в Германии новых эмигрантских структур. Внешне они не носили характер политических объединений и претендовали на представительство интересов всей российской эмиграции, хотя на практике были тесно связаны с определенными группировками. Речь идет, в частности, о Центральном представительстве российской эмиграции (ЦПРЭ), которое к весне 1953 г. провело 4 съезда. Оно заявляло о себе как о «внепартийном общественно-административном объединении». Делегаты на съезды избирались «повсеместно, где живут российские эмигранты, посредством прямых, равных и тайных выборов всеми лицами, имеющими юридические основания считаться российскими эмигрантами и таковыми себя перед ЦПРЭ заявившими»²². На первом съезде председателем ЦПРЭ являлся С.В. Юрьев, затем им стал Н.Ф. Фабрициус. Опубликованные в близкой к ЦПРЭ мюнхенской газете «Набат» итоги выборов делегатов на 4-й съезд, состоявшийся в 1952 г., помогают оценить механизм формирования институтов Представительства. Так, например, в Штутгарте было зарегистрировано 129 избирателей, в выборах участвовали 103 человека. Избранными оказались известный правый политик В.К. Мосичкин (Кудинов), атаман Общеказачьей станицы Д.М. Реуцкий и «писательница» Н.С. Набок-Василькова. В то же время были и участки (соответственно выбиравшие 1 делегата), где избирателей было гораздо меньше. Например, всего 27 избирателей было в участке сел Сене и Бракведе Билефельдского района, 30 человек – в г. Гейльброн, 39 человек – в Розенхайме и всего 9 избирателей – в Фольксмарсене²³. Большинство делегатов съездов ЦПРЭ относились к различным монархическим и правоконсервативным группировкам.

Несмотря на все заявления о неполитическом характере ЦПРЭ, совершенно очевидна ее тесная связь с вполне определенными правыми группировками Российского зарубежья. Неслучаен тот факт, что целый ряд деятелей российской эмиграции в послевоенной Германии, преимущественно принад-

лежавших к правоцентристским объединениям, не пожелали участвовать в деятельности ЦПРЭ и создали альтернативное Национальное представительство российской эмиграции (НацПРЭ). Среди избранных делегатами съездов НацПРЭ – А.И. Михайловский, Н.А. Цуриков, Я.В. Буданов, Ю.А. Письменный, Ю.К. Мейер, К.Г. Кромиади, В.В. Поздняков, А.В. Туркул и другие широко известные общественные деятели эмиграции²⁴. Характеризуя причины раскола, парижское «Возрождение» указывало на «провокации», «шантаж», «шулерство» со стороны лидеров ЦПРЭ²⁵. Между ЦПРЭ и НацПРЭ велась ожесточенная полемика. Так, возмущение у сторонников ЦПРЭ вызвал факт официального (и, очевидно, формального) приглашения на один из съездов НацПРЭ советских представителей, чтобы Российское зарубежье могло задать им вопросы. «Для эмигрантов, – заявляли приверженцы ЦПРЭ, – отрицающих какой бы то ни было контакт с красными, выходка совершенно недопустимая»²⁶.

Политическая борьба в Российском зарубежье, обострившаяся в годы Второй мировой войны, продолжалась и после ее окончания. На правом фланге традиционно находились прежде всего объединения российских монархистов. Послевоенный период являлся достаточно сложным временем для этого течения. Его корни находились в дореволюционной России, которая к этому времени все дальше и дальше уходила в прошлое. Постепенно уходили из жизни представители первой волны российской послереволюционной эмиграции, выросшие еще в императорской России. Те из них, кто еще оставался в живых, постепенно отходили от активной политической деятельности, преследуемые болезнями, ушедшие в бытовые заботы. Еще одной проблемой, с которой столкнулось монархическое течение после войны, было то, что для многих (хотя и не для всех) эмигрантов «второй волны» монархизм представлял собой архаичную идею, которая была скомпрометирована советской пропагандой. Тем не менее, российский монархизм как идейно-политическое течение продолжал существовать и в этот период времени. Центральной фигурой здесь, пожалуй, являлся великий князь Владимир Кириллович, провозгласивший себя Главой Российского императорского Дома в 1938 г., после смерти своего отца Кирилл Владимировича (двоюродного брата Николая II). Именно отношение

к этому человеку во многом определяло позицию русского монархиста после Второй мировой войны. Часть организаций считали именно Владимира Кирилловича главой Дома Романовых и главным претендентом на российский престол после свержения коммунистического режима. Среди структур такого рода можно назвать старейшую эмигрантскую монархическую организацию – Высший монархический совет (ВМС), созданную еще на съезде в Рейхенгалле в 1921 г.

Постепенно все большую роль в монархической части Российского зарубежья начинает играть также поддерживавший Владимира Кирилловича Российский Имперский Союз – Орден (РИС-О), во главе которого в этот период стоял Старший Соратник-руководитель Н.К. Глобачев. В современной историографии уже неоднократно освещалось участие деятелей РИС-О во Второй мировой войне в составе Валлонского легиона СС²⁷. Пожалуй, именно «имперцы» являются ярчайшим примером того, что отдельные русские эмигранты активно воевали под знаменами врага. Как известно, в конце июля 1941 г. в Бельгии по инициативе Леона Дегрелля начал формироваться добровольческий Валлонский легион. 3-я рота легиона негласно именовалась «русской», поскольку ею командовал участник Белого движения старший лейтенант Российского императорского флота Г.В. Чехов. Уже осенью 1941 г. легионеры приняли участие в боях с польскими партизанами в составе румынской боевой группы «Маркджул». Затем они оказались в районе Днепропетровска и участвовали в боях с частями Красной армии. Наибольшую известность получили бои в районе деревни Громовая балка в феврале 1942 г., в которых легион потерял около трети личного состава. Летом 1942 г. части Валлонского легиона участвовали в боях за Майкоп и наступлении Вермахта на Кавказ. Впоследствии, в 1944 г. части бригады СС «Валлония», в которую был преобразован легион, оказались окружены в ходе проведения Корсунь-Шевченковской наступательной операции. В 1945 г. большинство валлонов и служивших в этой части эмигрантов-монархистов сдались в плен к американцам, им удалось избежать выдачи в СССР.

После войны деятельность РИС-О постепенно возобновляется. К концу 1940-х гг. была восстановлена работа отделов Российского имперского союза во Франции, Англии, двух от-

делов в Бельгии, Швейцарии, а также налажена работа РИС в Канаде, Бразилии, Греции, Венесуэле и др. странах. Любопытно, что в состав Американского отдела РИС–О первое время не принимали женщин. На причину этого указывает современный бюллетень Союза: «Таково было горение духа Имперской молодежи, такова была их любовь к Родине, что они готовы были принимать на себя обет безбрачия, говоря: “Наша невеста – Россия!” – и тем придавая политической организации характер полумонашеского рыцарского братства»²⁸.

В послевоенный период РИС–О продолжал активно поддерживать Владимира Кирилловича. Вместе с тем, не соответствует исторической реальности представление о том, что личность Владимира Кирилловича была объединяющим фактором для всех российских монархистов. Хорошо известно и то, что далеко не все члены Дома Романовых признавали права В.К. Романова на престол.

Говоря об организационной структуре российского монархизма, следует указать на монархические настроения значительной части российского офицерства и некоторых казаков. Однако, крупнейшее объединение военной эмиграции – Русский обще-воинский союз (РОВС) подчеркнуто находился на позициях «непредрешенчества», т. е. полагал, что не следует решать вопрос о форме правления в будущей России до свержения коммунистического режима. Таковы же были и идеологические установки журнала «Часовой» – печатного органа ветеранов Белого движения, который в течение многих лет редактировал капитан В.В. Орехов. Созданное В.В. Ореховым Российское национальное объединение (РНО), объединявшее многих белых офицеров, в своих программных установках стремилось заявить о себе как о «надпартийной» организации, пытаясь идти на контакт с различными правоцентристскими объединениями и привлечь в свои ряды тех эмигрантов (особенно из военных кругов), которые желали дистанцироваться от «чистой» политики и узко-партийных программ. Распространенность подобных настроений в правой части политического спектра вела к тому, что многие монархические объединения оставались довольно малочисленными, хотя их влияние и не следует преуменьшать.

В дореволюционной России одними из главных оппонентов консерваторов являлись либерально-демократические силы,

представленные Конституционно-демократической партией (Партией народной свободы). Борьба между этими двумя направлениями особенно усилилась в эмиграции после того, как в конце 1920 г. лидер кадетов П.Н. Милюков заявил о необходимости прекратить поддержку Белой армии. В рамках демократических групп Партии народной свободы и созданного впоследствии Республиканско-демократического объединения (РДО) сторонники П.Н. Милюкова в 1920–1930-е гг. вели достаточно активную деятельность в эмиграции, стремясь объединить вокруг себя различные политические силы, выступавшие за построение в посткоммунистической России демократической республики. Как свидетельствовал кадет Н.П. Вакар, последнее собрание членов кадетской партии, заявившее о необходимости поддержки антигитлеровской коалиции, прошло в конце 1941 г. в США под председательством А.И. Коновалова. По замечанию Н.П. Вакара, «то уже была не партия, а уцелевшие остатки ее, выброшенные из Европы за океан»²⁹. Вторая мировая война, смерть лидера партии П.Н. Милюкова в 1943 г., старение других видных кадетов привели к полному исчезновению партии как организованной политической силы.

Российский либерализм после Второй мировой войны фактически возвращается к тем моделям, в рамках которых он существовал в XIX – начале XX вв., до первой русской революции. Сторонники идей свободы и демократии вновь объединяются преимущественно вокруг органов печати, которые по своему влиянию превосходили многие политические организации. Среди них можно выделить «Новый журнал», издававшийся в Нью-Йорке с 1942 г. Редакторы журнала М.А. Алданов, М.М. Карпович, Р.Б. Гуль и другие смогли объединить вокруг данного издания большинство крупных политиков и деятелей культуры из числа эмигрантов первой послереволюционной волны. Один из руководителей «Нового журнала» М.М. Карпович одновременно являлся и организатором Общества друзей газеты «Новое русское слово», которая была наиболее значительным изданием из числа либерально-демократических ежедневных газет. Состав ее сотрудников был весьма схожим с коллективом «Нового журнала», среди них было немало известных либералов. Редактором газеты в течение полувека – в 1923–1973 гг. являлся М. Вейнбаум, его ближайшим помощником – А. Седых, который в 1920–1930-е гг. был сотрудником «Последних новостей» П.Н. Милюкова.

В Европе крупнейшим либеральным изданием после Второй мировой войны стала парижская газета «Русская мысль», у истоков которой находились известные либеральные политики. Создание данного печатного органа должно было объединить тех представителей Русского Парижа, которые после войны выступали против ориентации на СССР. Идеологические установки «Русской мысли» в те годы в целом можно охарактеризовать как либерально-консервативные, ориентированные на наследие П.Б. Струве и правого крыла кадетской партии в целом. Неслучайно одним из наиболее авторитетных политиков для редакции газеты была А.В. Тыркова-Вильямс. Последняя, критикуя «безрелигиозный универсализм» русской дореволюционной интеллигенции, писала в эти годы: «Теперь, после всего, что терпит Европа, чем болеет Россия, я иначе отношусь ко многому... Мне виднее стали наши слабости, ошибки... Но я не отрекаюсь от своего прошлого, от основных идеалов права, свободы, гуманности, уважения к личности»³⁰. В 1953 г. старая деятельница кадетской партии стала одним из лидеров возглавлявшегося Б.В. Сергиевским Российского политического комитета (РПК), возникшего в США. Среди деятелей комитета были также С.Л. Войцеховский, Г.В. Месняев, С.Н. Ряснянский, профессор Н.С. Арсеньев и ряд других известных общественных деятелей эмиграции³¹. Идеология либерал-консерватизма вообще после войны пользовалась поддержкой достаточно многих российских эмигрантов. Продолжал свою публицистическую деятельность один из идеологов этого направления, бывший лидер правых кадетов в дореволюционной России В.А. Макаков, по-прежнему отстаивавший «права меньшинства», которым угрожает не только тоталитаризм, но и «современное понимание демократии»³².

Близкие позиции занимала крупнейшая организация российских либералов после Второй мировой войны – Союз борьбы за свободу России (СБСР). Лидером этой структуры являлся С.П. Мельгунов, взгляды которого претерпели за период эмиграции существенную трансформацию. Как отмечал впоследствии Н.П. Полторацкий, бывший народный социалист С.П. Мельгунов и после войны «продолжал считать себя левым, народником и социалистом». Но в этом «пожалуй, было больше психологии, чем идеологии: С.П. трудно было

отказаться от привычной номенклатуры в отношении самого себя»³³. Фактически же С.П. Мельгунов и его организация занимали в политическом спектре эмиграции позицию правого центра и находились на умеренно-либеральных позициях. Среди деятелей СБСР следует также отметить известных публицистов Н.И. Ульянова, И.Н. Хераскова, Н.П. Полторацкого и др. Тесно сотрудничали с СБСР такие видные в прошлом члены кадетской партии, как князь В.А. Оболенский и А.В. Карташев. Можно согласиться с высказыванием деятеля Союза П.А. Муравьева, отметившего, что «культурный уровень» организации, несомненно, выделял ее среди других эмигрантских объединений того времени³⁴.

Особое место среди правоцентристских организаций российской эмиграции после Второй мировой войны, безусловно, занимал НТС. Его предшественником явился созданный в 1930 г. Национальный союз русской молодежи, впоследствии принявший название Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). Возникновение этой структуры выражало недовольство эмигрантской молодежи деятельностью политиков, принадлежавших к старшему поколению, на которых возлагалась вина за приход к власти большевиков в 1917 г. и последующие неудачи антикоммунистической борьбы. Именно в рамках НТСНП многие представители эмигрантской молодежи пытались вести идейные поиски, надеясь найти новые пути для политического освобождения России. Настроения этих молодых эмигрантов очень ярко охарактеризовал многолетний председатель НТС В.М. Байдалаков: «Был острый интерес к социальным проблемам. Во-первых, Россия погибла (что бы там ни говорили или не пытались внушить нам старшие) не случайно – что-то было не в порядке, порочно в основе. Во-вторых, личный опыт беженства тоже поднимал большие социальные вопросы. Послеверсальская Европа билась в социальных конвульсиях, вызывавших рост коммунистических партий. Отсюда же повышенный, но и настороженный интерес к фашистскому опыту в Италии»³⁵.

В годы Великой Отечественной войны НТС пытался нелегально вести пропаганду и на оккупированных территориях СССР, к 1943 г. его организации действовали в 54 населенных пунктах (Киев, Винница, Днепропетровск, Грозный и т. д.)³⁶. Интересным источником по истории деятельности НТС на

окупированных территориях являются, например, воспоминания солидариста П.В. Жадана. Он и его товарищи С.С. Алексеев, И. Жедилягин и др. вели пропаганду на Украине и в Белоруссии (Киев, Бердичев и др.). В 1943 г. П.В. Жадан работал в городском управлении Пскова. Вспоминая о деятельности НТС на Северо-Западе, он писал: «Групп или звеньев НТС во Пскове не было. Встречались в индивидуальном порядке». По его собственным словам, лично П.В. Жадан в Пскове принял в ряды Союза 5 человек. В центральных и северных районах партийной работой руководил Г.С. Околович, на юге – Е.И. Мамуков, в Прибалтике – Д.А. Левицкий³⁷. В Днепропетровской группе НТС в годы войны состоял Е.Р. Романов (Островский), впоследствии ставший лидером Союза. В его воспоминаниях рассказывается также о группах НТС в Кривом Роге, Кировограде («довольно активная группа молодежи с учителем во главе»), Виннице (во главе с инженером-эмигрантом из Югославии А.И. Даниловым)³⁸.

Известно, однако, что ряд деятелей Союза работали в годы войны в германских учреждениях: например, Ю.А. Трегубов был сотрудником Министерства по делам оккупированных восточных территорий³⁹, возглавлявшегося Розенбергом и пытавшегося осуществить план «Ост». Таким образом, они разделяли с германскими нацистами ответственность за оккупационную политику в СССР. Хотя одновременно следует отметить, что члены НТС в годы войны подвергались репрессиям со стороны германских властей на оккупированных территориях, в 1944 г. было арестовано и все руководство Берлинской группы Союза. Репрессии усилились на заключительном этапе войны, когда в условиях поражений на фронте руководство нацистской Германии уже не могло допустить на подконтрольных ему территориях существования организаций, проявлявших даже минимальную степень независимости.

Разгром нацистской Германии и окончание Второй мировой войны привели к нарушению прежних связей между членами НТС. Часть из них были арестованы СМЕРШ и вывезены в СССР. Например, известный исследователь российской диаспоры в Югославии А.Б. Арсеньев сообщает, что в ноябре 1944 г. Контрразведка СМЕРШ 3-го Украинского фронта арестовала и увезла в неизвестном направлении активистов НТСНП И.Д. Делибалту и адвоката А.Г. Высоту⁴⁰. Другие

члены Союза были вынуждены перемещаться по территории Центральной и Восточной Европы, уходя из советской зоны оккупации. Постепенно руководство НТС переместилось в лагерь «Менхегоф» в Германии, откуда началась координация деятельности членов Союза. Здесь стал выпускаться и печатный орган НТС – журнал «Посев». После ухудшения отношений между СССР и США и начала «холодной войны» появились возможности для активизации антикоммунистической деятельности.

После войны в НТС разразился организационный кризис. Часто в качестве основной причины его возникновения называют противоречия между довоенными лидерами Союза из числа эмигрантов первой послереволюционной волны, которые призывали сосредоточиться на идеологической работе (т. н. «духовики») и постепенно выдвинувшимися на руководящие позиции новыми эмигрантами из СССР, которые отстаивали линию активных действий («деловики») ⁴¹. Очевидно, однако, что были и иные причины кризиса в НТС. Любопытный анализ этих причин был дан, на наш взгляд, например, в докладе Е.П. Поздеевой на центральном семинаре НТС по вопросам внутренней работы в организации в начале 1950-х гг.: «Одни устали от вечных переселений, неудач, отказов ради дела. Другие увидели за границей лучшую материальную жизнь и большую свободу и при всей своей идейности соблазняются перспективами полнее использовать эти блага... В настоящее время наша организация далеко не молодежная. У многих сказывается возраст» ⁴². Некоторые деятели НТС полагали также, что для Союза существует серьезная опасность повторить ошибку КПСС и превратиться в аппаратную, бюрократическую организацию. В связи с этим Г. Круговой, например, полагал, что необходимо проводить более эффективную кадровую политику: «Решающим критерием для выдвижения союзника на ключевую позицию... должны являться не только его организаторские таланты, а, главным образом, его верность принципам Союза и личный высокий нравственный облик» ⁴³. Он, как и многие другие деятели НТС, призывал в те годы культивировать «союзный дух», «братство», надеясь, что это поможет улучшить атмосферу в организации в условиях острого внутреннего конфликта.

Обширный комплекс переписки видного деятеля довоенного НТС Б.В. Прянишникова, хранящийся в ГА РФ, показывает, насколько острый характер приобрела внутрипартийная борьба в НТС в начале 1950-х гг. Б.В. Прянишников и его сторонники заявляли, что власть в организации захватили новые эмигранты, «вышедшие из ВКП(б)» и получившие соответствующее воспитание, данное им их «великим пестуном» И.В. Сталиным. Заявив о своей оппозиции коммунизму, представители «второй эмиграции», по замечанию Б.В. Прянишникова, не прошли через необходимое «духовное и идейное перерождение и просветление», а сохранили дух непримиримости, продолжали использовать большевистские методы борьбы со своими политическими противниками⁴⁴. Все это привело к тому, что Б.В. Прянишников вместе со своими сторонниками вышел из рядов НТС.

В левой части политического спектра российской эмиграции находились дореволюционные партии, которые после Второй мировой войны продолжали существовать, хотя и в форме немногочисленных групп, – Партия социалистов-революционеров (эсеры) и Заграничная делегация РСДРП (меньшевики). Лишь в 1950-е гг. окончательно прекратилась деятельность Нью-Йоркской группы эсеров – главной партии российского неонародничества. Во главе ее после войны по-прежнему находились В.М. Чернов, В.М. Зензинов, М.В. Вишняк и др. В условиях острого организационного кризиса особенно актуальным стал поиск новых идей, способных вдохнуть жизнь в социалистическую теорию. Впрочем, поиски модели «нового социализма», о котором столь много говорилось среди левых эмигрантов, вновь возвращали эсеров к тому, с чего они начали свою деятельность полвека назад. В.М. Чернов по-прежнему призывал вернуться к А.И. Герцену и критиковал марксизм, полагая, что уже в нем был заключен «эмбрион большевизма». Вождь эсеров продолжал отстаивать гуманный демократический социализм. Полагая, что «душа» социализма – свобода, он ставил в «центр всех вопросов морали и общественности» Человека⁴⁵. Соединяя демократию и социализм, эсеры непримиримо относились ко всякой диктатуре, в т.ч. и диктатуре пролетариата.

Попытки возрождения российского неонародничества как влиятельной политической силы были после Второй мировой

войны предприняты и теми политическими деятелями, которые, начиная с дореволюционных времен занимали более правые позиции, чем В.М. Чернов и его соратники. Наиболее активно в этом направлении действовал А.Ф. Керенский. В 1951 г. он стал одним из лидеров Российского народного движения (РНД) – организации, пытавшейся стать преемником существовавшей в дореволюционной России партии народных социалистов (энесов). Прямо называя себя «народниками» и ссылаясь на наследие А.И. Герцена и Н.К. Михайловского, деятели РНД, тем не менее, заявляли: «Было бы ошибочно думать, что нашей целью является политическая реставрация былого народничества. Многие из того, чем оно жило – умерло навсегда. Мы создаем новое народническое движение»⁴⁶. Они полагали, что продуктивным в современных условиях является демократический характер идеологии народничества, приоритет общечеловеческих ценностей. Однако, РНД не удалось стать мощной политической силой. Одной из причин неудачи РНД была негативная репутация А.Ф. Керенского в среде российской эмиграции, связанная с тем, что именно на него многие деятели диаспоры возлагали вину за приход к власти большевиков в октябре 1917 г. К тому же и сам А.Ф. Керенский, и российское неонародничество в целом принадлежали к иной исторической эпохе. Советский Союз середины XX в. слишком сильно отличался не только от России Герцена и Михайловского, но и от той страны, которую покинул сам А.Ф. Керенский несколько десятилетий назад.

1940–1960-е гг. фактически стали заключительным периодом в многолетней истории российского меньшевизма. Это было нелегкое время для отечественной социал-демократии. Прежде всего, оккупация значительной части Франции германскими войсками в 1940 г. привела к тому, что редакция «Социалистического вестника» вынуждена была быстро переместиться за океан. Этот переезд оказался весьма стремителен и практически неподготовлен. Неслучайно, А.Г. Алексеев писал Лидии Дан: «Насколько мне известно, никто с собой не привез старых номеров “Социалистического вестника”»⁴⁷.

Тем не менее, ветераны русских социалистических партий, несмотря на все сложности, встречали начало Великой Отечественной войны в боевом настроении. Старые вожди эсеров и меньшевиков полагали, что на них лежит особая миссия

сохранения традиций русского революционного движения. Об этом ярко свидетельствовало письмо В.М. Чернова Ф.И. Дану, написанное в связи с юбилеем последнего в 1941 г. Обращаясь к своему старому товарищу по умеренно-социалистическому большинству Петроградского Совета, лидер партии эсеров писал: «Не будем же сдаваться – ведь старая гвардия умирает, но не сдается... Мы не склонили нашего знамени ни перед торжествующим фаши-нацизмом, ни перед союзным с ним вчера и отброшенным им сегодня по другую сторону баррикады большевистским коммунизмом... Казалось бы, чего еще от нас требовать? Где-то есть молодая поросль социализма, наша будущая “смена”... Мы, правда, отдалены от нее – она там, на родине, мы – на эмигрантской отмели. Жизнь этой “смены” начнется полным темпом там, где наша начнет вплотную подходить к естественному завершению своему. У этой смены будет своя проблематика. Если тоталитарная ночь, опускающаяся на Европу, взойдет надолго в свои права – грядущему поколению социализма суждены такие тяжкие, сверхчеловеческие испытания, из которых оно выйдет “духом ожелезившись”, темным, суровым, ожесточенным поколением. Если же эта ночь, этот мрак будет развеян спасительною бурей – у этого поколения будет другая проблематика... программы мира, программы восстановления экономического и социального... И все же чудится, что наша грядущая “смена” ждет от нас еще одной последней службы. По какому праву? По праву юности, требующей от “старой гвардии”, чтобы она маршировала что есть силы, в ногу с ней, ее проблематику сделала своей, предвосхитила в мысли то, что ей придется делать в жизни. Тяжеловато, а делать нечего: надо... И старый служивый идет»⁴⁸.

Вторая мировая война повлекла за собой первый из ряда организационных кризисов в ее рядах, когда из состава Заграничной делегации (ЗД) РСДРП и редакции «Социалистического вестника» вышел один из крупнейших лидеров меньшевизма Ф.И. Дан. Составлявшие редакцию левых социалистических журналов «Новый мир» и «Новый путь» соратники Ф.И. Дана старые меньшевики А.Э. Дюбуа, А.А. Югов и др. полностью поддержали СССР в годы войны, выдвигая идеи «идеологического синтеза социализма и капитализма», продолжения тактики единого рабочего фронта в Европе⁴⁹. Именно в этом

состояло их главное расхождение с позицией основной меньшевистской группы – возглавляемой Р. Абрамовичем Заграничной делегации РСДРП, отстаивавшей антикоммунистические взгляды.

Одной из основных тенденций развития социалистических сил в российской эмиграции после Второй мировой войны стало стремление к их объединению в рамках одной структуры. Это было связано и с тем, что прежние разногласия между социал-демократами и социалистами-революционерами в новых исторических условиях потеряли свою актуальность, и с малочисленностью этих партий, что делало бесперспективным их автономное существование. В связи с этим изменилась и линия «Социалистического вестника», который из социал-демократического органа постепенно превращался в рупор всех социалистов. Итогом этого процесса стало известное заявление 14 социалистов о ликвидации прежних разногласий и необходимости создания единой социалистической партии, сделанное ими в 1952 г. Однако этой структуре так и не удалось развернуть свою деятельность.

Важнейшей причиной разногласий среди меньшевиков после Второй мировой войны было отношение к армии генерала А.А. Власова. В 1941–1945 гг. социал-демократы выступали против коллаборационизма и определенно поддерживали страны антигитлеровской коалиции. Однако некоторые из них не могли игнорировать тот факт, что масштабы сотрудничества с врагом в СССР были достаточно значительными прежде всего вследствие политики, проводимой советским руководством. Наиболее активно об этом заявлял в первые послевоенные годы Б.И. Николаевский, опубликовавший ряд статей, в которых он пытался показать причины возникновения такого феномена, как РОА. Известный историк был одним из очень немногих политиков в демократическом лагере, взявшим под защиту бывших власовцев. Известно, что Б.И. Николаевский пользовался уважением в среде солдат и офицеров РОА, участвовавших после войны в антикоммунистической деятельности. Поддержку ему в Заграничной делегации РСДРП оказали такие видные деятели российской социал-демократии, как Ю.П. Денике и Д.Ю. Далин, которые полагали, что социал-демократам необходимо бороться за влияние на новых эмигрантов с другими политическими силами. Именно власовцы

могли помочь ЗД РСДРП решить остро стоявшую проблему смены поколений и выхода за пределы небольшой группы старых меньшевиков. Однако, Р. Абрамович не поддержал сторонников этой политики, что привело к выходу в 1948 г. Б.И. Николаевского, Ю.П. Денике и Д.Ю. Далина из ЗД РСДРП и редакции «Социалистического вестника».

Но в начале 1950-х гг. конфликт внутри ЗД РСДРП вновь вспыхнул в связи с переговорами о политическом объединении российской эмиграции. С инициативой о начале такого переговорного процесса выступил американский «Комитет друзей русского народа». В 1949 г. в преддверии переговоров о создании единого эмигрантского органа возникла и такая структура, как Лига борьбы за народную свободу (ЛБНС). Это была попытка объединить разрозненные левые силы эмиграции, привлечь в их ряды представителей второй волны эмиграции из СССР. Многие из последних считали для себя неприемлемым присоединение к старым партиям эсеров и меньшевиков, проигравшим борьбу за власть в 1917 г. В число лидеров Лиги вошли А.Ф. Керенский, Р.А. Абрамович, Б.И. Николаевский и др. Однако Лиге сразу же пришлось столкнуться с резкой критикой со стороны правой эмиграции, которая умело использовала негативную репутацию многих ее лидеров в сознании эмигрантов.

Инициированные американцами совещания в Фюссене, Штуттгарте и Висбадене в 1951 г. должны были привести к созданию единого эмигрантского центра – своеобразного российского «правительства в изгнании». В его состав предполагалось включить представителей и власовского Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), и правоцентристских НТС и Союза борьбы за свободу России. Идея сотрудничества с правоцентристами и власовцами вызвала острую полемику в рядах социал-демократов. Р.А. Абрамович на этот раз склонялся к участию в будущем органе, полагая, что ЗД РСДРП должна проводить гибкую политику, не изолируя себя от других эмигрантских течений. Очевидно, именно этот принцип лежал в основе Тезисов Заграничной делегации РСДРП «Об отношении к т. н. Власовскому движению», появившихся в прессе в конце 1950 г. С одной стороны, там сохранялось традиционное для ЗД РСДРП негативное отношение к власовцам: «Как бы отрицательно ни было наше отношение

к большевистской диктатуре, в войне 1939–1945 гг. все демократы обязаны были быть в антигитлеровском лагере». Но, одновременно звучали и новые нотки обоснования сотрудничества с бывшими коллаборационистами: «Огромное большинство тех, кто формально был в гитлеровском лагере, внутренне с Гитлером ничего общего не имели»⁵⁰. Тем самым социал-демократы обосновывали возможность своего сотрудничества с ними в антикоммунистической борьбе. На это же были нацелены и тезисы доклада Р. Абрамовича на заседании Нью-Йоркской группы РСДРП в 1951 г.: «РСДРП стоит на точке зрения политического коалирования и сотрудничества с другими группами российской и национальной эмиграции, которые в прошлом зарекомендовали себя как демократы, или которые всей своей деятельностью и развитием все ближе подходят к демократии. РСДРП решительно отказывается сотрудничать с группами фашистского или реакционно-монархического толка... РСДРП отвергает политику сектантства, направленную фактически на самоизоляцию от всех других групп и течений»⁵¹.

Однако Г.Я. Аронсон, Б.Л. Двинов и Б.М. Сапир, и в период внутрипартийного кризиса 1948 г. наиболее активно выступавшие против сотрудничества с власовцами, полагали, что отсутствуют основания для изменения российской социал-демократией своей позиции. Они заявляли, что недопустима «капитуляция деятелей февральской демократической революции 1917 г. перед группировкой, связавшей себя сотрудничеством с Гитлером». Наиболее определенно эти позиции были высказаны Б.Л. Двиновым в его выступлении на собрании Нью-Йоркской группы РСДРП в 1951 г.: «Тридцать лет мы были моральной силой не потому, что коалировались в эмиграции со всякой швалью, а потому, что хранили чистоту своего знамени... Власовская гангрена ползла, расширялась и гнойник этот заразил не только общерусскую демократию, но и нашу организацию, и мы стоим сейчас у последней черты...». Стремясь опровергнуть аргументы руководства ЗД РСДРП, что отказ от сотрудничества с власовцами будет означать изоляцию социал-демократии, он доказывал, что возможен иной выход – поиск традиционных для российского рабочего движения союзников в Европе: «Я утверждаю, что тактика Р.А. (Абрамовича – *прим. автора*) уже привела нас (и его самого

прежде всего) к изоляции. Коалироваться с фашистской эмиграцией или с Социалистическим Интернационалом?»⁵². Однако данные соображения не были поддержаны большинством ЗД РСДРП, что привело к выходу оппозиционеров из ее состава и фактическому прекращению существования этой структуры.

Продолжали проявлять себя в эмиграции в 1940-е гг. и отдельные российские анархисты. Центральное место в российской анархической эмиграции после Второй мировой войны занимал издававшийся в Нью-Йорке журнал «Дело труда. Пробуждение», вокруг редакции которого объединялись основные анархические группы. Пожалуй, наиболее авторитетной фигурой среди российских анархистов в первые послевоенные годы являлся Г.П. Максимов (Гр. Лапоть) – один из лидеров анархо-синдикализма еще до революции 1917 г. Он сыграл большую роль в сохранении «Дела труда. Пробуждение» в начале 1940-х гг., когда усилился организационный кризис российского анархизма. В 1942 г. Г.П. Максимов писал И. Данилюку, фактически возглавлявшему редакцию журнала: «Если Мрачный М (М. Мрачный – старый российский анархист. – А.А.) отошел, если Шапиро не желает принимать участие, если Рокер стар и занят... то надо дело двигать самим... И это можно делать, хотя и очень трудно... Зачем же закрывать журнал?»⁵³.

В итоге продолжавший выпускаться «Дело труда. Пробуждение» активно пропагандировал анархические идеи. Его авторы видели свою задачу в том, чтобы «указывать обманутому миру правильный путь к выходу из векового рабства, в котором держат трудящихся угнетатели-эксплуататоры», распространять в массах идеалы «безвластия» и защищать интересы «наиболее обездоленных трудящихся – рабочих и крестьян», стремясь к их полному освобождению от угнетения и эксплуатации человека человеком. Своими противниками российские анархисты считали капиталистов, большевиков, фашистов и церковь.⁵⁴

Тем не менее организационный кризис российского анархизма после Второй мировой войны усилился. Один за другим уходили из жизни старые российские «безвластники», очень остро встала проблема смены поколений. Неслучайно, старый анархист, активный деятель Фонда имени А. Беркмана Б. Еленский весьма скептически воспринял выдвинутую группой

проживавших в США «безвластников» (А. Винокур, Ф. Вишняк и др.) идею издания Анархистской энциклопедии, заметив: «Где те люди, которые смогут сделать эту работу?»⁵⁵. Вместе с тем, по нашему мнению, свою роль играло также и то, что принадлежность к анархическим организациям негативно воспринималось общественным сознанием, затрудняло для человека процесс повышения своего социального статуса. В 1949 г. Г.П. Максимов предупреждал одного из молодых эмигрантов, выразившего желание примкнуть к движению: «Нас ненавидят и преследуют нынешние господа жизни и их прихвостни. Мы не принимаем участия в парламентах и муниципалитетах, городских управлениях, не сотрудничаем с правительствами, а это значит, что члены нашего движения... не могут иметь места у общественного пирога. Больше того, если они активны, они часто, очень часто лишаются даже честного заработка, работы»⁵⁶. Лишь немногие в таких условиях имели мужество стать анархистами, что вело к снижению численности открытых сторонников этого идейно-политического направления.

Особое место в политической системе Российского зарубежья играли объединения бывших участников т. н. Власовского движения. Первоначально власовцы надеялись, что удастся создать единую организацию, которая бы в послевоенных условиях продолжала традиции Комитета освобождения народов России. Именно как «национальное и надпартийное» объединение и возник в 1948 г. Антикоммунистический центр Освободительного движения народов России (АЦОДНР), который, опираясь на власовский Манифест 1944 г., призывал к сплочению «всех истинных патриотов» для борьбы с коммунистическим режимом в СССР⁵⁷. Однако, сложный состав власовского движения, наличие в нем людей с различными взглядами привели к достаточно быстрому распаду этой структуры и возникновению на ее месте новых организаций. К тому же уже в 1948 г. некоторые власовцы констатировали, что появилось слишком много «детей лейтенанта Шмидта», «присваивающих себе власовскую идею»: «Все эти претенденты... знают о власовской идее примерно только то, что заключается в Манифесте, и в других немногочисленных официальных документах Движения и в очень редких случаях знают об этом несколько больше... 14 пунктов Манифеста еще далеко не

есть содержание власовской идеи»⁵⁸. Естественно, в этих условиях начиналась ожесточенная борьба, каждый из участников которой претендовал на монопольное право обладания «власовским наследием».

Наиболее крупным объединением бывших власовцев в послевоенный период являлся Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), созданный на основе Боевого союза молодежи народов России (БСМНР), у истоков которого находились молодые офицеры Вооруженных сил КОНР. В идеологии раннего СБОНР, одним из лидеров которого являлся бывший чиновник для особых поручений при генерал-лейтенанте А.А. Власове Н.А. Троицкий (Б. Яковлев), были сильны леводемократические элементы. Характерны названия его печатных органов – «Народная воля», «Голос народа», «Борьба» и др. Однако, несогласие многих членов организации с ориентацией на сотрудничество с социалистами стало одной из причин внутреннего кризиса СБОНР, проявившегося уже в начале 1950-х гг.⁵⁹ Происходило постепенное снижение активности этой антикоммунистической организации. Об этом ярко свидетельствует хранящаяся в архивах переписка бывших власовцев. Уже в 1950 г. М. Мануйлов в письме Н.А. Троицкому так характеризовал деятельность отдела СБОНР в Торонто: «Наш отдел абсолютно ничего не делает...»⁶⁰. В 1951 г. майор ВС КОНР Ф.М. Легостаев писал Б.И. Николаевскому, что угнетен «ничего неделанием»: «мы же все ни черта не делаем, да и не можем делать»⁶¹. Тесно связанной со СБОНР организацией, фактически его военным отделением был возникший в 1948 г. Союз воинов освободительного движения (СВОД), во главе которого стояли полковник М.А. Алдан и майор Ф.М. Легостаев. В отделы СВОД, существовавшие в странах, где жили бывшие власовцы, входили многие члены СБОНР.

Важной причиной неудачи подобных леводемократических объединений было то, что многие власовцы были настроены более консервативно и стремились к сотрудничеству с правыми политическими силами, полагая, что необходимо сохранять преемственность не с Февралем 1917 г., а с Белым движением. Среди таких организаций выделялся Союз Андреевского флага (САФ), во главе которого стоял бывший офицер Белой армии Н.Н. Юденича генерал П.В. Глазенап. В начале 1950-х гг.

САФ заявлял о наличии разветвленной структуры. Полпреды САФ были, например, в британской и французской зонах Германии, Баден-Вюртемберге, Рейнланд-Пфальц, в Испании, Бельгии, Великобритании, Франции, Греции, Северной и Южной Италии, Австрии, Канаде, Бразилии, Марокко, Австралии⁶². Однако авантюристическая политика П.В. Глазенапа, явно преувеличивавшего свои силы и опиравшегося исключительно на правые элементы политического спектра (например, на Всеказачье антикоммунистическое зарубежное объединение во главе с бывшим походным атаманом казачьих войск власовской армии генерал-майором Вермахта И.Н. Кононовым⁶³), вызвала негативную реакцию со стороны как либералов, так и консерваторов в Российском зарубежье⁶⁴. Характерно, что САФ был исключен из АЦОДНР, линию П.В. Глазенапа осудили и Союз борьбы за свободу России, и один из лидеров монархистов И.Л. Солоневич⁶⁵. Все это привело к расколу в САФ, появлению т. н. «оппозиции». Из Союза ушли полковник М.А. Семенов, герцог С.Н. Лейхтенбергский, были исключены полковник Ю.В. Сербин, инженер-капитан II ранга Л.П. Смирнов, поручик Лешин, боцман А. Голубев и др.⁶⁶ Постепенно в 1950-е гг. деятельность этой организации затухает.

Некоторые вышедшие из САФ деятели присоединились к созданному генералом А.В. Туркулом Комитету объединенных власовцев (КОВ), который представлял собой попытку синтеза Белой и Власовской идей. Однако и КОВ не смог стать значительной политической силой, ему не удалось добиться реального объединения всех власовцев в своих рядах. В какой-то мере схожей по своему характеру с КОВ попыткой объединения всей военной эмиграции был и возникший в Аргентине Суворовский союз во главе с бывшим генерал-майором Вермахта, офицером Белой армии Б.А. Хольмстоном (Смысловским)⁶⁷. Характеризуя свою позицию в отношении великого князя Владимира Кирилловича, Б.А. Хольмстон заявлял: «Я, как офицер русской императорской гвардии, свое отношение к Великому князю выявлю коротко – по-офицерски: Ваше Императорское Высочество, моя шпага находится в Вашем распоряжении!»⁶⁸. При этом лидеры Суворовского союза всегда подчеркивали свою преемственность и с идеями власовского КОНР. Неслучайно на страницах их печатного органа – издававшегося в Буэнос-Айресе «Суворовца»

публиковалась достаточно подробная информация о мероприятиях СБОНР и СВОД. Подчеркивая свою связь с этими структурами, публицисты «Суворовца» писали: «Проникнутые единой с власовцами идеологией, суворовцы шли и идут различными с ними дорогами, но к общей цели, шли и идут в ногу, с сердцем, бьющимся в унисон»⁶⁹. Интересно и отношение Суворовского союза к расколу САФ. Приветствуя «оппозицию» в САФ и заявляя, что она стремилась вывести Союз на «Власовскую Дорогу», «Суворовец» подчеркивал: Б.А. Хольмстон «в категорической форме» отклонил всякое сотрудничество с организацией П.В. Глазенапа, поскольку ее руководство и представительства на местах «были возглавляемы руководителями, ничего не имеющими общего с военно-политическими идеями генерала Власова и не принимавшими никакого участия в войне 1941–1945 гг.»⁷⁰.

Наиболее близкой к Союзу Андреевского флага организацией, его верным союзником было Российское Общенациональное Народно-державное движение (РОНДД), во главе которого стоял представитель молодого поколения первой послереволюционной волны эмиграции Е.Н. Державин (Арцюк). Не случайно редактировавшаяся С.И. Новгородцевым мюнхенская газета «Наше время» в конце 1940-х гг. подробно освещала деятельность как САФ, так и РОНДД. На ее страницах Е.Н. Державин называл А.Ф. Керенского «расхлябанно-растленным провинциальным адвокатиком», «предавшим в молодости свободу российского народа на самое страшное поругание и иго»⁷¹. На состоявшемся в Штутгарте в декабре 1949 г. Первом Конгрессе РОНДД, по заявлениям лидеров организации, выяснилось, что отделы движения существуют в 11 странах Европы и за океаном, при этом в Германии функционировало более 30 групп в различных городах и лагерях. Более 80 % делегатов Конгресса представляли новую эмиграцию⁷². И в начале 1950-х гг. издаваемые РОНДД газеты («Державный клич», «Набат» и др.) занимались поисками агентов советских спецслужб внутри эмиграции, подозревая в этом всех своих оппонентов. Характерен стиль этих публикаций: так, Союз борьбы за свободу России С.П. Мельгунова в них именовался «масонской либеральщиной», лидеры СБОНР – «предателями русского народа», «бывшими коммунистами и даже чекистами»⁷³. В связи с визитом А.Ф. Керенского в ФРГ в 1951 г.

«Набат» поместил его фотографию в траурной рамке с заголовком: «А скажи-ка, гадина, сколько тебе дадено?»⁷⁴. Тактика движения, которая вела к расколу эмиграции, отталкивала от него многих и вызывала подозрение в том, что само РОНДД – провокация советского МГБ. Неслучайно и само РОНДД сотрясали кризисы. В начале 1950-х гг. из его рядов вышли несклькор бывших лидеров, а другие были исключены из организации с формулировкой «за сознательное причинение вреда движению»⁷⁵. Именно РОНДД стало основным инициатором создания и таких эмигрантских структур начала 1950-х гг., как Российский национальный патриотический фронт и Совет восстановления Российского государства, целями которых провозглашались «разработка принципов антикоммунистической борьбы» и борьба против «скрытых коммунистических сил». В главе этих организаций стояли все те же деятели РОНДД Е.Н. Державин, В.К. Мосичкин, С.Л. Ионин и др.⁷⁶ Среди близких к Российскому национальному патриотическому фронту печатных изданий была, например, газета «Время», которая издавалась в немецком Ингольштадте. Ее редактором был В.Н. Писаревский. На страницах «Времени» содержались характерные для близких к РОНДД структур призывы: «Нам надо теснее сплотиться и изгнать из нашей среды коммунистических агентов»⁷⁷.

Наличие большого количества политических организаций российской антикоммунистической эмиграции, сложные отношения между ними, нередко выплескивавшиеся на страницы газет и журналов, беспокоили те силы в западном обществе, которые стремились использовать российскую диаспору как фактор в противостоянии с СССР. В начале 1950-х гг., в условиях обострения международной напряженности (война в Корее) была предпринята попытка объединить различные эмигрантские группировки, создать единый орган – своеобразное «русское правительство в изгнании». Ход переговорного процесса, инициаторами которого выступили деятели Американского комитета известные советологи И. Дон Левин, Е. Лайонс, Р. Келли и др., уже освещался в литературе, в частности, в работе М.В. Назарова⁷⁸. Совещания различных эмигрантских организаций в 1951 г. не принесли желаемого результата. Не помогло даже то, что американцы обещали предоставить в распоряжение единой структуры финансы

и радиостанцию. «Камнем преткновения» стал национальный вопрос. Приглашенные американцами эмигрантские объединения различных народов СССР требовали от русских эмигрантов признания немедленной независимости их республик после свержения коммунистического режима. Однако большинство «русских» организаций (из участников переговоров – НТС, Союз борьбы за свободу России, Российское народное движение) не могли с этим согласиться, настаивая на сохранении единой России в границах СССР, допуская лишь проведение референдума по вопросу о сохранении государственного единства после ликвидации коммунистической власти⁷⁹. Заметим, что в многочисленных публикациях правоцентристов отрицалось наличие особых украинской и белорусской наций, а также доказывалось, что существование независимых малых государств на Кавказе невозможно, т. к. они неизбежно попадут под власть крупных держав⁸⁰.

Кроме того, крайне правый фланг Российского зарубежья вообще не участвовал в переговорах: с одной стороны, монархисты и близкие к ним группы сами по принципиальным соображениям отказывались сесть за один стол переговоров с А.Ф. Керенским, меньшевиками и т. д., с другой – левые (Б.И. Николаевский, Д.Ю. Далин и др.) считали, что в единую организацию нельзя включать те силы, которые отрицают преемственность будущей посткоммунистической России от Февраля 1917 г.⁸¹ Невозможность достижения компромисса в интересах антикоммунистической борьбы была связана, на наш взгляд, не только с доктринальными расхождениями, но и с отсутствием в эмигрантской политической культуре традиций толерантности. Даже среди ветеранов власовской армии, советских «ди-пи» не было единства. Очень справедливое мнение по этому поводу высказал один из деятелей СБОНР, отметивший: «Нетерпимость к инакомыслящим доходит у нас до абсурда... Боремся за разрешение мировых проблем, а с соседом по бараку ужиться не можем»⁸². Все эти факторы и не позволили добиться единства антикоммунистической эмиграции. В итоге единственным реальным результатом переговорного процесса начала 1950-х гг. стало создание радиостанции «Освобождение», которая впоследствии была переименована американцами в «Свободу».

Таким образом, Вторая мировая война не разрушила полностью институциональную структуру Русского зарубежья. Тем не менее, она серьезно осложнила функционирование структур Русского мира во многих странах. Существовавший в довоенной Европе феномен Российского зарубежья подвергся в 1940-е гг. существенной трансформации. Деятельность многих эмигрантских структур в послевоенный период ослаблялась и возрастом их участников – деятелей «старой» эмиграции, и их психологическим состоянием. Вместе с тем, «вторая волна» эмиграции из СССР породила и принципиально новый феномен власовских организаций, которые пытались стать существенным фактором в начавшейся «холодной войне».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Последние новости. 1940. 20 апреля.

² Последние новости. 1940. 20 апреля.

³ Последние новости. 1940. 3 апреля.

⁴ Последние новости. 1940. 4 апреля.

⁵ Последние новости. 1940. 1 апреля.

⁶ Последние новости. 1940. 5 апреля, 11 апреля, 12 апреля.

⁷ Последние новости. 1940. 3 апреля.

⁸ *Жеребков Юрий (Георгий) Сергеевич (1908 – не ранее 1980) – артист балета, политический и общественный деятель. Эмигрировал в Югославию, затем Германию, с 1940 г. – во Франции. Возглавлял Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции, затем Управление делами русских эмигрантов во Франции. Организовал при Управлении Объединение русской молодежи, театр русской драмы. Участвовал в работе власовского Комитета освобождения народов России, где был начальником отдела внешних сношений. В 1945 г. был арестован французскими властями. В 1946 г. приговорен парижским судом к 5 годам «национального бесчестья», в 1948 г. приговорен за пособничество оккупационным властям в депортации русских евреев к пожизненным принудительным работам. Жил в Италии.*

⁹ Парижский вестник. 1942. 14 июня.

¹⁰ Парижский вестник. 1944. 8 апреля.

¹¹ Парижский вестник. 1944. 12 августа.

¹² Парижский вестник. 1944. 12 августа.

¹³ См.: ГАРФ, ф. Р-6146. Оп. 1. Д. 12. Л. 65.

¹⁴ См.: ГАРФ, ф. Р-9101. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

¹⁵ Новое русское слово. 1941. 10 января.

¹⁶ Новое русское слово. 1941. 6 февраля.

- ¹⁷ Новое русское слово. 1941. 15 февраля.
- ¹⁸ Новое русское слово. 1942. 12 января.
- ¹⁹ Новое русское слово. 1942. 6 января.
- ²⁰ Новое русское слово. 1941. 21 января; 15 февраля; 1942. 22 марта и др.
- ²¹ Вестник Казачьего Союза (Париж). 1948. № 1. С. 1.
- ²² Вестник Центрального представительства российской эмиграции (Мюнхен). 1952. № 13. С. 1.
- ²³ См.: Набат (Мюнхен). 1952. 8 декабря.
- ²⁴ См.: Сообщения Национального представительства российской эмиграции (Мюнхен). 1952. № 4. С. 1.
- ²⁵ См.: Возрождение (Париж). 1949. № 6. С. 173.
- ²⁶ Голос России (Мюнхен). 1956. 22 апреля.
- ²⁷ См.: *Маньков С.А.* Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. // Нансеновские чтения – 2009. – СПб., 2010. С. 83–91; *Кузнецов Н.А., Семенов К.К.* Судьба морского офицера Георгия Чехова // Там же. С. 269–275 и др.
- ²⁸ Имперцы. 1929–2009. 80 лет РИС-О. – Б.м., [2009]. С. 22
- ²⁹ *Вакар Н.Л. Е. Эльяшев* // Новое русское слово. 1947. 12 января.
- ³⁰ *Тыркова-Вильямс А.В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 212.
- ³¹ См.: Российский политический комитет в Нью-Йорке (Нью-Йорк). 1953. № 2. С. 5.
- ³² *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев – дипломат, политик, мыслитель // Россия в США. – М., 2001. С. 57.
- ³³ *Полторацкий Н.* Россия и революция. – Нью-Йорк, 1988. С. 169.
- ³⁴ См.: *Муравьев П.* Жизнь – это творчество // Отклики. Сб. статей памяти Н.И. Ульянова (1904–1985). – Б.м., б.г. С. 44.
- ³⁵ *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС 1930–1960 гг. – М., 2002. С. 10.
- ³⁶ См. НТС: мысль и дело. 1930–2000. – М., 2000. С. 22.
- ³⁷ См.: *Жадан П.В.* Русская судьба: Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. – М., 1991. С. 185.
- ³⁸ См.: На врагов не обижаются: НТС во время войны (Интервью с Е.Р. Романовым) // Посев. 1998. № 1–2. С. 48.
- ³⁹ См.: *Долнин В. Памят Ю.А. Трегубова* // Посев. 2000. № 4. С. 48.
- ⁴⁰ См.: *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. – М., 1999. С. 150.
- ⁴¹ См.: *Базанов П.Н., Шомракова И.А.* Книга Русского Зарубежья. С. 69.
- ⁴² За Россию (Франкфурт-на-Майне). 1954. № 1. С. 3.
- ⁴³ *Круговой Г.* Идеиность и аппарат // За Россию. 1953. № 11. С. 6.
- ⁴⁴ См.: ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 36. Л. 5; Д. 40. Л. 122.
- ⁴⁵ *Чернов В.* Истоки // За свободу (Нью-Йорк). 1947. № 18. С. 19–22.
- ⁴⁶ Новое русское слово. 1951. 29 июля.
- ⁴⁷ PSH. L.O. Dan collection. Folder 7.
- ⁴⁸ PSH. F.I. Dan collection. Folder 7.
- ⁴⁹ См.: PSH. A. Djubua collection. Folder 3; *Дюбуа А.* Дан и единство // Новый путь (Нью-Йорк). 1947. № 1–2. С. 5.

- ⁵⁰ Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1950. № 10. С. 193.
- ⁵¹ PISH. B.L. Dvinov collection. Folder 7.
- ⁵² PISH. B.L. Dvinov collection. Folder 8.
- ⁵³ PISH. G.P. Maksimov collection. Folder 3.
- ⁵⁴ См.: Дело труда. Пробуждение. 1952. № 40. С. 30; 1956. № 52.
- C. 24.
- ⁵⁵ PISH. B. Yelensky collection. Folder «Struggle for equality».
- ⁵⁶ PISH. G.P. Maksimov collection. Folder 3.
- ⁵⁷ См.: Бюллетень Анткоммунистического центра Освободительного движения народов России (Мюнхен). 1948. № 1. С. 1.
- ⁵⁸ Борьба (Мюнхен). 1948. № 10. С. 4.
- ⁵⁹ См.: ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 23. Л. 1–20; Народная воля (Мюнхен). 1953. 17 июля
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 477. Л. 26.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 18. Л. 1.
- ⁶² См.: Ведомости Союза Андреевского Флага (Мюнхен). 1952. № 1.
- C. 3.
- ⁶³ См.: Сполох (Б.м.). 1948. № 4. С. 2.
- ⁶⁴ См.: Ведомости Союза Андреевского Флага (Мюнхен). 1952. № 1.
- C. 1.
- ⁶⁵ См.: Российский демократ (Париж). 1948. № 2. С. 16–17; Часовой. 1950. № 303. С. 22–23.
- ⁶⁶ См.: Ведомости Союза Андреевского Флага. 1951. № 5–7. С. 13–14.
- ⁶⁷ См.: Суворовец (Буэнос-Айрес). 1948. 24 сентября.
- ⁶⁸ Суворовец. 1949. 25 марта.
- ⁶⁹ Суворовец. 1950. 3 марта.
- ⁷⁰ Суворовец. 1950. 16 июня.
- ⁷¹ *Державин Е.* Февральский шут // Наше время (Мюнхен). 1949. 25 декабря.
- ⁷² См.: Наше время (Мюнхен). 1949. 25 декабря.
- ⁷³ См.: *Державин Е.* Совет предателей России // Набат (Мюнхен). 1951. 2 сентября; Набат. 1952. 15 ноября; Голос России (Мюнхен). 1956. 15 июля.
- ⁷⁴ См.: Набат. 1951. 19 августа.
- ⁷⁵ См.: Русское дело (Лос-Анджелес). 1952. № 1. С. 2–3.
- ⁷⁶ См.: Ведомости Совета восстановления Российского государства (Мюнхен). 1953. № 1. С. 1–3.
- ⁷⁷ Время (Ингольштадт). 1955. № 2. С. 1.
- ⁷⁸ См.: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. С. 369–372.
- ⁷⁹ См.: ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 881. Л. 45 и др.
- ⁸⁰ См.: *Ульянов Н.* Диптих. – Нью-Йорк, 1967. С. 225; *Марков Л.* Кавказский узел // Возрождение. 1953. № 3. С. 158.
- ⁸¹ См.: ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 470. Л. 24; *Гуль Р.* Вместе идти и вместе бить // Народная правда. 1951. № 17–18. С. 5.
- ⁸² Борьба (Мюнхен). 1948. № 10. С. 26.

4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭМИГРАНТОВ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ. РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РУССКОГО МИРА в 1939–1953 гг.

В начальный период Второй мировой войны, как уже отмечалось, многие структуры Русского мира во Франции пытались продолжить свою довоенную деятельность. Это касалось и тех институтов, которые были ориентированы на сохранение русского культурного наследия. Как свидетельствуют источники, даже в условиях начавшейся войны и угрозы германского вторжения во Францию весной 1940 г. в Париже проводились мероприятия, которые должны были способствовать знакомству эмигрантской молодежи с русской классикой. Так, продолжал действовать Народный университет, где проводились «беседы» о русской литературе. За два франка можно было не только послушать, например, лекцию известного публициста С.В. Яблоновского о Грибоедове, но и посмотреть сценки из «Горе от ума» в исполнении того же С.В. Яблоновского, а также В.Н. Челищева и актрисы М.А. Крыжановской¹. Продолжала функционировать и Русская Консерватория, которая по-прежнему устраивала традиционные открытые ученические вечера².

Продолжали активно действовать в условиях военного времени и институты Русского православного зарубежья во Франции. В парижских православных храмах по-прежнему совершались богослужения, в знаменитом храме на рю Дарю пел митрополичий хор под управлением Н.П. Афонского. В дни

церковных праздников службы были особенно торжественными. Так, например, в день Благовещения Пресвятой Богородицы 7 апреля 1940 г. в храме в Бианкуре состоялся духовный концерт хора Свято-Николаевской церкви под руководством П.В. Спасского и при участии Н.Ю. Карандаковой. Но и здесь уже чувствовалось дыхание войны: как сообщалось в прессе, собранные во время концерта средства должны были поступить на посылки к празднику Пасхи³ мобилизованным из Бианкурского района.

Пасхальные торжества прошли в апреле 1940 г. в многочисленных храмах Русского мира во Франции. «Последние новости» сообщили о пасхальных службах в Кафедральном храме на рю Дарю, в Церкви Знамени Божией Матери (рю Буало), в Храме Серафима Саровского, в Церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Пти-Кламаре, в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Шампань-сюр-Сене и др.⁴ В Пасхальные дни 1940 г. духовная тематика присутствовала и в собраниях некоторых эмигрантских организаций. Так, 14 апреля 1940 г. в помещении Казачьего музея в Париже прошло эмигрантское собрание, посвященное воспоминаниям о Валаамском монастыре. Конечно, на нем выступал один из крупнейших писателей Русского Парижа И.С. Шмелев – автор замечательного произведения «Старый Валаам», еще до революции проникшийся царившей там атмосферой. Кроме И.С. Шмелева о Валааме на этом собрании русских парижан вспоминал игумен Мефодий, пел хор Аньерской церкви⁵... Это была последняя Пасха свободного Русского Парижа до 1945 г.

Многое, конечно, изменилось после оккупации Парижа и значительной части Франции немцами летом 1940 г. Немало деятелей культуры Русского Парижа, не желавших сотрудничать с оккупантами, бежали из столицы или прекратили активную творческую деятельность. Многие, но не все. Достаточно известен тот факт, что один из крупнейших русских балетмейстеров XX века С. Лифарь продолжал активно работать и в оккупированном Париже. Его имя довольно часто можно было встретить на страницах «Парижского вестника», являвшегося, как уже отмечалось, органом коллаборационистского УДРЭФ. Так, летом 1942 г. на страницах «Парижского вестника» появилась следующая информация: «16 июня 1942 г. 1-й танцовщик и балетмейстер Парижской Оперы Сергей

Лифарь с участием танцовщицы Людмилы Черниной дает балетный спектакль в пользу нуждающихся русских. В программе новое произведение Сергея Лифаря “Ромео и Джульетта”, музыка Чайковского⁶. А уже в июле публицист «Парижского вестника» В. Унковский, характеризуя значение прошедшего события в жизни Русского мира во Франции, с восторгом писал: «Необычный, незабываемый спектакль за последние годы. Большое художественное событие. Исключительный материальный успех. Присутствовал “весь Париж”. Мы можем гордиться, что гала Сергея Лифаря, устроенное в большом зале Плейель – русская инициатива, организованная для русских... На фоне нынешнего трудного и ответственного времени, отчетный спектакль является ослепительной манифестацией русского искусства». При этом особенно важно то, что сотрудник коллаборационистской газеты специально подчеркивал: «Вся чистая прибыль поступила в распоряжение Управления делами русской эмиграции во Франции для помощи нуждающимся нашим соотечественникам»⁷.

Это было отнюдь не последнее выступление С. Лифаря в оккупированном немцами Париже. Летом 1943 г. он вернулся во французскую столицу со своей балетной труппой Большой Парижской оперы из Цюриха, где принимал участие в проходившей в Швейцарии большой театральной неделе. Швейцарская пресса отмечала, что два спектакля, данные труппой С. Лифаря в Швейцарии, прошли с большим успехом. А уже 23 июня 1943 г. выдающийся балетмейстер выступал во французской столице в Большой Опере с премьерой своего нового балета на музыку французского композитора XX века Жобэра. Как писал «Парижский вестник», «на премьерe присутствовал весь театральный Париж»⁸.

Заметим, что, очевидно, коллаборационистская газета, публикуя восторженные материалы о выступлениях С. Лифаря в Парижской Большой Опере в годы войны, преследовала и политическую цель. Коллаборационисты стремились создать впечатление, что немецкая оккупация Парижа не только не нанесла ущерб французской столице, но и сопровождалась дальнейшим развитием культуры. «Парижский вестник» настойчиво создавал иллюзию того, что Русский Париж в условиях германской оккупации переживал свой расцвет. Использование же столь громкого имени, как С. Лифарь, в связи

с деятельностью Управления делами русской эмиграции во Франции, должно было доказать, что цвет Русского Парижа сотрудничал с оккупантами.

На страницах «Парижского вестника» постоянно публиковались материалы, которые должны были свидетельствовать об исключительно насыщенной театральной жизни в Русском Париже в условиях немецкой оккупации. Так, например, летом 1943 г. была опубликована статья ведущего театрального обозревателя «Парижского вестника», уже упоминавшегося В. Унковского, посвященная «Театру без занавеса» – проекту, одним из организаторов которого выступил известный литератор И.Д. Сургучев. «Парижский вестник» вновь подчеркивал расцвет русского театра в оккупированном немцами Париже: «В последнем спектакле “Театра без занавеса” зал Гужон был переполнен, не хватало мест. После прочтения И.Д. Сургучевым нового рассказа, написанного с присущим автору мастерством, дружно и весело был разыгран известный чеховский водевиль “Юбилей”... “Театр без занавеса” прочно завоевывает успех»⁹.

Конечно, особое внимание «Парижский вестник» уделял тем театральным акциям в Русском Париже, которые проводились при прямом содействии со стороны Управления делами русской эмиграции во Франции. Широко освещалась, например, деятельность уже упоминавшегося Театра русской молодежи под руководством П.П. Великатова, который в 1943–1944 гг. провел премьеры спектаклей «На бойком месте» (по пьесе А.Н. Островского), «Сорванец» и др.¹⁰ Активно рекламировала коллаборационистская газета организованный в апреле 1944 г. Вечер цыганской музыки, песни и танца при участии «известного румынского оркестра Кости Барлиаза». При этом «Парижский вестник» особо подчеркивал: «Продажи билетов при входе не будет. Покорнейшая просьба заблаговременно обращаться за приглашениями в Управление делами русской эмиграции во Франции»¹¹.

Русские музыка и театр в оккупированном немцами Париже не исчерпывались деятельностью указанных выше структур. Функционировал Театр Русской Драмы, ставивший известные классические произведения (пьесы А.С. Грибоедова, А.П. Чехова и др.). Продолжалась и подготовка новых исполнителей, поскольку и в условиях оккупации не прекращалась деятель-

ность Русской консерватории. На ее ежегодном оперном спектакле в мае 1944 г. звучали арии из опер «Пиковая дама», «Царская невеста» и др.¹²

На страницах «Парижского вестника» можно было встретить информацию и о деятельности в оккупированном немцами Париже отдельных русских литераторов. Особенно важным, очевидно, для коллаборационистов было доказать тезис о том, что ведущие писатели Русского Парижа соглашались сотрудничать с УДРЭФ и оккупантами. В качестве доказательства нередко приводилась информация о деятельности И.С. Шмелева, чей политический выбор в годы Второй мировой войны определялся, как известно, непримиримым антикоммунизмом писателя. Взгляды И.С. Шмелева, расходившиеся с идейно-политическими установками многих русских литераторов, ориентировавшихся на страны антигитлеровской коалиции, активно использовались коллаборационистами в своих целях. Не случайно, «Парижский вестник» публиковал информацию о вечерах, которые устраивал русский писатель в оккупированном немцами Париже¹³.

Как уже было отмечено выше, Управление делами русской эмиграции во Франции вело активную работу среди русской молодежи. Проводило оно и мероприятия, рассчитанные на детскую аудиторию. Очевидно, они должны были препятствовать ассимиляции русской молодежи, способствуя сохранению русского национального самосознания среди подрастающего поколения. Параллельно они, по всей видимости, преследовали и политическую цель, укрепляя авторитет УДРЭФ в Русском Париже. Известно, в частности, что УДРЭФ организовывало летние лагеря для русских детей¹⁴.

В условиях германской оккупации храмы русской православной церкви в Париже продолжали свою работу. О том, какой нелегкий выбор приходилось делать священнослужителям, свидетельствуют, например, мемуары Т. Манухиной о митрополите Евлогии, отрывок из которых помещен в приложении. Церковь и в условиях оккупации продолжала выполнять важную функцию формирования и развития русского национального самосознания эмигрантской молодежи. При Александро-Невском кафедральном соборе в Париже и в годы войны существовала четверговая школа, где русские дети учились Закону Божьему, русскому языку и истории России¹⁵.

Однако оккупированная нацистами часть Франции была только сравнительно небольшой провинцией огромной «коричневой империи» Адольфа Гитлера, центр которой находился в Берлине. Русское искусство в нацистской Германии – тема очень сложная и в целом еще малоизученная. Возможна ли была вообще какая-либо творческая активность русских в Третьем Рейхе в годы Второй мировой войны? Оказывается, да. Одним из ее символов стала, бесспорно, карьера популярной в те годы в Германии актрисы кино О. Чеховой. Ставшая широко известной еще в предвоенные 1930-е гг. (фильмы «Пер Гюнт», «Некий господин Гран», «Фаворит императрицы», «Ночь решений» и др.), она продолжает активную творческую деятельность в годы войны. Вот как она позднее вспоминала об этом: «Когда разразилась война, я играла в “Берлинском театре”. Ситуация просто непостижимая: в то время как первые убитые чествуются как герои и человеческие страдания по обе стороны заглушаются победными фанфарами “блицкрига против Польши”, я играю единственную оставшуюся в живых “шестую” в искрометной комедии “Шестая жена” с Вилли Домом в роли Генриха VIII... В первые месяцы войны мой дом в Кладове еще больше, чем прежде, становится спасительным островком для добрых друзей и коллег... Пока съестных припасов достаточно, каждый приносит из погреба бутылку своего любимого вина и болтает о “путях мира”. Пути мира в данный момент неисповедимы. Никто не знает, что последует за “блицпобедой” над Польшей. Наше будущее в тумане...

В июне 1941-го Гитлер отдает приказ о нападении на Советский Союз... Многие принимают участие в “обслуживании войск”. Мы удивляемся, кто только не именует себя актерами, танцорами и певцами. Но и профессионалы обязаны выступать перед войсками и тем самым вносить свой вклад в “поднятие и укрепление духа в тяжелые времена”. Итак, вместе с моими коллегами я отправляюсь в “турне”. В большинстве случаев это постановки с минимумом декораций и шестью-семью персонажами. Я играю в Париже в “Театре на Елисейских полях”, где гримерная великой Сары Бернар полностью сохранена, как и при ее жизни; я гастролирую в Лионе и в брюссельском “Королевском театре”, который по своей акустике и архитектуре просто театр мечты...

Прага теперь – Мекка для всех киношников. На нее не падают бомбы. “Злата Прага” не утратила своего блеска; и в гастрономическом отношении она предлагает удовольствия, которых в Рейхе для простых смертных уже не существует. Короче: Прага – отдых от войны. Мы снимаем “Храм Венеры” с Вилли Биргелем, Эрикой фон Тельман, Хубертом фон Мейеринком. Мы живем в отеле “Алкрон”, а вокруг нас увиваются торговцы с черного рынка. Можем покупать прелестные вещицы и контрабандой переправлять нашим близким в Берлин. Райские деньки...

Я снова играю в театре в Берлине. Дорога туда-обратно теперь выглядит так... На трамвае мы едем до электрички, на электричке до конечной станции, а оттуда дальше на автобусе. От автобусной остановки до нашего дома “прогуливаемся” еще пять километров... Мы валимся с ног от усталости... Я размышляю о том, как долго я еще буду в состоянии выдерживать это путешествие вечер за вечером и ночь за ночью.

– Они еще не привлекли тебя к трудовой повинности, а меня не призвали на службу, – неожиданно ворчит себе под нос Раддатц, словно догадавшись о моих мыслях, – пока мы еще можем играть в театре. – Он задумчиво смотрит на меня. – А у многих уже не будет и такой возможности...

Я киваю. Ноги мои болят меньше...

Вечером я пою в тюбингенском лазарете перед ранеными свои песенки... Солдаты в восторге...

В Кельне я переживаю налет в бомбоубежище театра. А в это время горит гостиница, в которой я живу. Мои вещи сгорают тоже. При этом известии я толькожимаю плечами.

Днем позднее в Гамбурге зажигательная бомба попадает в наш театр. Мы совсем рядом, в подземелье. Под развалинами театра остается лежать мой личный гардероб. Я возвращаюсь в Берлин прямо в театральном костюме из исторической пьесы. Никто не обращает внимания – у людей иные заботы... Несколько вечеров спустя сирены снова прерывают наш спектакль. Мы к этому привыкли. Редкий спектакль теперь доигрывается до конца...»¹⁶.

В современной историографии, в частности, в работах М.В. Шкаровского подробно освещается история русского православия в условиях нацистского режима в Германии. Немало информации по этой теме можно было найти на страни-

цах такого источника, как журнал «Православная Русь», издававшийся Русской зарубежной православной церковью (глава – митрополит Анастасий). В 1943 г., например, «Православная Русь» сообщала об открытии в Берлине богословских курсов¹⁷. Отмечалось также, что Миссионерское бюро при Епархиальном управлении в Берлине, после некоторого перерыва, вновь начало функционировать. Работа велась под непосредственным руководством митрополита Серафима. Бюро рассылало всем нуждающимся в том православным людям, находящимся в Германии, Св.Писание, духовную литературу, крестики и иконки.

Православные священники в Германии проводили и богослужения в лагерях для военнопленных. Так, в том же 1943 г. «Православная Русь» сообщала: «20 июля – 2 августа по приглашению комендатуры лагеря военнопленных в Люконвальде (между Берлином и Лейпцигом) и по поручению Его Высокопреосвященства, преосвященный епископ Филипп совершил освящение лагерного храма там во имя святого равноапостольного князя Владимира. Храм устроен в специально отведенном и переданном для этой цели бараке среди лагеря. Нужно отметить высокохудожественный иконостас, сделанный одним из военнопленных, бывшим художником известной московской фабрики церковной утвари Хлебникова. Обращает на себя внимание прекрасная стенная живопись, художественной работы иконы, орнаменты и пр.». Как отмечала «Православная Русь», во время богослужений храм был переполнен молящимися военнопленными: «Очень хорошо пел хор военнопленных. Великолепно прочел апостола московский протодиакон, тоже военнопленный. После богослужения Владыка посетил прекрасно устроенное лагерное кладбище, где совершил краткое моление об усопших там воинах. Теперь в лагере во все воскресные дни регулярно совершаются богослужения лагерным священником из военнопленных же о. М. Поповым, проявившим исключительную энергию в пастырской деятельности среди военнопленных»¹⁸.

По мере того, как развивался коренной перелом во Второй мировой войне, менялась ситуация и в Третьем Рейхе. Русские, проживавшие в годы войны в Берлине, начинали страдать от налетов союзной авиации. Это касалось и православных священников, о чем постоянно сообщалось на страницах «Право-

славной Руси». Так, при налете на Берлин в ночь с 23 на 24 августа 1943 г. пострадал настоятель св. Александро-Невской церкви г. Потсдама о. Павел Гекке. При пожаре сгорело все его имущество. При налете на Берлин в ночь с 30 на 31 августа 1943 г. бомба упала на дом, в котором жил преосвященный епископ Филипп. Дом сильно пострадал, погибли почти все манускрипты и научные труды Владыки в рукописях. В одной из бомбардировок городов Людвигсхафена и Маннгейма пострадали настоятели местных приходов – священник Георгий Щербин в Людвигсхафене и священник Александр Попов в Маннгейме. Оба потеряли все свое имущество. Пострадали и многие прихожане тамошних церквей, были также убитые¹⁹.

Какой жизнью жил более или менее типичный православный приход в нацистской империи в условиях коренного перелома в войне? В том же 1943 г. в «Православной Руси» была помещена небольшая заметка, посвященная судьбам православной церкви в Гамбурге в годы войны. В ней рассказывалось о Свято-Николаевской церкви Гамбурга – одной из старейших в Германии. В годы войны церковь находилась в доме св. Владимирского Братства в Германии, которое владело в Гамбурге двумя небольшими трехэтажными домами очень старой постройки. «Эти дома, – отмечала “Православная Русь”, – находятся в лучшей части города, но не в торгово-промышленной. В домах проживают жильцы германские подданные, за исключением настоятеля о. Иоанна Малиженовского и управляющего имуществом Братства Д.Д. Старлочанова. Православная церковь помещается в доме № 4 уже около 40 лет, она вмещает не более 150 молящихся. Во время последних налетов английских аэропланов на Гамбург вблизи церкви упало 10 зажигательных и разрывных бомб. Однако церковь и вообще оба дома почти не пострадали, хотя соседние 4 дома сгорели совсем или частично. Необходимо отметить заслуги всех жителей братских домов, которые образовали сильную рабочую противопожарную группу и вместе с настоятелем церкви не сидели в бункерах, но следили за появляющимся огнем, чтобы немедленно тушить его песком и водой. Многие из рабочих, в том числе и отец настоятель, пострадали от ожогов»²⁰.

Сотрудничавшие с нацистами эмигранты стремились показать, что власти создавали служителям православной церкви

нормальные условия для функционирования и на территориях стран-сателлитов Германии. Сообщалось, например, что в отошедшей к Венгрии части бывшей Югославии, называемой Бачка, развивалась церковная жизнь: «Открыто много новых приходов. Представитель митрополита Серафима Берлинского, под церковное попечение которого отошли эти приходы, отец Сергей Самсониевский возведен в сан протоиерея. Устраиваются миссионерские съезды по местам, печатается религиозная литература, которая по возможности отправляется в очищенные от большевиков области России. Организованы миссионерские и пастырские курсы. Большую и полезную деятельность развивает молодой священнослужитель о. Владимир Родзянко, проживающий в селе Станшинч около города Самбора. В этом селе проживает свыше 700 православных сербов»²¹.

В одной из недавно вышедших работ М.В. Шкаровского рассказывается об истории русского православия в фашистской Италии в годы Второй мировой войны. Исследователь указывает, в частности, на тот любопытный факт, что в организации помощи советским военнопленным в Италии участвовали некоторые прихожане православных приходов и русские католики восточного обряда²². Через устроенный ими тайный госпиталь и приют для беженцев из лагерей советских военнопленных прошли сотни людей, которых затем распределяли по конспиративным квартирам в Риме, чтобы впоследствии переправить в соседние горы, в русские партизанские отряды. Однако подобную информацию невозможно было встретить на страницах «Православной Руси». Ориентировавшиеся на взаимодействие с нацистами церковные иерархи и их печать создавали во многом односторонний образ русского православия в странах «Оси».

Коллаборационистская пресса в годы войны публиковала немало информации о культурной жизни в государствах, ориентировавшихся на нацистскую Германию. Как уже отмечалось, целью подобных публикаций было формирование позитивного образа стран фашистского блока, создание иллюзии нормальной мирной жизни в сателлитах Германии, когда почти вся Европа так или иначе стала театром военных действий. Единственная русская газета, выпускавшаяся в столице Третьего Рейха – берлинское «Новое слово» часто информировало

своих читателей о различных мероприятиях культурной жизни русских в Болгарии. Так, оно сообщало, например, о выставках русских художников С.В. Шамина, Е.И. Ващенко, А.И. Тимофеева в Софии²³. Рассказывало оно и о творчестве русских в других сферах искусства в болгарской столице. В феврале 1942 г. на страницах берлинской газеты, например, сообщалось: «С большим успехом прошла на днях в Национальной опере гастроль нашего талантливого артиста Е. Ждановского “Севильский цирюльник”. В конце текущего месяца Е. Ждановский выезжает в Италию, куда приглашен Миланской оперой на несколько гастролей»²⁴. Журналист коллаборационистской газеты не мог предположить, как сложится судьба документального наследия знаменитого артиста: в 1955 г. часть его архива была передана на Родину, в Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени Бахрушина. А в 1964 г. у сестры Е.В. Ждановского А.Ф. Чижовой была куплена основная часть архива русского артиста-эмигранта.

Совершенно в других условиях в годы Второй мировой войны развивалась культура Русского мира за океаном. Тем не менее, в качестве одной из главных задач, на решение которых были нацелены проводимые мероприятия, и здесь провозглашалось укрепление русского национального самосознания среди эмигрантской молодежи. Например, в феврале 1941 г. Организационный комитет молодежи при Главном правлении РООВА, во главе которого стояли М. Гайда, В. Кажура, В. Ленц, устраивал в Нью-Йорке ежегодный бал. Как отмечалось в воззвании, выпущенном Оргкомитетом по этому случаю, «мы, русская молодежь, не только верные и преданные граждане Великой Америки, но мы также любим Русский Народ и ценим и дорожим его культурными достижениями. Мы прекрасно понимаем родителей в их стремлении передать нам культурное наследие и внушить нам любовь и понимание тех идеалов, которыми жило оно само. Во многом родители наши успели. Ибо мы, русская молодежь, любим русскую песню, русскую музыку, в своей среде мы стараемся создать русские оркестры, театральные кружки»²⁵.

В годы войны не утихала и музыкальная жизнь Русского мира в США. Как известно, активно концертировал С.В. Рах-

манинов, отдававший собранные в ходе гастролей средства в помощь Советскому Союзу, воевавшему против нацистской Германии. Проходили концерты пианиста А. Браиловского, скрипача Я. Хейфеца и многих других известнейших деятелей русской эмигрантской культуры. Конечно, война накладывала отпечаток на атмосферу и характер выступлений. Вот как, например, описывало «Новое русское слово» выступление Я. Хейфеца в Нью-Йорке в 1942 г.: «Яша Хейфец открыл свой концерт в Карнеги-Холле исполнением американского национального гимна, окруженный на эстраде большой группой американских и английских солдат. Они были приглашены на концерт организацией, заботящейся о развлечении прибывших в Нью-Йорк военных. Было вполне уместным, чтобы исполнение “Шотландской фантазии” Бруха произошло в присутствии нескольких шотландских солдат, одетых в свою национальную форму. Яша Хейфец был в исключительном ударе. Он играл с неподражаемым блеском, с почти сверхчеловеческой техникой, с той глубиной чувства и красотой тона, которые присущи исключительно ему...»²⁶.

Одним из наиболее активных организаторов выступлений русских артистов в Нью-Йорке в годы Второй мировой войны был знаменитый импрессарио С. Юрок. Когда-то он являлся импрессарио великой русской балерины Анны Павловой во время ее американских гастролей. 23 января 1941 г. исполнилось 10 лет со дня ее смерти. Именно С. Юрок организовал в этот день концерт в Нью-Йорке памяти балерины.

В феврале 1941 г. он же явился инициатором концерта оперного баса С. Беларского, выступившего с программой из произведений Римского-Корсакова, Мусоргского, Рубинштейна. Анонсируя концерт С. Беларского, «Новое русское слово» сообщало: «У певца прекрасный “бассо контанта” и та музыкальная культура, которую давали русские консерватории»²⁷.

Но, пожалуй, наиболее известным проектом, в организации которого принимал участие С. Юрок в годы войны, был Русский Балет. Вместе с другим известным импрессарио В.Г. Базилем в том же 1941-м г. они организовали имевшие широкий общественный резонанс гастролы Русского Балета на Бродвее. Дирижером оркестра выступал один из крупнейших русских композиторов XX века И.Ф. Стравинский, на скрипке солировал С. Душкин. Русский Балет поставил на Бродвее новое

произведение знаменитого Дж. Баланчина «Баллюстрада» на музыку И.Ф. Стравинского с декорациями и костюмами П. Челищева²⁸.

Как показывают воспоминания одного из крупнейших русских балетмейстеров XX века Л.Ф. Мясина, балетная жизнь Русского мира в США была весьма богатой на события. Уже через два месяца после начала Второй мировой войны, в ноябре 1939 г., в Метрополитен состоялась премьера балета «Вакханалия», который репетировался еще в Париже в тот момент, когда началась Вторая мировая война. К концу 1940 г., как позднее вспоминал Л.Ф. Мясин, «стало очевидно, что Русский балет Монте-Карло пользуется успехом в Америке. Мои выступления в собственных балетах принесли множество похвал: “Седьмая симфония” и “Красное и черное” упрочили мою серьезную репутацию среди американской публики – это давало огромное удовлетворение. Спонсоры и директора “Юниверсал Арт Инкорпорейтед”, казалось, были по-настоящему довольны своим экспериментом. Я чувствовал, что последние два года были даже более продуктивны, чем ранние, проведенные с Дягилевым. Мое положение в труппе позволяло заниматься хореографией без ограничения тем, их трактовок и технических приемов».

Во время турне весной 1941 г. Л.Ф. Мясин с балетом посетил Калифорнию, где 25 тысяч зрителей пришли на представление в Голливуд-боул. Во время работы в Голливуде к нему даже обратилась знаменитая кинокомпания «Уорнер бразерс» с предложением создать фильм по мотивам балетов «Парижское веселье» и «Испанское каприччио», которое должно было быть переименовано в «Испанскую фиесту». Как отмечает Л.Ф. Мясин, «хотя я был убежден, что кино не способно передать то, что в балетном спектакле воздействует непосредственно, я решил, что нельзя упускать возможность донести наше творчество до широкого зрителя. Несмотря на великолепные условия, созданные для нас, и умелую режиссуру Жана Негулеско, помогавшую публике забыть, что она смотрит экранизированный балет, я считал этот процесс в целом механическим и искусственным, мне не хватало прямого контакта с публикой. Однако оба фильма, прекрасно сделанные технически и с точки зрения цвета, обеспечили труппе блестящую рекламу»²⁹.

Впрочем, как выяснилось, коммерческая сторона данного предприятия, которая в американском искусстве всегда стояла

на одном из первых мест, не вполне устраивала организаторов проекта. Л.Ф. Мясин был разочарован известием о решении руководства компании впредь ставить только те балеты, которые будут иметь непосредственных спонсоров, поскольку осознавал, что это приведет к снижению уровня постановок. В октябре 1941 г. балетмейстеру сообщили, что его 10-летний контракт с «Юниверсал Арт Инкорпорейтед» не был утвержден, и после трехлетней работы он был уволен. После этого он принял приглашение основанного в 1940 г. американского «Балле тизтр». Новая постановка балетмейстера «Цыганы» по произведению А.С. Пушкина прошла в сотрудничестве с другим выдающимся деятелем культуры Русского зарубежья – Марком Шагалом, который выступил как художник-оформитель и декоратор. А уже в октябре 1943 г. в Метрополитен прошла премьера новой постановки маэстро по произведению Леккока «Дочь мадам Анго», где Л.Ф. Мясин сотрудничал с другим знаменитым эмигрантским художником – М.В. Добужинским³⁰. Последний факт находит свое подтверждение и в письмах М.В. Добужинского³¹. Заметим, что в своей переписке тех лет М.В. Добужинский указывает на «внимание» к нему как к эмигранту из Советского Союза со стороны американских властей. В одном из писем М.А. Чехову художник отмечал, что в 1943 г. его вместе с женой даже вызвали в Вашингтон. Как указывал М.В. Добужинский, это был «форменный допрос особой семичленной комиссии на предмет того, не склонны ли мы к коммунизму. Вопросы были наивны, но многочисленны, особенно их смутило то, что я не был там арестован, – т. е. как в одной советской анкете спрашивают: “были ли Вы арестованы, если нет, то почему?”»³².

Источники свидетельствуют, что музыкальная жизнь Русского Нью-Йорка тех лет была весьма разнообразна. Русская опера являлась своеобразным брэндом, который высоко ценился американскими любителями классической музыки. Не случайно русский оперный артист В.А. Елин, например, имел в Нью-Йорке свою вокальную студию. В феврале 1941 г. он устраивал оперный спектакль, где партии из «Евгения Онегина» и другие произведения русских композиторов исполнялись американцами-учениками студии В.А. Елина³³. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание. Усилиями представителей Русского мира в США русская

культура становилась популярной далеко за пределами русской общины, происходила пропаганда русского культурного наследия в среде американской общественности.

Характерен и репертуар произведений, которые исполнялись на организованном В.А. Елиным концерте. Русская классика часто звучала в Нью-Йорке в годы войны. В том же феврале 1941 г. в Русском Клубе, например, прошел спектакль памяти П.И. Чайковского, на котором также звучали фрагменты из опер «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», но уже в исполнении хора Храма Христа-Спасителя³⁴.

В США в годы войны можно было услышать не только произведения русской классики. Народное песенное творчество также звучало на собраниях русских эмигрантов. В Клифтоне (штат Нью-Джерси) местная русская община, например, устроила концерт артистов знаменитого Донского казачьего хора С. Жарова³⁵.

Значительное внимание уделялось в годы войны и проблеме пропаганды русского литературного наследия в США, сохранению исторической памяти о великих русских писателях. Так, в Русском центре в Кассвилле (штат Нью-Джерси) было решено построить Библиотеку-архив русской иммиграции в Америке и соорудить памятник А.С. Пушкину. Сообщая о начале сбора средств на реализацию этого проекта, выходец из Белоруссии Д. Горбачевич указывал, что сам пожертвовал 5 долларов (поскольку он «далеко не зажиточный человек»), а также решил обойти с подписным листом своих друзей. Кроме того, он обещал «безвозмездно дать трехдневный труд на постройку здания под библиотеку и, когда здание будет закончено, пожертвовать из своей библиотеки лучшие книги»³⁶.

Такого рода акции, конечно, были рассчитаны в значительной степени на формирование национального самосознания у русской эмигрантской молодежи, для которой памятник А.С. Пушкину должен был стать важным символом исторической памяти. Старшее поколение эмигрантов и в условиях войны продолжало бороться с процессами ассимиляции среди детей, проводя для этого самые разнообразные мероприятия. Этим целям, в частности, служили летние лагеря для русских детей, которые организовывал Толстовский Фонд. В 1941 г., например, в таком лагере участвовало более 40 детей. Характерна программа лагеря на 1942 г., где предполагалось не

только изучение французского и английского языков, музыки, групповые гимнастические сокольские упражнения, плавание, экскурсии, но и обучение русскому языку и Закону Божьему. Таким образом, предполагалось знакомство с важными элементами русской культуры, что должно было сформировать или укрепить у ребенка русское национальное самосознание. На это же были нацелены и занятия в «вечернем клубе» (camp fire), где предполагалось в доступной форме знакомить детей с русской историей. Наряду с этим планировались разнообразные лекции практического плана, которые давали знания, которые могли пригодиться ребенку в повседневной жизни и в будущем: по ботанике, пчеловодству, огородничеству, куроводству. Организаторы лагеря обещали, что дети будут участвовать и в «сельскохозяйственной жизни», приобретут практические навыки по уходу за домашними животными и птицами³⁷.

Другие структуры Русского мира в США также уделяли внимание проблеме формирования русского национального самосознания у детей эмигрантов. Так, Общество помощи русским детям устраивало в Русском Клубе в Нью-Йорке рождественские елки для детей, где на русском языке ставились детские спектакли («Кот в сапогах» и т. п.)³⁸. Рассказывая о таком мероприятии, прошедшем в январе 1942 г., «Новое русское слово» с воодушевлением писало: «Счастливая мысль организаторов инсценировать “Ночь перед Рождеством” Н.В. Гоголя удалась на славу. Отраднo было слушать чудесную гоголевскую речь в чистом, правильном произношении нашего подрастающего поколения»³⁹.

Большую роль в жизни Русского мира в годы Второй мировой войны в США играла православная церковь. Источники многократно свидетельствуют, что именно вокруг православных храмов чаще всего и происходило объединение эмигрантов в различных американских городах. Об этом прямо писал, например, на страницах газеты «Новое русское слово» проживавший в Майами М. Гурьев: «Ничто так не помогает объединению людей, как храм. И в особенности это можно сказать о людях, оторванных от родной земли и лишенных своего отечества, каковыми являемся мы, русские беженцы»⁴⁰. В статье М. Гурьева рассказывалось о том, как в Майами в греческой церкви собралась группа из нескольких десятков русских людей, чтобы «поговорить о возможности иметь свою церковь».

Инициатором собрания выступил священник отец Николай Губияк, недавно приехавший в Майами из Пенсильвании. Впрочем, именно вопрос о постройке храма очень четко высветил неоднородность русскоязычной общины США, которая возникла еще в конце XIX – начале XX в. М. Гурьев с сожалением указывал, что на собрании присутствовал лишь один из весьма многочисленных в Майами карпаторуссов, хотя всем им были высланы приглашения. В итоге собрание создало комитет для постройки храма во главе с генералом Н. Егоровым. Статья М. Гурьева об этом событии, на наш взгляд, интересна и тем, что показывает, с какими трудностями сталкивались эмигранты при осуществлении подобных акций в периферийных центрах Русского мира в США, подобных Майами. Характерно, например, что один из собравшихся откровенно признал, что «свой русский уголок своими средствами одни русские устроить не в состоянии», поэтому решено было собирать пожертвования и среди американцев. В качестве же первого серьезного шага было решено прибегнуть к испытанному еще в дореволюционной России средству – проведению благотворительного концерта. Идея была подана владельцами расположенного на пляже в Майами ресторана «Русский медведь».

И вот 16 февраля 1941 г. впервые в истории курортной Флориды был устроен русский бал-концерт. Собралось около 200 человек, причем не только русских, но и карпаторуссов. В отчете об этом мероприятии, ставшем событием в жизни русской общины Майами, все тот же М. Гурьев подчеркивал: «Многие отмечали, что они впервые видят такое многолюдное собрание своих соотечественников. Никто не думал, что в Майами живет столько русских». На балу был организован буфет, проведена лотерея. «Русские дамы наварили всякой снеди, – писал М. Гурьев, – и все было быстро разобрано, и – скандальная история! – на мою долю не осталось ни одного пирожка...»⁴¹. Так православный храм в очередной раз стал объединяющим центром в жизни Русского мира. Вскоре было куплено место для церкви, согласились пожертвовать свой труд архитектор, плотники, маляры, а один добросердечный серб дал деньги на покупку леса.

И в других периферийных центрах Русского мира в США православный храм являлся важнейшим объединяющим фак-

тором. На страницах все того же «Нового русского слова» можно найти немало примеров, подтверждающих этот тезис. Так, например, эмигрант А. Омелянчук прямо указывал, что в городке Саут-Ривер (Пенсильвания) «центром культурно-просветительской работы» являлась именно церковь во главе с настоятелем протоиереем отцом Николаем Успенским и псаломщиком Иваном Блонским⁴². Характеризуя деятельность отца Николая, А. Омелянчук отмечал, что «не в пример своим предшественникам», он «весь ушел в народ», посещал дома своих прихожан, беседовал с ними и давал им полезные советы. Отец Николай привел в порядок церковные книги, находившиеся до его прихода на пост настоятеля храма в «хаотическом состоянии». Вся эта деятельность привела к тому, что протоиерею Николаю Успенскому удалось заслужить большой авторитет у своих прихожан. Его деятельность удачно дополнял Иван Блонский, регент и учитель русской школы при церкви, создавший «первоклассный хор», который часто выступал по радио и в американских учреждениях, пропагандируя тем самым русскую культуру. Важным результатом деятельности Ивана Блонского было то, что ему удалось привить прочные знания русского языка детям эмигрантов. Вся эта деятельность служителей храма способствовала сплочению русских в маленьком городке в Пенсильвании, препятствовала процессу их полной ассимиляции.

Как свидетельствуют источники, российские эмигранты прекрасно понимали то большое значение, которое имели православные храмы для Русского мира за пределами России. В тех случаях, когда такого храма в каком-либо населенном пункте не было, проживавшие там русские эмигранты сталкивались с немалыми трудностями. Как уже было показано на примере Майами, зачастую именно постройка храма становилась тем делом, на котором можно было одновременно проверить и степень сплоченности русской общины. Об этом свидетельствовал и пример городка Нью-Брунсуик, который освещался в русскоязычной прессе США. Автор одной из статей, эмигрант А. Бойчук, отмечая в феврале 1941 г., что русская церковь в городе по-прежнему стоит недостроенная, подчеркивал: «На нее словно никто не обращает внимания. Один говорит, что ему надо идти в салун – выпить, а другой идет в кабаре – погулять. А церковь недостроенная стоит, как сирота».

«Дорогие граждане, – с горечью призывал местных жителей А. Бойчук, – не надо обращать внимания на то, кто эту церковь строит, Иван или Степан. Эта церковь наша общая и Божья. Кто бы вы ни были, русский или украинец, поляк или человек другой национальности – важно нам иметь церковь и школу... Рука об руку мы идем вместе, русские и поляки. Почему бы нам не идти вместе в такие хорошие места, как в церковь и школу»⁴³.

Как уже отмечалось, именно православные храмы в различных городах США проводили разнообразные культурные мероприятия, способствуя сплочению русских общин. В русскоязычной прессе США периода Второй мировой войны публиковались краткие отчеты об этих акциях. В марте 1941 г. в Лонг-Айленде прошел концерт-бал в пользу Церкви Знамения Пресвятой Богородицы с выступлениями русских певцов К.П. Неюорской, В.П. Соколова, русскими блинами и т. д.⁴⁴ В том же 1941 г. в Хартфорде на общеприходском митинге в церковном зале местного православного прихода Всех Святых было решено устроить традиционный «Русский день» 1 июня с участием хоров, оркестров, с выступлением губернатора, мэра Хартфорда, сенаторов и т. д. Большую роль в организации этого мероприятия играл церковный староста А.С. Будник⁴⁵. Бесспорно, такие акции не только способствовали сплочению русской общины города, но и позволяли привлечь внимание американской общественности к проблемам русских. Заметим, что русская община Хартфорда в годы войны была достаточно активна и неоднократно проводила различные мероприятия. Так, например, в 1942 г. Клуб православной молодежи города устроил концерт в пользу православного прихода и Свято-Владимирской Духовной семинарии в Нью-Йорке, в программе которого были русские церковные и светские песнопения⁴⁶.

Свою специфику имела, конечно, жизнь православного прихода в Нью-Йорке. «Столица» Русского мира в США, естественно, жила другой жизнью, чем Саут-Ривер или Нью-Брунсвик, здесь существовало значительно больше светских эмигрантских структур, объединяющих различные группы выходцев из России. С другой стороны, многие из проживавших здесь русских были значительно состоятельнее, чем их товарищи из маленьких городков в Пенсильвании или Нью-

Джерси, поэтому могли оказывать более существенную помощь православному храму. Тем не менее, источники свидетельствуют, что положение православного прихода здесь было весьма сложным. Так, на прошедшем 26 января 1941 г. собрании прихода Храма Христа-Спасителя в Нью-Йорке председатель его правления В.П. Шмит отметил, что приход дважды за 8 лет стоял под угрозой банкротства и потери имущества за неуплату процентов по закладным и не погашение долгов по векселям. И здесь большую помощь приходу оказали такие известные деятели Русского мира в США, как Б.А. Бахметев и Б.В. Сергиевский, благодаря которым удавалось собрать деньги и частично выплатить долг.

Из выступления В.П. Шмита можно судить и об основных направлениях деятельности «столичного» православного прихода в США. Он занимался благотворительностью, помогал Обществу помощи инвалидов Зарубежья, Обществу помощи детям Зарубежья, Американскому Красному Кресту и т. д. Удавалось обновлять церковную утварь, были приобретены новые подсвечники на престол и жертвенник. Однако, все это делалось с большим трудом, только благодаря энтузиастам из числа активных прихожан. Так, старшая сестра В.П. Фрунза-Давидкова привела в порядок все ризы и облачения. Заведующий имуществом прихода и казначей хозяйственного комитета Д.М. Терещенко доложил на собрании, как, несмотря на значительно упавшую доходность приходского дома, клуба и столовой, он все же сделал большой ремонт здания и инвентаря. Некоторое общее представление о масштабах деятельности прихода храма Христа-Спасителя в первый год Второй мировой войны дают и количественные показатели. В 1940 г. архиерейских служб в храме не проводилось. Прошло 18 свадеб, 19 крещений, 18 погребений, проведено 319 панихид, 63 молебна. В приходской школе, работавшей по субботам с 11 до 14 часов, занимались около 20 учеников⁴⁷.

Естественно, и в США Вторая мировая война наложила свой отпечаток на деятельность русской православной церкви. Православные приходы приняли активное участие в сборе средств в пользу Красной и американской армий, которые вели борьбу против фашистского блока. Так, Комитет помощи России при Свято-Андреевской Церкви в Филадельфии провел в январе 1942 г. благотворительный концерт-бал, все соб-

ранные средства от которого шли в Американский Красный Крест. Туда же передал треть дохода от проведенной детской елки и Успенский собор Детройта. Рассказывая об этой акции, староста Успенского собора П.А. Коваленко подчеркивал: «Наши отцы, братья и сыновья проливают кровь за принципы, на которых основана наша вторая родина. Они нуждаются в медицинских услугах и материале. Мы надеемся, что русские люди г. Детройта сочтут своим долгом облегчить участь борющихся за нашу свободу и посетят елку, приведя своих детей и знакомых»⁴⁸.

В целом, русская православная церковь в США, как и в других странах Русского мира, стояла перед необходимостью выбора. Характеризуя специфику той ситуации, в которой приходилось действовать церковным иерархам в США, «Новое русское слово» писало: «Православная церковь – вне России – свободна ныне только в Америке. Перед лицом происходящего можно пожелать только одного: чтобы ее поведение резко и недвусмысленно отличалось от поведения не только Дионисиев и прояпонских дальневосточных иерархов, но и от поведения многих из тех карловацких иереев, которые, не осмеливаясь теперь открыто встать на сторону врагов России и США, вместе с тем мешают части церкви занять ясную и четкую антигитлеровскую и антияпонскую позицию, и открыто торжественно заявить, что заграничная православная церковь всеми силами и безрезервно содействуют России в ее борьбе с завоевателем»⁴⁹. Большевикские преследования православия еще стояли перед глазами у тех священнослужителей, которые призывали к поддержке Советского Союза как партнера по антигитлеровской коалиции. Тем не менее, их выбор был именно таким.

Май 1945 г. принес мир и русским эмигрантам, и всем народам, вовлеченным в глобальный военный конфликт. Однако мирная жизнь не сразу входила в свое нормальное русло. После окончания Второй мировой войны, как уже отмечалось, значительное число бывших советских граждан оказались в Европе в лагерях для «перемещенных лиц». Как показывают источники, несмотря на сложные условия лагерной жизни, и здесь продолжала развиваться русская зарубежная культура. Примером этого является история лагеря Менхегоф, описан-

ная К.В. Болдыревым. Характеризуя этот аспект лагерной жизни, деятель НТС указывал в своих воспоминаниях: «Славную страницу в историю лагеря Менхегоф вписал его культурно-просветительный отдел под общим руководством Е.Р. Романова (Островского). Наличие в лагере высокого процента интеллигенции, среди которой было много талантливых творческих сил, обусловило быстрое развитие его культурной жизни. Большое внимание было уделено образованию». Помимо трех детских садов и трех начальных школ, в которых обучалось 395 детей, в Менхегофе была создана первая в послевоенной Германии русская гимназия, в которой полный курс среднего учебного заведения проходило 125 учащихся. Директором гимназии был сначала С.Е. Безрадецкий, а потом А.И. Цибрук. Как отмечал К.В. Болдырев, большую патристическую и воспитательную работу среди детей и молодежи проводили скауты.

Для взрослых в Менхегофе были открыты языковые курсы (269 слушателей) и занятия по подготовке шоферов, электротехников, радиотехников, механиков и чертежников (243 человека), а также землемерные курсы. В клубном помещении периодически читались лекции на различные темы (исторические, научные, философские, религиозные, по литературе, искусству, а также обзоры мировой прессы). Всего до 15 декабря 1945 г. было прочитано 96 лекций, пользовавшихся у публики большим успехом, о чем свидетельствует их хорошая посещаемость (всего 21 476 чел.). Особо популярными в Менхегофе были выступления историка проф. Н.И. Осипова, литературоведа, писателя и поэта Б.А. Филиппова, артиста Белградского русского театра Н.Н. Ключарева, протопресвитера о. Михаила Помазанского, журналиста С.П. Рождественского, историка и писателя Н.И. Ульянова, члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР проф. Малинина, писателя Сергея Максимова, философа С.А. Левицкого. Как отмечал К.В. Болдырев, «высокого уровня в лагере Менхегоф достигла деятельность в области музыкально-художественного творчества. Талантливым хормейстером Е.И. Евецем был создан прекрасный смешанный хор (41 человек). Под опытным руководством М. Кедрова был организован струнный оркестр (21 человек). Большим успехом пользовались театральные постановки хорошо сработавшегося артистического коллектива (20 человек) под режис-

сурой Н. Ключарева, Ю. Колтовского, Б. Брюно, И.Н. Ростовцева и Б. Бодэ. Кроме того, в лагере существовали танцевальный ансамбль и украинская драматическая труппа. За период от 15 июля до 15 декабря в большом театральном зале менхегофского клуба было дано: концертов церковных песнопений (хор) – 3, смешанных спектаклей (художественные инсценировки, хор, оркестр, танцы, сольное пение) – 36, театральных постановок (драма и комедия) – 9, музыкальных комедий – 3, балетных спектаклей – 3. Самым блестящим был большой концерт-спектакль, устроенный на Рождество 7 января 1946 года. Приходится удивляться, как при общей скудости средств и материалов удавалось обеспечивать художественное оформление театральных постановок»⁵⁰.

В первые послевоенные годы в лагерях для «перемещенных лиц» в Германии предпринимались и попытки создания объединений деятелей культуры Российского зарубежья. Впрочем, и в этот процесс вмешивалась политика. Ее влияние заметно, например, при знакомстве с материалами Первого съезда российских писателей и журналистов Американской зоны Германии, состоявшегося в лагере Шляйхсхайм в августе 1946 г. Во главе съезда оказались представители политической элиты Русского зарубежья в Германии. Так, председателем съезда стал А.И. Михайловский, в президиуме оказались П.В. Скаржинский, Н.П. Полторацкий, Н.Н. Чухнов и Н.А. Цуриков. Однако последний, заявивший на съезде, что «русско-украинского вопроса не существует», не вошел в состав Правления созданного на данном мероприятии Объединения российских писателей и журналистов в Американской зоне Германии⁵¹. Политические вопросы нередко обсуждались и на страницах издававшегося Объединением Литературного бюллетеня. Некоторые из его авторов, понимая, что политическая борьба раскалывает Российское зарубежье, призывали к примирению «правых и левых»: «К чему нападать на наших предков, хотя бы и заблуждавшихся?». Однако другие участники дискуссии полагали, что российские литераторы в эмиграции должны вести решительную борьбу против социалистов⁵².

Окончание Второй мировой войны привело к новым событиям и в истории русского православия. Продолжилась эволюция Западно-европейской епархии. Под влиянием своих патриотических чувств владыка Евлогий принял решение вос-

соединиться с Московской патриархией. 29 августа 1945 г. к Патриарху Алексию поступило ходатайство митрополита Евлогия, архиепископа Владимира и епископа Иоанна «о принятии их с приходами в каноническое единение со всею Русскою Православною Церковью». 11 сентября 1945 г. был издан Указ Московского Патриарха № 1171, удовлетворивший ходатайство владыки Евлогия с сохранением при этом статуса экзархата. Со своей стороны Патриарх Алексей просил Вселенского Патриарха Вениамина благословить митрополита Евлогия и его паству на воссоединение с Русскою Православною Церковью.

Но отнюдь не вся паства Евлогия поддержала идею воссоединения с Московской патриархией. Об этом рассказывала в своих воспоминаниях близко знавшая митрополита Евлогия Т. Манухина: «Ввиду того, что на двукратное обращение Владыки в Константинополь с просьбой о разрешении вернуться в юрисдикцию Московского Патриарха ответа не последовало, Владыка до конца жизни оставался в зависимости от Вселенского Престола и именовался Экзархом Патриарха Вселенского; одновременно Московский Патриархат тоже считал его своим Экзархом. Стремление Владыки вернуться в лоно Русской Матери Церкви и действия, предпринятые для его осуществления, не исчерпывали его патриотических пожеланий. Владыке этого недостаточно, его планы простираются дальше – вернуться на родину, там найти место последнего успокоения. И вернуться не одному, а со всей эмигрантской паствой – возглавить своего рода переселенческий табор, наподобие того грандиозного каравана с чадами, домочадцами, скотом и скарбом, который он вел из Галиции в Россию во время Великой войны (и привел в Шубково)». Однако, даже Т. Манухина признавала, что далеко не вся паства поддержала Евлогия: «В епархии нарастает недоумение, ропот и протест... Владыка в ту зиму болеет почти непрестанно, в подлинном положении вещей он уже не может дать себе ясного отчета. Осведомлять его о глубоких разногласиях, которые назревают в пастве, даже его близким кажется неосторожным, так явно догорает его жизнь, так несомненно всякая тревога ему не по силам...

Помню, я застала его в кресле, в подушках... Нам столе перед ним длинная трубка-телефон, которой должен пользоваться посетитель, если хочет быть услышан. Речь Владыки затрудненная, слегка лепечущая... Все его волнует, утомляет, он легко плачет... Но доброта и ласка его к людям все те же...

– Вот там, в России, подлинное могучее русское дерево, мы здесь всего лишь тончайшие его веточки... сорвет нас первая буря... Да... жить родиной, работать для нее, вернуться! Наша Русская Церковь – национальная Церковь была и есть, и я плоти и крови преодолеть не могу. Высшим христианским идеалом я жить не могу... каюсь, не могу... – с глубокой искренностью говорит Владыка.

– А что же делать тем, кто к нему стремится? – спросила я.

Владыка задумался, помолчал, а потом сказал:

– Пусть остаются во Вселенской Патриархии...»⁵³

Рождество 1946 г. стало последним для митрополита Евлогия. Оно же стало и первым Рождественским праздником в Париже после окончания Второй мировой войны. От этого торжества получились еще более красочными. Вот как их описывали «Русские новости»: «И в русский сочельник, в воскресенье вечером, и в день Рождества – в понедельник утром – русские церкви Парижа были переполнены молящимися. В храме на рю Дарю и Навечерие, и литургию Василия Великого в первый день Праздника служил архиепископ Владимир в сослужении всего соборного причта. Храм был ярко освещен и богато украшен елками и цветами. С редким подъемом пел усиленный хор Н.П. Афонского. Прекрасно были исполнены рождественские песнопения Бортнянского, Львовского, Аллеманова, с большим чувством спел “Ныне отпускающе” Соколова Г.Е. Гришин. На литургии, в понедельник, прочувственно звучали мотивы Валаамского напева – “Старинная милость мира”, “Слава в вышних Богу”. И в сочельник, и в понедельник на литургии присутствовал, не взирая на болезнь, митрополит Евлогий. В Сочельник владыка обратился к присутствующим с призывом поддержать сбор в пользу Богословского Института. Утром, на литургии, митрополит Евлогий произнес краткое слово и поздравил всех с Праздником. При таком же наплыве молящихся прошли рождественские богослужения и в Кафедральном храме Знамения Божией Матери (на рю Микель Анж), где служил митрополит Серафим. И здесь храм был переполнен в эти два дня, и здесь долго толпился во дворе народ, и здесь прекрасно пел усиленный состав митрополичьей хоры. В Трехсвятительском Подворье (на рю Пэтель), в Сергиевском Подворье (на рю де Крими) и во всех других православных приходах Парижа рождественские богослужения прошли при большом стечении прихожан»⁵⁴.

Близкая к Западно-европейской епархии и митрополиту Евлогию пресса в 1945–1946 гг. вела ожесточенную полемику с Русской зарубежной церковью и митрополитом Анастасием, критикуя занятую им в годы Второй мировой войны коллаборационистскую позицию. Вот, например, как характеризовалась деятельность митрополита Анастасия в одной из статей в парижской газете «Русские новости»: «Тяжело смотреть на изуродованное увечьем человеческое лицо. Еще тяжелее ощущать искажение внутренней сущности человека, его страшную духовную неузнаваемость. Вот это последнее чувство охватывает при оценке действий Митрополита Анастасия... Сблуженный идеей кесарского меча, без которого, по его мнению, не может существовать Церковь, митрополит Анастасий в русских событиях ничего не понял. Помрачилось и его религиозное сознание, и элементарное чувство справедливости и долга. За неимением ожидаемого кесаря, он ухватился за меч садиста-убийцы, бесноватого авантюриста Гитлера. Закрыв глаза на опустошения, зверства и кощунства в родной земле, на миллионы замученных в лагерях, сожженных в крематориях, на все неисчислимые преступления, он, **православный епископ**, ждал и жаждал германской победы, победы бешеного зверя над целым миром... Зверь разбился в бешеном прыжке злобы. Не помогли молебны, которые митрополит Анастасий служил в Берлине еще в 1944 г. Казалось бы, опомниться, смириться, усмотрев в событиях Высшую волю, которой должен покориться христианин. Есть что-то жалкое в этом укрывании проигравшего свою игру иерарха вместе с гитлеровским приспешником, лже-епископом нацистом Ляде, сначала в Мюнхене, теперь – в Женеве. Жалки и эти поддельные “архиереи” – члены “синода” из вчерашних черносотенных журналистов... Как бы хотелось для митрополита Анастасия полного и всецелого покаяния вместо недостойной его, и как иерарха, и как человека, роли приспешника в лагере врагов родной земли»⁵⁵.

Митрополит Евлогий скончался 8 августа 1946 г. На следующий день после отпевания владыки, 13 августа 1946 г., архиепископ Владимир (Тихоницкий), старший по чину из архиереев экзархата, получил Указ Московского Патриарха, в котором предписывалось:

«1) Временную юрисдикцию Вселенской Патриархии над Западно-европейскими приходами, установленную в 1931 г.,

считать фактически и формально прекратившей свое действие, а означенные приходы вновь безраздельно находящимися в Юрисдикции Московской Патриархии, о чем почтительно известить Его Святейшество Вселенского патриарха Максима.

2) Экзархом Западноевропейских русских приходов назначить Преосвященного митрополита Серафима (Лукиянова) со включением приходов его области в состав Западно-Европейского Экзархата».

21 августа 1946 г., как свидетельствует митрополит Владимир, он получил телеграмму Святейшего Патриарха Алексия следующего содержания: «Завещательное распоряжение митрополита Евлогия в отношении Вашего Преосвященства, если таковое и существует, не имеет никакой канонической силы, тем более что покойный Экзарх Евлогий признал над собой юрисдикцию Московской Патриархии. Предлагаю Вашему Преосвященству оказать послушание Матери Церкви, вступить под руководство нами назначенного Экзарха и сообщить нам об этом». Архиепископ Владимир отказался выполнить указание, заявив, что до сношений со Вселенским Патриархом он может принять его только к сведению.

16–19 октября 1946 г. состоялось Чрезвычайное Епархиальное Собрание, принявшее решение: «не принимать к исполнению указ Московской Патриархии неканонически посягающего на упразднении над нами власти Вселенского Патриарха». Епархиальное Собрание просило архиепископа Владимира представить Вселенскому Патриарху ходатайство о том, чтобы сохранить Экзархат в прежнем качестве автономного Русского Экзархата в лоне Греческой Патриархии. Ответ Вселенской Патриархии последовал 20 марта 1947 г. Вселенский Патриарх Максим грамотой от 6 марта 1947 г. удовлетворил ходатайство Епархиального Собрания⁵⁶.

Первые русские православные праздники в послевоенном Париже... Они проходили особенно радостно. Вот как описывала празднование Пасхи в Париже в 1947 г. газета «Русская мысль»: «Русская Пасха прошла в Париже в этом году как-то особенно оживленно и радостно. Может быть, этому способствовала великолепная, почти летняя погода, неожиданно наступившая после холодных и дождливых дней. А, может быть, повлияло на это и сравнительное обилие на рынке съестных продуктов. Особенно много было всюду яиц, цена на которые

за последнее время сильно упала: за 9 франков можно было купить, правда, небольшое яйцо. Выставленные на тротуарах перед лавками ящики, полные яиц, напоминали довоенный Париж. Много всюду и колбасных изделий. Не в пример прошлым годам свободно можно было купить вино и спиртные напитки. Бойко торговали все русские лавки. А в Светлую Ночь тысячи русских потянулись в храмы. Особой торжественностью, как обычно, отличалась служба в Кафедральном Соборе на рю Дарю, которую совершал Архиепископ Владимир. Наплыв молящихся в этом году был необычайный. Полны были не только оба храма, верхний и нижний. Бесчисленная толпа заполняла церковный двор и прилегающие к храму улицы. Необычайно велико было число молящихся и на Сергиевском Подворье, где служил епископ Никон. С трогательным приветственным словом к молящимся обратился престарелый, с основания Подворья его настоятель, епископ Иоанн. Полны были небольшие церкви, имеющиеся почти во всех кварталах Парижа, населенных русскими. Русские христосования, поздравления, пожелания, веселый говор в расходящейся толпе, спешащей к метро, слышались далеко за полночь на парижских улицах»⁵⁷.

Бурно развивалась в послевоенные годы и история Русской Православной церкви в Америке. Особые условия существования давно сделали неизбежным ее независимое положение. Еще в начале XX в. возглавлявший американскую епархию будущий патриарх Тихон (Беллавин) предлагал Святейшему Синоду предоставить ей статус автокефальной. Появление в США белой эмиграции, стремившейся сохранить связь с Россией, затормозило этот процесс. А победа Красной Армии в Великой Отечественной войне вызвала новый поворот в истории американского православия: 13–26 ноября 1946 г. в Кливленде состоялся Седьмой Всеамериканский Церковный Собор Русской Православной Церкви в Америке, высказавшийся за прекращение подчинения Синоду РПЦЗ и юрисдикционное подчинение Московскому Патриархату. На Соборе было принято постановление: «просить патриарха Московского быть духовным главой Американской Православной церкви, при сохранении полной автономии американской церкви». Условиями признания власти Московского Патриарха были следующие: Русская Американская Православная Церковь признает

Патриарха как духовного главу с привилегиями жаловать Св. Миро, выслушивать апелляции в епископских тяжбах, сноситься с другими патриархами и налагать вето на будущие избрания митрополитов. Комментируя решения Собора, архимандрит Иоанн (Шаховской), будущий архиепископ Иоанн, заявил: «Я радуюсь, что последний Всеамериканский Церковный Собор сыновне поклонился трудам и подвигу Русской Церкви в лице ее Первоиерарха, Патриарха Московского и Всея Руси».

Как отмечает известный историк А.В. Попов, «решения Кливлендского Собора не были выполнены». Уже в ноябре 1947 г. на архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в Северной Америке и Канаде, состоявшемся в Сан-Франциско, решения Кливлендского Собора оказались дезавуированы. В принятом на Соборе постановлении говорилось: «1. Отложить оформление канонической связи Северо-Американской Православной Церкви с Церковью и Патриархией Московской – до более благоприятного времени; 2. Хранить молитвенное поминовение страждущей Русской Церкви, в лице Ее Первоиерарха, Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси; 3. Жить на прежнем основании, осуществляя полную автономию в своей церковной жизни, согласно постановления 7-го Всеамериканского Церковного Собора». В ответ на это постановление последовал Указ Патриарха Московского Алексия от 26 декабря 1947 г. о предании церковному суду митрополита Феофила, епископов Чикагского Леонтия, Аляскинского Иоанна, Бруклинского Иоанна и епископа Никона. Было отмечено, что запрещения, наложенные на митрополита Феофила патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, оставлены в силе.

Летом 1950 года митрополит Феофил скончался. На состоявшемся в декабре 1950 года Всеамериканском Церковном Соборе митрополитом Всея Америки и Канады был избран архиепископ Леонтий (Туркевич). Новый глава Русской Православной Церкви в Америке взял твердый курс на полную автономию. Вскоре после своего избрания он заявил: «Американская дочь пришла к возрасту такому, что наподобие молодой невесты она бросает родительский дом и обзаводится своим хозяйством».

Таким образом, в Северной Америке образовались три русские православные юрисдикции: РПЦ Московского Патриарха-

та, Русская Православная Церковь в Америке и Русская Православная Церковь за границей. Наиболее многочисленной была Русская Православная Церковь в Америке, насчитывавшая к 1950 г., по официальным данным, 358 приходов. В аналитической записке, поступившей в 1950 г. по консульским каналам в Министерство иностранных дел СССР, говорилось: «Эта группа является самой сильной и самой многочисленной по количеству церквей, приходов и прихожан. Почти все духовенство этой группы сверху донизу настроено антисоветски, враждебно относится к русскому народу и Патриарху. Прихожане этой группы состоят из бывших крестьян выходцев из России, затем православных, не последовавших за попами-униатами, из карпатского края, галичан и буковян. Большая часть прихожан, особенно те, которые являются выходцами из бывшей России и частично из карпатского края, в противовес своему духовенству, является патриотами своей Родины и считает себя частью своей матери-церкви, а патриарха московского – главою всех православных людей»⁵⁸.

Характеризуя культурную ситуацию в Русском Зарубежье в те годы, следует учесть, что именно период конца 1940-х – начала 1950-х гг. стал временем наивысшего подъема эмигрантской политической активности после Второй мировой войны. Появление на Западе новой – «второй» волны эмиграции, обострение международной напряженности в условиях начавшейся «холодной войны», инициатива Американского комитета по политическому объединению эмиграции из СССР – все эти явления увеличили интерес к политике в среде эмигрантской общественности. В первые послевоенные годы была сделана попытка резкой политизации даже той сферы эмигрантской жизни, которая именно благодаря своим традициям «непартийности» добилась в 1920–1930-е гг. наибольших достижений – культуры. Как впоследствии отмечал известный литературовед Российского зарубежья Ю.К. Терапиано, в первые послевоенные годы многие эмигрантские идеологи и журналисты «с самыми лучшими намерениями, но ничего не понимая в искусстве и в поэзии, в частности... хотели поработить искусство, сделать его служанкой политики, навязать ему, как в Советском Союзе, обязательство воспитывать читателя в нужном для них направлении». Они в течение всего до-

военного периода мечтали «создать гражданскую поэзию, “музу гнева и печали” XX в., ждали, что в эмиграции появятся поэты, способные разгромить в звучных ямбах их политических врагов»⁵⁹. Очевидно, появление такой тенденции было связано и с «второй» волной эмиграции, пришедшей из СССР с его традицией партийности в культуре. Характерна оценка, которую дал известный литературовед Е. Витковский поэту Н. Моршену: «Как и все поэты второй волны, Моршен в раннем творчестве был “набит политикой”»⁶⁰. Однако, данная линия, хотя и имевшая некоторое число сторонников, в целом не стала в итоге доминирующей в культуре Российского Зарубежья после войны.

Политический центр российской эмиграции после Второй мировой войны переместился в США. Стала ли Америка ведущим центром культуры Русского зарубежья? Интересным источником по истории культуры Русского зарубежья в США после Второй мировой войны является переписка М.В. Добужинского. Ее анализ показывает, как сложно проходила интеграция русского художника в американскую культурную среду. Перебравшись за океан в начале Второй мировой войны, он сталкивался с немалыми трудностями. Как отмечал М.В. Добужинский в одном из писем А.Н. Бенуа, в Европе «осталось все мое имущество (даже недвижимое!) – и моя библиотека, и все мои бесчисленные работы, и коллекции, и семейный и художественный архивы, и мебель – все это, разумеется, для нас пропало навсегда»⁶¹. Главное, однако, было не это, а весьма критическое отношение М.В. Добужинского к американской культуре. Например, еще в годы войны художник получал приглашения работать в Голливуде, однако, они его не прельщали. Как указывал он в письме к М.А. Чехову, «то и дело узнаю лишь о гадких сторонах его (Голливуда. – прим. А.В. Антошина) жизни, так что и не тянет»⁶². В 1946 г., правда, М.В. Добужинский все-таки работал на голливудской киностудии «Марс-фильм», однако, его сотрудничество с ней продолжалось лишь несколько месяцев. Весьма критически М.В. Добужинский отзывался об американском балете. В одном из писем А.Н. Бенуа в 1946 г. русский художник указывал: «В балете как-то неприятно; страшное всюду, вообще в “искусстве” здешнем, полевение и очень мало талантливого... Балет тут не имеет никакого подходящего “окружения”...

Главный арбитр Mr. Martin в “New York Times”, который, по моему, ничего не понимает, только твердит про “modern”. Существует Modern Art Museum – очень снобический, с балетным отделом, но они тоже по своей обязанности признают только самое левое»⁶³.

И дело было, очевидно, не только в том, что уровень американского балета, конечно, невозможно было сравнивать с богатейшими традициями балета русского. Речь шла об общей оценке американской культуры. В 1949 г. в письме А.Н. Бенуа М.В. Добужинский сформулировал, наконец, то важнейшее препятствие, которое мешало расцвету в США творчества эмигрантов его круга: «Только после 9 лет жизни тут я раскусил суть – нам с нашей универсальностью и шириной, которой мы были всегда горды, тут не место»⁶⁴. В другом письме он отмечал: «Здесь у меня почти нет авторитетных для меня советчиков, все эти дружеские суждения, поощрения очень милы, но совсем “непрофессиональны” и не дают мне опоры – вот тебе еще горечь моей американской жизни – художественное одиночество». Особенно негативные оценки в письмах друзьям и коллегам М.В. Добужинский адресовал Нью-Йорку – одному из символов американской культуры и образа жизни. В 1948 г. в письме А.Н. Бенуа у русского художника даже вырвалось: «Дорогой друг, как мне тяжело в New York`e после всего нашего пребывания в Европе! И только и мечтаем – когда опять удастся вернуться. Город стал как-то еще грубее и пошлее, я чертыхаюсь и плююсь на каждом шагу, хоть не выходи из дому»⁶⁵. Через несколько лет, в 1951 г., он фактически повторял эти оценки: «Мы оба с каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днем все более испытываем настоящее отвращение к Нью-Йорку – самому антипатичному, пошлому и бездарному городу, какой существует, и это напряженное и озлобленное чувство меня утомляет до невероятности»⁶⁶.

В таких условиях М.В. Добужинский вынужден был первоначально уходить в другие сферы деятельности. Летом-осенью 1945 г. художник, например, занимался оформлением иллюстраций для книг. Что же касается оформления театральных постановок, то здесь каждый проект сталкивался с немалыми трудностями. Постановка «Войны и мир» Прокофьева после полутора лет переговоров была отменена, несмотря на то, что М.В. Добужинский уже сделал для нее 108 костюмов

и придумал 11 декораций. Отложена была и премьера в Метрополитен-Опера «Хованщины», декорации для которой также создавал он. Как с возмущением писал М.В. Добужинский А.Н. Бенуа в 1949 г., «дирекция даже не интересуется взглянуть на эскизы. Подобного чиновничьего отношения, кажется, даже не было в Императорских театрах».

Каковы же были причины этой ситуации? М.В. Добужинский, как выясняется из его писем, хорошо понимал, что они носили политический характер. В послевоенных Соединенных Штатах в условиях разгоревшейся «холодной войны» русское искусство было явно не в фаворе. В том же письме А.Н. Бенуа русский художник указывал: «Конечно, задержка и из-за всегдашнего вопроса Metropolitan Opera с деньгами, но, говорят, что тут главную роль играет и то, что новая в репертуаре русская опера, сейчас, ввиду известных трений и ввиду возникшей одиозности ко всему русскому (а американцы вообще ничего не понимают – “правая-левая где сторона”) – не ко времени»⁶⁷. Заметим, что на указанное выше обстоятельство необходимо обратить особое внимание. Оно показывает специфику той ситуации, в которой приходилось заниматься творчеством деятелям русской культуры в США в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Резкой критике в письмах М.В. Добужинского подверглась и балетная инфраструктура в США. После того, как «Хованщина» все-таки была поставлена, художник в одном из писем А.Н. Бенуа рассказал о том, с какими трудностями пришлось ему столкнуться на заключительном этапе работы. Выявляя общие причины этой ситуации, он указывал, что Метрополитен Опера – «невероятно грубая и нехудожественная машина, и если бы я за всем не следил, была бы и клюква. Удивительно, что в этом огромном театре, где тысячи служащих, нет помощника режиссера – этого необходимейшего сотрудника и передатчика!»⁶⁸. Не лучше была ситуация и в Нью-Йоркской городской центральной опере, где М.В. Добужинский в начале 1950-х гг. начал работать над двумя постановками, и обе закончены не были. Недовольный качеством сделанных костюмов и декораций, он написал А.Н. Бенуа: «Все было “не то”»⁶⁹.

В конечном итоге, впрочем, М.В. Добужинскому как театральному художнику удалось сделать в США очень много.

Тем не менее, удовлетворения это ему не приносило. Своеобразные итоги первых лет своей деятельности в США он подвел в одном из писем А.Н. Бенуа: «Нет, мой друг, *все-таки не стремись* (выделено М.В. Добужинским. – прим. автора) сюда, с каждым годом я все больше убеждаюсь, что Америка не для нас, и нигде, даже в наивной Литве, я себя не чувствовал таким одиноким духовно, как тут. После 10-летней жизни и массы того, что я сделал (4 оперы, 6 или 7 балетов и несколько драматических пьес) я все еще в театре неизвестное лицо. Один критик по поводу “Хованщины” написал обо мне: “Somebody christened Mr. Dob.”, а чтобы добиться своего имени на афише, надо было обратиться за помощью к Союзу»⁷⁰.

В новых условиях послевоенного мира перед русской эмиграцией первой послереволюционной волны вновь стояла и проблема сохранения у эмигрантской молодежи русского национального самосознания. По мнению М. Раева, процесс интеграции эмигрантов «первой волны» в общества стран Запада фактически закончился к 1945 г., когда многие из выросших за границей эмигрантов, даже не отказываясь от русского языка и культуры, стали ощущать себя обычными гражданами этих государств. У многих представителей второго поколения эмигрантов, например, в Латинской Америке и в США, происходил и постепенный процесс утраты русского литературного языка, когда начинали употребляться «переназначенные» на русский манер слова из испанского и английского языков⁷¹. Во многом аналогичные процессы происходили и в Европе. И здесь русская молодежь после Второй мировой войны была уже практически полностью интегрирована в общества стран проживания. Так, например, характеризовал ситуацию в российской диаспоре в Великобритании старый эмигрант Е.В. Саблин в письме к А.П. Маркову в 1945 г.: «Нас, так называемых нансенистов, здесь очень мало. Молодежь наша перешла в британское подданство и от русскости ее ничего не осталось. Говорят по-русски с сильным акцентом, большинство служит в британских вооруженных силах и мы ими гордимся. Они целиком ушли в английскую жизнь, мальчики наши женились на англичанках, а девицы повыходили замуж за британцев»⁷².

Необходимо отметить и появление еще в 1930-е гг. у некоторых эмигрантов старшего поколения принципиальной пози-

ции – воспитать своих детей в духе культуры принимающего общества. Это было обусловлено осознанием того факта, что их будущее связано не с Россией, а с той или иной страной Запада. При этом такая ситуация зачастую не означала, что сами родители полностью ассимилировались. В качестве примера приведем известную французскую актрису М. Мериль, урожденную княжну Гагарину. Ее родители между собой говорили по-русски. Однако, вспоминала М. Мериль, после смерти отца «мама как бы сказала себе: “Я должна помочь моим дочерям стать настоящими француженками, а не какими-то беженками”». В результате М. Мериль оказалась полностью интегрирована во французское общество, за что была очень благодарна своей матери⁷³.

Процесс адаптации российских эмигрантов напрямую зависел и от того, в какое общество им приходилось интегрироваться. Свою специфику имели, конечно, США – страна иммигрантов, имевшая большой опыт ассимиляции выходцев из других стран. Впрочем, в связи с тем, что первая послереволюционная волна эмигрантов надеялась на скорое возвращение на Родину, ее представители первоначально редко выбирали в качестве своего места проживания США, предпочитая оставаться в Европе. Лишь Вторая мировая война усилила отъезд эмигрантов за океан. Процесс складывания структур Российского зарубежья здесь происходил не столь активно, как в Европе (не сложилось, в частности, развитой системы русского образования). Все это вело к большей разобщенности эмигрантов, в некоторой степени ускоряя процесс ассимиляции. Многие исследователи обращают внимание на усиление процесса «американизации» эмигрантов уже в 1940-е гг., рост числа заключенных ими браков с американками⁷⁴.

Что же касается стран Латинской Америки, то здесь большую роль играли славянские союзы, предпринимавшие усилия по сохранению культуры славянских народов среди трудовых эмигрантов. Активный участник этих организаций в Аргентине П.П. Шостаковский позднее вспоминал: «Сама жизнь, самое развитие славянского движения в тех совершенно особенных условиях, в которых оно проходило в Аргентине, ставили... целый ряд вопросов чисто материального и принципиального характера. Предстояло привлечь к более активной работе славянскую женщину и молодежь, то есть создать жен-

секцию и секцию молодежи; дать согласное направление славянской печати, имевшей теперь двенадцать органов, которые издавались на одиннадцати славянских языках; найти средства для покупки собственной типографии; добиться разрешения на “славянский час” в радио и т. д. Самым срочным и трудным был вопрос славянской молодежи, которая проходила аргентинскую школу и фактически не знала своих родных языков. Между собой говорили по-испански и дома на испанизованном родном языке. “Клавируй гвоздь в пареде...”. Это обозначало: “Забей гвоздь в стену...” Матери, много лет прожившие в аргентинской среде, не всегда обращали на это должное внимание. К славянским женщинам обращались мы со своими сотрудниками при каждой возможности, на каждом собрании или празднике. Призывали их говорить со своими детьми на родном языке и посылать на уроки, которые организовывались во всех клубах»⁷⁵.

Известны факты, которые свидетельствуют об успешных попытках некоторых эмигрантов бороться с процессами ассимиляции. В литературе и источниках приводится немало примеров того, что среди выросшей за рубежом русской молодежи были и те, кто сохранил русский язык, приверженность национальным традициям на протяжении всей своей жизни. Это обычно являлось результатом воспитания, которое они получали в семье. Так, в Бразилии достаточно известна семья В. Тарапанова, приехавшего в страну из Европы в 1949 г. В семье было принято говорить только по-русски. Интересно, что, как и во многих семьях эмигрантов, дети и родители здесь, общаясь, обучали друг друга: «По вечерам дети учили родителей португальскому языку, а от них набирались знаний о России, православной церкви, русской культуре». В результате происходило взаимное обогащение знаниями родителей и детей, дети, в известной мере, облегчали восприятие родителями необходимой в процессе адаптации информации. Результатом же стало то, что дети в этой семье оказались воспитаны в «русском духе». Один из них, О. Тарапанов, позднее отмечал: «Нас самих всегда удивляла эта любовь к России, пронесенная через все невзгоды, притом, что никто из нас никогда там не был, и круг нашего “русского общения” за пределами семьи был чрезвычайно узок. Что же тогда двигало нами, когда мы буквально “охотились” за любыми книгами на русском и рьяно бросались на защиту Советского Союза?»⁷⁶.

Свято-Троицкий кафедральный собор в Буэнос-Айресе

Особой страницей истории русского зарубежного православия являются и судьбы православных приходов в странах Латинской Америки.

После Второй мировой войны туда хлынул новый поток русских эмигрантов, которые не могли не оказать влияние на ситуацию внутри местных православных приходов. Одним из наиболее интересных источников по данной проблеме являются воспоминания протоиерея Димитрия Константинова, после войны игравшего большую роль в общественной жизни Русского мира в Аргентине. Характеризуя церковно-политическую ситуацию внутри русского православия в Аргентине в конце 1940-х – начале 1950-х гг., он писал: «В течение десятилетий Православную Церковь в Аргентине возглавлял на правах епископа протопресвитер о. Константин Изразцов, одновременно в царское время являвшийся русским консулом в Буэнос-Айресе. Отец Константин построил не только Свято-Троицкий кафедральный собор в Буэнос-Айресе на улице Бразиль, но и выстроил ряд капитальных каменных храмов в провинциях Аргентины и в соседних странах Уругвае и Парагвае. На основе этих храмов создавалась многочисленная и мощная Ассоциация православных приходов, во главе которой стоял о. Константин и который был фактически распорядителем материальных средств этой Ассоциации. И когда Синод (Русской Зарубежной Церкви. – прим. А.В. Антошина), назначая в Аргентину архиепископа Пантелеймона, одновременно издал указ о передаче представителям Синода всей собственности Ассоциации, то не трудно представить, что из этого получилось. Когда прибывшие представители Синода во главе с архимандритом о. Михаилом Диким сунулись к протопресвитеру Изразцову, то они были выкинуты оттуда без особо долгих разговоров. Начались церковные неурядицы и они не могли не начаться. Протопресвитер Изразцов всю свою священническую жизнь провел в Южной Америке, миссионерствуя и насаждая православие, одновременно создавая большую и мощную православную организацию, без которой трудно было бы вести миссионерскую работу... Видя создавшуюся обстановку, о. Константин Изразцов вышел из юрисдикции Зарубежной Церкви и подал прошение о приеме своей церковной организации в Северо-Американскую митрополию, возглавляемую в то время митрополитом Леонтием, в свое время заслуженным

американским протоиереем. Митрополит Леонтий охотно и радостно принял в свою юрисдикцию изразцовскую Ассоциацию.

Когда я приехал в Аргентину, то “трагедия” была закончена. Свято-Троицкий кафедральный собор и все храмы, принадлежавшие изразцовской Ассоциации, перешли в юрисдикцию Северо-Американской митрополии, постепенно готовившейся стать Автокефальной Американской Церковью. Началась ожесточенная церковная война, принесшая немало горестей и неполадок в церковной жизни Аргентины... Положение усугублялось еще и тем, что неожиданно создался полный альянс между архиепископом Пантелеймоном и главой католической миссии восточного обряда о. Филиппом де Режиc⁷⁷. Вся эта описанная Д. Константиновым ситуация крайне осложняла жизнь русских православных людей в странах Латинской Америки в 1940–1950-е гг.

После Второй мировой войны все большую роль в структуре Русского мира начинала играть Австралия. Здесь оказалась значительная часть эмигрантов «второй волны», которые встретили на «пятом континенте» немало «старых» эмигрантов предшествующих волн и их потомков. Как и в других регионах мира, зачастую возникала сложная проблема взаимодействия эмигрантов разных волн, формирования на их основе русской общины в Австралии. Выросшая там А. Кожевникова впоследствии вспоминала о том, как шла борьба за сохранение русской культуры среди местных эмигрантов: «Нельзя сказать, что отношения между этими двумя волнами (“первой” и “второй”. – прим. А.В. Антошина) эмиграции были гладкими, особенно в первые годы. Но все-таки разногласия не мешали сознанию, что все мы – русские и что объединяющего нас гораздо больше, чем разделяющего».

При этом мемуаристка отмечает, как трудно было сохранить русскую культуру в условиях Австралии: «У взрослых в первые годы послевоенной эмиграции были свои заботы – обустройство и украшение храма, участие в различных общественных и политических объединениях, а мы, дети, пошли в австралийские школы, и очень скоро английский язык стал нам таким же родным, как и русский. Кроме того, все наши друзья среди соучеников и соседей были австралийцы. Не во всех семьях были русские бабушки, которые могли заниматься с детьми русским языком. У родителей в те годы просто не

хватало по вечерам времени и сил, чтобы заставлять сопротивляющееся чадо осваивать русскую грамоту по уцелевшим дореволюционным учебникам или по “Книге для чтения”, составленной Глебом Струве и напечатанной по старой орфографии. Нам с сестрой исключительно повезло: наша бабушка, окончившая петербургский Екатерининский институт, не допускала мысли, что мы останемся необразованными, не будем знать русский язык, русскую историю, потому что, как и все люди своего поколения, она твердо верила: эмиграция – это временное, хоть и затянувшееся явление, и настанет день, когда мы все вернемся в Россию. Кроме того, бабушка была человеком железной воли, в результате чего мы с ней «прошли» русскую историю от призвания варяг до эвакуации белой армии из Крыма (для бабушки русская история на этом прервалась) три раза до того, как мне исполнилось шестнадцать лет. Для тех, у кого не было таких бабушек, основали русскую прицерковную школу, где по субботам родители-добровольцы преподавали русский язык, литературу, географию России (мы тоже знали, что “Волга впадает в Каспийское море”!), русскую историю, церковное и светское пение. (Приехав впервые в Россию в 1981 году, я с удивлением обнаружила, что знаю песни, которые вообще исчезли за десятилетия коммунистического режима). Закон божий преподавался духовенством»⁷⁸.

После Второй мировой войны начался важнейший этап и в истории русского православия в Австралии. Как отмечают авторы изданной в Сиднее группой эмигрантов «Истории русских в Австралии», после войны «подвижническая деятельность русских пастырей сплотила русские общины в Перте, Аделаиде, Мельбурне и Ньюкасле». В 1948 г. образовалась Австралийская епархия, в которую вскоре вошла Новая Зеландия, и епархия стала называться Австралийско-Новозеландской. В нее было включено большинство русских церквей в обеих странах. 5 ноября 1948 г. в Австралию приехал из Германии епископ Феодор (Рафальский), возглавивший Австралийско-Новозеландскую епархию. Вначале Владыка Феодор обосновался со своим Епархиальным управлением в Брисбене, т. к. там был уже каменный храм. Но с увеличением числа русских православных людей, селившихся южнее, Епархиальное Управление было перенесено в Сидней и разместилось в помещении при Свято-Владимирской церкви. Вскоре по ини-

циативе владыки Феодора была начата постройка большого храма в Стратфильде, в 11 км. к западу от центральной части г. Сиднея. Постройка храма была закончена в конце 1953 г., храм стал называться Свято-Петропавловским кафедральным собором⁷⁹.

Таким образом, и после Второй мировой войны русские эмигранты в различных странах мира продолжали бороться с ассимиляцией молодого поколения диаспоры. Конечно, к 1940–1950-м гг. старым эмигрантам все труднее было сохранять очаги русской культуры вдали от Родины, эмигрантская молодежь все активнее интегрировалась в общества стран проживания. Тем не менее, во многом опираясь на православные приходы в различных странах мира, удавалось сохранить национальное самосознание у части представителей русской диаспоры, развивать русскую культуру далеко за пределами Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Последние новости. 1940. 2 апреля.

² Последние новости. 1940. 17 апреля.

³ См.: Последние новости. 1940. 7 апреля.

⁴ См.: Последние новости. 1940. 24 апреля.

⁵ См.: Последние новости. 1940. 12 апреля.

⁶ Парижский вестник. 1942. 14 июня.

⁷ Унковский В. Гала Сергея Лифаря // Парижский вестник. 1942. 12 июля.

⁸ Парижский вестник. 1943. 26 июня.

⁹ Унковский В. «Театр без занавеса» // Парижский вестник. 1943. 26 июня.

¹⁰ Парижский вестник. 1943 13 ноября; 1944. 8 апреля.

¹¹ Парижский вестник. 1944. 8 апреля.

¹² См.: Парижский вестник. 1943. 13 ноября; 1944. 17 июня и др.

¹³ См.: Парижский вестник. 1942. 14 июня.

¹⁴ См.: Парижский вестник. 1943. 26 июня.

¹⁵ См.: Парижский вестник. 1943. 13 ноября.

¹⁶ Чехова О. Мои часы идут иначе. – М., 1998. С. 182–222.

¹⁷ Православная Русь. 1943. № 7–8. С. 16.

¹⁸ Православная Русь. 1943. № 7–8. С. 16.

¹⁹ См.: Православная Русь. 1943. № 9–10.

²⁰ Там же.

²¹ Православная Русь. 1943. № 7–8.

²² См.: Шкаровский М.В. Русская церковная эмиграция в Италии в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы // Нансеновские чтения – 2009. – СПб., 2010. С. 310.

- ²³ См.: Чазов С. Софийские заметки // Новое слово (Берлин). 1942. 1 февраля.
- ²⁴ Новое слово. 1942. 8 февраля.
- ²⁵ Новое русское слово. 1941. 15 февраля.
- ²⁶ Новое русское слово. 1942. 6 марта.
- ²⁷ Новое русское слово. 1941. 6 февраля.
- ²⁸ Новое русское слово. 1941. 22 января.
- ²⁹ Мясин Л.Ф. Моя жизнь в балете. – М., 1997. С. 204–241.
- ³⁰ Там же. С. 242–245.
- ³¹ Добужинский М.В. Письма. – СПб., 2001. С. 273.
- ³² Там же. С. 273–274.
- ³³ См.: Новое русское слово. 1941. 5 февраля.
- ³⁴ См.: Новое русское слово. 1941. 6 февраля.
- ³⁵ См.: Новое русское слово. 1941. 23 января.
- ³⁶ Новое русское слово. 1941. 6 февраля.
- ³⁷ См.: Новое русское слово. 1942. 22 марта.
- ³⁸ См.: Новое русское слово. 1941. 10 января.
- ³⁹ Новое русское слово. 1942. 8 января.
- ⁴⁰ Гурьев М. Письмо из Майами // Новое русское слово. 1941. 30 января.
- ⁴¹ Гурьев М. Русский вечер в Майами // Новое русское слово. 1941. 24 февраля.
- ⁴² Оменьянчук А. Русские в Саут-Ривере // Новое русское слово. 1942. 16 января.
- ⁴³ Бойчук А. Недостроенная церковь // Новое русское слово. 1941. 3 февраля.
- ⁴⁴ Новое русское слово. 1941. 24 февраля.
- ⁴⁵ Новое русское слово. 1941. 3 февраля.
- ⁴⁶ См.: Новое русское слово. 1942. 13 января.
- ⁴⁷ См.: Новое русское слово. 1941. 2 февраля.
- ⁴⁸ Коваленко П.А. Детская елка // Новое русское слово. 1942. 8 января.
- ⁴⁹ Новое русское слово. 1942. 24 февраля.
- ⁵⁰ Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь для перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 110–141.
- ⁵¹ См.: Огни (Мюнхен). 1946. № 6. С. 11–13.
- ⁵² См.: Литературный бюллетень Объединения российских писателей и журналистов в Американской зоне Германии (Мюнхен). 1947. № 4–5. С. 16–17.
- ⁵³ Манухина Т. Памяти митрополита Евлогия // Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. – М., 1994. С. 615–616.
- ⁵⁴ Русские новости. 1946. 11 января.
- ⁵⁵ Каллаш М. Срыв // Русские новости. 1946. 18 января.
- ⁵⁶ Попов А.В. Российское православное зарубежье. – М., 2005. С. 263–264.
- ⁵⁷ Русская мысль. 1947. 19 апреля.
- ⁵⁸ Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. – М., 2005. С. 257–258.

- ⁵⁹ *Терапиано Ю.* О зарубежной поэзии 1920–60-х гг. // Грани. 1959. № 44. С. 10–11.
- ⁶⁰ *Витковский Е.* Дань живым // Новый мир. 1989. № 9. С. 59.
- ⁶¹ *Добужинский М.В.* Письма. С. 277.
- ⁶² Там же. С. 275.
- ⁶³ Там же. С. 279–280.
- ⁶⁴ Там же. С. 283.
- ⁶⁵ Там же. С. 281.
- ⁶⁶ Там же. С. 295.
- ⁶⁷ *Добужинский М.В.* Письма. С. 283.
- ⁶⁸ Там же. С. 288.
- ⁶⁹ Там же. С. 296.
- ⁷⁰ *Добужинский М.В.* Письма. С. 286.
- ⁷¹ См.: *Нечаева Т.Ю.* Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке // Латинская Америка. 1996. № 12. С. 69.
- ⁷² LRA. MS 1285/1042.
- ⁷³ См.: Русская мысль. 1997. № 4191. С. 16.
- ⁷⁴ См., напр.: *Нитобург Э.Л.* Судьбы русских иммигрантов второй волны в Америке // Отечественная история. 2003. № 2. С. 112.
- ⁷⁵ *Шостаковский П.П.* Путь к правде. – Минск, 1960. С. 349.
- ⁷⁶ *Мартынов Б.Ф.* Первостроители // Латинская Америка. 1997. № 8–9. С. 142.
- ⁷⁷ *Константинов Д., протоиерей.* Через туннель XX столетия. С. 363–364, 397–398.
- ⁷⁸ *Кожевникова А.* Хороша страна Австралия... // Родина. 1996. № 4. С. 66–70.
- ⁷⁹ История русских в Австралии. – Сидней, 2004. Т. 1. С. 221–222.

5

ОТНОШЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО МИРА К ПОЛИТИКЕ РУКОВОДСТВА СССР в 1939–1953 гг.

Начало Второй мировой войны представляет собой, как известно, одну из сложнейших и наиболее дискуссионных проблем истории международных отношений XX в. Многие историки уделяют большое внимание событиям лета 1939 г., когда, как считается, существовала возможность предотвращения глобального военного конфликта. Важнейшее значение здесь отводится англо-франко-советским переговорам, которые могли привести к заключению антигерманского союза. Современники также осознавали, что эти переговоры могут изменить судьбы мира. Как свидетельствуют источники, в то, как происходили консультации дипломатов, внимательно вглядывались, в частности, видные представители Русского Парижа. Они прекрасно понимали, что именно Франция является одной из важнейших потенциальных мишеней германской агрессии.

Некоторые представители либеральных и социалистических кругов Русского мира во Франции полагали, что необходимо воздействовать на политическое сознание западной общественности, чтобы создать атмосферу, при которой стало бы возможным сближение с Советским Союзом для предотвращения германской агрессии. При этом они полагали, что западным партнерам необходимо уважать внешнеполитические амбиции СССР, воспринимать его как великую державу. Об этом прямо писал, например, в августе 1939 г., т. е. в тот момент, когда решалась судьба будущего единого антифа-

шистского фронта, старый эсер Н.Д. Авксентьев на страницах крупнейшего «толстого» журнала Русского зарубежья – знаменитых «Современных записок»: «В то время, как пишется эта статья, англо-франко-советские переговоры все еще продолжаются. Несмотря на все наше враждебное отношение к Советской власти, мы не можем не испытывать некоторого национального удовлетворения, когда восстанавливается в глазах Европы мировое значение России, не можем не согласиться и с большинством контртребований, предъявляемых Советской властью англичанам»¹. Он горячо поддерживал идею союза между СССР, Францией и Великобританией, направленного против нацистской Германии.

Однако, к сожалению, история пошла по иному пути. Переговоры СССР, Франции и Великобритании закончились провалом, а 23 августа 1939 г. был заключен знаменитый советско-германский договор о ненападении. Он был крайне негативно встречен как большей частью эмигрантских политиков и публицистов, так и общественным мнением демократических стран Запада. Ярким примером такой оценки может служить обращение Заграничной делегации РСДРП «Ко всем членам партии», в котором, в частности, говорилось: «Европа и весь мир снова стоят на пороге ужасной войны, и наша партия вновь обращается к пролетариату Советского Союза и всего мира с призывом: всеми силами содействовать поражению главного и непосредственного виновника чудовищной катастрофы – международного и, особенно, германского фашизма...

Те же лозунги и те же призывы, что и 11 месяцев тому назад, повторяет РСДРП со всею силою и теперь, когда преступная политика Гитлера делает военную опасность все более грозною и настоятельною. Все – кроме одного!

Тогда, 11 месяцев тому назад, наша родина была в числе стран, наиболее угрожаемых агрессией. И РСДРП звала трудящихся Советского Союза и всего мира встать на защиту Союза от нападения. Сейчас чудовищное предательство Сталина делает этот лозунг беспредметным. Диктатор Советского Союза цинично надругался над всеми принципами и идеалами, которыми он пытался оправдывать свой режим подавления свободы и кровавого террора. Он надругался и над страной, над которою господствует, превратив ее, в глазах всего мира, в соучастницу преступлений германского национал-социализма и в пособницу Гитлера в развязываемой им войне»².

1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Кроме откровенно просоветски настроенных кругов, в начальный период Второй мировой войны большая часть эмигрантских политиков критически оценивали внешнеполитические инициативы СССР. Вместе с тем, уже в первые дни войны многие эмигрантские публицисты подчеркивали, что сталинское руководство СССР будет стремиться прежде всего к усилению своих позиций в мире, именно с этой точки зрения рассматривая все международные процессы. Они полагали, что и после заключения пакта о ненападении с Германией вряд ли следует считать Советский Союз верным союзником нацистского государства. Весьма четко об этом писал в начале сентября 1939 г., например, один из лидеров Заграничной делегации РСДРП Р.А. Абрамович: «Верно ли вообще, что Сталин будет так стремиться помогать Гитлеру? Даже допуская, что сталинский режим уже окончательно выродился в своеобразную форму фашизма, все же трудно понять, для чего Сталину может понадобиться победа Гитлера в мировом масштабе... Сталин не вошел в блок демократических антигитлеровских держав потому, что, сознавая внутреннюю слабость своего режима, опасался тех потрясений, с которыми неизбежно было бы связано для страны участие в тяжелой и длительной войне... Надо поэтому предполагать, что по своим собственным, узко-национальным, если можно так выразиться, вернее, “узко-режимным”, интересам, Сталин отнюдь не будет активно участвовать в войне и не будет лезть из кожи, чтобы помогать Гитлеру выиграть войну... Россия, оставаясь в стороне и все увеличивая свою мощь, будет спокойно выжидать момента, когда оба противника, почти равные друг другу по силе, будут лежать обессиленные и истекающие кровью на земле, и когда мировое господство, выпавшее из обессиленных рук, само упадет, как зрелый плод в своевремененно подставленную военную фуражку Сталина»³.

Впрочем, и среди деятелей меньшевистской эмиграции сильными были сомнения в том, что И.В. Сталину удастся удержаться на этой позиции. Многим было очевидно, что Гитлер будет стремиться использовать пакт Молотова–Риббентропа в своих интересах, пытаться «переиграть» И.В. Сталина, превратив его в свою марионетку. На эту опасность весьма четко указывал Ф.И. Дан уже в первые дни Второй

мировой войны: «Никто не может точно предсказать, каковы будут ближайшие судьбы Советского Союза в начинающейся войне и какое место займет советская страна в первые периоды этой войны. Одно только можно сказать: смехотворна самая мысль о том, что гигантская страна могла на подобие какой-нибудь крохотной Швейцарии мирно отсидеться от мировой катастрофы в своем “углу”, занимающем шестую часть земного шара! Сталинская карта, поставленная на иллюзорную самоизоляцию, заранее бита! Кто поручится, что, задумав “поймать” диктатора Германии, кремлевский диктатор сам не попал к нему в плен? Или, говоря проще, что Сталин не будет вынужден все больше играть роль гитлеровского ставленника в Советском Союзе, гитлеровского агента, который должен будет – сначала ставить на обслуживание военных надобностей своего национал-социалистского хозяина все гигантские ресурсы советской страны, а потом пытаться поставить ему на службу и весь человеческий материал ее?»⁴.

Внешняя политика СССР осенью 1939 г. встречала в эмигрантской прессе преимущественно резко негативные оценки. Она оценивалась как экспансионистская, не учитывавшая тех международных договоренностей, которые были заключены ранее самим Советским Союзом. Негативно была встречена такая, например, советская акция, как польский поход Красной Армии в сентябре 1939 г. Характерно, что Заграничная делегация РСДРП выпустила 19 сентября 1939 г. специальное воззвание «О нападении Сталина на Польшу», подписанное членами ЗД РСДРП Ф.И. Даном, Р. Абрамовичем, Г.Я. Аронсоном, Б.Л. Двиновым, М.С. Кефали, Б.И. Николаевским, С.М. Шварцем, А.А. Юговым. В нем заявлялось: «С чувством величайшего негодования и возмущения Заграничная делегация РСДРП встретила весть о вторжении советских войск в Польшу, истекающую кровью в неравной борьбе против гитлеровских полчищ. Этим актом неслыханного цинизма сталинский режим, на котором уже тяготеет кровавая ответственность за развязавший войну германо-советский пакт, становится прямым сообщником всех преступлений гитлеризма. Сталинская деспотия сама срывает с себя те революционные одежды, в которые она долго рядилась, и в глазах мирового пролетариата сама разоблачает себя, как господство выродившейся национально-империалистической клики, пав-

шей до уровня гитлеризма. Сталинское правительство, давно оторвавшееся от народных масс и террором насилующее их волю, этим окончательно порывает со всеми традициями и принципами пролетарского социализма. Никакие ссылки на чужие преступления и ошибки, никакая декламация об “освобождении угнетенных национальностей”, никакие намеки на таинственные революционные планы, которые Сталин якобы связывает с моментом истощения воюющих сторон, не смогут оправдать преступления сталинизма. Разрыва советско-германского пакта, демократической ликвидации сталинского единодержавия, как необходимого условия для возвращения Советского Союза в антигитлеровский фронт – вот чего должны требовать трудящиеся Советского Союза и всего мира для освобождения человечества от гитлеровского варварства и для спасения русской революции, демократии и социализма»⁵.

Впрочем, заметим, что среди деятелей меньшевистской эмиграции были и те, кто иначе оценивал события. Они задавались вопросом: в чем же причина такой внешней политики СССР? Не являлись ли пакт Молотова–Риббентропа и заключенный 28 сентября 1939 г. договор о дружбе и границе вынужденными шагами, которые были вызваны внешнеполитическими акциями стран Запада? Именно такова была позиция О.И. Доманевской, в начале 1920-х гг., после усиления преследований социал-демократов в Советской России, вышедшей из партии меньшевиков. После эмиграции из СССР О.И. Доманевская, однако, печаталась в «Социалистическом вестнике». В октябре 1939 г., спустя почти 2 месяца после заключения советско-германского пакта о ненападении и через несколько недель после подписания нового договора с Германией, «Социалистический вестник» все-таки опубликовал статью О.И. Доманевской, где содержалась оценка этих соглашений, которая резко отличалась от их трактовки лидерами Заграничной делегации РСДРП. О.И. Доманевская полагала, что причиной именно такой внешнеполитической стратегии СССР стал Мюнхенский «сговор» 1938 г. между демократическими державами Запада и Гитлером: «Именно “Мюнхен”, который Советская Россия восприняла, как желание переключить агрессивность Гитлера с запада на восток, к житницам Советской России, поставил перед СССР со всей остротой вопрос о степени солидности той поддержки, на которую он может рас-

считывать в случае военных столкновений с Германией... Заключением пакта с Германией Советская Россия не только не преследует задач действительной помощи нацизму, но стремится, наоборот, к максимальному подрыву его материальных и идеологических позиций». В этих оценках ясно просматривались контуры той особой позиции, которую займут возглавленные впоследствии ушедшим из Заграничной делегации РСДРП Ф.И. Даном левые социал-демократы в годы Второй мировой войны. Заметим, однако, что в этой статье О.И. Доманевская считала необходимым подчеркнуть и то, что «если СССР по-прежнему ставит ставку на преодоление нацизма, то методы осуществления этих целей на путях сговора и союза с этим непримиримым врагом придают новой внешней политике Советской России характер революционного авантюризма, увлекающего СССР на чрезвычайно опасные пути»⁶.

Столь же негативно оценила значительная часть политиков Российского зарубежья и действия руководства СССР в связи с советско-финской войной 1939–1940 гг. Ставшее следствием этой войны исключение СССР из Лиги Наций было воспринято этой частью Русского мира как вполне закономерное явление. Об этом весьма четко писал известный социал-демократ Н.В. Валентинов (литературный псевдоним Е. Юрьевский) в последнем номере «Современных записок»: «170-миллионное огромное государство, член Лиги Наций, подписавший и пакт Келлога–Бриана о неприбегании к войне, и договор о небомбардировке городов и мирного населения, на весь мир кричавшее о своей ненависти к “агрессорам”... скидывая маску, без объявления войны, без предупреждений, врывается, как бандит (желание овладеть финляндским никелем – одна из причин), в крошечную, мирную, глубоко культурную, никому не угрожавшую страну, разрушает ее города, убивает бомбами женщин и детей»⁷. Статья Н.В. Валентинова стала одной из последних в истории знаменитого журнала. На этом, 70-м томе закончилась 20-летняя история «Современных записок». Вскоре после его выхода Париж был оккупирован немцами.

Значительно более сложной в те дни была позиция П.Н. Милюкова. На страницах издававшихся им «Последних новостей» был представлен совершенно иной, весьма противоречивый образ Советского Союза. П.Н. Милюков и его со-

ратники были далеки от того, чтобы возлагать на СССР чуть ли не всю ответственность за эскалацию напряженности в мире. Полемизируя с западными критиками Советского Союза, известный публицист «Последних новостей» М. Осоргин, например, подчеркивал: «Наш СССР, в своей социалистической политике, не зачинает новую культуру, а завершает период старой, чисто западной, отходящей в историю. Это тем более естественно, что более натасканных учеников Запада, чем нынешние властители судеб России, трудно и представить себе: отсюда они пришли, здесь обучились, здешний строй идей принесли с собой, развили и довели до законного абсурда»⁸.

Обращая внимание на эти западные корни марксистской идеологии, соратники П.Н. Милюкова анализировали весь процесс эволюции внешней политики СССР в начальный период Второй мировой войны. Они подчеркивали, что советская дипломатия отнюдь не стремится слепо идти по пути советско-германского сотрудничества, как это стремились представить многие западные политики и публицисты. Прежде всего, подчеркивала эта часть эмигрантов, СССР отстаивает свои национальные интересы, которые уже весной 1940 г. объективно вели к охлаждению отношений с нацистской Германией. Это доказывала, по их мнению, речь В.М. Молотова весной 1940 г. Реагируя на выступление В.М. Молотова, 2 апреля 1940 г. «Последние новости» писали: «Речь Молотова свидетельствует о неудаче германских стремлений добиться военного советско-германского союза и образования треугольника Берлин – Москва – Рим. Есть ли это начало глубокого поворота в политике Москвы, может показать только будущее. Во всяком случае, единственный вопрос, в котором Молотов говорил о неудовлетворенных советских претензиях, это – вопрос о Бессарабии. И это заявление опять-таки срывает игру Германии, стремившейся добиться экономического закабаления Румынии ценою границ ее границ при участии СССР»⁹. Развитие международных процессов подтверждало те тезисы, которые выдвигались публицистами «Последних новостей». Уже через 5 дней, 7 апреля 1940 г. газета П.Н. Милюкова могла уверенно заявить, что план Германии «о гарантии существующей румынской границы со стороны России» «явно провалился». «Москва, – писала публицист “Последних новостей”, – не торопится с этим вопросом, но и не видит необхо-

димости связывать себе руки. Мало того, по некоторым слухам, домогательства Москвы идут еще дальше Бессарабии: она будто бы думает и о Буковине»¹⁰. Как известно, и этот политический прогноз П.Н. Милюкова и его соратников блестяще подтвердился.

Неизбежно возникал вопрос: почему западная общественность стремилась не замечать конфликта интересов между СССР и Германией? Почему в целом внешняя политика Кремля воспринималась ею исключительно негативно? Отвечая на него, передовица «Последних новостей» подчеркивала: «Русофобы не складывают оружия. Речь Молотова по тону и идеологии, конечно, дает материал и этим кругам. Что бы ни делали Сталин и его окружение, чтобы они ни говорили по существу – они всегда действуют и говорят таким образом, что вызывают моральное отвращение»¹¹.

«Последние новости» пытались проанализировать и проблему влияния внешней политики СССР на его внутреннее развитие. С точки зрения соратников П.Н. Милюкова, это влияние можно было охарактеризовать как «решающее». Объясняя эту свою оценку, публицисты «Последних новостей» указывали, что, по их мнению, в конце 1939 – начале 1940 гг. изменилось отношение Советской власти к различным сторонам народной жизни – к колхозному хозяйству, профсоюзным рабочим организациям и т. д. «Советская власть, – полагали они, – нуждается в народной поддержке и в силу этого принуждена постепенно менять методы своего управления». Об этом, например, свидетельствовали, как представлялось «Последним новостям», отдельные материалы «Известий», где сохранилась критика советского суда¹².

Однако «Последним новостям» – крупнейшей газете Русского Парижа – оставалось жить совсем недолго. Уже через 2 месяца стремительное вторжение германских войск привело к разгрому французской армии и оккупации Парижа. Последний проект одного из ведущих политиков дореволюционной России, кумира русской интеллигенции П.Н. Милюкова прекратил свое существование.

Вторая мировая война поставила перед российской эмиграцией сложнейший выбор, заставила так или иначе определить свою позицию в мировом противостоянии. Многие представители либерально-демократической и социалистической

эмиграции уже в 1939–1940 гг. уехали из Европы в США и из-за океана заявляли о поддержке Великобритании и Франции (А.Ф. Керенский, В.В. Набоков, Г.П. Федотов, М.А. Алданов и др.). Однако часть их единомышленников решили занять более активную позицию и воевали в рядах французской армии. Впрочем, этот выбор делался некоторыми из них не абсолютно добровольно, т. к. правительство Франции объявило о призыве в свою армию эмигрантов, даже не имевших французского гражданства. Известно, что из 3 тыс. русских, воевавших во французской армии, погибло 450 чел. Многие эмигранты, как будет указано ниже, участвовали в Движении Сопротивления во Франции.

События весны – лета 1940 г. кардинально изменили геополитическую ситуацию в Европе. Захват нацистской Германией Бельгии и Голландии, а главное – разгром Франции показали всю мощь немецкой военной машины. Они заставили и Гитлера поверить в то, что ни одна армия в мире не способна противостоять вермахту. В декабре 1940 г. был подписан план «Барбаросса».

После разгрома Франции политический центр Российского зарубежья перемещается за океан. Именно в США – ведущую страну демократического Запада – переезжают антинацистски настроенные деятели эмиграции. Именно на страницах «Нового русского слова» – ведущей газеты Русского Нью-Йорка был представлен, пожалуй, наиболее обстоятельный анализ геополитической ситуации в мире в первые месяцы 1941 г. Прежде всего, уже в январе 1941 г. здесь был сделан важнейший вывод о том, что Вторая мировая война, как и Первая мировая, стала затяжной. Блицкриг не удался Германии. Вместе с тем, делался вывод о том, что у Германии есть и одно важное преимущество по сравнению с Первой мировой войной: если в 1914–1918 гг. у нее было гораздо меньше союзников, чем врагов, то теперь ситуация изменилась на прямо противоположную. «Против нее борется, и то только авиацией, одна Англия, города которой лежат в развалинах! Но Англия бьется не только против Германии, но и против Италии». В то же время СССР, с точки зрения эмигрантских публицистов, можно было назвать в начале 1941 г. «невоюющим союзником» Германии¹³.

Вместе с тем, оценивая эволюцию ситуации в мировой политике за период с лета 1940 по начало 1941 г., «Новое рус-

ское слово» полагало, что ситуация развивалась не слишком выгодно для нацистской Германии: «Стремление чересчур молниеносно окончить войну вызвало раздробление германских сил и энергии. В июне прошлого года Германия находилась на вершине успехов. Европа была у ног Гитлера... Поражение Франции означало крушение черноморско-турецких и балканских планов союзников. Английская армия в Египте стояла без дела. Английский флот в Средиземном море не имел никакой наступательной боевой задачи. Все силы Германии могли быть употреблены на борьбу против Англии... Однако, “ось” решила, что одновременное движение на Балканы (в Румынию сначала) и к Суэцу ускорит дело. Для действий в направлении к Суэцу нужен был итальянский флот. Это предопределило вхождение Италии в открытую войну. А вхождение Италии в войну означало выполнение требований Италии во Франции, на Балканах и в Малой Азии и, конечно, противодействие всех заинтересованных. Результаты итальянского вхождения в войну оказались плачевными. Англия, не имевшая возможности одержать ни одной победы над Германией, получила возможность нанести ряд поражений “оси”. “Нейтральная” Италия оказывала колоссальную помощь Германии. Воюющая Италия превратилась в брешь в общем фронте “оси”... И получилось раздробление германских сил и энергии. Германия оказалась принужденной отправить массу войск на Балканы и даже в Италию, то есть в страны, раньше не требовавшие от нее ни одного солдата... Балканское направление, ставшее для нее после поражения Франции третьестепенным, превратилось в крайне важное... Колоссально выросло значение испано-западноафриканского направления! Оно выросло потому, что на военном горизонте появилась гигантская фигура Соединенных Штатов... Одна Англия без помощи Америки была обречена на разрушение и поражение. Эта помощь США идет с запада. Атлантический океан, а не Балканы, Суэц и восточная часть Средиземного моря, имеет для немцев теперь главное стратегическое значение... Немцам нужны Испания, ее острова и ее французские колонии на западном берегу Африки. Им нужны французский (и даже испанский) флот»¹⁴.

Какой же была в таких условиях внешнеполитическая линия Советского Союза? Как ее воспринимали эмигранты?

Анализ публикаций «Нового русского слова» в первые месяцы 1941 г. убедительно свидетельствует, что вплоть до нападения Германии на Советский Союз главная газета Русского Нью-Йорка крайне негативно оценивала внешнюю политику СССР. По мнению публицистов «Нового русского слова», внешнеполитическая стратегия И.В. Сталина в первые месяцы 1941 г. определялась 4 основными моментами:

1) страхом вооруженного столкновения с Германией и Японией;

2) надеждой на ослабление всех воюющих стран;

3) ненавистью к демократии;

4) «расчетом во время войны между тоталитарными державами и остальным миром вернуть если не все, то часть из того, что Ленин в 1918 г. “разбазарил”, купив этим у Германии и Австро-Венгрии власть над Россией».

Такая политика оценивалась «Новым русским словом» как «мелочная», «трусливая», «вытекающая из страха и слабости» и «с точки зрения интересов России очень близорукая». Причина именно таких оценок состояла в том, что эмигрантские публицисты были убеждены: «Эта политика определяет ту перекройку мира, которая в случае победы Гитлера и Японии поставит Россию – даже возвращенную к пределам 1914 г. – в целиком зависимое от воли победителей положение». Именно поэтому, полагали авторы «Нового русского слова», «до тех пор, пока Гитлеру не будет нанесено решительного удара, Сталин будет не только помогать Германии сырьем и товарами, но и будет расчищать ей путь в направлениях, как будто уводящих ее от СССР и дающих ей большую и трудно проглатываемую добычу». Именно поэтому, заявляли они, Сталин и отдал Гитлеру «всю русскую Польшу в обмен на русские губернии», «всю Скандинавию». «Теперь очередь за Балканами, – прогнозировали эмигрантские публицисты в феврале 1941 г. – Сталин со спокойным сердцем отдает болгарский “ключ к Дарданеллам”. “Насыщение зверя” происходит, но, увы, оно выводит Гитлера...не только на Дарданеллы, но и на кавказские границы России»¹⁵.

Кроме того, публицисты «Нового русского слова» подчеркивали, что политика Сталина фактически была предательством со стороны Советского Союза по отношению к коммунистическим партиям стран Европы, которые долгое время вели

борьбу против нацизма. Пакт Молотова–Риббентропа же заставил их отказаться от активно антинацистской пропаганды, поставив в крайне затруднительное положение. Более того, эмигрантские публицисты заявляли: «Союз Гитлера со Сталиным обрек всех коммунистов в Европе на такую же предательскую и не менее опасную роль. Они явно для всех способствовали поражению своих родин, уговаривая население не участвовать в “империалистической” войне против Гитлера, разлагая войска и обещая вместе с тем “помощь СССР”. Помощь не пришла. А сами коммунисты, призывавшие к восстанию против местных правительств, очутились под управлением наци, до конца использовавших предательство»¹⁶.

Уже в первые месяцы 1941 г., однако, в эмигрантской прессе стала появляться информация о том, что в ближайшем будущем возможна война между СССР и Германией. Подобные прогнозы чаще всего публиковались без ссылки на конкретный источник информации. Тем не менее, они привлекали особое внимание эмигрантов, многие из которых крайне негативно воспринимали советско-германское сближение. В конце января 1941 г., например, со ссылкой на слова некоего члена греческой торговой делегации, посетившей Москву, сообщалось, что Советский Союз готовится к войне с Германией. «На советско-германской границе, – передавало сведения своего информатора “Новое русское слово”, – находится около 120 красноармейских дивизий... Греки рассказывают, что Москва все еще враждебно относится к Англии, и весьма недовольна политикой Соединенных Штатов, но все же признает, что наибольшая опасность грозит СССР со стороны Германии»¹⁷. Впрочем, возможно, из политических соображений, но крупнейшая газета Русского Нью-Йорка заявляла о своем недоверии к этой информации. Группировавшиеся вокруг нее эмигрантские публицисты заявляли, что вся внешняя политика Советского Союза в 1939 – начале 1941 гг. не свидетельствовала о намерении его руководства воевать против Германии: «Большевики действуют вопреки этой логике. Они улучшают отношения с немцами и ухудшают их с англичанами. Они вывозят “все, что могут” в Германию. Они ведут пропаганду на всех материках против Англии. Они пытаются даже здесь, в США, посеять то пораженчество и разложение, которое им удалось в очень значительной степени посеять в европейских странах, атакованных Гитлером и Муссолини»¹⁸.

Важнейшим событием Второй мировой войны, безусловно, стало нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. Существуют разные точки зрения на проблему – какова была позиция эмигрантов в событиях Великой Отечественной войны. Следует учитывать, что, очевидно, в период войны шла определенная эволюция этой позиции. Интересное мнение высказала советский историк Р.Т. Аблова, полагавшая, что нападение Германии на СССР заставило, например, в Болгарии многих из тех, кто враждебно относился к Советскому Союзу, изменить свою точку зрения. Однако, она указывала на еще одну важную веху – 1943 г., коренной перелом в Великой Отечественной войне. Успехи Красной Армии привели к тому, что, по ее мнению, основная часть эмиграции начала занимать «вместо доброжелательно-наблюдательной активную позицию в отношении войны и СССР»¹⁹. В других странах Европы также существовали группы эмигрантов, которые в 1941–1945 гг. выступили в поддержку стран антигитлеровской коалиции. В 1941 г. возник Союз советских патриотов в Югославии, члены которого печатали прокламации, собирали оружие, отправляли людей в партизаны и т. д. Наиболее активно Союз действовал в 1942–1943 гг., к июлю 1944 г. практически все его лидеры погибли или оказались в заключении²⁰.

Во Франции часть эмигрантов и после ее военного поражения решили продолжать борьбу с нацистами. Несколько сотен русских приняло участие в Движении Сопротивления. Среди них – сын писателя Л.Н. Андреева В.Л. Андреев, кн. В.А. Оболенская, член Французской коммунистической партии Г.В. Шибанов и др. Созданный при активном участии Г.В. Шибанова Союз русских патриотов выпускал в оккупированном Париже листовки, организовывал диверсии, помогал укрывать советских военнопленных, бежавших из немецких лагерей²¹. Бывший участник Белого движения В.Б. Сосинский вместе с группой советских военнопленных участвовал в освобождении острова Олерон от нацистов в апреле 1945 г.²²

Сам термин «Резистанс» (Сопротивление), как указывают исследователи истории российской эмиграции, связан с названием газеты, которую нелегально издавали в оккупированном нацистами Париже молодые сотрудники «Музея человека» сыновья русских эмигрантов Б. Вильде и А. Левицкий, расстрелянные гестапо в 1942 г. В 1943 г. генерал Ш. де Голль

наградили их посмертно медалью Сопротивления, а в 1985 г., по случаю 40-летия Победы, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о присуждении им орденов Отечественной войны 1-й степени. За помощь Сопротивлению погибли в нацистских концлагерях монахиня мать Мария (Е.Ю. Скобцова), бывший член Боевой организации эсеров И.И. Бунаков-Фондаминский, дочь известного композитора А.А. Скрябина и другие эмигранты. Десять россиян были удостоены высшей военной награды Франции – Креста Освобождения, которым за время войны было награждено немногим более 1 тыс.чел.²³ Отказались сотрудничать с нацистами такие известные фигуры эмиграции, как П.Н. Милуков, И.А. Бунин, А.И. Деникин и др. Известно, в частности, резко негативное отношение А.И. Деникина к идее привлечения белых офицеров в германскую армию²⁴.

В эмигрантской литературе (в частности, в известной работе В.С. Варшавского «Незамеченное поколение») проводится мысль о том, что антинацистская позиция отнюдь не подразумевала просоветских настроений, большинство эмигрантов – участников Сопротивления были «не советскими, а русскими патриотами и патриотами человеческой правды». Он полагал, что большую роль играли человеческие качества эмигрантов: если бы Париж был оккупирован Красной Армией, то многие участники Сопротивления времен войны стали бы бороться против СССР²⁵. Изученные нами некоторые источники личного происхождения, которые позволяют глубже понять психологию эмигрантов, в ряде случаев подтверждают эту точку зрения. Так, недавно опубликованный дневник уже упомянутого Б. Вильде показывает, что молодого эмигранта отличали прежде всего ярко выраженный нонконформизм, верность идеям свободы и высшей ценности человеческой личности, увлеченность концепциями философии жизни (прежде всего, идеями Ф. Ницше). В то же время идеологизированность сознания сидевших в соседней камере коммунистов вызывала у Б. Вильде отторжение²⁶.

Впрочем, к сожалению, образ Русского мира во Франции в годы Второй мировой войны будет искаженным, если проигнорировать ту группу русских парижан, которые заняли коллаборационистскую позицию и активно поддержали Германию в ее войне с Советским Союзом. Как уже отмечалось, они

группировались вокруг газеты «Парижский вестник» – печатного органа Управления делами русской эмиграции во Франции. На его страницах в 1941–1944 гг. из номера в номер звучала одна и та же мысль: патриотизм Русского зарубежья не только не препятствует, но и вынуждает русских эмигрантов оказать активную поддержку нацистской Германии в войне против СССР. Такая позиция была высказана лидерами коллаборационистского Русского Парижа сразу же после нападения Германии на Советский Союз. Уже 22 ноября 1941 г., т. е. через 5 месяцев после начала Великой Отечественной войны, Начальник Управления делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребков заявил: «22 июня 1941 г. сатанинский меч мирового иудо-марксизма был отведен от Европы и ее культуры, и этот день нужно считать началом воскресения русского народа. Этого мы не имеем права забыть! Если бы 22 июня 1941 г. германские войска, по приказу своего Вождя, не перешли советскую границу, русский народ перестал бы существовать! Нужно посмотреть прямо в лицо совершающихся событий и надо видеть факты так, как они есть, а не так, как хотелось бы. Мы должны иметь мужество произнести то слово, которое многие боятся произнести: “завоевание”. Но завоевание не России, а Советского Союза! Ибо предположения большинства эмигрантов, что с началом военных действий советская армия и народ сбросят власть красных владык, не оправдались. В беспрецедентной кровавой борьбе германской армии приходится завоевывать Советский Союз, не оказавшийся Россией – чего мы все так ждали... В интересах России, в интересах русского народа нужно, чтобы немцы сами или же при посредстве ими же руководимого русского правительства в течение ряда лет вели русский народ»²⁷.

Ничуть не изменилась позиция «Парижского вестника» и впоследствии. Через год после начала войны, в дни Сталинградской битвы, известный публицист Н.В. Пятницкий характеризовал ситуацию практически в тех же выражениях, что и Ю.С. Жеребков в 1941 г. Он по-прежнему заявлял: «Не было, нет и не будет иной большей беды для российских народов, чем иудо-коммунистическое иго... Так разве не счастье, что Германия оказалась в силах и возможностях пойти на это благое дело? Разве не счастье, что 22 июня 1941 г., год тому назад, она начала свой освободительный поход на Восток? Разве

не счастье, что уже половина Европейской России освобождена германской кровью от красных палачей?»²⁸.

Казалось бы, после разгрома немцев под Москвой, срыва плана «блицкрига» эмигранты-коллаборационисты должны были скорректировать свою позицию. Они должны были убедиться в готовности подавляющей массы населения Советского Союза защищать свою страну от нацистских агрессоров. Однако, этого не произошло. Одержанные Красной Армией в 1941 – начале 1942 гг. победы над вермахтом всячески преуменьшались на страницах «Парижского вестника». Все тот же Н.В. Пятницкий в июле 1942 г. писал: «Красная Армия за целый год войны не могла добиться ни одной сколько-нибудь крупной победы при огромных человеческих ресурсах, при гигантских технических средствах. Огромные человеческие ресурсы превращаются в гекатомбы трупов, а гигантская техника – в горы металлического лома, показывающие поля неудачных сражений»²⁹.

Н.В. Пятницкий и его соратники всячески замалчивали и патриотический характер Великой Отечественной войны. Даже в тех случаях, где естественно напрашивались исторические параллели между подвигами Красной Армии и защитников русской земли в другие исторические эпохи, «Парижский вестник» их полностью игнорировал. В дни героической обороны Севастополя публицисты коллаборационистской газеты подчеркивали принципиальные отличия данной ситуации от тех боев за город, которые были описаны в знаменитых «Севастопольских рассказах»: «И снова те же курганы потоками щедро орошает русская кровь. Но – вместо славных имен Корнилова, Нахимова и Истомина подлые клички Ленина, Сталина и М. Горького связывают с этими курганами русские сводки. Не за русскую честь умирают обманутые, гонимые пулеметами несчастные русские люди, а – за бесчестие: за своих подлых угнетателей, за международных проходимцев, за 3-й Интернационал»³⁰.

Однако, Красная Армия выстояла. Оборона Сталинграда закончилась окружением и разгромом группировки германских войск. Коренной перелом в Великой Отечественной войне развивался. Чаша весов стала клониться в пользу Советского Союза. Летом 1943 г. разразилась одна из важнейших битв Великой Отечественной – Курская.

Какова же была в этих условиях политическая линия эмигрантов-коллаборационистов во Франции? Анализ публикаций «Парижского вестника» показывает, что эти эмигранты вынуждены были сделать ставку на раскол антигитлеровской коалиции. Редактируемая П.Н. Богдановичем газета теперь стремилась посорить западных союзников со Сталиным, спровоцировать конфликт в лагере военных противников фашистского блока. Уже летом 1943 г. эмигранты-коллаборационисты стремились доказать, что Красная Армия идет в Европу не освобождать ее, а подчинить своему господству. Они заявляли: «Теперь уже никто не сомневается, что Сталин действительно намеревался воспользоваться военными событиями, происходившими в Европе, для того, чтобы в выгодных условиях дать ей “последний решительный бой”! 25 лет своего владычества над русским народом советская власть использовала для того, чтобы все материальные ресурсы страны употребить на подготовку к этому решительному бою... К великому подвигу призвал Гитлер немецкий народ – встать грудью на защиту не только своей родины, но и всей Европы от грозившего им разрушения. Иудо-коммунистическая власть во все время своего существования не скрывала стремления подчинить себе весь европейский континент»³¹.

Однако, несмотря на все заявления русских коллаборационистов, Красная Армия шла вперед. После Курской дуги стратегическая инициатива окончательно перешла к советским Вооруженным Силам. Наступательные операции Советского Союза привели к освобождению значительной части территории страны от захватчиков. Однако, это лишь заставляло публицистов «Парижского вестника» еще чаще выражать надежды на мощь германской армии. В апреле 1944 г. они отмечали: «В последние дни боевой германо-советский фронт подходит вплотную к границам Венгрии и Румынии. Во всей Европе имеется лишь один стержень, удерживающий европейскую жизнь от стихии беспорядка – это национал-социалистская Германия. Но, к счастью, молодая Германия еще полна сил, чтобы служить щитом Европе от ужасов большевизма. К счастью, германская армия имеет еще большие и многочисленные резервы, способные в корне перевернуть судьбы войны»³².

Помимо германской военной мощи, другим важнейшим фактором, на который продолжали надеяться русские колла-

борационисты весной 1944 г., была возможность крушения коммунистического режима в СССР в результате народного восстания. И хотя опыт 1941 г., казалось бы, должен был показать им всю тщетность этих надежд, коллаборационисты полагали, что улучшение ситуации на фронте и даже победа над Германией могут, напротив, повысить вероятность анти-советского восстания в СССР. На страницах «Парижского вестника» заявлялось: «Представим себе на минуту невозможное: Красная Армия дойдет до границ 1939 г. или даже 1941 г., и Советский Союз выйдет каким-либо образом из войны. Даже и в этом случае большевизм в России удержаться не сможет... Русский народ терпит сейчас непосильные лишения, обманутый ловкой советской агитацией, терпит во имя будущей лучшей жизни, он упорно борется на фронте и в тылу, но всякому терпению его есть конец: стабилизация фронта, конец войны могут стать моментом взрыва народного гнева и днем свержения ненавистного режима Сталина»³³.

Вероятность этого тем более усиливалась, с точки зрения публицистов «Парижского вестника», что жизнь советского народа, нелегкая и в 1930-е гг., в условиях войны стала еще тяжелее. На страницах коллаборационистской газеты рисовалась картина нищеты народных масс при полном материальном благополучии партийно-хозяйственной верхушки советского общества. Так, весной 1944 г. были опубликованы воспоминания бывшего советского артиста М. Илларионова о жизни в Советском Союзе в годы войны. Их автор отмечал: «Бесят очень часто встречающиеся лица евреев – откормленные, сытые, довольные, веселые и уверенные в себе... Возле магазинов “Торгсина” толпы народа. Здесь люди, несущие последние свои ценности, в обмен на продукты питания и разнообразные промышленные текстильные товары... Для многих это буквально вопрос жизни. Голод, систематическое недоедание, пережитые эпидемии, жизнь с непрерывными скачками и волнениями... Нет радости, нет здоровья, нет улыбки. Страх завтрашнего дня, безнадежность, ужас быть свидетелем уничтожения миллионов крестьян, постоянное недоедание, материальная нищета – вот гамма чувств на всех русских лицах»³⁴. Рисуя такую картину ситуации в Советском Союзе, М. Илларионов игнорировал, однако, тот факт, что, несмотря на все лишения, советские люди на фронте и в тылу ковали победу над врагом.

Не удалось германскому руководству и его союзникам – русским коллаборационистам и расколоть антигитлеровскую коалицию. Несмотря на все разногласия между ее членами, она продолжала действовать. Важнейшим событием из ее истории, бесспорно, была высадка союзников в Нормандии, обещание осуществить которую было сделано западными союзниками на Тегеранской конференции 1943 г. Хотя и с некоторым опозданием, но в начале июня 1944 г. высадка произошла. Она фактически предрешила судьбу оккупированной нацистами Франции. Коллаборационистская часть Русского Парижа теперь могла лишь уверять эмигрантов, что в случае освобождения французской столицы от немецкого господства их судьба существенно ухудшится. Через 10 дней после высадки в Нормандии сам начальник Управления делами русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребков опубликовал в «Парижском вестнике» статью под характерным названием «В решающий момент». В ней, в частности, заявлялось: «Вслед за союзными войсками появится рассадник коммунизма – полномочная советская комиссия, диктующая свои требования и англичанам, и американцам. Эта комиссия работает точно, решительно и беспощадно! Все русские, вкусившие жизнь иную, чем в Советском Союзе, являются врагами сталинского строя, и, как таковые, подлежат уничтожению. В особенности же эмигранты, никогда не дававшие покоя кремлевскому владыке, должны быть обезврежены». Запугивая таким образом русских эмигрантов, лидер коллаборационистов доказывал, что у них остался единственный выход – всеми силами помогать германской армии, которая, по его мнению, защищала Русский Париж от уничтожения: «Или победить и этим помочь созданию Национальной России, или честно и бесстрашно умереть»³⁵.

Тем не менее, войска западных союзников продолжали стремительно двигаться к Парижу. Существованию коллаборационистского Управления делами русской эмиграции во Франции приходил конец. Один из последних номеров «Парижского вестника» вышел 12 августа 1944 г. На первой полосе был помещен Приказ Рейхсфюрера СС Гимmlера, назначенного после покушения на Гитлера Командующим Резервной Армией. Этот приказ сопровождался большой редакционной статьей под названием «Черный корпус СС», которая была

полна восхвалений деятельности эсэсовцев. Публицист «Парижского вестника», в частности, писал: «Идеологической смысл настоящей борьбы получает все более и более заостренный характер. Сущность текущей войны легко охватывается только после того, как принимается в виде решительной схватки молодого революционного национал-социализма с реакционным царством застоявшегося болота отжившего прошлого, с его беспрерывным кваканьем большевицких, демократических и иудо-масонских “лягушек”... Глава знаменитого “Черного Корпуса” Г. Гиммлер, вождь национал-социалистического отбора – SS – получает все большее и большее значение, как в Германии, так и в стане формирующихся сил Новой Европы... Ваффен SS – всегда там, где имеется особая опасность. История последней войны полна славными походами этих изумительных и отборных войск. Главой их является тоже Г. Гиммлер». Все эти хвалебные оценки деятельности «Черного Корпуса» на страницах «Парижского вестника» преследовали далеко идущие цели. Как уже отмечалось, именно в этот период среди русской эмигрантской молодежи осуществлялся набор в ряды так называемых «русских воспитанников СС». Данная статья, очевидно, должна была служить еще и своеобразной рекламой деятельности эсэсовцев, способствовать притоку в их ряды молодых русских эмигрантов. По этому поводу «Парижский вестник» писал: «Недавно приступлено к созданию очагов национал-социалистского воспитания молодежи. Главнейшую роль в этом играют все те же SS. Уже совсем на днях созданы лагеря русской молодежи, куда привлекаются на началах добровольчества русские юноши от 15 до 23 лет. Шефство и в этом деле принимает на себя SS. Таким образом, “Черный корпус” собирается готовить для создания Новой Европы единомышленников и среди наших русских детей»³⁶. Однако, вскоре история коллаборационистского русского Русского Парижа закончилась: французская столица была освобождена.

В столице Третьего Рейха также существовала группа эмигрантов, которая оказывала активную политическую поддержку нацистскому руководству. Их печатным органом являлась берлинская газета «Новое слово», редактором которой был В.М. Деспотули³⁷. Как заявлял сам В. Деспотули, миссия газеты – «честными правдивыми русскими словами служить

делу строительства нового мира»³⁸. В юбилейном для «Нового слова» 1942 г., когда пошел 10-й год с момента основания издания, публицисты газеты подчеркивали: «На 10-м году своего существования, оглядываясь на пройденный путь, “Новое слово” может с удовлетворением отметить, что как бы тернист и ухабист этот путь ни был, через какие бы дебри он ни проходил, все же намечен он был правильно». Даже в январе 1942 г., в дни поражений вермахта под Москвой, В. Деспотули и его соратникам казалось, что откровенно пронацистская ориентация, избранная «Новым словом» уже в момент основания издания, себя оправдывает: «Эта правильность избранного пути, это оправдание нашей ориентации, приведшие к тому, что “Новое слово” осталось единственной русской газетой в Европе, дает ему не только право на такое исключительное положение, но и налагает на него обязательства». Таким образом, редакция «Нового слова», очевидно, прекрасно понимала, что газета будет издаваться в столице Третьего Рейха до тех пор, пока будет направлять все свои усилия на поддержку нацистского проекта «Новой Европы».

Вполне закономерным в этих условиях было отношение В. Деспотули и его соратников к Советскому Союзу – главной силе, которая в 1942 г. препятствовала достижению нацистской Германией своей цели установления мирового господства. Определяя свое отношение к политическому режиму в России будущего, редакция берлинской газеты отмечала: «Мы говорим о России – но о какой России? Кто может сказать сейчас, в разгар величайшего в истории человечества конфликта, в результате которого будет перекроена вся карта земного шара, исчезнут одни государства, и возникнут другие... кто может сейчас предсказать форму правления, политический облик, границы России? Единственный неповторимый шанс был дан русскому народу самим ходом событий: если бы русский народ в момент объявления войны большевикам сбросил с себя это чуждое, враждебное ему иго и открыто стал на сторону молодых и творческих сил Европы, то история не только России, но и самой Европы пошла бы иным путем»³⁹.

Пожалуй, именно это издававшееся в столице Третьего рейха издание наиболее четко из всех эмигрантских средств массовой информации отражало цели нацистской пропаганды.

На его первой полосе печатались новогодние обращения А. Гитлера к германской нации, речи фюрера по случаю годовщин национал-социалистской революции, выступления А. Розенберга о будущем «восточных земель», обращения того же А. Розенбурга и гауляйтера Э. Коха к населению Украины. Анализ публикаций газеты показывает, что на страницах «Нового слова» пропагандировались и расовые и культурологические теории нацистов в том аспекте, который мог заинтересовать русскую эмигрантскую аудиторию. Публиковались, в частности, материалы об этнических связях между «русскими» и «германцами» через готов. А 18 января 1942 г. «Новое слово» заявляло, что «в своей последней декабрьской очень содержательной и с большим блеском произнесенной перед Рейхстагом речи, Гитлер высказал в высшей степени важную мысль о защите греко-римской культуры от коммунистического варварства». При этом пронацистская газета доказывала, что до-революционная Россия по своей культуре была «греко-латинской», а «греко-римляне» были «культурными предками» как русского, так и германского народа. Не случайна была и апелляция к концепциям Ф. Ницше, который, как полагали публицисты берлинского издания, «из людей XIX в. наиболее близок современности и национал-социализму»⁴⁰.

Анализируя публикации «Нового слова» в годы войны, заметно и то, что они постоянно стремились подчеркнуть: важнейшим врагом сторонников молодой нацистской идеологии являлась западная либеральная демократия, отражающая интересы еврейской буржуазии. Нацисты стремились доказать, что именно против западного капитализма они и вели борьбу, а И.В. Сталин и Советский Союз лишь оказались орудием и временными союзниками США и Великобритании. Обосновывая свою позицию, «Новое слово» заявляло: «Демократы всего мира с надеждой и вождением обращают испуганные очи к самому большому и великому демократу, к самому Иосифу Виссарионовичу Сталину, ибо только он, лучший друг Рузвельта, надежный товарищ Черчилля и покорный слуга еврейского капитала и может спасти мир! И верный, надежный товарищ Сталин, засучив рукава, вновь гонит русских людей на германские окопы, вновь требует, чтобы они гибли за него, за отца народов, 23 года сосущего народную кровь, за товарища Черчилля и тех лордов, которым когда-то грозили

набить морды, за друга Рузвельта и его еврейский мозговой трест!»⁴¹.

Образ же самого Советского Союза формировался редакцией «Нового слова» с помощью таких понятий-символов, как «сталинский террор», НКВД, «господство Коминтерна» и т. д. Проживавшие в Берлине эмигранты стремились доказать, что советские люди враждебно относятся к существующему в стране политическому режиму, но вынуждены воевать, боясь расправы со стороны бойцов заградотрядов. Характеризуя, например, ситуацию внутри Красной Армии, публицисты «Нового слова» заявляли: «Обыкновенно армия бывает оплотом режима. Обыкновенно, она является той силой, на которую опирается власть. Но Сталин и Каганович Красной Армии, очевидно, не верят... Понадобилось ввести в тело Красной Армии особый аппарат для слежки и расправы. Особый “отбор” людей, с особой организацией. Такими людьми, таким аппаратом являются особые отделы НКВД»⁴².

Исходя из этого, совершенно закономерна та характеристика ситуации на оккупированных нацистской Германией территориях СССР, которая была представлена на страницах «Нового слова». Публицисты газеты рисовали картину возрождения хозяйственной жизни, культурного и духовного подъема, которые происходили под властью германских оккупантов на оккупированных территориях. Этому, по заявлениям В. Деспотули и его соратников, способствовала политика германских оккупационных властей, которые будто бы делали все для процветания населения России. Именно на это были нацелены редакционные комментарии, которыми сопровождались публикации важнейших распоряжений разработчиков плана «Ост». Так, например, в марте 1942 г. «Новое слово» заявляло: «Указ имперского министра занятых Восточных областей А. Розенберга кладет конец советской колхозной системе эксплуатации крестьянства, которая 12 лет глушила все живое, хозяйственное и волевое среди крестьянства»⁴³.

На страницах газеты регулярно публиковались материалы под рубрикой «В освобожденных городах», где описывалось, как, например, в Могилеве «большевики при отступлении разрушили, сожгли и разграбили все магазины», а при немцах жизнь стала налаживаться, заработали столовые, открыта транспортная мастерская и т. д.⁴⁴ Была опубликована даже целая

серия репортажей корреспондента «Нового слова» Н. Февра из оккупированного Пскова, где рассказывалось о «жутком, страшном состоянии, в которое привела Псков Красная Армия». При этом специально подчеркивалось: «Псков от военных действий совершенно не пострадал. Да их тут и не было... За несколько дней до падения Пскова местные комсомольцы, руководимые ответственными партработниками, приступили к организованному сжиганию города»⁴⁵. А когда Н. Февр задавал жителям Пскова вопрос: «Как они поступят, если в город вернется Красная Армия?», то на основании их ответов корреспондент пронацистской газеты «естественно» делал вывод: «Уходить», «не хотим под большевиками быть» – вот те слова, которые приходится слышать от каждого псковича»⁴⁶.

Вместе с тем, задаваемый Н. Февром вопрос был, несомненно, весной 1942 г. неслучаен. Разгром германских войск под Москвой неизбежно ставил перед пронацистски настроенной русской эмиграцией в Берлине ряд весьма сложных проблем. В чем причина поражений вермахта? Почему, несмотря на то «процветание», которое готовили населению СССР А. Розенберг и его соратники, советские люди сражаются с врагом и одерживают победы над ранее непобедимой германской армией? На эти вопросы попытался ответить известный публицист «Нового слова» Е. Тарусский в статье, посвященной первым итогам зимней кампании 1941–1942 гг. В ней он вновь ссылаясь на все те факторы, которые вслед за Й. Геббельсом постоянно использовала нацистская пропаганда при объяснении причин поражений под Москвой: «Зимняя кампания на огромных пространствах страны, преднамеренно разоряемой и сжигаемой, представляется исключительно трудной и тяжелой. Военные сводки почти ежедневно упоминают о 30 – и даже 40-градусных морозах... Красная Армия – это насильно мобилизованный Коминтерном русский народ. Коминтерн смотрит на этот народ только как на необходимое ему пушечное мясо». При этом Е. Тарусский доказывал, что успехи РККА сильно преувеличены и фактически ей ничего добиться не удалось: «Несмотря на непрерывные в течение 60 дней при 30-градусных морозах, и днем и ночью продолжающиеся атаки красных – последним ни в одном месте не удалось прорвать линию германского фронта»⁴⁷.

Заметим, что, наряду с пропагандистской поддержкой, некоторые русские эмигранты в Германии стремились при-

нять и личное участие в походе вермахта на Восток. Уже в 1941 г. глава Объединения русских воинских союзов генерал А.А. фон Лампе предложил главнокомандующему германскими войсками В. Браухичу сотрудничество в борьбе против СССР, но получил отказ. Очевидно, Германия опасалась использовать в войне против России русских офицеров-эмигрантов. Впрочем, в годы войны существовал ряд вооруженных формирований, включавших российских эмигрантов, принимавших участие в боевых действиях на стороне Германии. Наибольшую известность получили, бесспорно, Вооруженные силы Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) под командованием генерала Красной Армии А.А. Власова, численность которых составляла около 124 тыс.чел. В составе ВС КОНР наряду с военнопленными РККА были и белые офицеры, например, начальник канцелярии А.А. Власова полковник К.Г. Кромиади, командир Дроздовской дивизии в Добровольческой армии генерал А.В. Туркул и др.

Именно с формировавшейся РОА и была связана издававшаяся в Берлине газета «Заря», которую редактировали известные власовцы – сначала генерал-майор Р.Ф. Благовещенский, а с конца марта 1943 г. – генерал-майор В.Ф. Малышкин. Не случайно на страницах газеты было опубликовано и открытое письмо А.А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом», печатались и другие материалы РОА. Программа «Зари» была четко изложена в редакционной статье от 3 марта 1943 г.: «Мы верим в свои силы. Мы верим в силы нашего союзника – великого Германского народа. Мы знаем и помним, что Германский народ положил начало нашего освобождения от власти Сталина и его клики, что он заплатил кровью многих лучших своих сыновей за то, что мы, наконец, получили возможность победно бороться против большевизма. Мы знаем и ценим помощь Германского народа. Мы знаем также, что от нашей роли в борьбе против большевизма будет зависеть наше место в семье народов Новой Европы»⁴⁸.

В июле 1943 г., в решающие дни Курской битвы, даже стилистически в публикациях «Зари» не произошло никаких изменений: «Мы знаем: наш путь ясен. Это – союз с Германией. Мы будем строить новые социально-справедливые отношения в нашей стране, опираясь на эту реальную силу»⁴⁹. Не случайно поэтому, что, как и сотрудники «Нового слова», публици-

сты «Зари» всячески восхваляли вождей Третьего Рейха, подчеркивая, что именно под их руководством РОА «освобождает» Россию от большевизма. Публикуя, например, 9 июня 1943 г. на первой полосе выступления имперских министров Геббельса и Шпеера на одном из собраний в столице Третьего рейха, «Заря» подчеркивала: «Аудитория, состоявшая из работников оборонной промышленности г. Берлина, с напряженным вниманием выслушала речи руководящих работников государства»⁵⁰.

В целом можно сказать, что одной целей «Зари» было формирование позитивного образа немца у советских военнопленных. Стремясь ликвидировать естественные психологические препятствия, которые возникали у бывших бойцов Красной Армии при принятии решения о сотрудничестве с тем самым врагом, против которого они сражались уже около 2 лет, публицисты «Зари» заявляли: «Немецкий народ помогает нам в нашей борьбе с большевизмом. Всякий, кто познакомился и узнал ближе немцев, тот не может относиться к ним иначе, как с уважением»⁵¹.

Если «Новое слово» В. Деспотули ориентировалось прежде всего на националистически настроенных представителей «первой волны» послереволюционной эмиграции и национал-радикалов из числа эмигрантской молодежи, выросшей на чужбине, то основной аудиторией, на которую были рассчитаны публикации «Зари», были советские военнопленные. Газета Р.Ф. Благовещенского и В.Ф. Малышкина из номера в номер публиковала заявления, открытые письма и т. п. военнопленных Красной Армии, выразивших желание воевать на стороне нацистской Германии против «большевизма». Характерна, например, статья власовца Е. Арбенина, в которой он подчеркивал: «Мне 28 лет. Всю сознательную жизнь я прожил при советской власти и не испытал жизни в дореволюционной России»⁵². Большинство других авторов «Зари» также заявляли, что они выросли в условиях Советской власти и никак не связаны с «белой» эмиграцией. Очевидно, это было неслучайно, т. к. тем самым «Заря» стремилась добиться симпатии советских военнопленных, среди которых советской пропагандой был сформирован негативный образ «белоэмигрантов».

Впрочем, говоря о тех силах, на которые стремились ориентироваться власовцы, один из публицистов «Зари» майор

Ф. Гусев не забывал и о старых эмигрантах. Характеризуя «белую эмиграцию», он писал: «За годы советской власти много русских людей рассеялось по всему свету. Они эмигрировали, спасаясь от сталинского произвола, от принудительной политики коллективизации, от преследования НКВД и т. д. Часть из них, наиболее преданных народу и Родине бескорыстных бойцов, готовых бороться под знаменами РОА за завершение русской национальной революции является дополнительным источником комплектования Русской Освободительной Армии»⁵³.

Пожалуй, еще большее, чем «Новое слово», внимание уделяла «Заря» описанию того «царства террора», каким представлялся пронацистски настроенной эмиграции Советский Союз. Все характеристики ситуации в СССР были выдержаны в исключительно негативном ключе. Особое внимание, естественно, уделялось описанию репрессий, проводимых НКВД. Как и «Новое слово», «Заря» стремилась доказать, что только под угрозой расправы воюют советские солдаты и офицеры, которые в противном случае перешли бы на сторону нацистской Германии. Так, в одном из номеров газеты отмечалось: «Зимой 1942–1943 гг. террор достиг невероятных размеров. Даже привыкшие ко всему подсоветские граждане и бойцы Красной Армии содрогаются от ужаса... Опутав буквально каждого сетью шпионажа и запугивая страшными расправами над семьями военнопленных, большевики заставляют людей оказывать сопротивление»⁵⁴. В другом номере «Зари», вышедшем уже летом 1943 г., автор одной из статей подчеркивал: «Везде много писалось о большевистском терроре. Однако того, что делается сейчас, не было никогда даже и там. Число тюрем в крупных городах повсеместно выросло в 5–8 раз, а в некоторых местах даже в 10 раз»⁵⁵. Чтобы доказать, что руководство СССР могло заставить воевать советских людей только с помощью террора и обмана, власовские пропагандисты использовали и сюжет о советских женщинах-снайперах. Сотрудник «Зари» восклицал, например: «Никогда еще в истории не было примера, чтобы в армию мобилизовали женщин, да еще для военных действий на передовых позициях. Не было в истории и войн, подобных той, какую ведут сейчас правители СССР руками и жизнями миллионов обманутых ими людей»⁵⁶.

Еще одной целью пронацистски настроенной эмиграции, было, как уже отмечалось, стремление расколоть антигитлеровскую коалицию, поссорив Советский Союз с западными союзниками. Эта цель также хорошо прослеживается в публикациях «Зари». Однако, здесь имелась и существенная специфика. Если на страницах «Нового слова», рассчитанного на разделявших нацистскую концепцию Новой Европы эмигрантов, подчеркивались стремления советского руководства к завоеванию европейских земель, ненадежность Сталина как союзника западных демократий, то тон власовской «Зари» был несколько иной. Поскольку Р.Ф. Благовещенский и В.Ф. Малышкин издавали газету для нужд советских военнопленных, то они должны были учитывать существовавшие в этой среде настроения. Неслучайно, поэтому, в статье «Иссякшая вера» подчеркивалось: «Красноармейцы не ощущают по сути никакой помощи от союзников. Поэтому им, вынужденным проливать кровь за чужие интересы, теперь стараются доказать, что англичане и американцы тоже, мол, несут тяжелый жребий на полях сражений»⁵⁷.

Излюбленной темой пронацистски настроенных эмигрантов был, как уже отмечалось, разразившийся в годы войны в СССР тяжелый экономический кризис. Преследуя прежде всего политические цели, сотрудники «Зари» показывали тяжелейшую жизнь советских людей, голод, дефицит товаров первой необходимости. Известный деятель «второй волны» эмиграции, впоследствии ставший видным публицистом «Посева» В. Самарин, анализируя письма советским солдатам на фронт от их родственников в тылу, подчеркивал: «Нет в этих письмах ни бодрости, ни уверенности, о которых так много, нудно и назойливо пишут советские газеты. Безнадежностью и страхом перед завтрашним днем веет от этих писем. Писать о материальном положении в тылу нельзя и люди это знают, но так туго приходится, что многие не выдерживают и пишут... Особенно скверно на востоке положение эвакуированных из Москвы и других прифронтовых городов. Они ютятся в углах, в подвальных помещениях, за которые платят огромные деньги»⁵⁸. При этом публицисты газеты стремились подчеркнуть, что эта ситуация усугублялась политикой власти, которая направляла все средства на военные нужды, в результате чего резко снижался уровень жизни населения: «Заработ-

ная плата, на которую, кстати сказать, почти ничего нельзя получить, урезывается все больше и больше. Делается это обычными для большевиков методами “добровольного” принуждения... Сколько денег отнимают бесконечные сборы средств на танковые колонны, авиаэскадрильи и прочее, и все это – помимо государственных обранных займов и налогов»⁵⁹.

Наиболее масштабная картина народных бедствий в СССР была нарисована власовским публицистом в статье под названием «В тисках голода», основанной на обзоре бесед с советскими военнопленными. Вышедшая в августе 1943 г. она, как и другие материалы власовских пропагандистов, отличалась стремлением к натуралистическому изображению ситуации в СССР. В частности, отмечалось: «Большинству из нас известны цены, установившиеся на рынке в Советском Союзе в результате совершенно необузданной иудейской спекуляции. Сейчас эти цены достигли фантастических размеров... Да, конечно, в Советском Союзе существуют карточки. Но на них ничего нельзя приобрести. Если что и выдается в очень ограниченном количестве – то лишь в закрытых распределителях, для партийной и советской верхушки. От них оно, вздорожав в тысячу раз, плывет на частный рынок. Ясно, что рабочий не может существовать на свой мизерный заработок... Истощение, вызванное голодом и непосильным трудом, широко распространяющиеся заболевания – вот что стало уделом рабочих в Советском Союзе. Террором, жесточайшими репрессиями их, в большинстве случаев женщин, заставляют работать для ненавистой и ненужной войны. И все чаще раздается ропот, все чаще вспыхивают волнения среди трудящихся Советского Союза, понимающих, что их продали англо-американскому империализму»⁶⁰.

Тем не менее, Красная Армия одерживала победы. После Курской битвы ей удалось взять стратегическую инициативу на фронте в свои руки и не выпускать ее до конца войны. Как же объясняла причины коренного перелома в войне власовская пропаганда? Это объяснение было весьма противоречивым. Наряду с указанными выше факторами, связанными с ужесточением террора, эти причины формулировались в рамках известной концепции частичного «отступления» большевистского режима, его некоторой трансформации: «Это отступление пошло по всему политическому фронту. Отказались от

принципа интернационализма, от идеи мировой революции, от доктрины борьбы двух социальных систем. Приняли национализм и сотрудничество с капитализмом». При этом, власовцы настойчиво подчеркивали, что данное «отступление» носит не только вынужденный, но и временный характер. Тех, кто поверил в искренность намерений сталинского руководства, в то, что эта политика носит долговременный характер и продолжится после войны, публицисты «Зари» предупреждали: «Мы твердо знаем: новое политическое отступление большевиков таит в себе дьявольский замысел. Отступление для того, чтобы перейти в наступление всем фронтом. Горе тому, кто сейчас поверит в демагогические лозунги большевиков и забудет много раз преподанный урок: вслед за отступлением при первой возможности начинается наступление, т. е. неистовый террор и кровавая ликвидация всего, что было обещано хотя бы на словах»⁶¹.

Одновременно власовская пропаганда все еще стремилась доказать, что неудачи вермахта носят временный характер. Пытаясь внушить перешедшим на сторону Германии советским военнопленным уверенность в победе, сотрудники «Зари» и в августе 1943 г. заявляли: «Никто уже не верит большевистской пропаганде! Никто уже не верит в лозунги “отечественной войны”, в друзей-союзников, в победу, в правоту дела. Все держится на последнем напряжении, на каком-то чудовищном безразличии к жизни и к будущему. И только этим сохраняются еще конвульсивные силы армии. Они – иссякают. Они – опасны, но недолговечны»⁶². Но все эти заверения оказались тщетными. Германский нацизм и его союзников ожидал сокрушительный разгром.

Как уже отмечалось, значительная часть эмигрантов оказалась в результате Второй мировой войны в США. Этот выбор уже во многом определил их политическую позицию, стержнем которой являлась поддержка усилий антигитлеровской коалиции. Выше уже отмечалось, что проживавшие в США эмигранты по мере сил стремились помогать Советскому Союзу, направляя на помощь фронту материальные средства, теплые вещи, медикаменты и т. д. В русскоязычной американской прессе также можно было найти немало высказываний эмигрантов, свидетельствовавших об их горячем патриотизме,

проявлениях сочувствия по отношению к Родине. Первая крупная победа Красной Армии – под Москвой – была восторженно встречена этими кругами эмиграции. Этими настроениями были переполнены, например, страницы крупнейшей газеты Русского Нью-Йорка – «Нового русского слова». Поздравляя с Новым 1942 г. русскую колонию Нью-Йорка, Г.Б. Райва, например, писал: «Слава Родине нашей, освобождающей мир от фашистского гада!». Характерно, что подобные высказывания звучали в те дни и из уст старых русских офицеров, ветеранов Белого движения. Несмотря на давние идейные разногласия, они, будучи патриотами России, не могли не восторгаться победами Красной Армии, которая становилась для них продолжательницей дела славной старой Русской армии. В том же номере «Нового русского слова» капитан Г.Г. Поляков желал счастливого Нового Года «Русской победоносной армии»⁶³.

В январские дни 1942 г. практически каждый номер нью-йоркской газеты открывался на первой полосе «шапкой», отражавшей ликование русских эмигрантов, вызванное победами Красной Армии после битвы за Москву. При этом все заголовки исходили из идеи о преемственности Красной и Русской армии, из того, что в конкретных условиях Великой Отечественной войны русский патриотизм неизбежно должен был быть в значительной степени и советским патриотизмом. Уже 1 января газета сообщала: «Русские войска гонят немцев к Брянску». В сопровождающей этот лозунг статье подчеркивалось: «Немцы выбиты в России из ряда ключевых позиций, перешли на положение малоудачной обороны, потеряли надежду – во всяком случае на долгое время! – пробиться на Кавказ и к нижнему течению Волги, и “застряли” на ледяном русском фронте»⁶⁴. На следующий день, 2 января, «Новое русское слово» уже торжествовало: «Русские войска бьют немцев на всех фронтах! Они гонят германские армии к Ржеву, к Брянску, к Орлу. Они гонят их к Севастополю и к Джанкою... Ура, да здравствует Русская Армия! В момент, когда пишутся эти строки, взята Калуга!»⁶⁵. В те дни такие настроения были весьма распространенными в Русском Нью-Йорке.

Группировавшиеся вокруг «Нового русского слова» эмигранты пытались и проанализировать причины германских поражений под Москвой и побед Красной Армии зимой 1941–

1942 г. Естественно, что их объяснения ситуации принципиально отличались от тех, которые предлагались сотрудничавшими с нацистской Германией эмигрантскими кругами Берлина и Парижа. На первом плане здесь были настроения патриотизма, гордости за свою Родину, чей народ смог выдержать тяжелейший удар, от которого не устояли многие европейские страны. «Новое русское слово» отмечало: «Что могло быть страшнее этого внезапного удара многомиллионной мотиризованной армии, бросившей сразу на нашу Родину всю мощь своих танков, весь ужас многотысячных самолетов, выжигавшей огнеметами наши геройские гарнизоны фортов и “точек”, разрушавшей наши города?.. Россия вынесла этот удар. Окровавленная, израненная, урезанная, лишенная своих наиболее промышленных округов, она выдержала страшный удар. И теперь гонит немцев! Это чудо произошло потому, что великий народ от Буга и до Владивостока, от Северного ледовитого Океана до Тибета и горячей Персии, поднялся на защиту своей Родины, своего прошлого, своего настоящего, своего сверкающего и радостного будущего»⁶⁶.

На страницах «Нового русского слова» решительно опровергались те объяснения причин поражений вермахта под Москвой, которые выдвигались германской пропагандой и эмигрантами-коллаборационистами. Поддерживающие усилия антигитлеровской коалиции эмигранты-патриоты прямо писали: «Русское наступление продолжает быть успешным. Немцам по-прежнему приходится ссылаться на “холод” и делать краткие сообщения об “оборонительных боях”. Как хотите, но немецкие сводки звучат трагикомически... Что же это за “холод”, который играет предательскую роль только по отношению к германской армии и не мешает русской пехоте брать обратно штурмом города... Почему такая “односторонность” холода? Ведь в холод наступать куда труднее, чем обороняться. И именно холодом немцы объясняли приостановку своего наступления»⁶⁷.

Одновременно, правда, подчеркивался и тот факт, что СССР являлся частью антигитлеровской коалиции, что также усиливало его позиции в борьбе с фашистскими агрессорами: «Россия попала в великий поток общечеловеческого порыва к борьбе с насилием, организованным так, как оно никогда еще не было организовано. И в этой общей борьбе рухнули в не-

бытие искусственные стены разъединения народов. И сердца русские забили вместе с сердцами английскими, американскими, китайскими, с сердцами всех униженных и разграбленных народов»⁶⁸. Эта часть эмиграции стремилась к тому, чтобы укрепить антигитлеровскую коалицию, сформировать позитивный образ И.В. Сталина как надежного союзника. Опровергая те заявления, которые нередко встречались в западной прессе и в годы Второй мировой войны, редактор «Нового русского слова» М. Вейнбаум указывал: «Союз демократий со сталинской диктатурой вызван насущной необходимостью. Банда гитлеровских разбойников напала на все эти страны и им ничего не остается делать, как объединиться для общей защиты и для общей борьбы с хахватчиками. С этой точки зрения союз демократий со Сталиным – самый естественный, потому что он обоюдovýгодный и насущно-необходимый. В этом его крепость и нерушимость. Доказывать, что Сталин выйдет или может выйти из этого мощного союза для того, чтобы вновь сговориться с Гитлером, значит повторять слухи, умышленно распускаемые пятой колонной с целью создания недоверия и подозрения среди 26 объединенных народов»⁶⁹.

Целиком поддерживая военные усилия Советского Союза, восторгаясь мужеством бойцов Красной Армии, «Новое русское слово» вместе с тем уже в январе 1942 г. указывало на рискованность той тактики, которая была намечена сталинским руководством после успехов под Москвой. Уже в то время эмигрантская пресса отмечала те проблемы, с которыми должна была столкнуться Красная Армия при осуществлении, например, Крымской наступательной операции 1942 г.: «Совершенно невозможно понять: как русские могли решиться на новую высадку войск в Ялте и в Евпатории, особенно в Евпатории! Ведь это можно сделать, только будучи уверенным в окончательном разложении немецких войск, засевших на “теплых квартирах”. В противном же случае это означало бы непонятное стремление русских добровольно попасть в крымскую ловушку, из которой нет выхода... Одно несомненно: безумная храбрость и уверенность в себе русских войск... Высадиться в Евпатории, чтобы идти на Джанкой и Севастополь, чтобы ударом к Перекопу отрезать “крымских немцев” от их главных сил на Украине и затем устроить из Крыма русский плацдарм, отрезанный от Европейской России всей армией

Гитлера, – это такой маневр, равного которому мы не знаем в истории войн»⁷⁰.

Прекрасно осознавали в те дни и месяцы эмигранты и тот факт, что германские неудачи конца 1941 – начала 1942 гг. могут быть временным явлением. Условия для коренного перелома в войне еще не сформировались, германская армия оставалась весьма мощной величиной. Подводя итоги полугодового наступления Красной Армии, «Новое русское слово» в середине января предупреждало: «Не будем чересчур оптимистично “пророчествовать”. Германская армия, несмотря на несомненный моральный кризис, переживаемый как ее сменяемым командованием, так и ее войсковыми соединениями – еще очень сильна. И главное командование германской армии отлично понимает, что поражение на русском фронте явится решающим поражением. А потому на этом театре войны немцы напрягут решительно все усилия, выскребнут все резервы, которые можно будет бросить в Россию, и решатся на самые отчаянные меры, вплоть до еще более варварских методов войны, чем те, которые ими уже применяются»⁷¹.

Весенне-летнее 1942 г. наступление вермахта, которое привело к Сталинградской битве, подтвердило эти прогнозы.

Проживавшие в США русские эмигранты, как уже отмечалось, отнюдь не ограничивались лишь поддержкой усилий антигитлеровской коалиции на словах. По всей стране разнообразные эмигрантские объединения устраивали мероприятия, средства от которых шли на помощь Красной Армии. Эмигрантскую прессу, в частности, страницы все того же «Нового русского слова» переполняли сообщения о таких акциях. Естественно, что наиболее заметные из них проводились в столице Русского мира в США – Нью-Йорке. В марте 1942 г., например, прошло собрание группы общественных деятелей, создавших Комитет помощи русским военнопленным в составе: князь П.А. Чавчавадзе, графиня А.Л. Толстая, П.П. Зубов, П.М. Фекула и Б.А. Сорин. Комитет поддерживал связь с главой Американского Красного Креста Н. Дэвисом. Последний, выступив на данном собрании, указал, в чем конкретно, по его мнению, может выражаться помощь со стороны Комитета военнопленным Красной Армии. Он отметил, что «из помощи надо исключить вязание свитеров», т. к. шерсть для них была нужна американской армии. Предлагалось организовать от-

правку продовольственных посылок. Важно то, что уже к весне 1942 г. удалось добиться соглашения между Американским Красным Крестом и германскими властями о свободном прохождении таких предметов по назначению. Пароход с первой партией посылок уходил из США в конце марта 1942 г.⁷²

Большую роль здесь сыграл и Американско-Русский Комитет медицинской помощи СССР. Обращаясь по случаю Нового 1942-го г. к русским людям в Америке, лидеры Комитета призывали: «Вспомните о России: как американские граждане вспомните о стране, которая сегодня сражается не только за самое себя, но и за весь мир и за США – ибо победа России будет разгромом врага и нашей новой родины, страны Линкольна, Вашингтона и славного друга России Президента Рузвельта. Как русские люди вспомните о своей далекой, но милой и дорогой матери». Уже в 1941 г. Комитет отправил в СССР 36 тыс. таблеток сульфаниламида, 5 тыс. унций хины, 1 тыс. фунтов кристаллов иода и 30 наборов хирургических инструментов для госпиталей. Членами Комитета было собрано 90 тыс. долларов в помощь СССР. Члены Комитета подчеркивали: «Наш долг сделать все, что мы можем. Ведь каждая во время перевязанная рана, каждый во время данный медикамент спасают жизнь наших братьев, облегчают страдания, крепят их силы в борьбе»⁷³.

Позднее, в марте 1942 г. представитель Американско-Русского Комитета медицинской помощи СССР И. Храброва, обращаясь к эмиграции, подчеркивала: «Все больше и больше все русские проникаются сознанием, что борьба нашей родины со страшным врагом давно перешла рамки борьбы большевизма с фашизмом, или даже борьбы двух стран – России и Германии. Все мы, как граждане или жители США, уже вовлечены в эту борьбу, и все мы, если мы верны нашему отечеству – уже на стороне Советской России». В те дни Театр Русской Драмы в Нью-Йорке ставил спектакль по пьесе А. Толстого «Любовь – книга золотая», весь сбор от которой шел как раз Американско-Русскому Комитету. Поэтому Комитет обращался с призывом, чтобы «каждый русский постарался прийти на спектакль, чтобы театр был переполнен»⁷⁴.

Подобные благотворительные мероприятия проводились проживавшими в США русскими эмигрантами во многих городах страны. Так, например, 12 декабря 1941 г. в русском

ресторане «Тройка» в Чикаго прошел вечер «в помощь России», организованный комитетом, в составе которого были Вера Кэбл, И.Н. Гаганидзе, Н. и П. Грибовы. На вечере было собрано более 100 долларов. Характеризуя изменение настроений русских чикагцев в годы войны, Е.Ф. Ерин указывал: «В продолжении четверти века русские были разбиты на отдельные политические группы, постоянно враждовавшие между собой... Но как только полчища Гитлера ворвались в Россию, сразу все изменилось: нашелся общий язык и общее дело: нужно всем становиться на защиту Родины. И русская печать начала писать в одном духе, за исключением очень немногих, которым свои личные корыстные цели да глупое упрямство дороже целостности своей родной страны. Все поднялись, мобилизовали все... Русские женщины по окончании дневной работы собираются в клубы, кружки для вязания теплых чулок, рукавиц, свитеров для солдат нашей родины. Прислушайтесь к разговорам во время вязания, и вы услышите и почувствуете силу их патриотизма и любви к родине»⁷⁵.

В Филадельфии в январе 1942 г. был создан Женский комитет 7-го отдела РООВа (председатель – М. Рембергер, секретарь – С. Кречко), основной деятельностью которого было «вязание теплого белья для защитников Родины и всего славыства». За первые два месяца деятельности комитета было связано 16 свитеров и 5 шарфов, а на состоявшемся 7 марта 1942 г. митинге передано 100 долларов на «медицинскую помощь Родине». 15 февраля 1942 г. Общерусский комитет Ньюарка (штат Нью-Джерси) проводил концерт-бал, доход от которого шел на «медицинскую помощь русским бойцам» и Американскому Красному Кресту⁷⁶. В Сент-Поле (Миннеаполис) Русский объединенный комитет помощи России (председатель – С.И. Городейчик, секретарь – К. Заец) 25 января 1942 г. устраивал концерт-бал, доход от которого, как сообщалось, шел «русским воинам, защищающим родину от напавшего на нее врага». Из Меридена (штат Коннектикут) М. Дубенецкий сообщал: «Борьба нашей родины и ее доблестной армии против злейшего врага человечества – Гитлера вызвала у нас, мериденцев, желание помочь России, чем можно». Поэтому при Свято-Петровско-Павловском приходе возник комитет (председателем которого являлся местный священник А. Погребняк), которому к январю 1942 г. удалось

собрать 900 долларов на помощь Родине⁷⁷. В те же дни прошел и благотворительный концерт-бал в Детройте, в котором участвовало около 1 тысячи человек. Рассказывая об этом мероприятии, полковник Ф. Путря отмечал: «Хотя сбора пожертвований не производилось, многие по окончании концерта по своему почину внесли в общем на сумму 342 доллара 50 центов». В местный комитет помощи России деньги поступали от многих структур: общества «Волга», Русского народного дома и др. Впрочем, естественно, что подобные комитеты в своей деятельности испытывали и немало проблем. Не все русские эмигранты с энтузиазмом участвовали в благотворительных акциях. Так, тот же полковник Ф. Путря отмечал, что на детройтском концерте было много прихожан Сербской церкви, но «к сожалению, того нельзя сказать о наших церковных приходах. Кроме прихожан из Годдарт и Гилберт, никого не было, и билеты возвратили назад, потому что “забыли” продать»⁷⁸.

Советские историки уделяли достаточно большое внимание антифашистской деятельности славянских организаций в странах Латинской Америки. В частности, в Аргентине существовал Белорусский демократический комитет помощи родине, в Бразилии – Комитет помощи СССР при Украинско-белорусском культурно-просветительском обществе в Сан-Паулу, в Парагвае – общество «Славянин», в Чили – Межславянский комитет и др. Члены этих организаций отправляли в СССР деньги, теплые вещи и т. д. На Первом Латиноамериканском Славянском Конгрессе в Монтевидео в 1943 г. были зафиксированы основные принципы Славянского союза: «единение – помощь Родине – развитие славянской культуры – демократическое сознание». Анализ официальных заявлений лидеров Союза показывает, что они стремились дистанцироваться от откровенно просоветских позиций и «чистой» политики, пытаясь подчеркнуть лишь свою демократическую антифашистскую направленность⁷⁹. Близкими к этим, на наш взгляд, были идейно-политические установки Федерации русских канадцев, члены которой направляли деньги и теплые вещи в помощь Советскому Союзу.

Даже в таких далеких от основных центров Русского мира странах, как например, Гаити, существовали группы русских эмигрантов, которые считали своим долгом занять активную

патриотическую позицию. Именно этому было посвящено письмо проживавшего на острове Гаити протоиерея И. Чепелева, написанное 14 июля 1941 г., через две недели после нападения Германии на Советский Союз: «С горестью в сердце приходится видеть и слышать, что среди русских заграницей остались большей частью не патриоты, а “обломки людей”... Бывшие люди... Даже в дни величайшей опасности для нашей Матери Родины, в дни ее тяжких испытаний, когда рекамылется русская кровь, кровь наших братьев и сестер, не находится мужественных человекoв с призывом к борьбе за святую землю, с призывом о помощи Родному народу. Мы, кажется, только и способны теперь найти в себе остаток каких-то маленьких силенок, чтобы вдобавок к страданиям Родины, бросить и наш камень в ее и без того окровавленное лицо, камень, который мы носили с собой 20 с лишком лет, для подлого удара... Мстим за потерю привилегий, мстим, что познали настоящую трудовую жизнь... Мстим подленько, гнусенько, бессовестно»⁸⁰. А уже в январе 1942 г. проживавший в столице Гаити городе Порт-о-Пренсе М. Брейтман сообщал, что там прошло собрание «в помощь Русскому Красному Кресту»⁸¹.

Исходя из этого, понятно крайне негативное отношение «Нового русского слова» к той части эмигрантов, которая в годы войны заняла коллаборационистскую позицию. Нью-Йоркская газета в годы войны регулярно разоблачала действия эмигрантов-коллаборационистов, подчеркивая, что для многих из них сословные интересы, старые обиды времен революции и Гражданской войны оказались выше патриотических соображений. Об этом писала, например, группа проживавших в США старых русских офицеров, возглавляемая полковником Кувязовым. Создавая новое Объединение бывших русских офицеров, его инициаторы заявляли, что причина этого состояла в том, что «руководство РОВС в Европе оказалось в лагере и Гитлера, и Японии, т. е. в лагере, враждебном России, а руководство РОВС в США “как в рот воды набрало”». Кувязов же и его соратники считали, что ветераны Русской армии должны занять более определенную позицию, активно поддерживая усилия Красной Армии по обороне родной земли. Сообщая об этом, «Новое русское слово» указывало: «Эмигрантская военная среда в США решила громко заявить о своем действительном русском и американском патриотизме, о том, что она плоть от плоти и кровь от крови русского народа»⁸².

В полемике с коллаборационистской эмиграцией публицисты «Нового русского слова» вынуждены были отвечать на главный вопрос: неужели допустимо поддерживать тот самый Советский Союз, где, как они сами же нередко заявляли, существовал тоталитарный режим? Отвечая на него, старый эмигрантский публицист С. Поляков-Литовцев подчеркивал: «За правое дело сражается теперь русский народ. Он сражается за свою независимость, за свою свободу, за свою землю, за свой труд и за свой хлеб. Мое понимание русской проблемы позволяет мне прибавить – и за свободу всего человечества. Как? Советский режим? Сталинская диктатура? Буденный? – Да, господа. И это просто потому, что если в плане временном и преходящем советский режим, диктатура, Сталин суть реальности ощутимые, то в историческом аспекте они призраки; единственная реальность – русский народ».

К тому же С. Поляков-Литовцев, как и многие эмигранты, полагал, что после войны возможна некоторая трансформация существовавшего в СССР политического режима. Речь, по его мнению, должна была идти не столько о подлинной либерализации, сколько о том, что репрессии могли перестать иметь массовый характер: «Как-то сложилось прочное представление, что война есть испытание всякого режима. С точки зрения союзников в войне, советский режим оказался гораздо более жизнеспособным, чем это им прежде казалось... Но следует ли из этого, что рост русского престижа усилит после победы коммунистическую агрессивность советов? Я в этом сомневаюсь. И вот по каким основаниям. Победа, несомненно, упрочит режим в отношении хозяйственной структуры России. Никто, по-видимому, даже русская оппозиция, не попытается изменить в России установившийся там социальный строй. Частная собственность не воскреснет, плановое производство укоренится окончательно. Режим, следовательно, почувствует себя прочнее. Будет у него меньше врагов, следовательно, меньше и оборонительной страсти, меньше возможных репрессий, т. к. репрессии всегда признак страха»⁸³.

Как показывает анализ публикаций «Нового русского слова», внутри русской эмигрантской колонии Нью-Йорка в годы войны циркулировали слухи о якобы уже начавшейся глубокой трансформации политического режима в СССР. Одной из популярных тем здесь была амнистия политзаключенных.

Очевидно, отражая в несколько искаженном свете практику создания штрафных батальонов, эти слухи, например, заставляли верить эмигрантов в то, что «многие враги Советской власти в СССР амнистированы и сражаются на фронте», и даже «в основном именно из них» состояла целая «армия Рокоссовского». По мнению «Нового русского слова», эти слухи как раз отражали наиболее сильные желания и надежды как населения СССР, так и русской эмиграции: «Амнистия необходима. В этом единодушном патриотическом порыве, который охватил великую страну, не может быть никаких сомнений. Россия защищается теперь всем населением. В армию пошли миллионы людей не по политическому подбору, а по принципу всеобщей мобилизации и всенародного подъема... Амнистия ...только поднимет политический и моральный вес России во всем мире, она еще больше укрепит патриотический подъем в самой стране. Больше того, она поднимет и престиж самой власти»⁸⁴.

О том, что война «неизбежно должна будет принести глубокие изменения» в политическую систему Советского Союза, писал в те мартовские дни 1942-го и известный деятель партии эсеров Е. Сталинский. Однако, большая часть его статьи под названием «Война, демократия и Россия» была посвящена доказательству несколько иного тезиса – о том, что уже существующий в стране политический режим оказался весьма эффективным и выдержал самую суровую проверку, перед которой оказались бессильны западные демократии – мировой войной. Доказывая это, Е. Сталинский писал: «Советский социальный строй не развалился, несмотря на самые страшные и никогда не предвиденные испытания, какие на него обрушились. Он выдержал огненное крещение войны, не сдвинувшись с своих устоев и проявил силу, какую в нем и не подозревали... Тот единодушный порыв, с которым народные массы встали на защиту Родины и ее революционных достижений, обнаружил, что они отнюдь не питают к нему той приписываемой им ненависти... Советский социальный и экономический строй оказались, наряду с этим, более приспособленным к современной тотальной войне, чем капиталистические системы воюющих демократий... Советская Россия – единственная союзная страна, на территории которой сосредоточены громадные и грозные вооруженные силы вражеской коалиции

и которым она, уже более восьми месяцев, оказывает успешное сопротивление... Устойчивость русского фронта... по признанию всего мира спасает союзную коалицию от катастрофы... Советский социальный строй обнаружил больше преимуществ в войне, потому что благодаря ему в России не существует могущественных частных групп и предприятий, трестов и синдикатов, способных вкладывать палки в колеса государственной машины или не исполнять беспрекословно предписаний центральной власти»⁸⁵.

Далеко не все публицисты либерального и умеренно-социалистического направления, группировавшиеся вокруг «Нового русского слова», однако, были согласны с тезисами Е. Сталинского. Многие из них, поддерживая СССР как партнера по антигитлеровской коалиции, тем не менее, резко критиковали существовавшие там политический режим и социально-экономическую систему. Среди них был, например, старый товарищ Е. Сталинского по партии социалистов-революционеров М.В. Вишняк. Спустя две недели после появления статьи Е. Сталинского М.В. Вишняк ответил ему, подчеркивая, что в Советском Союзе нет реальной демократии, а его политический режим очень напоминал дореволюционную Российскую империю с ее бюрократизацией и отсутствием партийной системы. Поэтому, полагал известный эсер, советская политическая система не являлась реальной альтернативой западной демократии⁸⁶.

Именно с такими публицистами, как М.В. Вишняк, в годы войны постоянно полемизировал известный в прошлом эсер В.В. Сухомлин. Еще в предвоенные годы активно сотрудничавший во французских левых изданиях, он постепенно перешел на целиком просоветские позиции и впоследствии, уже после войны, вернулся в СССР. Именно то, что «Новое русское слово» предоставляло В.В. Сухомлину место на своих полосах для отстаивания своих взглядов, является ярким свидетельством изменения отношения главной газеты Русского Нью-Йорка к Советскому Союзу в годы войны. Именно на страницах «Нового русского слова» В.В. Сухомлин обвинял А.Ф. Керенского, Б.И. Николаевского, Р.А. Абрамовича и др. в «пораженческих» настроениях. Обосновывая такую жесткую оценку известных представителей русской интеллигенции, он писал: «Они строят свою политическую стратегию исходя

из неизбежности поражения России. Это не обязательно государственные изменники. Они, конечно, Россию любят (может быть, не всегда ту, которая есть и не ту, которая будет, а ту, которая “живет в их мечтах”), победы Германии не хотят, но рассчитывают исключительно на великие демократии». Характеризуя эволюцию позиции значительной части эмигрантской либеральной интеллигенции по отношению к Советскому Союзу, В.В. Сухомлин указывал, что эти люди до 22 июня 1941 г. «систематически выступали против жизненных интересов России в таких вопросах, как украинский, белорусский, балтийский и финляндский». Но и после нападения Германии на Советский Союз они объявляли «стяжательным национализмом» «освобождение белорусского и украинского народов». «После 22 июня 1941 г., – подчеркивал старый эсер, – они не захотели честно сознаться в своих ошибках и пытаются свою старую установку приспособить к изменившемуся положению. Это им удастся очень плохо. Они не в состоянии представить себе, что народ и армия доверяют новой народной интеллигенции, занимающей теперь все руководящие посты»⁸⁷.

Критические оценки внешнеполитической стратегии Советского Союза все чаще стали звучать из уст либеральной и умеренно-социалистической эмигрантской интеллигенции на заключительном этапе Второй мировой войны, когда все сильнее стали проявляться противоречия между союзниками. В 1944 – первые месяцы 1945 г. практически ни один номер «Социалистического вестника», например, не обходился без негативных высказываний по адресу политики И.В. Сталина. При этом не замалчивался и тот факт, что именно Советский Союз нес на себе основную тяжесть войны. Передовица № 1 меньшевистского журнала за 1944 г., например, подчеркивала: «В операциях на суше несет львиную долю жертв, но за то и главенствует Россия, эта самая крупная континентально-европейская держава, в территорию которой германские полчища вторглись в 1941 г., и из границ которой эти полчища сейчас изгоняются мощным непреодолимым давлением многомиллионной русской армии». Вместе с тем, здесь же отмечалось и другое обстоятельство: «Советская Россия – единственная союзная страна, гигантские армии которой продвигаются сейчас к границам Польши, Балтийских стран, Румынии, Чехословакии, Германии. И в то же время советское правительство

единственное из союзных правительств, которое имеет территориальные претензии как раз в тех странах, к которым Красная Армия сейчас приближается. Это обстоятельство ставит перед союзниками целый ряд проблем, и создает почву для целого ряда тяжелых конфликтов». Публицисты «Социалистического вестника» не сомневались, что советское руководство воспользуется ситуацией для того, чтобы все-таки осуществить присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии: «Пока юристы и политики будут разрешать спорные проблемы, Красная Армия займет все те территории, которые ей прикажут, и НКВД установит на них тот режим, который вытекает из предпосылки, что это – органическая часть СССР. После этого польское правительство может делать какие угодно заявления, и союзники могут принимать какие угодно решения – если они вообще захотят заниматься столь неблагоприятным делом: все равно, никто уже не вырвет из рук Сталина этих территорий»⁸⁸.

Острой критике старые меньшевики подвергали в годы войны и внутреннюю политику руководства СССР. Так, например, характеризуя систему ГУЛАГа, Д.Ю. Далин подчеркивал: «В Советской России не имела место ни официальная, ни неофициальная амнистия. Сотни тысяч людей по-прежнему населяют тюрьмы и миллионы пребывают в лагерях... Эти люди поставлены вне круга современных народов... Многие молчали об этом в те месяцы, когда быстрый разгром грозил, казалось, России. Многие предпочитали молчать и в те месяцы, когда на чашах исторических весов еще взвешивались шансы победы и поражения»⁸⁹. Однако, старый меньшевик подчеркивал, что в условиях, когда коренной перелом в войне очевиден, мировое сообщество должно открыто заявлять о репрессиях в Советском Союзе.

В 1944 г. внимание социалистической эмиграции привлекла и смена гимна в Советском Союзе. По мнению старого меньшевика П.А. Гарви, замена «Интернационала» новым текстом «принадлежит к той же категории фактов, характеризующих, так сказать, показательные перемены, что и роспуск Коминтерна, восстановление патриаршества, возрождение кадетских корпусов, восстановление погон и чинов». Все эти события, полагал он, ярко свидетельствовали об «эволюции коммунизма в сторону национал-большевизма». Этот процесс,

справедливо указывал старый меньшевик, начался еще до войны, но «нападение Гитлера на Россию необычайно усилило и ускорило этот процесс национализации... Обнаружилось, что за целые четверть века монопольной пропаганды, с физическим устранением всех инакомыслящих, большевикам не удалось воспитать молодые поколения в городе и деревне, вливавшиеся в Красную Армию, в духе своих партийных идей и эмоций... Потребовалась перестройка под огнем, которая далеко еще не закончена, чтобы получить ответные звучания на призывы власти “стоять до последнего”. Азбука коммунизма заменена была азбукой патриотизма... Чувство родины – первичное проявление гражданственности – цементирует сейчас национальное единение... Сталин вовремя пошел навстречу этой непреборимой стихии народного патриотизма, чтобы ею овладеть, и чтобы в годину бедствий поставить ее на службу государству – и режиму». Однако, П.А. Гарви предвидел и закономерный вопрос своих читателей: чем был этот новый поворот в сталинской политике: «эволюцией» или «маневром»? Он подчеркивал, что ответить на этот вопрос можно только, «различая страну и власть»: «Страна эволюционирует, власть маневрирует». «Не думаю, – писал П.А. Гарви, – чтобы Сталин и его окружение субъективно перестали уже чувствовать себя коммунистами, чтобы они окончательно признали битой карту мировой социальной революции... Сейчас важно крепить спайку с демократическими союзниками, чтобы победить – после победы видно будет!»⁹⁰.

О том, что война серьезно изменила ситуацию внутри советского общества, на страницах «Социалистического вестника» писал не только П.А. Гарви. Другой старый меньшевик, Г.Я. Аронсон, например, указывал в одной из своих статей: «Из России идут вести о количественном росте членов партии, главным образом, за счет фронта, – вероятно, также за счет мобилизованных в армию кадров интеллигенции». Объясняя причины этого явления, меньшевистский публицист подчеркивал, что главная из них – поворот в политике партии, ставка на патриотические ценности⁹¹.

Однако, пожалуй, наиболее интересной была попытка омысления процессов трансформации советского общества, которую предприняла супруга известного меньшевика С.М. Шварца литературовед В. Александрова. Подводя итоги прошедшего

1943-го, переломного года она писала: «В самой России война произвела ряд глубоких перемен не только в быту, но и в психике людей... Новый гимн в какой-то мере запоздал. По своему внутреннему звучанию он – ровесник Сталинской конституции 1936 г. и той эпохи “ложного равновесия”, когда советская интеллигенция, почувствовав в воздухе другие веяния, искренно и даже рьяно занялась, как позже сформулировал это А. Толстой – “восстановлением генетических линий от советского периода к историческому прошлому России”. Для сегодняшнего общества, живущего в обстановке войны, проблема эта, хотя ей и уделяется еще много внимания, уже превзойденный этап... Не только стены из огня и дыма, не только горы трупов, миллионы беженцев, которые в землянках «дожидаются своего города», отделяют нынешнее десятилетие от его предшественника. Меняются на ходу мерила ценности, понятия, ревизуется взгляд на жизнь, на отношения людей друг к другу». Отмечая те факторы, которые определяли психологию советских людей военного времени, В. Александрова, в частности, указывала: «На огородах работают все члены семьи. И никто из писателей еще не подслушал мыслей горожан, возникающих от этого непосредственного общения с матерью сырой-землей. Вместе с войной в советскую семью въехала бабушка, теща, старая тетья. Все они существовали, конечно, и раньше. Но сейчас на их плечи лег самый неблагодарный труд по обслуживанию “работающих” членов семьи. Из этого “бытия” и возрождается их былой авторитет в семье...»⁹².

Как уже отмечалось, особое внимание обращала меньшевистская эмиграция на оценку внешней политики Советского Союза в годы войны. Немало критических замечаний по ее адресу раздавалось со страниц «Социалистического вестника» на заключительном этапе войны, в ее последние месяцы. Характерна, например, редакционная статья «Русское наступление и конференция трех», которая была опубликована в № 1–2 меньшевистского журнала за 1945 г. Она была реакцией меньшевистской эмиграции на победы Красной Армии в январе 1945 г., которые переломили ситуацию после германского наступления в Арденнах. Естественно, что даже меньшевики-антикоммунисты не могли не отдать должное Красной Армии: «Блестящее по своей подготовке и молниеносное по своему

темпу, советское наступление на Восточном фронте пришло как раз в тот момент, когда долгое спокойствие на Востоке и частичные неудачи союзников на Западе стали распространять атмосферу скептицизма и беспокойства в странах союзников. Силы и резервы немцев начинали казаться неистощенными и неисчерпаемыми, силы и возможности союзников недостаточными для скорого разгрома Гитлера, а политические разногласия между ними непреодолимыми. Конец войны отодвигался в туманную даль, и будущее становилось неопределенным и мрачным. Именно в этот психологический момент темные тучи, затянувшие было политическое и военное небо, были прорезаны яркой и ослепительной молнией стремительного наступления и головокружительных успехов Красной Армии».

Но даже в этот момент «Социалистический вестник» обрушил на сталинское руководство волну критики за экспансионистскую внешнюю политику, отсутствие стремления к созданию после окончания войны новой демократически организованной архитектуры мира. Еще накануне Ялтинской конференции меньшевистские публицисты заявляли: «Мы знаем, что советское правительство не только не сделало ничего для того, чтобы обеспечить победу нового, демократического, на свободном самоопределении народов и на справедливости основанного миропорядка, но, наоборот, первое торпедировало все начатки международной демократии своей политикой brutального и неограниченного национально-государственного эгоизма. Никакие рассуждения и адвокатские увертки не могут изменить того факта, что СССР единственная из великих держав, которая активно и планомерно стремится не только к обширным территориальным приобретениям, но и к подчинению своей воле и к включению в свою политическую систему в качестве вассалов целого “пояса” более мелких соседей»⁹³.

С точки зрения этой части эмиграции, Ялтинская конференция трех держав лишь подтвердила приведенные выше негативные оценки внешней политики сталинского Советского Союза. В феврале 1945 г. лидер меньшевистской эмиграции Р.А. Абрамович уже мог утверждать: «К нашему величайшему сожалению мы должны заявить, что в Ялте, как и на предыдущих совещаниях представителей Англии, Соединенных Штатов и России (в Москве и в Тегеране) принципы демократии

и международной справедливости были принесены в жертву Молоху империалистических интересов великих держав, в первую очередь – Советской России»⁹⁴.

Тем не менее, эту часть эмиграции отличали ярко выраженные антинацистские убеждения. Либералы и умеренные социалисты были убеждены в том, что именно Третий Рейх нес смертельную угрозу всему человечеству. Поэтому разгром гитлеровской Германии был воспринят ими как важнейшее историческое событие. Уже в номере от 28 апреля 1945 г. «Социалистический вестник» поместил статью под названием «Победа», где рисовалась впечатляющая картина разгрома фашистского блока: «Победа в Европе уже факт. Ее официальное прокламирование может быть делом ближайших трех или даже ближайших часов... Рухнуло гордое здание “Третьего Рейха”. В крови и грязи тонут остатки некогда победоносных гитлеровских легионов. Европейская “ось” разбита вдребезги. Берлин в руках русских, американцы у Берхтесгадена. Гитлер где-то умирает или уже умер, и палач Гиммлер предлагает союзникам “безусловную капитуляцию” Германии. Муссолини и 17 его помощников казнены итальянскими патриотами, и трупы их выставлены на публичное позорище. Петэн в парижской тюрьме, ожидая суда. Северная Италия освобождена. Все центры Германии заняты или обращены в груды развалин. Победа наша. Гитлеровской Германии больше нет».

В этой же статье редакция «Социалистического вестника» подводила и итоги войны, размышляла над тем, какие исторические уроки должен извлечь мир из этого глобального военного конфликта: «Победа наша, мир и цивилизация спасены. И в час победы мысль наша обращается прежде всего к тем миллионам, которые отдали свою жизнь за всеобщее спасение, к солдатам всех союзных армий, к бойцам Красной Армии, самоотверженно погибшим в боях с жестоким и сильным врагом, но и к тем миллионам невинных жертв, которые были умучены и уничтожены нацистскими зверями в “лагерях смерти” для евреев и не-евреев. В час победы над варварством мы должны дать Аннибалу клятву теням погибших, что мы будем бороться неустанно за то, чтобы пролитая ими кровь не оказалась напрасной; что поколение, прошедшее через это страшное испытание, не допустит рецидива варварства. Проклятие неродившихся еще поколений будет над нами, если мы этой задачи не выполним»⁹⁵.

Однако после разгрома Германии Советский Союз ожидала еще война против ее союзника – Японии. Сложной проблемой является политическая позиция дальневосточной ветви российской эмиграции в условиях войны. Так, Е.Е. Аурилене доказывается, что основная масса эмигрантов в Маньчжурии «осталась равнодушной» к политическим и идеологическим усилиям японских властей: несмотря на репрессии и материальные стимулы, лишь незначительная часть русских добровольно воевали летом 1945 г. против СССР⁹⁶. Анализ источников (в частности, судебно-следственных дел репатриантов из Китая, заведенных на них в СССР после войны) в целом подтверждает эту точку зрения. Например, И.С. Аверин, служивший с декабря 1944 г. рядовым полицейского пограничного отряда на японо-советской границе, летом 1945 г. сопротивления советским войскам не оказал, «бежал с границы»⁹⁷. Быстро сдалась в плен советским войскам созданная японцами из российских эмигрантов специальная диверсионная дружина⁹⁸. Следует отметить, что данные об отсутствии желания у российских эмигрантов воевать против СССР летом 1945 г. подтверждаются и в мемуарах советских военачальников. Более того, К.А. Мерецков указывал на «серьезное содействие», оказанное эмигрантами советской армии: они «наводили наших десантников на вражеские штабы и казармы, захватывали узлы связи»⁹⁹ и т. д.

В целом, Вторая мировая война стала рубежным событием в истории российской эмиграции. Политический выбор, который необходимо было сделать деятелям Российского зарубежья, был исключительно сложен. Непримируемость по отношению к большевизму, приход которого к власти сделал их изгнанниками, сочеталась у большинства эмигрантов с патристическими настроениями. Тот «роковой», по выражению историка В.И. Голдина¹⁰⁰, выбор, который сделала значительная часть военной эмиграции и казачества, обернулся обманутыми надеждами их лидеров и трагедией тех организаций, которые они возглавляли. В сознании значительной части общественности западных демократий, одержавших вместе с Советским Союзом победу в войне, эти круги эмиграции стали ассоциироваться с коллаборационизмом. Их сотрудничество с нацистами ставило под сомнение возможность диалога с ними в дальнейшем, опоры на них в начинавшейся холодной

войне. Для многих рядовых американцев и британцев антикоммунистическая часть российской диаспоры на долгие годы стала восприниматься лишь как бывшие пособники «Третьего рейха», что, заметим, умело использовалось и советской пропагандой.

Однако, таковы были позиции далеко не всех эмигрантов. Весьма многочисленны были те деятели Российского зарубежья, для которых патриотические соображения оказались выше идеологических расхождений с руководством СССР. Некоторые из них к тому же поверили в то, что трансформация пропагандистской и политической системы СССР, частичный отказ от традиций, ведущих свое начало с октября 1917 г., несут в себе значительный демократический потенциал. Но и для многих из этих людей сделанный ими выбор обернулся трагедией, когда стало ясно, что реальной демократизации механизма принятия политических решений в СССР не происходит, а готовность Российского зарубежья к компромиссу была использована советским руководством в своих политических целях.

После капитуляции Японии в сентябре 1945 г. Вторая мировая война, наконец, окончательно завершилась. Каким вышел из нее Советский Союз? Каковы были те пути, по которым он далее мог развиваться? Ответ на эти вопросы пытался дать лидер меньшевистского эмигрантского центра Р. Абрамович в статье под характерным названием «Вопрос вопросов», опубликованной в № 15–16 «Социалистического вестника» за 1945 г. Этот номер вышел в свет 6 сентября 1945 г., т. е. через 4 дня после официального окончания Второй мировой войны. В первые дни послевоенного мира, характеризуя сложившуюся в нем геополитическую ситуацию, Р. Абрамович подчеркивал: «Из всех великих союзных держав Россия выходит из войны с наибольшими материальными разрушениями, но и с наибольшим увеличением своей территории, своего военного и морального престижа. Россия заполнила собой и своей “сферой влияния” все то огромное пространство Европы, на котором до того господствовала гитлеровская Германия и ее “спутники”. В Азии она расширила свои фактические, если не формальные, границы, до Внутренней Монголии, до берегов Тихого океана, до Кореи, Маньчжурии и Курильских островов. После разрушения Германии и военной машины Японии

Советская Россия становится самой крупной континентальной военной державой всего мира».

При этом лидер меньшевиков-эмигрантов подчеркивал, что именно геополитическое положение Советского Союза, сложившееся после Второй мировой войны, возлагало на него дополнительную ответственность за судьбы мира: «Роль России в деле разгрома Германии была так велика и так почетна, что в сердцах сотен миллионов людей на всем земном шаре живет чувство глубокой благодарности и признательности России, русскому народу за то геройство, которое он проявил, за те беспримерные жертвы, которые он принес, защищая свою землю, но вместе с тем и все человечество, против гитлеризма. Как использует Советская Россия свое новоприобретенное могущество? Какое применение она найдет тому огромному капиталу симпатий и уважения, которым она сейчас владеет? – От этого зависит сейчас не только будущее самой России, но и в буквальном смысле слова будущее всего человечества. Два пути открыты перед Россией: она может искренно и без тайных замыслов вложиться в дело демократического переустройства Европы и Азии в союзе с другими великими державами и на основе уважения к свободной воле и желаниям малых народов... Но она может избрать и другой путь, вернее, остаться на том пути, по которому она шла до сих пор: она может, под лицемерными фразами о верности демократии и принципам национального самоопределения, стремиться к установлению своего господства над Европой». При этом совершенно очевидно, что для самого меньшевистского публициста задаваемые им вопросы носили риторический характер. С его точки зрения, ответ на них был совершенно очевиден: «Второй путь ведет по прямой линии к Третьей мировой войне... Интересы русского народа, не только его рабочих масс, но и всей русской нации в целом, всех народов СССР в их совокупности, требуют того, чтобы советское правительство пошло не по пути гибели... а по пути мира и свободы. Но может ли пойти по этому пути правительство, которое у себя дома управляет методами террористической диктатуры и монополии одной диктаторской партии, которое лишило свои народы всякой возможности реального воздействия на ход политики страны, которое держит в концлагерях миллионы ни в чем не повинных граждан? Не колеблясь ни

минуты, мы отвечаем: нет. Советское правительство не может пойти по тому пути мира и свободы, который ведет к спасению всего человечества, не перестав быть правительством диктатуры и террора»¹⁰¹.

Проблема взаимоотношений СССР и Зарубежной России является одной из наиболее интересных и дискуссионных в российском эмигрантоведении. Российская эмиграция, стремясь создать альтернативную Россию – Российское зарубежье, тем не менее, пыталась сохранить связь с покинутой Родиной, участвовать в ее жизни. Популярная в 1920–1930-е гг. идея «общей судьбы» диаспоры и большевистской России оставалась актуальной и после Второй мировой войны. Безусловно, ее реализация зависела и от позиции коммунистического руководства СССР, которое преследовало свои цели, как и Запад, стремясь использовать эмигрантов в противостоянии эпохи «холодной войны». Тем не менее, не следует игнорировать и наличие в эмигрантской среде симпатий к советским людям, настроений ностальгии по Родине, которые, как уже отмечалось, ярко проявились в годы Второй мировой войны. Не стоит и замалчивать позитивное отношение части представителей Российского зарубежья к Советскому Союзу, что нередко фактически происходит в современной историографии, когда все внимание уделяется антикоммунистической эмиграции.

Просоветские настроения части зарубежных россиян особенно ярко проявились в первые послевоенные годы. Энтузиазм, вызванный победами Красной Армии во Второй мировой войне, осознание того, что именно она внесла решающий вклад в разгром нацизма заслонили для многих эмигрантов негативные черты существовавшего в СССР политического режима. Как отмечалось выше, часть зарубежных россиян добровольно вернулись на Родину. Содействие репатриации активно оказывал, например, Союз советских патриотов (ССП) во Франции – именно так стал называться Союз русских патриотов, одним из лидеров которого был член ФКП Г.В. Шибанов. Изменение названия отражало постепенную советизацию идеологии и тактики этой организации. Отделения ССП были созданы практически по всей территории Франции: в Лионе, Сент-Этьенне, Марселе и других городах. К Союзу примыкал ряд организаций, фактически контролируемых просоветски настроенными эмигрантами: Содружество

русских участников Сопротивления, Бессарабское землячество, Объединение работников искусства и др. Главным инструментом пропаганды ССП являлась издававшаяся им газета «Советский патриот». На ее страницах велась агитация за возвращение в СССР, пропагандировались достижения социалистического строя, разоблачались те литераторы, которые в годы Второй мировой войны сотрудничали в нацистских изданиях.

Заметим, что активность Союза советских патриотов в борьбе против коллаборационистов вызывала отторжение даже у некоторых представителей эмигрантской интеллигенции, симпатизировавших СССР и занимавших в годы войны антинацистскую позицию. Характерна, например, позиция Н.А. Бердяева. В своих мемуарах он рисовал очень сложную картину ситуации в Париже в первые месяцы после освобождения от немцев: «Были неприятные впечатления в связи с расправами, с актами мести. Арестовывали много русских уже по обратным причинам, чем когда арестовывали немцы... Атмосфера продолжала оставаться тяжелой. В годы оккупации в русской среде было отвратительное приспособление к немцам, которое должно быть характеризовано как измена. Теперь началось обратное приспособление к почти неизвестному и плохо понятому коммунизму, к советскому посольству. Иногда это были те же лица. Мало было достоинства и свободы»¹⁰². Иными словами, великий русский философ обратил внимание на тот факт, который уже отмечался в данной работе: активными «советскими патриотами» нередко становились некоторые из тех русских парижан, кто в годы немецкой оккупации сотрудничал с нацистами. Разоблачая других коллаборационистов, они нередко сводили личные счеты, стремились «затушевать» свою работу на оккупантов.

На первом этапе деятельности ССП особое внимание уделялось проблеме сохранения и пропаганды русского культурного наследия. Ориентировавшиеся на Советский Союз эмигранты полагали, что на Родине был постепенно ликвидирован сформировавшийся после революции 1917 г. разрыв культурной традиции, и эту тенденцию возвращения к истокам русской культуры необходимо поддерживать. Именно на это были нацелены и Пушкинский вечер, и лекции о «Слове о полку Игореве», проведенные Союзом в начале 1946 г. Патриотические мотивы, отчетливо заметные во многих мероприятиях

ССП, привлекали даже тех российских эмигрантов, кто не был согласен на то, чтобы полностью признать существовавший в Советском Союзе политический режим. Так, достаточно широкий резонанс вызвал литературный вечер, организованный редакцией «Советского патриота» летом 1946 г., в котором, в частности, приняли участие приехавшие из СССР И. Эренбург и К. Симонов. Присутствовавшая на вечере известная поэтесса И.В. Одоевцева позднее вспоминала, что пришла на мероприятие из-за личности К. Симонова: «Симонова мне непременно хотелось повидать из-за его строчки “Жди меня...” и – главное – из-за его стихотворения, покоровшего все русские сердца, и мое в том числе – “Ты помнишь, Алеша...”»¹⁰³.

Однако, анализ источников показывает: постепенно происходила все большая идеологизация содержания мероприятий ССП. Если в 1945 – начале 1946 гг. основной акцент делался на патриотические ценности, формирование на Родине сильного государства, которое смогло провести экономическую модернизацию, то впоследствии тон выступавших несколько изменился. На наш взгляд, неслучайно, что в ноябре 1946 г. в Парижском отделении ССП начал читаться цикл лекций по диалектическому материализму¹⁰⁴. Очевидно, в тот период посольство СССР, с которым Союз советских патриотов был тесно связан, поставило задачу усилить идеологический контроль над ориентировавшейся на Советский Союз частью Русского Парижа.

Посольство СССР во Франции и связанные с ним лидеры ССП стремились к тому, чтобы окончательно изолировать просоветски настроенную эмиграцию от остальных деятелей российской диаспоры. В феврале 1947 г. на очередном съезде ССП было принято решение о переименовании организации в Союз советских граждан (ССГ) во Франции. Иными словами, ставилась задача превращения этой структуры из союза эмигрантов, симпатизировавших происходившим на Родине переменам, в полностью подконтрольное посольству СССР объединение. По нашему мнению, этот шаг имел для многих русских парижан негативные последствия, поскольку фактически ставил их вне эмигрантских структур. Закономерно, что уже в марте 1947 г. прошло получившее широкую известность собрание Союза русских писателей и журналистов в Париже, на котором его генеральный секретарь, убежденный антиком-

мунист В.Ф. Зеелер предложил исключить из Союза всех советских граждан.

Однако, такая непримиримость по отношению к ориентировавшимся на Советский Союз литераторам была негативно встречена значительной частью эмигрантской общественности. Не следует игнорировать тот факт, что симпатии к Советскому Союзу, освободившему значительную часть Европы, проявляли в этот период многие видные деятели культуры Русского Парижа. Духовная атмосфера Русского Парижа первых послевоенных лет отнюдь не укладывается в жесткие рамки антикоммунизма. Характерно, что против упомянутого выше предложения В.Ф. Зеелера об исключении советских граждан из эмигрантского сообщества выступили такие известные литераторы, как Г.В. Адамович, И.А. Бунин, А. Бахрах, В. Варшавский, Д. Кнут, С.К. Маковский, А.М. Ремизов, Ю.К. Терапиано, Л. Червинская и др., заявившие о своем выходе из Союза русских писателей и журналистов¹⁰⁵. Они полагали, что такое исключение из союза лиц свободных профессий по политическим мотивам несовместимо с теми принципами, на которых основывалась культурная жизнь Русского Парижа. Фактически В.Ф. Зеелер и поддерживавшие его антикоммунисты, вольно или невольно, но способствовали той самой тенденции изолировать эмигрантов, принявших советское гражданство, от остальной диаспоры, на что была нацелена и политика посольства СССР в Париже. В обстановке «холодной войны» пребывание во Франции активных членов просоветской организации постепенно становилось невозможным. Уже в ноябре 1947 г. лидеры Союза советских граждан были арестованы, а в январе 1948 г. французское правительство распустило ССГ и запретило газету «Советский патриот».

Вместе с тем, далеко не все представители Русского Парижа, начавшие в годы войны более позитивно относиться к СССР, вошли в Союз советских патриотов. Открытая связь этой организации с посольством СССР, изображаемая «Советским патриотом» картина процветания советского общества, нереальность которой была очевидна для многих в российской диаспоре, вызывали отторжение у части эмигрантов. Показательны, например, высказывания по этому поводу Н.А. Бердяева, заметившего: «Советскую власть я считал единственной русской национальной властью, никакой другой нет,

и только она представляет Россию в международных отношениях. Я не могу поставить себя вне судьбы своего народа, оставаясь на высоте каких-нибудь отвлеченных либерально-демократических принципов. Но когда Союз советских патриотов заявил о безоговорочном принятии Советской власти и режима в Советской России, то это меня возмутило. Человек не должен никакой власти безоговорочно принимать, это было бы рабским состоянием»¹⁰⁶. Многие из тех, кто стремился не к подчинению эмиграции влиянию советской пропаганды, а к реальному примирению ее с Родиной, правительство которой также должно было проявить склонность к компромиссу, примкнули к Объединению русской эмиграции для сближения с Советской Россией, инициатором создания которого был видный в прошлом кадет В.А. Маклаков. Лидеры Объединения надеялись на то, что политический режим в СССР действительно переживает существенную трансформацию в сторону усиления патриотических элементов, причем эта эволюция еще более усилится после победы над Германией. Именно В.А. Маклаков и его соратники А.С. Альперин, М.М. Тер-Погосян, Е.Ф. Роговский, Д.Н. Вердеревский (все – видные представители «старой» эмиграции) и др. участвовали в получившем широкую известность визите эмигрантов к советскому послу во Франции в 1945 г., который является наиболее ярким свидетельством их стремления к компромиссу с правительством СССР. Однако, постепенно становилось очевидно, что глубокой трансформации политического режима в СССР не происходит, надежды части населения и зарубежных соотечественников оказались обманутыми. Это привело к изменению позиции некоторых бывших лидеров Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией, в частности, В.А. Маклакова, который постепенно избавился от надежд на сотрудничество с СССР. Реальная внутренняя и внешняя политика послевоенного СССР приняла такой характер, что многие надеявшиеся сразу после окончания войны на сотрудничество с покинутой Родиной эмигранты позднее стремились не вспоминать о своих настроениях того периода.

Между тем, идея о возможности сотрудничества Российского зарубежья с Советской властью на основе патриотических ценностей в первые послевоенные месяцы и годы пустила глубокие корни в среде российских эмигрантов не только

во Франции. В разных странах Европы подобные надежды питали даже некоторые критически настроенные по отношению к политическому режиму в СССР эмигранты. На наш взгляд, одной из духовных основ, на которых базировались подобные настроения, была имперская идея, концепция Великой России, новым воплощением которой становился Советский Союз. Особенно близки такие идеи были тем эмигрантам, которые многие годы отдали службе на благо Российской империи. Прекрасной иллюстрацией подобной психологии может быть стихотворение, написанное старым эмигрантом, бывшим дипломатом дореволюционной России А.Н. Мясоедовым в 1948 г.:

В Ведомстве Дел Иностранных
Спайка сложилась своя
Дома ли, в чуждых ли странах
Были мы все, как семья.
В дышло российской телеги
Все, как один, впряжены.
Дружно творили коллеги
Дело Великой страны.
Где бы мы ни были – Вена,
Рим или склоны Балкан,
Пыльные стены Мукдена,
Лондон, Стокгольм, Тегеран –
Цель оставалась все та же:
Родина – и для нея
Зорко стояла на страже
Бодрая наша семья.
Не были тщетны усилья
Годы текли без числа
Ширились русские крылья
Русская слава росла...
Буря на нас налетела
Все ураганы смели
Только одна уцелела
Сила Российской Земли.
Добротно строить умели
Предки – как твердый гранит
(Пусть изменилися цели)
Крепко Россия стоит (выделено мной. – прим. авт.).

С верой, в молчаньи суровом
Ждет возрождения час...
Добрый помянем мы словом
Старый Посольский приказ!¹⁰⁷

Заметим, что проживавший в Италии А.Н. Мясоедов отнюдь не был сторонником левых, коммунистических идей. Напротив, его отличала приверженность монархии и консервативным ценностям. Тем не менее, и он приветствовал укрепление Российского государства, рост его авторитета на мировой арене, о чем, по его мнению, свидетельствовали успехи Советского Союза.

В возможность сотрудничества с Советской властью на какое-то время поверил и старый друг А.Н. Мясоедова, его товарищ по Императорскому Александровскому лицезу Е.В. Саблин. Объясняя позднее свои настроения в то время, он в письме к А. Ноксу отмечал: «Во время войны я надеялся, что страдания и героизм русского народа смягчат сердце Сталина, или что внутри кремлевских деятелей поднимется тот, кто положит конец большевистским мировым планам»¹⁰⁸. Как показывают материалы его личной архивной коллекции, именно в годы Второй мировой войны Е.В. Саблин установил связь с советским посольством в Великобритании. О характере этой связи последний посол Российской империи в Лондоне писал в апреле 1944 г. А.П. Маркову: «Мои отношения с советским представительством здесь весьма дружественны, но с Послом я не встречался, а поддерживаю с ним связь через третье лицо, к посольству причастное. Это не для печати. Сношениями этими и Посол, и я вполне довольны»¹⁰⁹. Очевидно, Советское посольство в Великобритании дорожило контактами с главой российской эмиграции в стране, авторитетным старым дипломатом, имевшим связи с английскими политическими и деловыми кругами. Любопытно, что в одном из писем Е.В. Саблин обмолвился, что на свой юбилей он получил от посольства СССР неофициальный подарок – «русский старинный графинчик для водки и 12 кавказских черненых серебряных чарочек»¹¹⁰.

В одном из писем А.П. Маркову в том же победном для его Родины 1945-м году Е.В. Саблин, на наш взгляд, наиболее ярко сформулировал причины, которые его заставили занять

именно такую позицию: «В сущности говоря, я ныне занимаюсь тем, чем занимался всю мою жизнь, иначе говоря, защитой российских государственных интересов... Приходится писать меморандумы на текущие политические вопросы в связи с той антисоветской, чтобы не сказать антирусской – пропагандой, которая ведется здесь в некоторых английских кругах, подогреваемая польскими враждебными нам кругами»¹¹¹. В своей личной переписке того времени Е.В. Саблин постоянно подчеркивал: «К власти у нас (в СССР. – *прим. автора*) пришло правительство сильное и серьезное. Интересы своего отечества оно, конечно, будет соблюдать в полной мере». Однако, отмечал старый дипломат, такая политика встречала сопротивление западной (в частности, британской) политической элиты, поскольку «нас, русских, в Англии мало когда любили. Ныне нас любят еще меньше»¹¹². В такой ситуации бывший посол Российской империи в Лондоне считал необходимым делать все, что было в его силах, чтобы помочь дипломатическим представителям СССР отстаивать национальные интересы страны. Иными словами, именно патриотизм Е.В. Саблина, психология государственника привели старого дипломата Российской империи к сотрудничеству с посольством СССР.

Однако все это не должно создать впечатления того, что Е.В. Саблин полностью перешел на позиции «советского патриотизма». Как и многих эмигрантов, его продолжали одолевать сомнения. Примером таких сомнений патриотически настроенной эмиграции может служить и позиция старой деятельницы русского либерализма А.В. Тырковой-Вильямс. В январе 1945 г. в письме к Е.В. Саблину она заметила: «Сердце мое болело за Россию несчастную и готово радоваться России воскресшей. Но для меня не в силе Бог, а в правде. Сила там накоплена, а на что ее направят? Нечего и говорить, что я счастлива, что немцев выгнали из России, что сломлена дьявольская гордость Гитлера. Но и кроме него еще много дьяволов на свете. Я никогда не сомневалась, что Англия победит. Но само собой разумеется, мне и не снилось, какой победоносный героизм внесет в эту борьбу наш народ»¹¹³.

И все-таки сам Е.В. Саблин в первые месяцы после окончания Второй мировой войны был настроен скорее оптимистично, о чем свидетельствовали слова, написанные им в ответном письме к А.В. Тырковой-Вильямс в августе 1945 г.:

«У любезного нашего отечества сила, несомненно, накопилась, а вот насчет “правды” – тут у меня, как и у Вас, большие сомнения. И в то же время я глубоко верю, что спасение миру придет из России... Верю да и только. Правда, одновременно жалею, что Советы делают и промахи, и безобразия, и вообще ведут себя не по правде. Всякие роды трудны. Тем более трудны роды Свободы. Но будем надеяться на лучшее»¹¹⁴.

Однако, реальная политика Советского руководства вскоре заставила и Е.В. Саблина отказаться от подобных иллюзий. Уже в октябре 1945 г. в письме к С. Жуковскому он заметил: «Из попыток сближения с Советами, конечно, ничего не вышло. И не выйдет. Они сделаны из другого теста»¹¹⁵. Через месяц, в письме к А.В. Тырковой-Вильямс, старый дипломат выразился еще определеннее: «Для меня Россия, Советским Союзом ныне именуемая, продолжает быть моим Отечеством. Но нынешний режим в этом моем Отечестве я не одобряю»¹¹⁶. Несмотря на тяжелое материальное положение, Е.В. Саблин ответил решительным отказом и на предложение посольства СССР приобрести его музей и архив, подчеркнув в письме к А.А. Никольскому: «ЭТОГО (выделено Е.В. Саблиным. – прим. автора) я сделать не могу»¹¹⁷. И все-таки и в этой ситуации патриотические настроения Е.В. Саблина одерживали верх над антисоветскими взглядами: он указывал, что ему «неприятно и больно», когда некоторые эмигранты «науськивали» Запад на его Родину¹¹⁸.

Как уже отмечалось выше, стремление к принятию существовавшего в СССР строя наблюдалось у части эмигрантов, проживавших в странах Центральной и Восточной Европы. На наш взгляд, нет оснований считать, что такая позиция была исключительно вынужденной в связи с приходом к власти в этом регионе коммунистических правительств. Так, сотрудничал с советскими организациями, но лишь в 1960-е гг. вернулся в СССР другой видный деятель российской диаспоры в ЧССР Д.И. Мейснер. Думается, именно воспоминания Д.И. Мейснера свидетельствуют об искренности поворота многих проживавших в Восточной Европе эмигрантов в отношении к СССР. В отличие от некоторых других мемуаристов, публиковавших свои воспоминания в Советском Союзе, Д.И. Мейснер здесь не стремился показать, что полностью принял существовавший в СССР режим. Он прямо заявлял в заключении своей

книги: «Я хотел бы добавить, чтобы избежать недоразумений и недоговоренности: всем мною сказанным об умирании старой эмигрантской идеологии и о принятии новой жизни родины, о новом понимании Октябрьской революции я не хочу и не могу по совести сказать, что абсолютно все в современной России выглядит так, как мне того хотелось бы»¹¹⁹. Характерно и то, что Д.И. Мейснер не стремился к тому, чтобы полностью отмежеваться от своего прошлого, от старых товарищей по кадетской партии, а с большой симпатией писал о П.Н. Милукове, Ф.И. Родичеве и других русских либералах.

Очевидно, определенные симпатии к Советскому Союзу у некоторых эмигрантов, проживавших на подконтрольной социалистическим режимам территории, были вызваны положительными чертами формировавшегося здесь нового общества. Сочетаясь с негативными особенностями, эти черты, однако, были достаточно отчетливы для любого зарубежного соотечественника, чье мировоззрение не носило откровенно антикоммунистический характер, особенно, если у него была возможность сравнения их с ситуацией в капиталистических странах Запада. Очень интересно в связи с этим обнаруженное нами в архиве письмо бывшего члена дореволюционной Трудовой группы В.Б. Станкевича своему старому товарищу А.Ф. Керенскому, написанное из одного из лагерей «ди-пи» в 1946 г. Проживавший в 1930-е гг. в Литве В.Б. Станкевич в 1940–1941 гг. вынужден был провести два года на территории, вошедшей в состав СССР. После войны он все-таки уехал в США, печатался в антикоммунистической прессе. Тем не менее, он указывал в письме к А.Ф. Керенскому: «В советской России, несмотря на невыносимый политический гнет, выковырывается или выдавливается нечто поразительное. Я должен откровенно сказать, что, несмотря на весь неуют советской оккупации 1940–1941 гг., многое, что я тогда видел и слышал, подлинно захватило меня, и если бы не политическое рабство, то могло бы захватить всецело. Уверяю Вас, там не только “Зверь”, как Вы пишете, но хотя и искаженное, а все же подлинно новое, нужное и человеческое (пятилетки, социальное равенство, культ искусства)»¹²⁰. Этот фактор привлекательности социалистического общества, особенно для той части интеллигенции, которая и до революции 1917 г. находилась на левых политических позициях, также необходимо учитывать,

говоря о причинах положительного отношения части эмиграции к Советскому Союзу после Второй мировой войны.

В послевоенный период просоветские настроения были распространены среди части эмигрантов не только в Европе, но и на других континентах. В США члены российской диаспоры, придерживавшиеся таких взглядов, объединялись в основном вокруг газеты «Русский голос». Среди лидеров просоветской эмиграции выделялся бывший товарищ (заместитель) военного министра Временного правительства генерал В.А. Яхонтов, чья позиция во многом была обусловлена патриотическими настроениями. Последние были связаны для него с необходимостью поддержки существовавшей в СССР политической системы, обеспечивавшей сохранение сильного государства. Вместе с тем, решительными сторонниками сотрудничества с Советским Союзом стали и некоторые бывшие левые меньшевики, в частности, О.И. Доманевская, А.А. Югов и Б.А. Скоморовский. На наш взгляд, это было логическим завершением эволюции группы сторонников Ф.И. Дана, полагавших, что естественным союзником для левой социал-демократии являются коммунисты.

Особое место среди журналистов «Русского голоса», активно выступавших за сотрудничество с СССР, занимал известный художник Д.Д. Бурлюк, один из основоположников русского футуризма. Показательна характеристика Д.Д. Бурлюка, данная ему его ближайшим другом В.В. Маяковским в 1928 г.: «Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель»¹²¹. Д.Д. Бурлюк представлял собой тип представителя российской левой интеллигенции, воспринявшей события Октября 1917 г. как начало процесса подлинно революционных преобразований во все сферах жизни и прежде всего как исходную точку формирования нового искусства. Однако трагедия этих людей состояла в том, что реальное развитие советского общества в 1920–1930-е гг. пошло по линии все большего ограничения творческой свободы, доминирования социалистического реализма, который воспринимался футуристами как возвращение к консервативным направлениям в искусстве. Именно это вынудило Д.Д. Бурлюка уехать в США. Однако он продолжал рассматривать себя в качестве проводника идей нового искусства,

пропагандиста коммунистического общества в капиталистическом мире.

Эмигранты из дореволюционной России и восточных районов Польши 1920–1930-х гг. были основной опорой просоветской части эмиграции в странах Латинской Америки. После Второй мировой войны большинство из них приняли советское гражданство, называли себя «советской общественностью», активно сотрудничали с дипломатическими представительствами СССР¹²². Однако начало «холодной войны» привело к запрещению деятельности Славянских союзов в Аргентине, Бразилии, Парагвае, а также других организаций, ориентировавшихся на СССР. Лидеры этих структур (в частности, П.П. Шостаковский) были арестованы и высланы в Советский Союз¹²³. Такая политика властей латиноамериканских государств вызвала одобрительную реакцию антикоммунистической эмиграции в этом регионе. Так, известный деятель НТС Е. Мамуков, приветствуя роспуск Всеславянского комитета в Аргентине, заявлял: «Наконец положен предел преступной деятельности организации, именующей себя всеславянской и порочащей подлинные чувства и стремления славянских народов»¹²⁴.

Важной проблемой является пропагандистская деятельность антикоммунистических эмигрантских организаций среди советских граждан. Стремление политических организаций Российского Зарубежья вести пропаганду своих идей среди советских граждан было обусловлено осознанием их лидерами того, что даже военная помощь со стороны иностранных государств не могла быть единственным фактором, который бы обеспечил ликвидацию существовавшего в СССР политического режима. Перерастание «холодной войны» в фазу крупномасштабного вооруженного конфликта, о возможности чего писали многие эмигрантские политики, не могло сыграть своей роли катализатора антикоммунистического восстания в СССР, если бы в политическом сознании советского общества параллельно не произошли бы существенные изменения. В противном случае, жители СССР восприняли бы Запад и сотрудничавших с ним эмигрантов как оккупационные силы, что могло стать причиной формирования движения народного сопротивления. Эмиграция стремилась опереться в своей борьбе против коммунистического режима на население СССР,

трансформировать его идейно-политические установки. Именно для этого необходимо было «проникнуть» в Советский Союз, создать на его территории свои структуры.

Фактически единственной довоенной политической организацией эмиграции, продолжавшей активную деятельность и после Второй мировой войны, был НТС. Для российских солидаристов, исходивших из стратегии подготовки народной революции в СССР, контакты с его гражданами, создание своих подпольных структур были особенно важными. Его довоенная деятельность в этом направлении не привела к необходимым НТС результатам. Известно, что из 19 членов НТС, перешедших нелегально границу СССР в 1938–1940 гг., шестеро, очевидно, погибли при ее переходе, а еще четверо были быстро арестованы (один из них – В. Чеботарев – впоследствии перевербован советскими спецслужбами), несколько человек через некоторое время также оказались в лагерях. Практически никому из них не удалось закрепиться на нелегальном положении на длительное время. Одним из исключений является судьба И. Хлобыстова, который в годы Великой Отечественной войны был призван в армию, дошел до Берлина, а после демобилизации создал в Горьком группу НТС, раскрытую через несколько лет МГБ¹²⁵. Однако подобные случаи были единичными.

Как уже отмечалось, НТС использовал захват вермахтом советской территории для создания там своих структур. Однако, те солидаристы, которые решили остаться на советской территории для продолжения нелегальной деятельности после отступления германской армии, в основном были быстро арестованы НКГБ. Между тем, следует подчеркнуть, что такой выбор делался многими из них под влиянием директив руководства НТС. Последнее на заключительном этапе войны пыталось подготовить почву для ведения подпольной антисоветской работы после окончания боевых действий, надеясь на создание в Советском Союзе сети своих организаций. Характерно, что в 1944 г., например, лидеры НТС призывали членов Союза из числа советских граждан «максимально вращая в местную жизнь и камуфлируя свои настроения, оставаться и ждать прихода советских войск»¹²⁶.

Видный деятель довоенного НТС Б.В. Прянишников позднее указывал, что считал «крупной и роковой ошибкой» эту

политику, практику поощрения подобных поступков со стороны послевоенного руководства Союза. Свою позицию он обосновывал анализом ситуации в послевоенном СССР, которая не способствовала антикоммунистической деятельности: «Победа над Германией повысила престиж сталинской власти... Война сблизила народ и власть»¹²⁷. Заметим, что подобные идеи Б.В. Прянишников высказывал не только впоследствии, когда стал очевиден крах надежд руководства НТС на революцию в СССР, но и в первые послевоенные годы. Так, на Втором поместном съезде Северо-Американского отдела Союза в 1953 г. он отмечал: «Листовки НТС исходят из существующего в Революционном штабе убеждения о наличии революционной ситуации в стране. Действительность же говорит об обратном – ни в армии, ни в стране ее нет. Есть другое – массовое неорганизованное недовольство, что никак не эквивалент революционной ситуации»¹²⁸. Бесспорно, позиция Б.В. Прянишникова и В.М. Байдалакова резко расходилась с теми оценками, которые давались в официальной прессе НТС первых послевоенных лет, где были заметны настойчивые попытки создать впечатление взаимного отчуждения власти и общества в СССР, существования почвы для революционного движения.

И в солидаристской прессе тех лет, и в более поздних трудах исторического характера деятели НТС стремились подчеркнуть, что советские граждане активно откликались на пропаганду идей Союза. Лидеры Марокканского отдела НТС в 1952 г., например, утверждали: «В наши ряды включаются люди на Родине. В Москве, Саратове, Ленинграде появились наши знаки»¹²⁹. А на пленуме Совета Союза в декабре 1952 г. уже подводился итог: «Союз далеко уже не эмигрантская организация. Чем дальше, тем больше и скорее будет наше дело претворяться во внутрироссийское»¹³⁰. На наш взгляд, подобными утверждениями лидеры Союза скорее выдавали желаемое для них за действительное. В условиях «холодной войны» НТС пытался использовать довоенный опыт попыток перехода через советскую границу. В солидаристской литературе называется имя В.М. Славнова, в 1952 г. ушедшего «на ту сторону» и в течение нескольких лет осуществлявшего подпольную работу в Ленинграде¹³¹. Между тем, очевидно, что включение стран Восточной Европы в социалистический лагерь привело

к тому, что осуществлять переход государственной границы СССР стало еще сложнее, чем в 1930-е гг.

Неудачей закончились попытки проникновения в СССР путем заброски парашютистов. Самым известным случаем такого рода были арест советскими спецслужбами и расстрел в 1953 г. группы, состоявшей из С.З. Горбунова, А.В. Лакно, А.Н. Макова и Д.Н. Ремиги. Их гибель вызвала широкий резонанс в среде российской эмиграции. О реакции лидеров НТС на известие о расстреле молодых товарищей свидетельствовали названия статей в солидаристской прессе: «Это на нас», «Наша боль»¹³² и т. д. Как отмечает в своих воспоминаниях нынешний лидер НТС Б.С. Пушкарев, после гибели этой группы парашютистов значительно ухудшились и отношения НТС с эмигрантскими молодежными организациями: «Родители стали считать, что НТС посылает молодежь на заведомую смерть. Следовал вывод: “Если я моего мальчика люблю, я его никогда в скауты не отдам, потому что скауты – это прямой путь в НТС, а оттуда его пошлют в Россию и там его убьют”»¹³³. В результате руководством Союза было принято решение о прекращении подобных акций.

Характеризуя методы агитационно-пропагандистской работы НТС, следует указать на использование им упрощенных лозунгов, рассчитанных на то, что потенциальной базой оппозиции в СССР являлась не только интеллигенция, но и те люди, которые не получили основательной общенаучной и гуманитарной подготовки. Характерно, что в 1951 г., например, Штаб Сектора пропаганды при Исполнительном бюро НТС запланировал выпуск следующих брошюр для распространения в СССР: «Кто такие враги народа и почему против них надо бороться (о коммунистах)», «Борцы за светлое будущее (об НТС)», «За что должен бороться крестьянин», «За что должен бороться рабочий»¹³⁴ и т. д. Такая вульгаризация основных лозунгов должна была, полагали лидеры Союза, способствовать популярности НТС среди представителей самых широких социальных слоев населения СССР.

Однако, на наш взгляд, снижение интеллектуального уровня публикаций деятелей Союза, уменьшение удельного веса в них непосредственной пропаганды идеологических принципов солидаризма приводило к тому, что оппозиция в СССР лишалась духовного «стержня». Тот факт, что пропаганда НТС

среди советских людей основывалась на «голом активизме», отмечал на Втором поместном съезде Северо-Американского отдела Союза в 1953 г. один из лидеров тогда еще внутрисоюзной оппозиции Б.В. Прянишников, указывавший, что в результате отказа от российского национализма – «неотрывной части идеологии НТС» – солидаристы дали возможность руководству СССР монополю эксплуатировать национальное самосознание населения нашей страны. Совершенно справедливо, на наш взгляд, и замечание Б.В. Прянишникова о неэффективности и неконструктивности исключительно негативной платформы: «Упор на “против чего”, вернее – “против кого”, упор на самую голую идею революционной борьбы... Крайняя бедность материалами, отражающими идеологическое лицо и душу НТС»¹³⁵.

Отношение российских эмигрантов к политическому режиму в СССР, их оценки его характера во многом являются решающими при определении места той или иной эмигрантской группировки в политическом спектре диаспоры. В российской эмигрантской прессе политическим процессам в Советском Союзе уделялось большое внимание, эта тематика занимала место на первых полосах газет и журналов.

Анализируя те оценки ситуации в Советском Союзе, которые встречались в работах эмигрантских мыслителей, нельзя не затронуть проблему источников их информации. Многие эмигрантские политики осознавали, насколько далеки они были от Родины, как слабо ориентировались в реальной ситуации внутри Советского Союза. Эмигрантские публицисты очень внимательно читали советскую прессу, анализировали статистические материалы, однако это не решало проблему полностью, поскольку для многих из них отсутствовала возможность побывать на Родине. Осознавая это, известный публицист Российского зарубежья Ф.А. Степун в 1948 г. писал: «Зная прекрасно политическую систему большевизма, зная факты и статистику, мы живой, теперешней России перед глазами все же не видим. Мы Россию не чувствуем»¹³⁶.

Часть эмигрантов после войны встала на откровенно просоветскую точку зрения, характеризуя существовавший в СССР политический режим как бесклассовый, где социальное единство народа, основанное на общности экономических и культурных интересов, закономерно обуславливало и общность

социально-политических идеалов. Именно это приводило, по их мнению, к тому, что в Советском Союзе отсутствовала база для функционирования многопартийной системы¹³⁷.

Необходимо подчеркнуть, что симпатии к такой модели политического устройства у части эмигрантов были обусловлены кризисом либерализма и институтов «формальной» демократии, который ярко проявился в Европе в 1920–1930-е гг., разочарованием населения в системе «партийных распрей и фракционных интриг»¹³⁸. В этих условиях, полагали, например, некоторые деятели российской диаспоры во Франции, «вне того пути, по которому идет Советская Россия, не могут быть построены ни реальная свобода, ни реальная демократия»¹³⁹.

Однако, некоторые эмигранты, отмечая негативные особенности политической системы в СССР, тем не менее, указывали на то, что ее формирование связано с теми процессами, которые происходили в мире и в сознании людей в XX в. Иными словами, политический режим в СССР был не исторической случайностью, а закономерным результатом общемировых процессов. Антикommунистическая эмиграция в первые послевоенные годы обвиняла в просоветских настроениях такого видного философа Российского зарубежья, как Н.А. Бердяев. Однако его отношение к политическому режиму в СССР было неоднозначным. Уже в 1946 г. в письме к княгине И.П. Романовой он указывал, что «готов защищать Советскую Россию» как свою родину, видит в ней и «правду», которую не хотели замечать многие антикоммунисты. Однако он признавался, что многое его – убежденного приверженца персонализма и противника тоталитаризма – «возмущало и отталкивало». Как и многим деятелям диаспоры, поверившим в возможность эволюции политического режима в СССР после Второй мировой войны, Н.А. Бердяеву довелось пережить глубокое разочарование, когда стало ясно, что эти надежды оказались напрасными. В своей «философской автобиографии» он писал: «После героической войны процессы, происходящие в советской России, протекли не так, как можно было надеяться. Свобода не возросла, скорее наоборот... Есть опасность национализма»¹⁴⁰.

Философ ощущал себя духовно одиноким в послевоенной диаспоре, поскольку, не занимая просоветских позиций, не

относился и к лагерю прямолинейных антикоммунистов. По-прежнему сложным было отношение Н.А. Бердяева к русской революции, которая привела к власти большевиков. В одной из своих последних работ он указывал, что в революции «догнивает то, что было гнило в старом дореволюционном строе. Этически нужно даже признать право на революцию, когда неправда старого права стала слишком великой и духовные основы старого строя разложились»¹⁴¹. Но трагедия России, полагал философ, состояла в том, что революция создала новую, «еще горшую», тиранию. Революционная стихия отрицала ценность свободы личности. Несмотря на это, Н.А. Бердяев не мог присоединиться к тем, кто был готов на применение любых средств в борьбе против политического режима в СССР. Наиболее четко Н.А. Бердяев выразил свою позицию в письме к И.П. Романовой в 1947 г.: «Я знаю, что свободы в России нет... И все-таки через ужасную революцию пробудились к исторической активности огромные массы русского народа, которые раньше находились во тьме». Он отмечал, что его отношение к Советской власти объективно является двойственным: «Она делает много дурного и непосредственно у меня к ней нет никакой симпатии. Но она является единственной исторической властью, принужденной защищать Россию перед лицом мира»¹⁴². Как известно, подобные идеи высказывались в эмиграции еще в 1920-е гг. в трудах некоторых философов-«сменовеховцев».

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в кругах антикоммунистической эмиграции значительная часть философов и публицистов, характеризуя политический режим в СССР, разделяли концепцию тоталитаризма. Неотъемлемой чертой тоталитарных режимов, как указывали эмигрантские публицисты, является массовый террор, целями которого были подавление инакомыслия и мобилизация населения на решение задач индустриальной модернизации. Отмечалось, в частности, что свое существование тоталитарная власть оправдывала тем, что она «ведет свой народ, свой общественный класс и даже все человечество к лучшему будущему», а именно диктатура позволит избежать «уклонений от этого пути»¹⁴³.

Одну из наиболее интересных попыток комплексного анализа существовавшего в СССР политического режима предпринял в конце 1940-х – начале 1950-х гг. известный деятель

НТС Р.Н. Редлих. Он, в частности, выступил против достаточно популярной теории (выраженной, например, в трудах Н.А. Бердяева), что коммунизм – новый вариант религиозной системы. Глубокое отличие между ними состояло в том, что всякое религиозное чувство – это ощущение «мира иного». Для любой религии земной мир – это не единственный мир. Вследствие этого для религиозного человека неприемлемо отношение к земному миру как к объекту для волонтаристских экспериментов, наличие людей, стоящих и над теорией, и над практикой, которые «прямо сейчас творят историю». В основе большевистской теории, по замечанию Р.Н. Редлиха, лежали материализм, монизм, детерминизм и гностицизм¹⁴⁴.

Однако любой непредвзятый аналитик, характеризую ситуацию в Советском Союзе, заметил бы глубокие противоречия между теорией и практикой. Они замаскировывались, по мнению Р.Н. Редлиха, с помощью т. н. «диалектического метода мышления»: «Советская жизнь наполнилась фикциями... В Советском Союзе никого решительно уже не возмущает, когда слова расходятся с делами... Мир советской теории – это мир мифов и фикций». Поэтому, коммунистическая доктрина – это «псевдорелигия», т. к. большинство населения, полагал эмигрантский мыслитель, внутренне в нее не верит¹⁴⁵.

Анализируя сознание советского человека, российские солидаристы указывали, что оно не находится под полным воздействием официальной пропаганды, которая, за редким исключением отдельных произведений литературы и искусства, «никуда не годится и решительно ни в ком не создает никаких убеждений». Сама ее организация носила ярко выраженный формально-бюрократический характер. На практике жизнь в СССР состояла из «действий, имеющих исключительно ритуальное значение» (выборы в Верховный Совет и т. д.). Даже язык в СССР был «окрашен лицемерием», т. к. господство «фикций» делало его «изумительно удобным для пустословия»¹⁴⁶. При этом следует отметить, что, как справедливо указывали Н.И. Осипов и Р.Н. Редлих, создаваемые коммунистической пропагандой мифы и фикции выполняли важную функциональную нагрузку: «они суть условные формы приказа, выполнение которых совершенно обязательно». Например, внедрение в массовое сознание мифа о «капиталистическом окружении» означало указание на необходимость подготовки к войне.

Вместе с тем, господство мифов и фикций в советском обществе могло существовать лишь до определенного предела. Как отмечали эмигрантские публицисты, когда разрыв между теорией и практикой становился «бытом», «нормой», то наступала «смерть большевизма», т. к. фикции «оголялись», мифы теряли последние остатки «вероподобного» отношения к ним. По мнению антикоммунистических философов, этот процесс развивался уже в 1950-е гг.

Анализируя структуру сознания советского человека, Н.И. Осипов и Р.Н. Редлих выделяли в ней три основных яруса: «явный» ярус, «тайный» ярус и некий «придаток» – «сознательность». При этом явный ярус также делился на показное и внутреннее отношение к власти. Внутреннее отношение к власти определялось вытеснением в область подсознания («тайный ярус») ненависти к коммунистическому режиму вследствие крайней опасности этого чувства для его носителя. Эмигрантские публицисты подчеркивали, что это нельзя назвать верой, а можно охарактеризовать лишь как стремление к лояльности власти, чтобы избежать репрессий. Именно поэтому деятели НТС считали ошибочной точку зрения старой эмигрантки, известного политика дореволюционной России Е.Д. Кусковой, полагавшей, что советские люди искренне верят в справедливость коммунистического режима, однако некоторые из них (например, участники власовского движения в годы войны) впоследствии разочаровываются в своей вере. Н.И. Осипов и Р.Н. Редлих указывали, что Е.Д. Кускова – «типичнейшая представительница XIX в., либералка каждым нервом, каждой клеточкой своего организма», которая наивно переносила «структуру своей души» на своих собеседников из числа советских людей, зачастую искренних, но «себя до конца не понимающих»¹⁴⁷.

В качестве важного элемента структуры сознания советского человека, как полагали деятели НТС, выступала «сознательность» – комплекс мыслей и чувств, которые власть считала обязательными. Фактически она представляла собой область лицемерия, которая с помощью фикций оказывала давление на явный ярус сознания.

Такая сложная структура сознания советского человека приводила к тому, что, как отмечали эмигрантские публицисты, последовательные и сознательные враги режима в СССР

почти всегда являлись «циниками», скептиками и релятивистами. Лишь немногие из них осознали, что, отрицая зло, они «поднимаются до добра»¹⁴⁸.

Один из идеологов НТС Р.Н. Редлих в своих работах принял и анализ различных групп советского общества. Так, интересно выделение им «актива» – добровольных и «наиболее рьяных агентов» власти. Они представляли собой внешнее выражение идеологемы («фикции», по терминологии Р.Н. Редлиха), что коммунистическая партия – это не аппарат насилия, а лишь «передовой отряд рабочего класса». Для советского активиста характерно не то, что он являлся членом партии, а то, что он был инициативным работником и патриотом своей страны. Подавляющее большинство активистов «не хотело видеть того, что они творили». Справедливо мнение Р.Н. Редлиха о том, что активизм являлся для советской молодежи прежде всего формой реализации ее жажды деятельности, здорового честолюбия, интереса к конкретному делу. В качестве альтернативы молодые люди видели лишь «серую жизнь» рядового советского обывателя, «скучную службу». Поэтому принадлежность к активу во многом была естественным выбором для молодого человека. Помимо «актива», важной опорой коммунистического режима в СССР, безусловно, являлись работники аппарата. Для них, по мнению Р.Н. Редлиха, было характерно отсутствие политических убеждений, идейности: «Политических настроений в этой категории людей меньше, чем где бы то ни было. Коммунистическая партия есть для них не более, чем место службы»¹⁴⁹. При этом неверно было и представление о том, что именно аппаратчики – это элита советского общества. На практике они обычно являлись лишь покорными исполнителями, полностью зависевшими от службы.

Р.Н. Редлих подчеркивал, что аппарат в СССР неоднороден. Среди работников советского (а не партийного) аппарата было много очень квалифицированных специалистов, которые отчетливо видели пороки советской системы. Именно эти «аппаратчики поневоле» и могли стать, по мнению НТС, той силой, на которую можно было опереться в антикоммунистической борьбе. Деятели же власовского АЦОДНР полагали, что монолитным единством не являлся и партийный аппарат в СССР. В результате массовых репрессий конца 1930-х гг. и изменений военного времени он пополнился новыми людьми,

выходцами из других социальных групп, которые были «менее заражены коммунистической доктриной», чем старые большевики. Многие из них испытывали, по мнению власовцев, «глубокие сомнения» относительно правильности политики коммунистической партии¹⁵⁰.

Дискуссионным в кругах российской антикоммунистической эмиграции являлся вопрос о политических настроениях населения в СССР. Безусловно, эмигрантам хотелось надеяться на то, что значительная часть населения являлась противниками существовавшего режима. Многие эмигранты-антикоммунисты верили в наличие в Советском Союзе социально-политической базы для восстания против власти. Так, например, деятели СБОНР заявляли, что коммунистическому правительству «абсолютно не удалось создать какого-либо единства народа с властью». Наоборот, полагали они, история «еще не знала режима, более ненавидимого собственным народом». Именно в этом им виделось коренное отличие коммунистической диктатуры от фашистской¹⁵¹. С этой точкой зрения был согласен известный деятель НТС А.С. Казанцев, подчеркивавший, что русский народ в течение тридцати лет находился в состоянии «гражданской войны» против «оккупировавшей страну» власти, которая была абсолютна чужда народу. Поэтому оппозицией в Советском Союзе являлся, по его мнению, «весь народ», за исключением административно-полицейского аппарата. В атмосфере «психологической газовой камеры», когда отсутствовали реальные возможности для оппозиционных действий, выработались особые методы политического сопротивления (мелкие акты вредительства, антисоветские анекдоты и т. д.)¹⁵². А лидеры Марокканского отдела НТС в 1952 г. уже заявляли: «Что революция в России – реальная возможность, мы можем теперь говорить на основании нашего опыта»¹⁵³.

Однако, такова была интерпретация взаимоотношений власти и общества в СССР лишь некоторых эмигрантских публицистов. Используя концепцию тоталитаризма, их оппоненты указывали на определяющую роль пропагандистского аппарата государства в формировании политических представлений населения. Кроме того, эмигрантский публицист О.В. Анисимов отмечал, что политическая атмосфера в СССР накладывала «печать известной стандартизации» на все общество. Важным

являлся его вывод о том, что в этих условиях стирались все «полутона» в идейных установках человека, выбор ограничивался между «громким “да” и тайным “нет”». Именно поэтому даже оппоненты коммунистической власти фактически стремились к воспроизводству уже существующей политической модели, выступая за то, чтобы заменить «партию злодеев» на «партию хороших людей», не осознавая необходимости замены самого механизма функционирования политической власти¹⁵⁴.

Известная деятельница первой послереволюционной волны эмиграции Е.Д. Кускова в многочисленных статьях 1940–1950-х гг. ставила важную проблему ответственности народа и составлявших его социальных групп за существовавший в СССР политический режим. В 1948 г., например, она справедливо отмечала, что коммунистическое правительство, «каким бы террористическим способом оно ни правило», не могло бы в течение тридцати лет удерживать власть, если бы оно не имело поддержки значительной части населения¹⁵⁵. А уже в начале 1950-х гг. Е.Д. Кускова указывала, что необходимо изживание русским народом «иллюзий революции», одновременно отмечая: «Пока этого нет. А распинать Россию здесь, на иностранных платформах, и легко, и мало полезно»¹⁵⁶. Она подчеркивала, что анализ ситуации в СССР не свидетельствовал о существовании в стране революционной ситуации, для чего была необходима трансформация психологических установок населения. Однако, к началу 1950-х гг. народ еще продолжали «взнуздывать правители»¹⁵⁷.

Именно умелое использование большевиками пропагандистского аппарата, по мнению части эмигрантов, приводило к тому, что даже в случае начала Третьей мировой войны с США и западным блоком большевикам удалось бы сохранить контроль над населением. Как указывал Б.В. Прянишников в письме к Р.П. Рончевскому в 1952 г., в период Второй мировой войны коммунистическое руководство СССР приобрело «совершенно исключительный опыт по психологическому состоянию нашего народа»¹⁵⁸. Используя патриотические настроения людей, власть могла добиться их консолидации в борьбе против общего врага.

Характеризуя политический режим в СССР, эмиграция неизбежно обращалась к проблеме исторической обусловленности

его специфических черт. Среди части западных интеллектуалов было распространено мнение, что Советский Союз является историческим преемником Российской империи, а политическая культура русского народа исключает возможность функционирования демократических институтов. Характеризуя эту позицию, известный поэт Серебряного века Г.В. Иванов указывал: «Была “охранка” – есть МВД. Был “империализм царей” – есть сталинский империализм»¹⁵⁹. Бесспорно, зачастую такая вульгаризация фактов прошлого России, надуманные аналогии были связаны с отсутствием у некоторых западных авторов глубоких познаний в истории нашей страны. В этом трудно упрекнуть одного из крупнейших мыслителей России XX в. Г.П. Федотова. Однако и он, либерал-демократ по своим взглядам, характеризую советского человека, писал в 1945 г.: «Он предан власти, которая подняла его из грязи и сделала ответственным хозяином над жизнью сограждан. Он готов заморить себя работой, и его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив: партию или родину... Не узнаем ли мы во всем этом служилого человека XVI в.?»¹⁶⁰. Именно этот вывод о глубокой исторической обусловленности существовавшего в Советском Союзе политического режима заставлял Г.П. Федотова сомневаться в возможности его радикальной демократизации. Русский мыслитель приходил к выводу, что большинство населения в СССР не стремится к либерализации общественной жизни: «Немало советских людей повидали мы за границей. Почти ни у кого мы не замечаем тоски по свободе... Большинство даже болезненно ощущают свободу западного мира как беспорядок, хаос, анархию. В России ценят дисциплину и принуждение, не верят в значение личного почина»¹⁶¹. Таким образом, социальная база демократических реформ в Советском Союзе оказывалась крайне узкой.

Как было показано выше, особую позицию в первые послевоенные годы занимал Н.А. Бердяев. Но и он, как известно, немалое место в своих работах уделял проблеме исторической обусловленности политического режима в СССР. Наибольшую известность получила его более ранняя работа «Истоки и смысл русского коммунизма». Однако и в труде «Русская идея» философ немало писал о тесной связи большевистской России с русской мессианской идеей, которая, впрочем, как и в концепции «Москва – Третий Рим», здесь искажалась, поскольку гипертрофировалась роль государства¹⁶².

Однако, большинство российских эмигрантов весьма критически воспринимали тезис о жесткой детерминированности авторитаризма и тоталитаризма в России. Известный историк М.М. Карпович, например, подчеркивал принципиальное отличие коммунистической диктатуры от самодержавия в том, что последнее даже в периоды своего высшего могущества не было ни «идеократией», ни «полицейским государством». Российскому самодержавию не были присущи черты тоталитарного государства. Оно не обладало столь развитым аппаратом принуждения и пропаганды, какой имела диктатура в СССР¹⁶³. Интересный тезис о том, что послевоенный Советский Союз являлся не «эманацией» старой России, а лишь ее «сознательной имитацией», выдвинул Ф.А. Степун¹⁶⁴.

Однако, эмиграция не могла не заметить эволюции политического режима в СССР в направлении частичного возврата к «национально-исторической традиции», антитезе Россия – Запад. Это свидетельствовало о завершении революционного процесса, исчерпаниии тех тенденций, истоки которых находились в 1917 г., на что указывал, в частности, Н.С. Тимашев¹⁶⁵. Одновременно отмечалось, что именно революционный утопизм 1917 г. заложил основы для советской диктатуры, поскольку «непомерная гордыня», отрицание «космических законов» неизбежно приводили к превращению «спасителей человечества» в «кровожадных тиранов»¹⁶⁶.

Произошедшая за годы Советской власти эволюция ее отношения к историческому наследию России встречала разные оценки в среде российской эмиграции. Правомонархические круги полагали, что СССР представляет собой полный разрыв с традициями российской государственности, что проявлялось даже в изменении исторического названия страны – Россия – на «воровскую кличку» (по выражению, например, бывшего полковника Белой армии Н.П. Рыбакова) – СССР. Эту же тенденцию отражало и стремление власти сформировать новую историческую общность людей – советский народ¹⁶⁷. «Двурушнической» называли национальную политику Советской власти деятели НТС, отмечавшие, что если внутри страны велась «беспощадная борьба» с мусульманскими традициями, преследовались пантюркизм и панисламизм, то за рубежом руководство СССР позиционировало себя в качестве «защитника» стран Ближнего Востока от «происков англо-амери-

канского империализма». Вместе с тем, по мнению солидаристов, уже к началу 1950-х гг. был очевиден провал попытки использования властью патриотических лозунгов, поскольку культивируемый советский патриотизм оказался «тесной одеждой для угрожающе выросшего» русского патриотизма¹⁶⁸.

Вместе с тем, в среде российской антикоммунистической эмиграции было распространено и мнение о том, что проводимая коммунистическим руководством политика унификации является естественным продолжением национальной политики в Российской империи. Уже царское правительство делало все для того, чтобы народы империи не проявляли свою национальную идентичность. Именно поэтому усилия Советской власти, полагала эта группа деятелей антикоммунистической эмиграции, уже к началу 1950-х гг. принесли желаемый ею эффект. Майор власовской армии Ф.М. Легостаев в 1950 г. указывал, что национальные различия в СССР сглажены, а национальных проблем «практически не существует». Активной и ведущей силой в СССР, как и в Российской империи, выступал великорусский народ с «родственными ему во всем украинским и белорусским народами». Другие национальности, указывал Ф.М. Легостаев, благодаря достаточно разумной политике царского правительства и «очень гибкой» национальной политике в СССР, чувствовали себя в «семье российских народов не отщепенцами и не меньшими братьями», а вполне равноправными ее членами¹⁶⁹. Что же касается русского национализма, то он, по замечанию эмигрантского публициста И. Курганова, не противостоял советскому патриотизму, а целенаправленно стимулировался властью, являясь «побочной линией» советской национальной политики, важным инструментом идеологической подготовки народа к Третьей мировой войне¹⁷⁰. Именно этим целям служила политика сталинского руководства в конце 1940-х – начале 1950-х гг., известные постановления по вопросам культуры, борьба с «космополитизмом». Она, по замечанию Ю.П. Денике, была «так явственно заострена против Запада», что естественно напрашивалось объяснение ее как желание «вытравить вредное влияние» впечатлений, принесенных на Родину побывавшими в Европе в годы войны советскими людьми¹⁷¹. Одновременно особенностью пропагандируемого властью советского патриотизма был, как указывал известный эсер М.В. Вишняк,

его «инструментальный» характер, когда на первый план выдвигалась не любовь к Родине, а преданность Советской власти, т. е. определенному типу политического режима¹⁷².

Анализируя проблему отношения Советской власти к историческому наследию России, российская эмиграция неизменно обращалась к теме православной церкви в СССР. Данный вопрос уже становился предметом специального изучения¹⁷³. Известно, что эволюция государственной политики в церковном вопросе в Советском Союзе в 1940-е гг. встречала различную реакцию в эмигрантской среде. Правые силы в Российском зарубежье полагали, что следует разоблачать маневры коммунистического руководства в отношении православной церкви как шаги, направленные на обман не только верующих в СССР, но и общественного мнения на Западе¹⁷⁴. Бывшие офицеры Белой армии, например, характеризовали возрождение патриаршества как «подлейший подлог», который означал лишь «изменение приемов к уничтожению остатков Православия»¹⁷⁵.

Среди представителей левых политических течений в российской эмиграции достаточно распространенным был тезис о том, что эволюция советского режима идет в направлении реставрации дореволюционной политической системы. При этом отмечалось, что данная реставрация носит не только политический, но и социально-экономический характер. Как известно, идею «термидора» в 1920–1930-е гг. активно развивал Л.Д. Троцкий. Во второй половине 1940-х гг. этот тезис продолжала отстаивать его вдова Н.И. Седова, полагавшая, что в период Великой Отечественной войны сохранялась тенденция реставрации капитализма¹⁷⁶. Заметим, что подобные мысли высказывали отнюдь не только троцкисты, но и некоторые другие эмигранты из числа социалистов. По мнению, например, старого народовольца Ю. Делевского (Я.Л. Юделевского), в СССР в послевоенные годы завершался процесс формирования «новой аристократии», состоявшей из партийной номенклатуры, а также «верхушки армии и специалистов»¹⁷⁷.

Как уже было отмечено выше, в первые послевоенные годы часть эмигрантов выражала надежду на серьезные изменения в советском обществе. Е.Д. Кускова, например, в сказанных И.В. Сталиным в 1946 г. словах об исчезновении принципиальной разницы между коммунистами и беспартийными в СССР увидела свидетельство окончания существования пар-

тийного государства и постепенного «появления на сцене всего народа»¹⁷⁸. Большие надежды некоторые эмигранты возлагали на фронтовиков как потенциальных «новых декабристов», однако уже в марте 1946 г. известный в дореволюционной России деятель партии народных социалистов А.Б. Петрищев на основе анализа их выступлений в ходе выборов в Верховный Совет предостерегал от иллюзий: «Они знают, что надо охранять и почему надо охранять... Эмиграции эти новые советские люди едва ли понравятся». Вместе с тем, он справедливо указывал, что теоретически объективное развитие политических процессов может привести фронтовиков в лагерь оппозиции: ведь стал же консерватор М.В. Родзянко лидером думских критиков правительства Николая II в годы Первой мировой войны¹⁷⁹.

Однако, значительная часть старых политиков из лагеря российской антикоммунистической эмиграции даже в 1945 г., в момент наивысшего подъема в Российском зарубежье настроений «советского патриотизма» весьма скептически относилась к перспективам эволюции политического режима в СССР. Они полагали, что нет никаких оснований утверждать о наличии стремлений к демократизации в среде правящего слоя советского общества. Те же процессы, которые внушали некоторым эмигрантам подобные надежды, развивались скорее стихийно и, напротив, вызывали беспокойство партийной номенклатуры. Характерна в этом плане позиция старой деятельницы кадетской партии А.В. Тырковой-Вильямс. Еще в январе 1945 г., в письме к Е.В. Саблину (надеявшемуся, как было показано выше, на эволюцию сталинского режима), она указывала: «Россия жива, это самое главное. Но надо, чтобы ей дали жить жизнью достойной. Великого народа, достойной России. До сих пор оттуда даже слово “Россия” не доносится»¹⁸⁰. К концу победного для антигитлеровской коалиции 1945 г. скепсис А.В. Тырковой только усилился. Продолжая свой диалог с Е.В. Саблиным, уже в ноябре 1945 г. она писала ему: «Для меня нет сомнения, что там, в любезном отечестве, что-то происходит значительное, может быть, решающее. На этот процесс мы с Вами по-разному смотрим. Я считаю, что он совершается против желания власти и что теперь они дадут обратный ход, если смогут»¹⁸¹. Впрочем, как мы видели, к осени 1945 г. и сам бывший посол Российской империи в Ве-

ликобритании осознал, что власть в Советском Союзе отнюдь не поддерживает тенденции к подлинной демократизации существовавшего там политического режима.

Реальное развитие государственной политики в СССР в 1945–1953 гг. пошло по линии сохранения довоенной политической системы. Это вызывало недовольство части населения, на что указывала и российская эмиграция¹⁸². В конце 1940-х – начале 1950-х гг. И.В. Сталин и его окружение провели новую волну репрессий, целью которых были уничтожение в обществе надежд на реформы и возвращение полного контроля власти над ним. Одновременно, как указывала эмиграция, репрессии отражали обострение борьбы за власть в ближайшем окружении И.В. Сталина. Так, указывалось на то, что «Ленинградское дело» было «предвестником новой большой чистки», возглавлявшейся Г.М. Маленковым. Ее характер деятели Лиги борьбы за народную свободу даже сравнивали с большими московскими процессами 1936–1938 гг.¹⁸³. Однако, в итоге террор послевоенных лет оказался смягчен по сравнению с 1930-ми гг. Объясняя причины этого, известный солидарист Г.А. Хомяков (Андреев) указывал на фактор усталости населения от войны, охватившие людей чувства патриотизма и преданности Родине, что позволило власти реже применять репрессивные меры. Он же связывал с борьбой между группировками Г.М. Маленкова и А.А. Жданова «дело врачей» 1953 г.¹⁸⁴

Анализируя ситуацию в Советском Союзе после Второй мировой войны, российские эмигранты неизбежно обращались к вопросам его социально-экономического развития. Пристальное внимание многих эмигрантских газет и журналов к состоянию советской экономики обуславливалось тем, что от него зависело, выдержит ли Советский Союз «гонку вооружений», ставшую важной составляющей «холодной войны». Кроме этого, экономическая мощь СССР являлась, несомненно, важным фактором, способствующим привлекательности социально-политической системы социализма в глазах политической элиты стран «третьего мира». Существенную роль играли и показатели уровня жизни советских людей, так как они были связаны с вопросом о судьбах политического режима в стране, возможности в ней антикоммунистического восстания. Все эти аспекты проблемы приводили к тому, что анализ экономической ситуации в СССР занял на страницах эмигрантской прессы важное место.

Однако, нами уже отмечалось, что в российских диаспорах в различных странах мира, особенно в первые послевоенные годы, существовали группы, которые положительно воспринимали социально-экономическую и политическую систему СССР. Они обычно были тесно связаны с дипломатическими представительствами Советского Союза, активно участвовали в организуемых ими акциях, многие такие эмигранты в итоге вернулись в СССР. Находясь за границей, они видели свою миссию в том, чтобы способствовать пропаганде достижений советского общества. Это было наиболее характерно для деятелей Союза советских патриотов во Франции. В 1945–1946 гг. на многочисленных собраниях в различных городах страны они выступали с сообщениями о достижениях советской промышленности, внедрении прогрессивных методов обработки земли в колхозах и т. д. Интересно, что некоторые сторонники неонароднических идей из числа просоветски настроенных эмигрантов пытались провести параллели между общиной и колхозами, вновь возвращаясь к модели «русского социализма»¹⁸⁵. Для симпатизировавших Советскому Союзу эмигрантских публицистов было характерно также увязывание экономических достижений советского правительства с той социально-политической системой, которая существовала в стране. Они доказывали, что именно специфика этой системы, особая духовная атмосфера советского общества позволила ему решить те задачи индустриального развития, которые перед ним стояли. Характерно, например, что, объясняя достижения СССР в деле освоения северных районов, такие публицисты заявляли, что США и Канада никогда не смогут достичь этих же показателей. Причина этого – «для покорения Севера недостаточно располагать материальными средствами, нужны и люди, готовые на жертвы»¹⁸⁶.

Однако, после добровольного возвращения части лидеров Союза советских патриотов на Родину и высылки некоторых других французским правительством активность просоветской пропаганды во Франции значительно снизилась. Как указывалось выше, аналогичной была ситуация и в других регионах, в частности, в Латинской Америке.

В русскоязычной прессе Европы и Америки с конца 1940-х гг. доминировали сторонники антикоммунистических взглядов. Анализируя высказывания таких эмигрантов об эко-

номической ситуации в послевоенном Советском Союзе, следует учесть, что они сознательно концентрировали свое внимание на негативных сторонах советского общества, т. к. подобные факты подтверждали их концепцию о неэффективности социалистической модели хозяйства. В частности, большинство антикоммунистических публицистов неизменно подчеркивали отставание СССР по основным экономическим показателям от США: характерно, в частности, высказывание лидера послевоенного меньшевизма Р. Абрамовича о том, что к началу 1950-х гг. производительность труда в США в 8 раз превосходила аналогичный показатель для СССР¹⁸⁷.

Анализируя причины этого, эмигрантские публицисты обычно выделяли целую группу «органически присущих» социализму факторов, в т.ч. рост административно-хозяйственных и управленческих расходов из-за усиления планирования при социализме, бюрократизацию управления, низкую ответственность руководителя за коммерческую эффективность предприятия, отсутствие конкуренции и стимула для личной инициативы и др. Во многом следствием этого и были такие явления, как огромный процент брака в советской промышленности, «очковтирательство», «приписки», «штурмовщина» и т.д.¹⁸⁸. Публицисты «Посева» отмечали, что в Советском Союзе отсутствовали внутренние стимулы для внедрения достижений научно-технического прогресса в производство: «В механизации существует такой же формализм, как и в вопросах безопасности и охраны труда. Механизацией занимаются там, где это внешне эффективно, где можно пустить пыль в глаза»¹⁸⁹. Именно советская система планирования, как указывали эмигранты, породила и такие явления, как «плановый авантюризм», когда принятие решений происходило без учета интересов населения.

Вместе с тем, характеризуя планирование в СССР, некоторые эмигрантские публицисты не могли не отметить и того, что его существование не только было очень выгодно государственным органам, но и облегчало решение задач индустриальной модернизации. Сосредоточение в руках государства всех основных средств производства снимало значительную часть проблем в случае осуществления глобальных экономических проектов, т. к. Советское государство было избавлено от необходимости сочетания многочисленных частных интересов¹⁹⁰.

Именно государственные интересы были приоритетными, по мнению антикоммунистической части эмиграции, при проведении таких базовых экономических мероприятий последнего сталинского десятилетия, как денежная реформа 1947 г. и отмена карточек. Советское правительство заявляло, что денежная реформа была проведена в интересах основной массы населения, а пострадать от нее мог лишь узкий слой спекулянтов. Эмигранты-антикоммунисты иначе оценивали результаты реформы. По их мнению, в городах от нее в первую очередь страдали «нижние слои рабочих и служащих», сбережения которых были так невелики, что они держали их дома, а не в сберегательных кассах. Сильнейший удар нанесли реформа и по крестьянству, которое в массе своей держало деньги в «бессмертной крестьянской кубышке». Признавая, что подобную политику проводили в разные периоды истории и правительства других стран, деятели НТС вместе с тем стремились подчеркнуть, что «нигде ценность изъятых из обращения денег не была понижена на такой огромный процент, как в Советском Союзе, и ни одно из этих правительств не уверяло народ, что будто бы оно делает для него благо»¹⁹¹. В первые послевоенные годы особенно тяжелое положение сложилось в советском сельском хозяйстве, страдавшем, в том числе, и от низких закупочных цен на свою продукцию, отсутствия государственных инвестиций. В 1947 г., стремясь внушить населению надежду на скорое улучшение ситуации, правительство объявило о том, что в стране собран очень хороший урожай. Однако, С.М. Шварц на страницах «Социалистического вестника» доказывал, что советская статистика значительно преувеличивала размеры урожая 1947 г., который реально можно было оценить как «скромный»¹⁹².

Особенно сложное положение, как известно, сложилось в сфере животноводства, прежде всего в колхозном секторе. В конце 1940-х гг. правительство пыталось найти выход из ситуации с помощью усиления давления на частный сектор (сокращение кормовой базы и т. д.). Планировалась и покупка животных колхозами у населения по твердым ценам. Однако, полагали эмигранты, даже эти меры не могли позволить советскому животноводству вернуться к тому уровню, на котором оно находилось до начала массовой коллективизации¹⁹³.

Предпринимаемые советским руководством после войны реформы в сельском хозяйстве оценивались эмигрантами

в первую очередь как новые шаги на пути усиления государственной эксплуатации крестьянства. Именно этой цели служило, по их мнению, создание сети временных оросительных каналов вместо постоянных, так как отныне само существование крестьянства в ряде районов находилось в руках государства¹⁹⁴. Укрупнение колхозов в начале 1950-х гг., указывали эмигранты, также проводилось для того, чтобы «поставить во главе колхозов надежных людей, по преимуществу из партийцев, усилить ограбление колхозников во всех колхозах и ближе подойти к уравниванию крестьянства в тягле на государство и в нищете». Задача же создания животноводческих хозяйств, по мнению эмигрантов, относилась к числу второстепенных¹⁹⁵. Эмигрантские публицисты отмечали, что в данной реформе приоритетным являлся не технический, а социальный аспект: укрупняя колхозы, государство стремилось окончательно «выкорчевать» старый уклад деревенской жизни, разорвать «привычные соседские связи»¹⁹⁶. Вывод эмигрантов об усилении эксплуатации деревни в конце 1940-х – начале 1950-х гг. находит подтверждение и в работах современных российских историков, которые именно с этим связывают наступление пика социального протеста в виде «пассивного противодействия» крестьян политике власти (неуплата сельхозналога, отказ от отработки трудодней и т. д.)¹⁹⁷.

Эмигрантские публицисты обращали внимание еще на одну своеобразную форму недовольства сельского населения аграрной политикой власти: бегство из деревни в города. Непрестижность в обществе профессии агронома, например, вела к тому, что на селе в первые послевоенные годы ощущалась их нехватка, падало качество подготовки специалистов. Простые колхозники в рамках советской системы, по мнению эмигрантов, превращались в «законченных классовых рабов». Низкий социальный статус профессий сельских тружеников в послевоенном советском обществе проявлялся как в пренебрежительном отношении к ним партийных руководителей (о чем, по мнению эмигрантов, свидетельствовали некоторые речи Н.С. Хрущева в конце 1940-х гг.), так и в презрительном термине «колхозник», который звучал как синоним «отсталости, забитости и некультурности»¹⁹⁸. Проблема ухода в город талантливой сельской молодежи была в тот период столь остра, что на нее обратил внимание в одной из своих статей и известный русский философ И.А. Ильин¹⁹⁹.

Единственной возможностью для крестьянина проявить свою инициативу оставалось т. н. личное приусадебное хозяйство (ЛПХ). Несмотря на стремление власти по идеологическим и политическим соображениям ограничить его развитие, данный тип хозяйства и после Второй мировой войны продолжал активно функционировать. Неслучайно и особое внимание, которое проявил к ЛПХ в 1940–1950-е гг. известный эмигрантский экономист С.Н. Прокопович²⁰⁰.

Логическое завершение сталинская политика в отношении деревни нашла в последних статьях вождя перед XIX съездом ВКП(б), где, как указывал эмигрантский публицист Р. Врага, господствовала установка на окончательное «закабаление» крестьянства²⁰¹. Однако в эмиграции высказывалось и мнение о противоречивости теоретических положений, составлявших так называемое «политическое завещание Сталина». Отмечалось, что в статьях И.В. Сталина перед XIX съездом ВКП(б) выражалось отрицательное отношение вождя к форсированному уничтожению различий между городом и деревней (проект создания агрогородов), а также к окончательному превращению колхозников в сельскохозяйственных рабочих. Возможно, И.В. Сталин опасался, что подобные меры могли привести к массовому забою скота²⁰². Что же касается эмигрантских публицистов, то им был очевиден политический смысл этих проектов: высказывалось, например, мнение, что в агрогорода должны были попасть не все крестьяне, готовилась их «негласная чистка»²⁰³.

Отметим, что, резко негативно оценивая положение в сельском хозяйстве СССР, левая часть российских эмигрантов отнюдь не считала неэффективной колхозно-кооперативную форму собственности как таковую. Известный российский анархист Г.П. Максимов, например, указывал, что проблема состояла в том, что членство в колхозе являлось фактически принудительным, а сам колхоз являлся лишь звеном в бюрократической системе советской экономики. Поэтому необходимо было освободить колхозы, превратить их в вольные коммуны²⁰⁴. Таким образом, отношение к колхозам некоторых старых эмигрантов из числа подобных Г.П. Максиму лидером левых политических партий дореволюционной России было близко к их оценкам перспектив развития крестьянской общины в начале XX в.

Дисбаланс в структуре советской экономики, стремление любой ценой ускорить развитие военно-промышленного комплекса приводили к негативным последствиям для населения страны. В отечественной историографии уже высказано мнение, что именно эти факторы способствовали голоду в СССР в 1946–1947 гг.²⁰⁵ Однако в эмигрантской литературе встречаются и более резкие суждения о причинах этих трагических событий. Так, Г.П. Климов заявлял, что решающую роль сыграли не объективные факторы (диспропорции в структуре экономики СССР), а субъективные – прежде всего стремление ВКП(б) «взять народ еще крепче в свои руки», чтобы советские люди избавились от тех иллюзорных надежд на реформы, которые возникли у них в связи с корректировкой властью своей политики в годы войны. Таким образом, делал вывод известный советский «перебежчик», если раньше голод был стихийным бедствием, то «сегодня он – обдуманное орудие политики в руках Кремля»²⁰⁶.

Одним из основных проявлений кризисного состояния советской экономики после Второй мировой войны, по мнению эмигрантов, был низкий уровень жизни населения. Так, С.М. Шварц заявлял, что средний заработок советского рабочего ниже, чем у его американского коллеги «приблизительно в 10 раз или больше». На основании сложных подсчетов он же пытался сопоставить и уровень цен на основные продукты питания в СССР и США. Сравнение оказывалось не в пользу нашей страны: булка хлеба, в частности, стоила 50 минут труда советского промышленного рабочего. Аналогичный показатель для США, по подсчетам С.М. Шварца, был меньше почти в 4 раза²⁰⁷. При этом в среде антикоммунистической эмиграции высказывалось мнение, что такая ситуация являлась не следствием объективных факторов (в частности, Великой Отечественной войны), а была результатом сознательной политики ВКП(б). По их мнению, коммунистическое руководство СССР стремилось к тому, чтобы каждый человек постоянно чувствовал свою полную зависимость от власти. «Если бы большевики хотели, они бы одним постановлением, без ущерба для экономики, могли бы поднять вдвое жизненный стандарт»²⁰⁸, – заявлял представитель второй волны эмиграции из СССР Н. Иргизов. По нашему мнению, хотя определенная доля истины в этой оценке присутствовала, тем не ме-

нее, данный тезис не учитывал неэффективность самой модели хозяйствования в СССР, недостаточность для исправления ситуации паллиативных мер, на что указывали и сами эмигранты.

Наряду с констатированием низкого уровня жизни рабочих в Советском Союзе, антикоммунистическая часть диаспоры подчеркивала и тот факт, что они находились в полной зависимости от государства. Используя термин «государственное рабство», такие известные деятели российской эмиграции, как, например, А.В. Тыркова-Вильямс и П.А. Сорокин, писали о полной беспомощности наемных рабочих в СССР, подконтрольности профсоюзов государству²⁰⁹.

XIX съезд ВКП(б), работавший в 1952 г., был последним всесоюзным партийным форумом сталинского периода. Эмигрантская пресса уделила особое внимание анализу его экономических решений. Подчеркивалось, что они были направлены на усиление государственной эксплуатации рабочих для продолжения «гонки вооружений»²¹⁰. Следствием избранной властью экономической политики было отставание в СССР развития отраслей группы «Б» (в частности, хлопчатобумажной и шерстяной промышленности), что неизбежно вело к дефициту товаров народного потребления, росту объемов торговли, ведущейся через теневой сектор экономики. Анархистский публицист Ф. Герасимов справедливо указывал: «Это что-то невыразимое – какое количество труда и времени затрачивает советский потребитель, чтобы купить нужную ему вещь за свои трудовые деньги»²¹¹.

Российские эмигранты указывали, что острой проблемой советской экономики к началу 1950-х гг. был кризис трудовых ресурсов. Среди причин этой ситуации назывались прежде всего «неорганический» характер советской экономической системы в целом, отчуждение основной массы населения от средств производства в условиях государственной монополии, волюнтаристский характер планирования. Все это приводило к необходимости широкого использования труда заключенных, женского и детского труда. Именно нехватка трудовых ресурсов диктовала необходимость развивать систему ФЗУ, которые оценивались эмигрантами как «инкубаторы малолетних роботов», «даже более позорная форма рабства, чем концлагерь»²¹². Впрочем, называя причины нехватки трудовых

ресурсов в СССР в это время, по нашему мнению, следует указать еще на один важный фактор, о котором обычно забывала антикоммунистическая эмиграция – последствия Великой Отечественной войны.

Таким образом, отношение ведущих политиков и интеллектуалов Российского зарубежья к Советскому Союзу в этот период было весьма противоречивым. Очень многие русские эмигранты в годы Великой Отечественной войны искренне сочувствовали своей Родине, желали ей победы над германскими агрессорами. Некоторые из них, однако, весьма критически отнеслись к внутренней политике и внешнеполитической стратегии руководства СССР в первые послевоенные годы, полагая, что И.В. Сталин и его соратники должны были гораздо лучше распорядиться тем авторитетом, который страна заслужила после победы над фашизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Авксентьев Н.Д.* «Фронт мира» и Россия // *Современные записки* (Париж). 1939. Т. 69. С. 318.

² *Социалистический вестник*. Париж. 1939. № 16. С. 201–202.

³ *Абрамович Р.* Мировая война номер 2 // *Социалистический вестник*. 1939. № 16. С. 205.

⁴ *Дан Ф.* Под гром пушек // *Социалистический вестник*. 1939. № 16. С. 207.

⁵ *Социалистический вестник*. 1939. № 17. С. 217.

⁶ *Доманевская О.* Германо-советский пакт // *Социалистический вестник*. 1939. № 18. С. 237–238.

⁷ *Юрьевский Е.* Национальное и мировое в послевоенных перспективах // *Современные записки*. 1940. Т. 70. С. 239.

⁸ *Осоргин М.* Листки блокнота // *Последние новости*. 1940. 1 апреля.

⁹ *Последние новости*. 1940. 2 апреля.

¹⁰ *Последние новости*. 1940. 7 апреля.

¹¹ *Последние новости*. 1940. 2 апреля.

¹² *Последние новости*. 1940. 5 апреля.

¹³ *Новое русское слово*. 1941. 21 января.

¹⁴ *Новое русское слово*. 1941. 21 января.

¹⁵ *Новое русское слово*. 1941. 15 февраля.

¹⁶ *Новое русское слово*. 1941. 22 января.

¹⁷ *Новое русское слово*. 1941. 22 января.

¹⁸ *Новое русское слово*. 1941. 23 января.

¹⁹ *Аблова Р.Т.* Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945 гг.). – М., 1973. С. 330.

²⁰ См.: *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // *Славяноведение*. – М., 1992. № 4. С. 32.

²¹ См.: О чем не говорилось в сводках. Воспоминания участников Движения Сопротивления. – М., 1962. С. 441, 446.

²² См.: *Андреев В., Сосинский В., Прокиа Л.* Герои Олерона. – Минск, 1965. С. 10.

²³ См.: *Белкова Г.* Русские участники французских сил освобождения // *Русская мысль*. 1995. № 4077. С. 7.

²⁴ См.: «Судьба России важнее судеб эмиграции» // *Родина*. 1991. № 6–7. С. 104.

²⁵ См.: *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. – Нью-Йорк, 1956. С. 364.

²⁶ См.: *Вильде Б.* Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942. – М., 2005. С. 42.

²⁷ *Парижский вестник*. 1942. 21 июня.

²⁸ *Пятницкий Н.В.* Нужно понять... // *Парижский вестник*. 1942. 28 июня.

²⁹ *Пятницкий Н.В.* Красный спрут // *Парижский вестник*. 1942. 19 июля.

³⁰ *Парижский вестник*. 1942. 5 июля.

³¹ *Парижский вестник*. 1943. 26 июня.

³² *Парижский вестник*. 1944. 8 апреля.

³³ *Парижский вестник*. 1944. 8 апреля.

³⁴ *Илларионов М.* По этапам советской жизни // *Парижский вестник*. 1944. 8 апреля.

³⁵ *Жеребков Ю.С.* В решающий момент // *Парижский вестник*. 1944. 17 июня.

³⁶ *Парижский вестник*. 1944. 12 августа.

³⁷ *Деспотули Владимир Михайлович (1895–20.8.1977, Западная Германия). Редактор, публицист. В 1916–1919 гг. служил в русской армии в Персии и Грузии. Личный адъютант генерала Н.Н. Баратова на Турецком фронте. Сотрудник бакинской газеты «Единая Россия» и выходившей в разных городах Юга России газеты «Великая Россия». Из Константинополя выехал в Прагу, откуда направился в Берлин. Возглавил Клуб русских писателей и журналистов на Прагерплац (1923), печатался в газетах «Руль» и «Наш век» под псевдонимом Неллин. Сотрудник рижской газеты «Вечернее время» и варшавской «Молвы». Печатался в журнале «Иллюстрированная Россия» (Париж). В конце 1920-х гг. стал издавать газету «Новое слово». После прихода нацистов к власти получил, благодаря своему оругу Г. Лейббрандту, ставшему крупным чиновником, государственную поддержку газеты. Во время второй мировой войны редактировал также пропагандистские издания для населения оккупированных областей СССР. 6 сентября 1944 г. был отстранен от редактирования «Нового слова» и находился под домаш-*

ним арестом. При взятии Красной Армией Берлина арестован СМЕРШем и 11 лет находился в СССР в заключении. В 1955 г. вернулся в Берлин. Преподавал русский язык. После выхода его жены на пенсию переехал из Западного Берлина в Рейнскую область, где умер.

- ³⁸ Деспотули В. Десятый год издания // Новое слово (Берлин). 1942. 4 января.
- ³⁹ Новое слово. 1942. 11 января.
- ⁴⁰ Новое слово. 1942. 18 января.
- ⁴¹ Новое слово. 1942. 7 января.
- ⁴² Новое слово. 1942. 25 февраля.
- ⁴³ Новое слово. 1942. 11 марта.
- ⁴⁴ См.: Новое слово. 1942. 22 февраля.
- ⁴⁵ Новое слово. 1942. 8 февраля.
- ⁴⁶ Новое слово. 1942. 1 марта.
- ⁴⁷ Тарусский Е. Зимняя кампания // Новое слово. 1942. 25 января.
- ⁴⁸ Заря (Берлин). 1943. 3 марта.
- ⁴⁹ Заря. 1943. 7 июля.
- ⁵⁰ Заря. 1943. 9 июня.
- ⁵¹ Борисов Л. Что делать сегодня? // Заря. 1943. 17 марта.
- ⁵² Арбенин Е. Наше место – в бою // Заря. 1943. 7 апреля
- ⁵³ Гусев Ф., майор. Источники силы // Заря. 1943. 4 апреля.
- ⁵⁴ Заря. 1943. 4 июля.
- ⁵⁵ Заря. 1943. 9 июня.
- ⁵⁶ Самарин В. То, что большевики пытаются скрыть // Заря. 1943. 2 июня.
- ⁵⁷ Заря. 1943. 11 августа.
- ⁵⁸ Самарин В. То, что большевики пытаются скрыть // Заря. 1943. 2 июня.
- 2 июня.
- ⁵⁹ Заря. 1943. 9 июня.
- ⁶⁰ Заря. 1943. 8 августа.
- ⁶¹ Заря. 1943. 25 июля.
- ⁶² Заря. 1943. 11 августа.
- ⁶³ Новое русское слово. 1942. 1 января.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Новое русское слово. 1942. 2 января.
- ⁶⁶ Новое русское слово. 1942. 2 января.
- ⁶⁷ Новое русское слово. 1942. 5 января.
- ⁶⁸ Новое русское слово. 1942. 2 января.
- ⁶⁹ Вейнбаум М. На разные темы // Новое русское слово. 1942. 7 января.
- ⁷⁰ Новое русское слово. 1942. 8 января.
- ⁷¹ Новое русское слово. 1942. 15 января.
- ⁷² См.: Новое русское слово. 1942. 7 марта.
- ⁷³ Новое русское слово. 1942. 1 января.
- ⁷⁴ Храброва И. Ко всем, кому дорога Родина // Новое русское слово. 1942. 21 марта.
- ⁷⁵ Ерин Е.Ф. Мы с Россией и ее союзниками! // Новое русское слово. 1942. 10 января.

- ⁷⁶ Новое русское слово. 1942. 9 января.
- ⁷⁷ Новое русское слово. 1942. 16 января, 19 марта.
- ⁷⁸ *Путря Ф., полковник.* Концерт в помощь России // Новое русское слово. 1942. 3 января.
- ⁷⁹ См.: *Шостаковский П.П.* Путь к правде. Минск, 1960. С. 344.
- ⁸⁰ *Чепелев И., протоиерей.* Голос русского с острова Гаити // Новое русское слово. 1942. 15 января.
- ⁸¹ *Брейтман М.* Письмо из Гаити // Новое русское слово. 1942. 2 января.
- ⁸² См.: Новое русское слово. 1942. 13 января.
- ⁸³ *Поляков-Литовцев С.* Проблема России // Новое русское слово. 1942. 2 марта.
- ⁸⁴ Новое русское слово. 1942. 9 марта.
- ⁸⁵ *Сталинский Е.* Война, демократия и Россия // Новое русское слово. 1942. 3 марта.
- ⁸⁶ См.: *Вишняк М.В.* Демократизация на советский лад // Новое русское слово. 1942. 19 марта.
- ⁸⁷ *Сухомлин В.* Ответ «критическим оборонцам» // Новое русское слово. 1942. 5 марта.
- ⁸⁸ Социалистический вестник. 1944. № 1–2. С. 1–2.
- ⁸⁹ *Далин Д.* Без белил и румян // Социалистический вестник. 1944. № 1–2. С. 3.
- ⁹⁰ *Гарви П.* Смена гимна // Социалистический вестник. 1944. № 1–2. С. 6–7.
- ⁹¹ См.: *Аронсон Г.* О советской интеллигенции // Социалистический вестник. 1944. № 1–2. С. 17.
- ⁹² *Александрова В.* Судьбоносный год // Социалистический вестник. 1944. № 1–2. С. 13–14.
- ⁹³ Социалистический вестник. 1945. № 1–2. С. 1–2.
- ⁹⁴ *Абрамович Р.* Ялта и грядущий мир // Социалистический вестник. 1945. № 3–4. С. 25.
- ⁹⁵ Социалистический вестник. 1945. № 7–8. С. 73.
- ⁹⁶ См.: *Аурилене Е.Е.* Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е гг. XX в. (на примере Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи): Автореф.дис... канд.ист.наук. – Владивосток, 1996. С. 21;
- ⁹⁷ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 35762. Л. 29.
- ⁹⁸ УГАААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 33365. Л. 19.
- ⁹⁹ *Мерецков К.А.* На службе народу. – М., 1971. С. 439.
- ¹⁰⁰ См.: *Голдин В.И.* Роковой выбор. Архангельск-Мурманск, 2005.
- ¹⁰¹ *Абрамович Р.* Вопрос всех вопросов // Социалистический вестник. 1945. № 15–16. С. 159.
- ¹⁰² *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М., 1991. С. 339–340.
- ¹⁰³ *Одоевцева И.В.* На берегах Сены. – М., 1989. С. 195.
- ¹⁰⁴ Русское Зарубежье. Хроника... С. 166.

- ¹⁰⁵ См.: Русское Зарубежье. Хроника... С. 227, 231.
- ¹⁰⁶ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 340.
- ¹⁰⁷ LRA. MS 1285/1082.
- ¹⁰⁸ LRA. MS 1285/982.
- ¹⁰⁹ LRA. MS 1285/1042.
- ¹¹⁰ LRA. MS 1285/1324.
- ¹¹¹ LRA. MS 1285/1042.
- ¹¹² LRA. MS 1285/1045.
- ¹¹³ LRA. MS 1285/1324.
- ¹¹⁴ LRA. MS 1285/1324.
- ¹¹⁵ LRA. MS 1285/1376.
- ¹¹⁶ LRA. MS 1285/1326.
- ¹¹⁷ LRA. MS 1285/1111.
- ¹¹⁸ LRA. MS 1285/1326.
- ¹¹⁹ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. С. 293.
- ¹²⁰ PSH. V.B. Stankevic collection. Folder 1.
- ¹²¹ Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. – М., 1955. Т. 1. С. 20.
- ¹²² См.: Родной голос (Буэнос-Айрес). 1979. № 2. С. 4; № 33. С. 4; № 38. С. 4 и др.
- ¹²³ См.: Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1960. С. 350; Мо-сейкина М.Н. Русская диаспора в Латинской Америке в послевоенный период. Новый этап борьбы за выживание // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. С. 139 и др.
- ¹²⁴ Мамуков Е. Коммунистические хамелеоны // Вехи (Буэнос-Айрес). 1949. № 15–16. С. 2.
- ¹²⁵ См.: НТС: Мысль и дело. 1930–2000. С. 18.
- ¹²⁶ Рар Л.А., Оболенский В.А. Ранние годы. Очерк истории Национально-трудового союза (1924–1948). – М., 2003. С. 154.
- ¹²⁷ Прянишников Б.В. Новопоколенцы. – Силвер Спринг, 1986. С. 229.
- ¹²⁸ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.
- ¹²⁹ Африканские записки (Касабланка). 1952. № 1. С. 5.
- ¹³⁰ Байдалаков В. Состоялся съезд Совета Союза // За Россию (Франкфурт-на-Майне). 1953. № 1. С. 1.
- ¹³¹ См.: Долинин В.Э. Связь зарубежной организации НТС с оппозицией в Ленинграде. 1950–80-е гг. // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб., 2004. С. 75.
- ¹³² См.: За Россию. 1953. № 5. С. 1–4.
- ¹³³ Посев. 2002. № 12. С. 14.
- ¹³⁴ См.: ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.
- ¹³⁵ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 33. Л. 40.
- ¹³⁶ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб., 2000. С. 628.
- ¹³⁷ См.: Советский патриот (Париж). 1946. 11 января.
- ¹³⁸ См.: Оболенский С.С. О советской демократии // Русские новости. 1946. 1 марта.
- ¹³⁹ Советский патриот. 1946. 1 февраля.

- ¹⁴⁰ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 346.
- ¹⁴¹ Он же. О назначении человека. – М., 1993. С. 184.
- ¹⁴² «В четвертом измерении пространства...»: *Письма Н.А. Бердяева* к кн. И.П. Романовой // *Минувшее. Исторический альманах*. – М. – СПб., 1994. Вып. 16. С. 263.
- ¹⁴³ *Путь* (Гамбург). 1946. № 24. С. 1.
- ¹⁴⁴ См.: *Редлих Р.Н.* Культ Сталина // *Грани*. 1950. № 8. С. 138.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 140.
- ¹⁴⁶ *Осипов Н., Редлих Р.* Сознание и «сознательность» // *Грани*. 1951. № 11. С. 144.
- ¹⁴⁷ *Осипов Н., Редлих Р.* Сознание и «сознательность» // *Грани*. 1951. № 11. С. 148.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 151.
- ¹⁴⁹ *Редлих Р.* Работники большевистского аппарата // *Грани*. 1953. № 17. С. 137.
- ¹⁵⁰ См.: Бюллетень Антисоциалистического центра Освободительного движения народов России. 1948. № 1. С. 9.
- ¹⁵¹ См.: *Борьба*. 1948. № 9. С. 13.
- ¹⁵² См.: *Казанцев А.С.* Третья сила. С. 46.
- ¹⁵³ *Африканские записки*. 1952. № 1. С. 12.
- ¹⁵⁴ См.: *Анисимов О.В.* Советское поколение // *Новый журнал*. 1949. № 22. С. 112.
- ¹⁵⁵ См.: *Кускова Е.Д.* Шествие молодых... // *Новое русское слово*. 1948. 20 июня.
- ¹⁵⁶ *Кускова Е.Д.* О «ленивой пустоте Востока» // *Новое русское слово*. 1951. 15 июля.
- ¹⁵⁷ См.: *Кускова Е.Д.* Какой социализм? // *Новое русское слово*. 1951. 28 января.
- ¹⁵⁸ См.: ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 22. Л. 28.
- ¹⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 713, карт. 1. Д. 12. Л. 6.
- ¹⁶⁰ *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. – СПб., 1991. Т. 2. С. 300.
- ¹⁶¹ Там же. С. 299.
- ¹⁶² См.: *Бердяев Н.А.* Русская идея // *Мыслители Русского Зарубежья: Бердяев. Федотов*. – СПб., 1992. С. 226.
- ¹⁶³ См.: *Карпович М.М.* Разрушение иллюзий // *Новый журнал*. 1948. № 18. С. 161.
- ¹⁶⁴ См.: *Степун Ф.А.* Чаемая Россия. – СПб., 1999. С. 377.
- ¹⁶⁵ См.: *Тимашев Н.С.* Пути послевоенной России // *Новый журнал*. 1949. № 22. С. 202.
- ¹⁶⁶ См.: *Франк С.Л.* Ересь утопизма // *Новый журнал*. 1946. № 14. С. 152.
- ¹⁶⁷ См.: *Рыбаков Н.* О спасении русского народа и славянства // *Россия*. Нью-Йорк, 1946. 27 августа.
- ¹⁶⁸ *Мысль* (Франкфурт-на-Майне). 1953. № 2. С. 77.
- ¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 9. Л. 4.
- ¹⁷⁰ См.: *Курганов И.* Национальная проблема в России // *Новый журнал*. 1951. № 25. С. 273.

¹⁷¹ Денике Ю.П. Новая идеологическая политика // Новый журнал. 1948. № 19. С. 178.

¹⁷² См.: Вишняк М.В. Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. № 13. С. 179.

¹⁷³ См., напр.: Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX в. – М., 1995 и др.

¹⁷⁴ См., напр.: Российский гражданин – Русский клич (Уолдек). 1950. № 1. С. 2.

¹⁷⁵ Вестник Американского отдела РОВС (Нью-Йорк). 1948. № 6. С. 4.

¹⁷⁶ PISH. L. Ja. Dalin collection. Folder 1.

¹⁷⁷ См.: Делевский Ю. Социалистические искания // Новое русское слово. 1947. 31 марта.

¹⁷⁸ См.: Кускова Е.Д. За Синей птицей // Новое русское слово. 1946. 24 марта.

¹⁷⁹ См.: Петрищев А.Б. Слои советского консерватизма // Новое русское слово. 1946. 17 марта.

¹⁸⁰ LRA. MS 1285/1323.

¹⁸¹ LRA. MS 1285/1325.

¹⁸² См.: Русская жизнь (Сан-Франциско). 1946. 8 августа.

¹⁸³ См.: Грядущая Россия. 1950. № 18. С. 1.

¹⁸⁴ См.: Андреев Г. Борьба за власть и за свободу // Посев. 1953. № 4. С. 3.

¹⁸⁵ См.: Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1975. Франция. Т. 1 (5). 1940–1954. С. 136, 142, 163 и др.

¹⁸⁶ Варягин К.Ю. Индустриализация Крайнего Севера // Русские новости. 1947. 7 февраля.

¹⁸⁷ См.: Абрамович Р. Об основном // Социалистический вестник. 1950. № 6. С. 109.

¹⁸⁸ См.: Мысль. 1953. № 1. С. 78.

¹⁸⁹ Посев. 1951. № 7. С. 8.

¹⁹⁰ См.: Шварц С. «Большая Волга» // Новый журнал. 1946. № 13. С. 279.

¹⁹¹ Посев. 1948. № 7. С. 1.

¹⁹² См.: Там же.

¹⁹³ См.: Грани. 1950. № 10. С. 142.

¹⁹⁴ См.: Шварц С. Страшная реформа // Социалистический вестник. 1950. № 8–9. С. 155.

¹⁹⁵ См.: Народная правда (Париж). 1951. № 17–18. С. 14–15.

¹⁹⁶ См.: Николаевский Б. Новый поход против деревни в СССР // Новый журнал. 1950. № 24. С. 184; Иванцов Д. Новый поход на деревню и наши задачи // Своим путем. 1951. № 1. С. 1.

¹⁹⁷ См.: Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81–99.

¹⁹⁸ См.: Новое русское слово. 1948. 19 июня; *Долгов Н.* Почему – «своим путем»? // Своим путем. 1951. № 2. С. 1.

¹⁹⁹ См.: *Ильин И.А.* Собрание сочинений. – М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 281.

²⁰⁰ См.: *Кривицкий С.И.* Аграрный вопрос в работах С.Н. Прокоповича: Автореф.дис... канд.ист.наук. – М., 2002. С. 27.

²⁰¹ См.: *Врага Р.* После Сталина // Возрождение. 1953. № 2. С. 195.

²⁰² См.: Возрождение. 1953. № 2. С. 185.

²⁰³ См.: *Максименко Н.* Причины и смысл // Своим путем. 1951. № 2. С. 2.

²⁰⁴ ИISH. G.P. Maksimov collection. Folder 3.

²⁰⁵ См.: *Зима В.Ф.* Голод в СССР. 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. – М., 1996. С. 236.

²⁰⁶ *Климов Г.П.* Песнь победителя. С. 610.

²⁰⁷ См.: *Шварц С.* Об уровне заработной платы в СССР // Социалистический вестник. 1950. № 1–2. С. 14; *Он же.* О хлебе // Социалистический вестник. 1950. № 6. С. 103.

²⁰⁸ *Иргизов Н.* Истинная причина нищеты // Грядущая Россия. 1949. № 4. С. 2–3.

²⁰⁹ См.: *Тыркова-Вильямс А.В.* Воспоминания. С. 194; *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. С. 362.

²¹⁰ См.: *Трушинович А.* Когда? // Посев. 1953. № 2. С. 1.

²¹¹ *Герасимов Ф.* Советская торговля // Дело труда. Пробуждение. 1952. № 40. С. 25.

²¹² См.: Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. 1951. № 1. С. 74.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая мировая война стала одной из важнейших вех в истории Российского зарубежья в XX в. Она в значительной мере подвела черту под периодом его расцвета, нанесла сокрушительный удар по знаменитому Русскому Парижу. Его блеск второй половины 1920-х – 1930-х гг. уже более никогда не будет восстановлен. Расширение территории Советского Союза в ходе войны и начало возникновения мировой системы социализма во второй половине 1940-х гг. привели к тому, что с карты Российского зарубежья исчезли такие его центры, как Рига, Таллинн, Прага, София, Белград и др.

За 1940-е – начало 1950-х гг. кардинально меняется не только географическая карта Русского мира. Существенно трансформируется и само население Российского зарубежья. Те, кто составлял «первую волну» послереволюционной эмиграции, в 1940-е гг. уже начинают стареть. Пережив две мировые и Гражданскую войну, не раз испытав тяготы бегства из родного дома, многие из этих людей к концу 1940-х – началу 1950-х гг. ощущают колоссальную психологическую усталость. Слишком много испытаний выпало на долю этого поколения. Рядом с ними появляются люди совсем иного психологического склада – сформировавшиеся в принципиально других исторических условиях эмигранты «второй волны». Выросшие в Советском Союзе 1920-х – 1930-х гг., они тоже уже немало вынесли на своем зачатую еще недолгом веку: борьбу с «опозициями» 1920-х, «коллективизацию» и «раскулачивание», «Большие московские процессы» 2-й половины 1930-х гг. Все это и мир в целом, в котором им довелось жить, отнюдь не способствовали формированию в их сознании приверженности демократическим ценностям. На их глазах в целом ряде европейских государств демократия оказалась неспособной противостоять напору авторитарных и тоталитарных сил. Еще более ожесточили многих из этих людей тяжелейшие испытания Второй мировой войны: плен, угон на работы в Гер-

манию, пребывание в нацистских концлагерях. Они все больше приходили к выводу о том, что в условиях XX в. только политика с позиции силы может принести реальный эффект.

Психологические установки эмигрантов разных волн, составлявших российские диаспоры тех лет, во многом были обусловлены условиями их жизни. Особенно тяжелой эта жизнь, бесспорно, была на европейском континенте, где происходили интенсивные военные действия Второй мировой. Тем русским, которые проживали здесь, довелось испытать голод, бомбежки, бегство из родных домов в поисках спасения от наступавших войск. А после войны этих людей ожидала жизнь в условиях послевоенной реконструкции хозяйства европейских государств, медленное преодоление экономических трудностей, сопровождавшееся наличием острых социальных проблем.

Ситуация в США, как показывают источники, была несколько иной. Конечно, и русским американцам в годы Второй мировой войны приходилось непросто, молодежь призывалась в армию, государство стремилось концентрировать усилия на решении военных проблем. И, тем не менее, конечно, все это невозможно сравнить с тем, что довелось пережить европейцам. Отнюдь не случаен поэтому тот факт, что именно в США стремились уехать после окончания Второй мировой войны многие из тех россиян, кто к середине 1940-х гг. оказался в Европе.

Однако здесь вставала проблема неурегулированности правового статуса многих из этих людей. В послевоенной Европе они зачастую становились людьми без гражданства, скрывавшими не только свои имена и фамилии, но даже подлинную национальность, спасаясь от советских репатриационных комиссий. Постепенному урегулированию ситуации способствовало международное законодательство о беженцах и «перемещенных лицах», а также усилия отдельных государств, принимавших акты о приеме этих людей, предоставлении им права проживать на своей территории. Чаще всего, бесспорно, эти государства (прежде всего страны Латинской Америки, Австралия, Новая Зеландия и др.) руководствовались при проведении данной политики своими собственными интересами, поскольку нуждались в дешевой рабочей силе для освоения отдаленных и малонаселенных территорий, стремились к подь-

ему своей экономики. Условия жизни и работы в этих странах нередко были весьма тяжелыми для русских эмигрантов, непривычных к тропическому климату. Тем не менее, многие из них смогли адаптироваться за океаном, обрели здесь новую Родину, обзавелись потомством, которое зачастую впоследствии внесло немалый вклад в развитие этих государств.

Но даже в условиях Латинской Америки, Африки, Австралии, живя вдали от Родины, многие русские эмигранты пытались сохранить свою национальную культуру, воспитать подрастающее поколение, знающее русский язык и традиции предков. В 1940-е – 1950-е гг. во многих странах продолжали существовать эмигрантские молодежные организации, нацеленные на формирование русского национального самосознания у детей и юношества. Как показал исторический опыт, этим структурам удалось добиться немалых результатов своей деятельности. Очень многие из тех русских эмигрантов, кто прошел через молодежные организации 1940-х гг., выросли убежденными патриотами России, прекрасно знающими русский язык, проявляющими глубокий интерес к ситуации на родине их предков.

Этот интерес к ситуации на Родине эмигранты проявляли и в 1940-е – начале 1950-х гг. Великая Отечественная война вызвала в русской эмиграции мощный всплеск патриотизма, заставила многих заявить о необходимости поддержки военных усилий Советского Союза в борьбе против нацистской Германии. Май 1945 г. был, возможно, периодом, когда эти настроения переживали свой пик. Однако очень скоро они сменились (не у всех, но у многих русских эмигрантов) совершенно иными чувствами – разочарованием, критическим отношением к тому, что из себя представлял Советский Союз эпохи «позднего сталинизма».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отношение Советского Союза к эмигрантам. Политика репатриации в СССР после Второй мировой войны

Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий

Точные и достоверные данные о военнопленных в 1941–1945 гг. отсутствуют. Германское командование в официальных данных указывает цифру 5,27 млн человек. По данным Генштаба Вооруженных сил Российской Федерации потери пленными составили 4 млн 59 тыс.чел. Кстати, эту же цифру, полученную по немецким данным, называет и специальная комиссия генерала Вуда (США).

Почти 2 млн советских военнослужащих (49 % от общего числа военнопленных за все годы войны) попали в плен летом 1941 г.

Поражения Красной Армии летом 1942 г. привели к потере пленными еще 1 млн 339 тыс. (33 %).

В 1943 г. эти потери пленными составили 487 тыс. человек (12 %).

В 1944 г. – 203 тыс. человек (5 %).

В 1945 г. – 40,6 тыс.человек (1 %).

Кроме захваченных в плен, сотни тысяч советских военнослужащих остались на территории, временно оккупированной врагом. Часть этих людей – «окруженцев» укрылась у местного населения, часть вошла в состав партизанских отрядов и разделила их судьбу...

Отношение советского руководства к военнослужащим Красной Армии, оказавшимся в плену, определилось еще в 1940 г.

После окончания советско-финской войны финская сторона передала советским военным властям 5,5 тыс.военнослужащих,

Взятие в плен военнослужащих РККА германскими войсками

Советские военнопленные

На оккупированных территориях. Местные жители раздают еду военнопленным

попавших в плен. Все они были направлены в спецлагерь, созданный в поселке Южа Ивановской области. Лагерь обнесенный колючей проволокой, охранялся конвойными войсками НКВД. Заключенные в нем были лишены права переписки, свидания с родными и близкими. Место пребывания держалось в строгом секрете. Проверка длилась почти год. Значительная часть была осуждена. Оставшиеся весной 1941 г. были вывезены на Север. Дальнейшая их судьба неизвестна.

С самого начала Отечественной войны под подозрение попали все военнослужащие и гражданские лица, оказавшиеся даже на непродолжительное время за линией фронта. Во всех кадровых анкетах появился вопрос: «Были ли Вы или Ваши родственники на оккупированной территории?».

В измене и предательстве Родины подозревались бойцы и командиры, которые, рискуя жизнью, в тяжелейших условиях пробивались с боями на соединение с Красной Армией. Одиночек и небольшие группы окруженцев встречали как вполне вероятных

изменников Родины. Каждый перешедший линию фронта проходил и фильтрацию, которая осуществлялась Особыми отделами НКВД...

Расширялась практика заочного осуждения военнослужащих, находившихся за линией фронта, как изменников Родины. Достаточным основанием для такого решения были полученные оперативным путем сведения об их якобы антисоветской деятельности. Вердикт выносился без всякой проверки, иногда лишь по одному заявлению.

Наиболее чудовищным преступлением был изданный 28 июня 1941 г. совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР. Он предусматривал привлечение к ответственности членов семей заочного осужденного изменника Родины либо через Военные трибуналы, либо через Особые совещания при НКВД СССР. В этот же день НКГБ и НКВД специальным документом уточнили порядок ссылки в отдаленные районы членов «семей изменников Родины».

Принятое 16 июля 1941 г. постановление ГКО и последовавший за тем 16 августа 1941 г. приказ Наркома обороны Сталина № 270 ужесточали репрессии, санкционировали внесудебные расправы. Принятые в развитие этих документов инструкции НКГБ и НКВД предоставляли право карательным органам привлекать к уголовной ответственности совершеннолетних членов семьи военнопленных, их ареста и ссылки в отдаленные местности СССР...

27 декабря 1941 г. издано постановление ГКО, которое предусматривало: в целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников Родины, шпионов и диверсантов создавать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты, куда направлять обнаруженных при освобождении городов, сел и иных местностей бывших военнослужащих Красной Армии.

Это постановление официально провозглашало новую линию в отношении бойцов и командиров, оказавшихся в плену или в окружении.

Они именовались теперь как «бывшие военнослужащие Красной Армии», следовательно, ставились вне рядов Красной Армии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Для проверки «бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника», создается сеть специальных лагерей. В 1942 г. кроме существовавшего ранее Южного спецлагеря было создано еще 22 лагеря в Вологодской,

Тамбовской, Рязанской, Курской, Воронежской и других областях. Они «обслуживали» различные участки советско-германского фронта.

13 января 1942 г. Нарком внутренних дел СССР Л. Берия утвердил «Временную инструкцию о порядке содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника».

Согласно этой инструкции, организация спецлагерей была возложена на Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР)... Практически эти спецлагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима, причем для заключенных, которые в подавляющем большинстве не совершили каких-либо преступлений.

Большие потери, понесенные Красной Армией в 1941–1942 гг., заставили несколько скорректировать репрессивную политику режима. В январе 1943 г. командующим фронтами было предоставлено право использовать часть «бывших военнослужащих Красной Армии» после их надлежащей фильтрации в армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктах для пополнения действующей армии.

Вместе с этим карательным органам предписывалось не ограничиваться только поиском изменников, шпионов и диверсантов, но выявлять новую категорию, подлежащую репрессиям – «сомнительных лиц»... Характер репрессий остается прежним...

Трагедия нарастала. В 1944 г. резко увеличивается поток возвращающихся в Советский Союз военнопленных и репатриированных. Советским руководством перед НКВД, НКГБ и военной контрразведкой «СМЕРШ» была поставлена задача проверки каждого прибывающего. Речь шла уже не о десятках, а сотнях тысяч, миллионах граждан...

После выхода Красной Армии к государственной границе на пограничной линии создавалась сеть контрольно-пропускных пунктов, а в приграничной полосе на советской территории – сеть проверочно-фильтрационных пунктов (ПФП). Специальным постановлением устанавливалось, что питание лиц, содержащихся на ПФП, осуществлялось по нормам ГУЛАГа. Доставка граждан в проверочно-фильтрационные пункты осуществлялась под конвоем войск НКВД. Они же и охраняли эти пункты.

Были организованы проверочно-фильтрационные комиссии из трех человек: из представителя НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» под руководством представителя НКВД.

Возрастающий поток репатриантов, расширение масштабов проверки и ее ужесточение вскоре потребовали организации про-

верочно-фильтрационных лагерей. Создается особый Отдел спецлагерей НКВД СССР. К лету 1945 г. действовало 43 спецлагеря, 26 проверочно-фильтрационных лагерей, дислоцированных на территории СССР, 74 проверочно-фильтрационных лагеря, 22 сборно-пересыльных пункта – на территории Германии и в странах Европы...

Довольно быстро были выделены командные кадры «власовской» армии, активные участники карательных операций немецких войск против мирных граждан, партизан, советской и союзнической армий.

Дела этих, наиболее активных участников и организаторов немецких военных формирований из числа советских военнопленных рассматривались, как правило, внесудебными органами – тройками, состоявшими из представителей НКВД, НКГБ и «СМЕРШ», Особым совещанием при НКВД. Они выносили приговоры о смертной казни, каторжных работах, длительных сроках заключения в тюрьме или лагерях ГУЛАГа. Такая же судьба была и у сотрудничавших в той или иной степени с немецкими властями или подозреваемых в этом. Рядовые, составлявшие большую часть «власовцев», в административном порядке были направлены на спецпоселение сроком на шесть лет...

Боясь расправы, многие репатрианты отказывались возвращаться в Советский Союз. Там, где это было возможно, советские власти осуществляли репатриацию в принудительном порядке, в том числе и тех граждан, которые не служили в немецких воинских формированиях...

Для этого в добавление к проверочно-фильтрационным пунктам создавались новые проверочно-фильтрационные лагеря. Они дислоцировались, главным образом, в европейской части страны. Заключение в них граждане, ожидавшие окончания проверки, привлекались к принудительному труду на опасных и тяжелых работах промышленных предприятий угольной и металлургической промышленности...

Проверочно-фильтрационные лагеря размещались в районах крупных промышленных предприятий, угольных шахт, рудников,строек. Все заключенные проверочно-фильтрационных лагерей использовались на производстве. Там, где была особая потребность в рабочей силе, срок проверки затягивался на долгие годы. Например, лагеря в районе Печоры, Воркуты существовали до 1950 г., а проверочно-фильтрационный лагерь на химкомбинате в Ленинабаде – до 1953 г.

По практическому завершению репатриации на 1 декабря 1946 г. было зарегистрировано 1.833.567 военнопленных и 3.582.358

гражданских лиц, всего 5.415.925 человек. С точки зрения советского руководства эти 5 млн надо было «вливать» в советское общество так «аккуратно», так осторожно, чтобы не вызвать нежелательных политических явлений...

Особое внимание обращалось на репатриантов, переданных союзниками. В них видели агентов иностранных разведок. Таких по состоянию на 1 декабря 1946 г. было 2.048.974 человека.

Из 5 млн бывших военнопленных и репатриантов к концу 1945 г. было передано в спецлагеря НКВД более 600 тыс. человек, 1.230 тыс. было передано в Красную Армию, большая часть из них была направлена в специальные запасные части НКО.

Следует отметить, что многие понятия официальной статистики маскируют сугубо репрессивные мероприятия. Например, «передано в РККА» включает в себя и пополнение действующей армии, и передачу в состав «рабочих батальонов», и направление для проверки в специальные запасные воинские части, по характеру содержания и режиму работы полностью совпадающими с проверочно-фильтрационными лагерями НКВД.

В 1941–1945 гг. военными трибуналами было осуждено 994.270 человек, из них к расстрелу – 157.593 человека...

Конец войны, победа не принесли облегчения тяжелой участи миллионам репатриированных советских граждан.

Непосредственно «разработкой» бывших военнопленных и репатриантов занимались контрразведывательные подразделения НКВД–НКГБ и армейская контрразведывательная служба – «СМЕРШ». Они были ориентированы на то, что именно среди бывших военнопленных и репатриантов следует искать врагов советского государства, агентов вражеских спецслужб.

Весной 1945 г. в системе НКВД был создан специальный отдел «Ф», который был призван координировать всю деятельность по проверке и фильтрации репатрируемых советских граждан и граждан союзных и нейтральных государств. В его состав вошли почти все оперативные сотрудники 4-го Управления, которое находилось под непосредственным руководством наркома внутренних дел Л. Берии. Во главе этого специального подразделения был поставлен генерал П. Судоплатов. Кроме отдела «Ф» в центральном аппарате НКВД были организованы периферийные отделы «Ф» при аппаратах уполномоченных НКВД СССР на фронтах, при группах войск...

В конце июля 1945 г. был издан приказ НКВД СССР «Об объявлении инструкции о порядке учета и регистрации репатриированных советских граждан»... Ограничивались районы проживания

ния репатриантов, категорически запрещалось передавать их на жительство в Москву, Ленинград, Киев и населенные пункты, находящиеся в режимной зоне этих городов. В каждом районе создавалась проверочно-филтратционная комиссия, которая осуществляла регистрацию и проверку каждого репатрианта в возрасте от 16 лет. Дети до 16 лет вписывались в дела своих родственников.

Вернувшимся к месту жительства репатриантам выдавалось специальное удостоверение вместо паспорта и запрещался выезд в другие районы и области. Все прибывшие репатрианты ставились на оперативный учет в органах НКВД...

18 августа 1945 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена и репатриантов призывного возраста». По этому постановлению все военнопленные и гражданские репатрианты призывных возрастов, даже если на них не было никаких компрометирующих материалов, сводились в «рабочие батальоны НКО» и в порядке наказания направлялись для постоянной работы на предприятиях в восточных районах страны и на Крайнем Севере...

Преследование военнопленных и репатриированных лиц не ограничилось первыми послевоенными репрессиями.

7 февраля 1948 г. министры госбезопасности В. Абакумов и внутренних дел С. Круглов обратились в ЦК ВКП(б) к Сталину с разработанным по его указанию проектом постановления ЦК ВКП(б) о передаче из МВД в МГБ СССР всей работы по административно ссыльным и высланным за вражескую деятельность и антисоветские связи. В этом письме указывалось на необходимость усиления Министерством государственной безопасности агентурного наблюдения и гласного надзора за ссыльными и высланными, расширения и углубления оперативной работы по выявлению среди спецпоселенцев вражеских элементов...

21 февраля 1948 г. был принят пакет документов, обуславливающих усиление репрессий в отношении отбывающих наказание и освобождаемых из заключения особо опасных преступников. В их число, помимо террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, националистов и других, была добавлена и еще одна группа лиц, в отношении которых предполагалось ужесточить репрессии – лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности. Эта формула являлась универсальной и позволяла применить репрессии к очень широкому кругу лиц, в том числе и к бывшим советским репатриан-

там, военнопленным и гражданским лицам, которые... были поставлены поголовно на оперативный учет именно по подозрению в антисоветских связях и вражеской деятельности.

В состав указанного пакета входил не подлежащий публикации Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. за № 128/11 «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

Этим постановлением МГБ обязывалось направить в ссылку государственных преступников, освобождаемых по отбытии наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны. Иными словами, люди, уже отбывшие наказание, репрессировались повторно по решению Особого совещания при МГБ СССР...

31 января 1950 г. генерал-полковник Голиков обратился со специальным письмом в ЦК ВКП(б) в связи с тем, что «поступает значительное количество жалоб от репатриированных советских граждан о том, что им не дают работы, а некоторых, уже работающих, снимают с работы якобы по тем мотивам, что они ранее находились в плену в Германии»...

В связи с многочисленными обращениями отдельных граждан и даже представителей Главного управления кадров Вооруженных сил и Управления уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации 9 февраля 1950 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия. Однако эти обращения остались без ответа. Спустя два года оба документа были направлены в архив без всякого решения...

Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92–106.

Из воспоминаний Н.А. Троицкого

Троицкий Николай Александрович родился 20 апреля 1903 г. в селе Вешкайма Симбирской губернии в многодетной семье дьякона. Шести лет был отдан в сельскую школу, а в 1913 г. в духовное училище Симбирска, после окончания которого с 1919 по 1921 г. учился в школе второй ступени в уездном городе Корсун.

В 1921 г. Троицкий поступает в Симбирский политехнический институт, после окончания которого работает инженером-строителем сначала в Ростове и Краснодаре, а с 1924 по 1930 г. в Богородске (теперь Ногинск) под Москвой. С 1930 по 1932 г. учится в Московском архитектурном институте и работает в одном

Колонна советских военнопленных

из строительных трестов. С 1933 г. руководит лабораторией цветовосприятия, организует и возглавляет научно-исследовательскую секцию проектирования театров, клубов и школ при Наркомпросе, одновременно исполняя обязанности ученого секретаря Московского архитектурного общества. С 1935 г. вплоть до ареста в апреле 1938 г. работает заместителем ученого секретаря Академии архитектуры СССР, занимается организацией Отделения теории и истории архитектуры, готовит диссертацию по архитектуре театральных зданий.

Последствия 16-месячного пребывания на Лубянке и в московских тюрьмах вынудили Троицкого порвать с архитектурой. Будучи освобожден в августе 1939 г., не признав предъявленных ему обвинений в «контрреволюционной деятельности», он занялся литературной работой, а в начале войны ушел добровольцем на фронт в составе 13-й Ростовской дивизии народного ополчения. В числе свыше 600 тысяч солдат и офицеров Красной Армии, оказавшихся в «котле» под Вязьмой в октябре 1941 г., попал в плен.

В мае 1943 г. Троицкий был переведен в Витебск в одну из частей Русской освободительной армии (РОА). Летом 1944 г. получает назначение в штаб РОА. Не имея офицерского звания,

прикомандировывается к генералу Власову в качестве чиновника по особым поручениям. Осенью 1944 г. принимает участие в составлении первых вариантов Манифеста КОНРа (Комитета освобождения народов России), в конце года занимается тиражированием и распространением текста Манифеста. В апреле 1945 г. откомандировывается в качестве представителя КОНРа в 1-ю дивизию РОА.

Конец войны Троицкий встретил в Мюнхене с документами на имя Бориса Яковлева, эмигранта из Югославии, и первые два послевоенных года, пока не спала волна насильственной репатриации советских граждан, работал в строительной фирме. Избранный председателем Совета Союза борьбы за освобождение народов России, Троицкий сделался руководителем ведущей российской политической силы за рубежом, оппозиционной сталинскому режиму. Основатель Русской библиотеки в Мюнхене (1949), один из организаторов и директор Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР (1950–1955). В 1951–1954 гг. Троицкий издает и редактирует авторитетный журнал «Литературный современник» (впоследствии альманах). В 1955 г. публикует книгу «Концентрационные лагеря СССР».

В 1955 г. Троицкий, в знак протеста против откровенного вмешательства американцев в дела Института, оставляет пост директора и вынужден выехать в США. Встретив холодное отчуждение властей и демонстративные отказы предоставить подходящую его уровню работу, он устраивается ночным уборщиком в нью-йоркскую больницу, а затем поступает в Колумбийский университет. Получив диплом библиотекаря, в течение нескольких лет работает сначала библиографом, а затем хранителем славянского отдела библиотеки Корнелльского университета в Итаке (штат Нью-Йорк).

В 1993 г. Н.А. Троицкий первым из видных деятелей второй эмиграции передал свой личный архив в ГА РФ.

Умер в 2011 г.

... Мое, да и не только мое, глубокое убеждение, что Освободительное движение зародилось в глубинах так называемой «второй волны» российской эмиграции. А она, эта «волна» будучи прямым порождением эпохи строителей социализма, исходила от столкновения двух исполинов тоталитарной власти двадцатого столетия – нацизма и большевизма. Только, пожалуй, термин «эмиграция» вряд ли приложим к существу того, что происходило в первые годы войны. Думаю, правильней, вслед за Юрой

Фишером, называть случившееся не эмиграцией, а «исходом» – исходом из дома рабства, бегством от «красного фараона». Правда, ни кем не инициированным, ни кем не ведомым.

В начале войны сразу же вскрылось все болезненное и противостественное в пропитанной ядовитой идеологией структуре советского государства. Вплоть до ее нижнего уровня – людей. Та часть населения, которая могла безбоязненно выразить свое отношение к сталинскому режиму (я имею в виду сотни тысяч людей, проживавших на охваченных прифронтовыми действиями территориях СССР, и миллионы – на оккупированных немцами), та часть населения не преминула сделать это. В массе своей они плохо разбирались в политических реалиях, были плохо информированы о режиме гитлеровском. Однако посчитали за благо перейти на сторону более благополучного или более цивилизованного, по их мнению, государства...

Это была трагедия государства. Но она обернулась трагедией и для почти 9 миллионов советских людей (оценка В.П. Наумова), бывших военнослужащих и гражданского населения, оказавшихся между молотом и наковальней. Внутренняя сущность обоих режимов исключала возможность гуманного решения судьбы этих людей. Их судьба была предreshена. И сталинизм, и гитлеризм – один позже, другой раньше – продекларировали их истребление. Первый – как «изменников Родины», второй – как «недочеловеков». Однако и тот, и другой, прежде чем расправиться с этими людьми, постарались «выжать» из них все для себя необходимое...

В отличие от эмигрантов первой волны эти люди попали из огня да в полымя. Их исход не привел в землю обетованную. И не послано было им ни сладкой воды, ни манны. Они оказались лишены свободы. У них не было возможности реализовать свои творческие и профессиональные способности, условия их существования были и в самом деле ужасными. Стоит ли говорить, что почти ни у кого из них не осталось на родине ни славы, ни почета, ни богатства. Это были разного уровня представители прослойки и тех двух классов, что составляли советское общество. Или, короче, – «подсоветские», и этим все сказано. У них ничего не было и им нечего было терять.

Довольно скоро они начали понимать безвыходность своего положения. И этот сплав безысходности, жажды мести и стремление к освобождению подвигнул наиболее отчаявшихся к непосредственному участию в военных действиях против ненавистного режима в составе германской армии. Среди тех, кто, не раздумывая, встал на сторону врага, были, конечно, и небескорыстные

Bundesarchiv, Bild 101f-130-0987-14
Foto: Cuslan, Albert | Juni 1941

На оккупированных территориях. 1941 г. (фото из Бундесархива)

люди. Те, в ком сталинский режим успел надломить нравственные устои, искони присущие русскому народу...

Остальные «эмигранты», а также пленные и угнанные на принудительные работы в Германию гибли от истощения и болезней в лагерях остовцев, уничтожались в душгубках концлагерей. Поток смертей нарастал. Казалось, он до основания источит военный исход. Но каждая новая смерть напоминала остающимся об их мечте о свободе, об их надежде на новую жизнь, чудесным образом порождала силы сопротивляться еще не казавшейся тогда фатальной неизбежности гибели...

Троицкий Н.А. Ты, мое столетие... – М., 2006. С. 237–241.

Из воспоминаний А.М. Кайгородова

... 18 августа 1945 года в Харбине высадился советский десант в составе 120 человек. 19 и 20 августа в город вошли главные советские силы, и сюда переместился штаб 1-й Краснознаменной армии генерал-полковника А.П. Белобородова (позднее коменданта Порт-Артура). 20 августа... во дворе Иверской церкви советские подрывники взорвали кресты и надгробия на могиле генерала Каппеля и его жены. 20 же августа был арестован и без промедления интернирован в СССР Арсений Несмелов (Митропольский) – едва ли не самый выдающийся поэт всего российского зарубежья. Где-то в первых числах сентября он скончался на полу камеры пересыльной тюрьмы.

Несколькими днями позже была уничтожена часовенка-памятник на братской могиле российских солдат времен Русско-японской войны. Волна уничтожения кладбищ и памятников 1904–1905 гг. – этих «символов царизма и российского империализма, неуместных в нынешней обстановке», как говорили там, прокатилась по всем местам, где были такие символы. Особенно много их было под Мукденом, где армия Куропаткина грудь в грудь схлестнулась с армиями Оку и Нодзу.

Чаще уничтожали их не советские солдаты, а китайцы, разумеется, с разрешения советских властей. И, видимо, не случайно советский писатель Михаил Колесников в своей «Маньчжурской тетради» высмеял японцев за традицию беречь, сохранять кладбища, часовенки, церквушки – все памятники доблестным воинам России. На сопках маньчжурских не спит больше русский солдат и горя России он слышать не может – прах его взорван, развеян...

Арсений Несмелов

Что принес август 45-го многочисленной российской эмиграции? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Но если уж рубануть с плеча, ответить сразу и на все одним махом – российской эмиграция целиком исчезла, точнее, была сметена с лица Маньчжурии. С насиженных мест, с налаженных хозяйств были сорваны и рассеяны по белу свету сотни тысяч людей, и все это не по доброй воле. Стало ли лучше им на новом месте?

Репрессии начались буквально с первых же дней или даже часов появления советских войск и проходили буквально везде, где они появились. В Харбине, этой признанной столице российской эмиграции, уже в первые дни были разгромлены редакции крупнейших русских газет «Харбинское время» и «Заря»... журнал «Рубеж». Очевидцы свидетельствуют, что в г. Маньчжурия (на западе) и на ст. Пограничная (на востоке) эшелоны с арестованными русскими стали проходить через пограничные пункты намного раньше, чем эшелоны с японскими военнопленными.

По восточной и западной веткам КВЖД, а также ЮМЖД подчистую забрали всех, кто в 1935 г. отказался добровольно вернуться на родину. Многие из них, если не большинство, уже не работали на железной дороге, занимались сельским хозяйством (преимущественно молочным), торговлей, разводили пчел. Их обвинили в «измене родины», и все они, хоть и с «опозданием», угодили в тот же ГУЛАГ, что и вернувшиеся добровольно в 1935 г. . .

Печальную быль о кавэжэдинцах хочу закончить рассказом одного из них. Пупурс Адольф Петрович – харбинец, латыш по национальности. Его сын был женат на моей старшей сестре, я встречался с ним неоднократно. Рассказываю от первого лица: «В один из наших лагерей Кировской области привезли большую партию кавэжэдинцев. Это была уже вторая волна – продукт арестов и интернирования из Маньчжурии 1945 г. Для них все было тяжело: и работа на лесоповале, и страшные бытовые условия в грязных, холодных бараках при невероятной скученности. Но больше всего они страдали от недоедания и голода. В то время я работал поваром в лагерной столовой и не один раз был свидетелем такой сцены. В барачную столовую врываются обезумевшие, часто обмороженные люди, требовали официанта и когда кто-нибудь из нас выходил к ним, начинали делать заказы из несчетного количества русских и китайских блюд. На них находило своего рода голодное помешательство. Многим поварам из уголовников такие “представления” нравились, и они с удовольствием разыгрывали этих голодных, требуя называть все новые и новые блюда. Я с ужасом наблюдал за несчастными. Некоторые из

них после очередного приема пищи приходили в себя, некоторые продолжали оставаться в невменяемом состоянии. Таких потом куда-то увозили, но куда – не знаю».

О репрессиях в Трехречье следует сказать особо. Этот район заселяли преимущественно забайкальские казаки, бежавшие в Маньчжурию в годы Гражданской войны. Часть поселенцев составляли беженцы – так называемые «тридцатники». Это те, кто здесь нашел приют, спасаясь от насильственной коллективизации в Сибири и Забайкалье в 30-е годы. Арестован и интернирован был каждый четвертый взрослый казак, а «тридцатники» были подметены едва ли не подчистую. Их обвиняли во вредительстве против колхозов.

Даже многолетняя война, которую вела империалистическая Япония, когда из Маньчжурии вывозилось все, что могло быть вывезено, не могла расшатать крепкие хозяйства трехреченцев. Край и в те суровые годы оставался хлебным и богатым, неделями отмечались церковные праздники, справляли богатые свадьбы. Быстро и вполне капитально расправился с Трехречьем НКВД – понадобился всего лишь один месяц. Им стал август 45-го.

Многолетние семьи, лишившись хозяина, быстро разорались. Вскоре Трехречье стало неузнаваемым. Хозяйства пришли в упадок, появились неуверенность, безотчетный страх, неприязнь и подозрительность. Как спутник всего «нового» стал быстро расцветать порок пьянства. Много зла принесла и новая китайская власть. Нахальные, некомпетентные аппаратчики подвели край к последней черте. Кончилось тем, что в 1955–56 гг. русские были насильственно выселены из района. Большинство уехали в Советский Союз, кто-то в Австралию, Бразилию – по всему свету.

И все-таки надо сказать, что в самом начале войны Трехречью повезло. 36-я советская армия генерала А.А. Лучинского наносила удар по Хайлару, двигаясь свои левым флангом через Старый Цурухайтуй. Только небольшая, самая южная часть Трехречья оказалась в полосе ее продвижения. Всего лишь через одну из 19 русских деревень – Светлоколуй прошли советские войска. В этой деревне проживал самый богатый скотовладелец Трехречья по фамилии Бизьянов. Две отары его овец, каждая примерно в 3 тыс.голов, оказались в полосе продвижения советских частей. Солдаты часть овец порезали и прихватили с собой, большая же часть стада (вместе с ним и оба чабана) была экспроприирована и переправлена на советский берег Аргуни.

Несколько слов о староверах Большого Хингана... Часть из них переселилась на Хинган в начале века, часть (с верховьев Енисея)

в годы гражданской войны. Жили они по рекам Чол и Мерген. С заселением русскими Трехречья они изредка наезжали туда, бывали и в нашем доме. Я даже запомнил две фамилии – Никифоровых и Свешниковых. Воинскую повинность не несли, в полиции не нуждались – жили, как говорится, по-допотопному. Август 45-го не оставил и их в стороне. Трех все-таки арестовали и интернировали... В 1946 году староверы получили советское гражданство...

Таким вот жестоким для многих из российской эмиграции в Маньчжурии оказался август 1945 года. Страшными были репрессии. Не менее страшен сам факт полного исчезновения русских из Маньчжурии, а вместе с ними и русской культуры, всего русского наследия в этом обширном регионе. В последнем если не исключительно, то в большей степени, ответственность лежит и на китайской стороне. В Харбине, почти русском в свое время, осталось менее двух десятков русских – советских граждан. В Трехречье, уже не «почти», а целиком русском в свое время, проживают только трое русских: два брата Половниковы и Поля Ельчина.

Победа в 1945 г. внесла и светлые коррективы в судьбы российской эмиграции – все мы стали гражданами великой страны. Не гордиться этим нельзя. И самые счастливые из числа бывших эмигрантов – те, кто вернулись на свою исконную землю. Что ни говори, а родной язык, родная культура. Да, нам труднее, мы беднее тех, которые уехали, например, в Америку или Канаду. Но русский человек всегда жил с верой в Бога и надеждой на лучшее будущее. Доживем и мы до таких времен!

Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94–103.

*Из статьи российского историка В.Н. Земскова
«К вопросу о репатриации советских граждан.
1944–1951 годы»*

4 октября 1945 г. в «Правде» была опубликована статья Ф.И. Голикова, в которой называлось число репатриированных к тому времени граждан СССР – 5 236 130 человек (3 104 284 мужчины, 1 498 153 женщины и 633 693 ребенка). Однако при этом не было сделано никаких пояснений. В результате приведенное Голико-

вым число репатриантов воспринималось в том смысле, что все они прибыли из-за границы. В действительности же к началу октября 1945 г. из-за границы возвратилось около 4,1 млн человек, остальные же были внутренними перемещенными лицами и их, следовательно, нельзя считать репатриантами.

К 1 марта 1946 г. было репатрировано 4 199 488 советских людей, в том числе 2 654 185 гражданских и 1 545 303 военнопленных...

С марта 1946 г. количество репатрированных советских граждан значительно уменьшилось... С 1 марта 1946 г. по 1 марта 1952 г. в СССР вернулись 104 893 советских гражданина, из них в 1946 г. (март – декабрь) – 46 909, в 1947 г. – 30 346, в 1948 г. – 14 272, в 1949 г. – 6 542, в 1950 г. – 4 527 и в 1951 г. – 2 297 человек.

Большая часть этих людей была насильственно возвращена в СССР из стран, где находились советские войска. От репатриации были освобождены только две категории советских граждан: женщины, вышедшие замуж за иностранцев и имевшие от этого брака детей (в странах, где стояли советские войска, органы репатриации учли около 8 тыс. таких женщин и примерно столько же детей); а также бывшие жители Бессарабии и Северной Буковины, пожелавшие принять румынское подданство (4 тыс. человек)...

К началу 1952 г. по линии органов репатриации в СССР было возвращено свыше 4,3 млн человек. В это число не включены депортированные советские граждане, военнопленные и гражданские, которые во второй половине 1941 – первой половине 1944 гг. совершили удачные побеги из-за границы в СССР, а также десятки тысяч потерявших работоспособность «иностранцев», которых гитлеровцы в 1942–1943 гг. возвратили на оккупированную ими территорию СССР. Репатриация в незначительных размерах продолжалась и после 1951 г.

С учетом вышесказанного общее число советских граждан, оказавшихся вследствие войны за границей и вернувшихся впоследствии в СССР, равняется примерно 4,5 млн человек. Кроме того, за 1945–1951 гг. в советское подданство были приняты 431 418 человек, которые не являлись гражданами СССР по состоянию на 21 июня 1941 г. Это были прибывшие на Родину из различных стран Европы и из Китая эмигранты, а также родившиеся за границей лица русского, украинского и белорусского происхождения...

Репатриация граждан СССР из зон действия советских войск
(по состоянию на 1 марта 1946 г.)

Страна	Всего человек	в %
Советские зоны оккупации Германии и Австрии	1 447 261	78,37
Румыния	133 340	7,22
Финляндия	101 195	5,48
Польша	87 850	4,75
Чехословакия	40 655	2,20
Югославия	25 572	1,38
Болгария	3 682	0,20
Венгрия	3 259	0,18
Швеция	3 183	0,17
Албания	805	0,05
Итого	1 846 802	100,00

Репатриация граждан СССР из зон действия союзных войск
(по состоянию на 1 марта 1946 г.)

Страна	Всего человек	Военнопленные	Гражданские
Западные зоны оккупации Германии и Австрии	2031925	707369	1324556
Франция	121005	85436	35569
Норвегия	84775	77812	6963
Италия	53240	44205	9035
Англия	26329	21900	4429
Бельгия	12344	7352	4992
Швейцария	9 868	6145	3723
Дания	7614	4635	2979
США	3950	3823	127
Греция	1402	1288	114
Голландия	234	74	160
Итого	2352686	960039	1392647

*Из воспоминаний Э.К. Штеппы
«Не забудьте, люди!»*

Э.К. Штеппа (р. 1925) – сын эмигранта «второй волны» К.Ф. Штеппы, бывшего профессора Киевского университета, в годы немецкой оккупации Киева – ректора университета, главного редактора газеты «Последние новости». Э.К. Штеппа в 1945 г. служил в немецкой армии, в мае 1945 г. сдался в плен.

... Нас пригнали в городок Генесверда... Лагерь, к которому мы подошли, был за городом – еще недавно здесь были русские военнопленные. Ворота были широко открыты, и у входа стояла толпа русских офицеров и солдат, которые спрашивали у проходящих солдат, нет ли среди нас русских или говорящих по-русски? Я, конечно, молча прошел в лагерь...

После этого нам выдали полотенца и послали всех в баню. Я в очередь не стал, а решил прогуляться. Тут произошло следующее: на площади перед вокзалом и на ближайших полянках в огромных кипах лежали тюки и чемоданы. На них сидели и вокруг них ходили люди, в основном, женщины и дети. Это были так называемые репатриированные, т. е. те, кто возвращались на родину. Очевидно, Ковель был и для них пересыльным пунктом. Здесь их делили на группы по месту жительства, формировали транспорты и отправляли домой. Возле каждой группы стоял столб с надписью: Киев, Орел, Воронеж и т. д.

Некоторые из ожидающих, от нечего делать, подходили к нашему лагерю и высказывали свое отношение к нам – немецким пленным. Большинство, особенно молодые женщины и девушки, относились если не сочувственно, то с терпимостью. Лишь немногие выкрикивали: «Довоевались, вояки! Попробуйте теперь русского хлеба!»

Я всматривался в их лица, нет ли среди них мамы моей или сестренки Аллочки с маленькой Магдаленой? О, конечно, они должны быть где-то здесь... И ведь так близко – только перейти улицу...

«Чего мне бояться? Ведь там “свои” люди»...

«А хватит ли у меня смелости? Дай-ка испытаю себя, на что я еще способен?»...

Наши конвоиры стояли у ворот и весело о чем-то болтали. Особой бдительности они не проявляли – какому немцу взбрет в голову бежать на русской земле?

Лежа на земле, мне было удобно наблюдать за ними. Я убедился в том, что никто из них на меня не смотрит, резко поднялся и бодро зашагал в направлении одного из них, стоявшего ко мне спиной. Солдат вздрогнул, направил на меня автомат и крикнул: «Куда идешь, Фриц? Назад!»

Я посмотрел на него со спокойным презрением, засмеялся громко, как только мог, и весело ответил: «Сам ты Фриц! Что уж и пройти мимо нельзя?» – и как можно спокойнее, не оглядываясь назад, прошел мимо, шел все дальше и дальше... Так и ушел!

...В тот момент я перестал быть немецким военнопленным и превратился в изменника родины, скрывающегося от правосудия. Свою ошибку я понял сразу. Но, что сделано, то сделано...

Я походил среди русских людей, подошел к киевлянам. Одна девочка пекла блины на построенной из нескольких кирпичей примитивной печке. Начался разговор. О моей семье она, конечно, ничего не знала. Были там какие-то люди, которым наша фамилия была знакома, но о судьбе моей семьи никто ничего не знал.

Люди вступали в разговор без особенного желания. Настроение у всех было подавленное. Особой радости от возвращения домой ни в ком не чувствовалось.

У всех было много вещей – чемоданы, тюки, мешки... Уже позже, в лагере, мне рассказывали, что многие «остовцы» хорошо поживились за счет бежавших на Запад немцев. Некоторые занимались грабежом, за что попали под военный трибунал, который «шутить не любит», и попали прямиком в Сибирь...

Я гнал от себя тревожные мысли, но они возвращались. Думал я и о том, что думать вот я еще могу, но совсем отвык действовать самостоятельно... Может быть, лучше попасть в тюрьму – к людям с судьбой, подобной моей? Может быть, и папа уже там? Возможно, встречу знакомых, друзей?... Во всяком случае я не буду один, не буду загнанным волком. А 10 лет каторги мне все равно суждено отбывать... Для чего же откладывать?

И как это красиво, как смело – прийти и сказать: «Вот я, такой-то и такой-то. Я виноват перед родиной! Судите меня! Хочу честным трудом искупить свою вину!». Так я и сделал...

Через три месяца Киевским военным трибуналом войск МВД я был приговорен по статье 58 п. 1а с применением Указа от 17.04.43 к 20 годам каторжных работ и пяти годам поражения в правах...

Вот и свершилось! Я был удовлетворен – ведь впереди была жизнь, хоть каторжная, но все же – жизнь. Слава тебе, Господи!

Я вышел из комнаты с табличкой «Трибунал» с просветленным лицом. Мальчики, ожидавшие своей очереди, стали задавать вопросы:

– Что? Оправдали?

Они ведь не знали, ни кто я, ни в чем обвинялся. Я засмеялся в ответ на их расспросы: «20 лет каторги». Они тоже засмеялись, думали, что это шутка...

Через две недели мы прибыли в Находку. Там был огромный пересылочный лагерь, в котором собирали заключенных для отправки морем на Колыму, Индигирку, Неру, Чукотку, Камчатку и Сахалин... В Находке мы прожили около месяца... Пришло время этапа...

Наша плавучая тюрьма приближалась к Магадану... В Магадане нас выгрузили и строем повели в пересылочный лагерь... Долго нас в Магадане не держали. Помню, подъехали большие американские машины с прицепами, как вагонами. Если я не ошибаюсь, их называли «Дайманами»... Мы ехали таким образом несколько дней... В «Дайманах» мы доехали до прииска «Усть-Нера». Дальше дороги не позволяли этим огромным машинам ехать по ним, и нас пересадили в самосвалы-студебеккеры. Через несколько часов езды наши машины остановились перед воротами лагеря на прииске «Ольчан»...

Наша работа должна была заключаться в обслуживании «промприбора» – сооружения для промывки золотоносного грунта... Так мы и работали... Три тачки гоняли по очереди... Ночью обед не привозили, поэтому работали мы без перерыва... В сентябре стало еще холоднее... А как трудно голодному, истощенному человеку согреться работой, когда желудок пустой и силенки на исходе!..

Начались перебои с хлебом... Люди были уже истощены до предела, никакого запаса энергии в организмах не было... Я посмотрел на свои ноги, а они, как у козлика: каждая косточка, каждый суставчик виден... Хлебные перебои участились, а с ними «развод» начал таять... Все меньше и меньше зеков стали выходить на работу, большинство из них были больны и лежали в стационарах. Половина бараков была превращена в стационары... Говорили о том, что Лауцкас (лагерный патологоанатом) по две смены работает, не успевает трупы потрошить... Положение становилось критическим – некому было ходить на производство. С трудом собирали бригаду дровоносов... А морозы все свирепели, а люди все слабели... Способных работать осталось уже совсем мало...

В течение той зимы многие умерли... Мы уже потеряли счет погибшим... На ночь бараки перестали запираться. Куда нам, доходягам, было бежать, нас и из барака было не выгнать...

Вот я и закончил свой рассказ о прииске «Ольчан»... Сейчас думаю: все ли вспомнил? Рассказал ли все важное? Сумел ли сделать это так, как хотел? И что, собственно говоря, я хотел создать? Для чего изложил свои воспоминания на бумаге в надежде, что кто-то будет их читать, думать, пытаться понять и объяснить себе всю сложность жизненных отношений?

Мне всегда казалось, что у меня есть долг перед жизнью и людьми, что я обязан рассказать все, что произошло в эти годы со мной и с другими там на «Ольчане»...

И я выжил! Выжил, благодаря Воле Всевышнего, а ведь тысячи остались лежать там, в вечной мерзлоте.

Пусть память об этих мучениках будет вечной. Я считаю своим долгом сделать этот рассказ достоянием гласности для того, чтобы о тех страданиях, муках и жертвах никогда не было бы забыто...

XX век. История одной семьи. – М., 2003. С. 139–250.

Из архивно-следственных дел репатриантов из Китая, арестованных в Свердловской области

Личное дело Теплякова Николая Александровича

Тепляков Николай Александрович – 1906 г. р., родился во Владимире, из семьи белого офицера-эмигранта. С 1920 г. – в эмиграции. В 1927–1928 гг. работал агентом по сбору объявлений в газете «Заря» (Харбин). В 1929–1939 гг. – сотрудник газеты «Шанхайская заря». Служил в волонтерском корпусе полиции при Шанхайском муниципалитете. С 1945 г. служил телефонистом в армии США. В 1947 г. репатриировался в СССР. Арестован, на допросах признал, что в 1946 г. работал на американскую разведку. Осужден на 10 лет ИТЛ. В 1955 г. приговор в отношении Н.А. Теплякова был отменен.

Учреждение «Государственный архив административных органов Свердловской области» (УГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 19368.

Личное дело Петрова Алексея Владимировича

Петров Алексей Владимирович – 1896 г. р., родился в Санкт-Петербурге. В 1915 г. окончил школу прапорщиков. В 1917 г. –

штабс-капитан. В 1918 г. по мобилизации попал в армию Колчака, младший офицер. В эмиграции – журналист харбинских газет «Русское слово» и «Рупор». С 1930 г. – редактор шанхайской газеты «Вечерняя заря». С 1946 г. – корреспондент шанхайской газеты «Новая жизнь», издававшейся ТАСС. Работал в клубе граждан СССР. Репатрировался в 1947 г. В СССР арестован, осужден на 25 лет ИТЛ. В 1955 г. приговор был отменен, А.В. Петров освобожден из заключения.

УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20807.

Личное дело Зорина Федора Николаевича

Зорин Федор Николаевич – 1897 г. р., родился в Вятской губернии. В 1917 г. – подпоручик русской армии. С 1918 г. – офицер Ижевского полка армии Колчака. Командир батальона. С 1920 г. – эмигрант. С 1934 г. – помощник начальника отдела военных формирований японской организации «Дайнехон Сейгидан», которая готовила диверсантов. Член Объединения императорской армии и флота, ориентировавшегося на великого князя Кирилла Владимировича. Член Союза легитимистов, один из руководителей в Китае Ижевского объединения. С 1935 г. – заместитель представителя Кирилла Владимировича в Маньчжурии, с 1937 – официальный представитель. В СССР арестован, осужден на 25 лет ИТЛ. Умер в 1955 г.

УГААОСО. Ф. 1, оп.2. Д. 46300.

Личное дело Шанькова Михаила Николаевича

Шаньков Михаил Николаевич – 1902 г. р., родился в Харбине. В 1918 г. добровольно служил матросом в Сибирском флотском экипаже армии Колчака на миноносце «Бодрость». С 1921 г. – рядовой отдельного стрелкового полка атамана Семенова. В эмиграции – член организаций русских скаутов, русских «соколов» и др. В 1926–1927 гг. – член «Союза крестоносцев», в 1928–1929 гг. – «Союза мушкетеров». На допросе признал, что в 1935–1937 гг. был членом Всероссийской фашистской партии. В 1947 г. получил советское гражданство, репатрирован. В СССР арестован, осужден на 10 лет ИТЛ. В 1955 г. приговор был снижен до 5 лет, освобожден по амнистии, т. к. было признано, что «нет доказательств о совершении им каких-либо преступлений против Советского государства».

УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31839.

География размещения эмигрантов по миру,
примерная численность и трудовая деятельность
эмигрантов

*Из воспоминаний П.А. Оболенского
«На чужой стороне»*

Оболенский Петр Александрович – бывший офицер Кавалергардского полка. После октября 1917 г. – инструктор кавалерии в Красной Армии. В декабре 1928 г. уехал из СССР, жил во Франции, работал шофером, консьержем в гостинице. В 1955 г. вернулся в Советский Союз. Член Союза композиторов СССР.

...Шел 1939 год. Стучались тучи на политическом горизонте. Лето этого года я работал опять в Сан-Тропезе. В связи со слухами о надвигающейся войне иностранные туристы спешили вернуться восвояси: гостиница наша почти опустела. Ее закрыли. Я вернулся в Париж одним из последних, но в связи с сильным сокращением персонала гостиницы «Наполеон» пришлось опять думать о приискании заработка.

Я решил вернуться к шоферскому ремеслу и предложил свои услуги одной большой компании, которая, как и общество автокаров «Ситроен», организовала много автобусных линий от Парижа длиной до четырехсот километров. Эта компания работала исключительно на машинах «Рено».

На своей огромной машине я стал обслуживать линию Париж – Бовэ. Этот городок лежит на большой шоссейной магистрали в направлении к бельгийской границе.

Зарабатывали мы, шоферы дальних линий, довольно хорошо. Изрядный доход давал нам багаж пассажиров. Иногда от села до села поручали нам провозить какие-нибудь свертки или чемоданы. Останавливались по дороге обычно в городках возле кафе...

Но вот грянуло лето 1940 года. Немецкие полчища обрушились на Францию. Они наводнили Бельгию, обошли казавшуюся французам абсолютно неприступной «линию Мажино», быстро двигаясь к Парижу. Из северо-восточных департаментов хлынула волна беженцев.

Одним июльским утром, едва я успел выгрузить своих пассажиров на одной из площадей Бовэ, как в мой автобус вошел пехотный капитан и заявил, что машина реквизируется для нужд армии.

Мне оставалось пойти на вокзал и с первым поездом вернуться в Париж. Компания сейчас же перевела меня на другую линию. Я начал обслуживать маршрут Париж – Шартр.

В заботах о том, чтобы массы беженцев с северо-востока не хлынули в Париж, были приняты меры, направлявшие весь этот людской поток в обход города. Особенно перегружены были железные дороги к северу от Парижа. В помощь им власти высылали автоколонны. В нашей компании были реквизированы для этой работы десятка два автомашин, в их числе и мой автокар.

Колонна наша ранним утром выехала из Парижа в Эвре. Это было в начале августа. Часа через два мы достигли этого маленького живописного города. Большую площадь перед вокзалом запрудила толпа народа. Это были беженцы из северных провинций, которых мы должны были перевозить в Шартр за восемьдесят километров. Потом их опять сажали в вагоны, чтобы отправить дальше, на юг Франции. Наши автобусы загрузались до последних пределов...

По мере приближения германской армии к подступам Парижа, бегство парижан усиливалось с каждым днем. Люди наспех покупали за бесценок старые, давно вышедшие из употребления автомобили и нагружали их до отказа. Все дороги из Парижа на юг и на запад были запружены. Наконец, правление нашего транспортного общества «Рено» решило, что настала и наша очередь. Наши шестьдесят автобусов тронулись группами на запад...

Начальник нашей колонны оказался весьма энергичным и хозяйственным человеком. Он быстро наладил питание. Несколько жен шоферов взялись за оборудование кухни в каком-то пустующем сарае и скоро организовали отличную столовую. Чтобы автобусы не стояли без дела, по предписанию начальства, оставшегося со всей канцелярией и бухгалтерией в Ангулеме, мы открыли линию и составили расписание рейсов наших машин до большого города Перигэ, лежащего примерно в ста километрах...

Через какие-нибудь два дня после нашего бегства из Парижа немецкие войска вступили в город и очень быстро стали занимать западную часть Франции... Дальше эвакуироваться было некуда. Наше начальство решило возвращаться в Париж...

На другой день часа в два дня мы уже въезжали в Париж. На улицах предместий бросались в глаза частые полицейские разъезды в походной немецкой форме и неизменных серых касках... Разгрузив свой автобус у здания главной дирекции, я направился в наш большой гараж. Заведующий гаражом заявил мне, что ком-

пания «Рено» расформирована и я завтра могу прийти за получением окончательного расчета...

Немецкие морские офицеры заняли одну из лучших гостиниц Парижа в центре города. Огромное количество обслуживавших Морское министерство машин находилось в реквизированном у его французского владельца большом гараже в несколько этажей в центре города. Туда потребовалось большое количество переводчиков и шоферов. Так как при комплектовании персонала предпочтение отдавалось тем, кто хоть немного знал немецкий язык, то на восемьдесят процентов места там заняли русские шоферы: французы никогда не проявляли желания знать какой-нибудь иностранный язык.

Одного из моих приятелей администрация гаража назначила старшим над всеми русскими шоферами. Он уговорил меня поступить сюда переводчиком-шофером, познакомил с начальником гаража фельдфебелем Крессером. Это был типичный нацист. На мою долю выпала неблагоприятная роль улаживать нередкие конфликты между французскими шоферами и Крессером и его помощником.

Иногда мне приходилось выезжать с кем-нибудь из морских офицеров. Вскоре после капитуляции Франции высшее германское командование стало деятельно готовиться к десанту на побережье Англии. Для этого оно приступило к оборудованию десантных барж на речных верфях Сены, Уазы и других рек, впадающих в Атлантический океан, скупало баржи у частных владельцев. В качестве переводчика мне часто приходилось посещать эти верфи с кем-нибудь из руководителей работ.

Многие французские строительные компании подписывали контракты с германскими учреждениями, ведавшими отправкой в Германию и занятые ею страны французских рабочих. Одна электрокомпания обратилась ко мне с предложением сопровождать в качестве переводчика двадцать французских электротехников, уезжавших в Судеты на большой завод, который перерабатывал уголь в бензин и машинные масла...

«Судетенлендлише трайбштоффверке», куда мы прибыли, находился еще в стадии оборудования и скоро должен был быть пущен в ход. Кругом него стояли бесчисленные бараки для многих тысяч рабочих... Шесть тоскливых месяцев провел я в этом мрачном лагере...

Первого сентября 1942 года кончился мой контракт, закончилась и работа моей группы на заводе. Приехал директор фирмы. С моей помощью он ликвидировал наши дела и мы вернулись вместе в Париж...

Вернувшись в Париж, я не мог себе найти работу. Удалось узнать, что у немцев я состою на довольно плохом счету. Видимо, сказались мои частые конфликты с администрацией «Судетенлендские трайбштоффверке». Знали они и о том, что я продолжаю давать уроки английского языка. Мне даже показалось, что за мной установили слежку. Я стал часто менять место ночевки, пользуясь приютом у знакомых и друзей. Оккупационные власти вообще стали со все большей подозрительностью относиться к тем французам и русским, которых они брали на работу... В последний год пребывания гитлеровцев в Париже я существовал кое-как, на весьма скудное пособие от французского бюро учета безработных...

Москва. 1965. № 8. С. 209–221.

Из воспоминаний С.А. Дичбалиса

...Возможностей было хоть отбавляй! Англия, Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Франция и Канада – все они нуждались в рабочей силе. Вопросами трудовой эмиграции занималась UNRRA – Администрация Объединенных Наций по вопросам помощи и восстановления. Надо было пройти медосмотр (никто не хотел набирать туберкулезников или больных венерическими болезнями), проверку национального статуса (хотя на это теперь уже смотрели сквозь пальцы) и регистрацию по профессии.

Я уговорил жену ехать в Канаду – просторы, снега, леса!.. Фальшивые документы были оформлены друзьями-поляками. Будучи молодыми и здоровыми, мы спокойно ждали ответа на нашу анкету, поданную в местное бюро UNRRA...

Мы с женой зашли в здание, где проходили собеседования с подавшими заявления на выезд. Читая надписи на незнакомом для нас языке, переступили мы через порог комнаты, где сидел клерк – представитель страны, приглашавшей нас к себе на работу.

Повертев наши бумаги (а на моей было написано: «...посещал Высшие курсы по строительству подземных и наземных сооружений») и усмехнувшись, клерк стал говорить о том, как хорошо жить в его стране: тепло, пальмы, всего довольно, суровых зим не бывает!

Переспросив его насчет отсутствия зимы, мы поняли, что ошиблись адресом. Это не Канада, вход в представительство которой был на другой стороне коридора, а Австралия. Ухватив меня за рукав, уговорила меня жена поменять снежные склоны канад-

ских гор на «бананово-лимонную» утопию Австралии. Спасибо ей за это! Нам повезло!..

Тогда, в 1949 г., Сидней не был так красив, как сегодня. Но хорошо защищенная гавань, зелень его садов и голубизна водного пространства, по которому скользили, как водяные букашки, яхты и парусные лодки всех сортов и размеров – все это было так прекрасно, что мы вздохнули, как вздыхают, придя домой.

Пройдя таможду, сели мы на поезд, который привез нас в местечко Бэдхорст, в бывшие, теперь пустующие, военные лагеря. В огромных бараках, без каких-либо перегородок, помещались молодые пары только что приехавших переселенцев... Мы чувствовали себя совсем как дома. Грусть по Родине еще не начала проявлять себя. Все новые впечатления оттесняли ее на «потом». Огромные сосиски с луком и картошкой на завтрак, хлеб с маслом и вареньем, или никому из нас еще не известная, но довольно вкусная коричневая размазня «Веджемайт», чай или кофе к обеду. На ужин почти то же самое, но двойные порции мяса, фрукты и печень или мороженое.

Все это заполняло наши желудки до тех пор, пока не приелось. Мы стали стараться разнообразить дневные меню своими собственными средствами. Те у кого были доллары или немецкие марки, пускали их в оборот. Те, у кого их не было, ухитрялись их зарабатывать. Играли в карты, давали частные уроки английского языка, математики и других отраслей наук...

Нас скоро распределили по контрактам, которые мы подписали еще в Германии. Два года отработать на месте, куда нас назначит Правительство Австралии, было нашим обязательством, как бы возмещавшим Австралии стоимость нашего переезда и устройства на рабочие места.

Людям старшего возраста, имевшим какую-то специальность, не совсем подходившую к работе с лопатой или молотком, приходилось туго. Надо было приспособливаться и переучиваться, но таким, как я, все было – «море по колено». Жене пришлось работать в церковной больнице на огромной машине, сушившей простыни, а меня, после вступления в члены профсоюза металлистов, послали на завод «Лейзац», который вырабатывал всевозможные изделия из стали, в том числе проволоку разных сортов.

Ее тянули из горячих железных жгутов, сматывали, еще горячую, машиной в мотки и складывали в штабеля под низкую железную крышу крыла постройки. Все это с помощью специальных приспособлений без применения ручного труда. На улице, под солнцем, было около 30 градусов по Цельсию. Под крышей было 40–45 градусов.

В это пекло заходили 3 австралийца, нагружали горячие мотки на платформу, которую надо было сперва взвесить для регистрации веса тары, а потом ее толкали по рельсам к пристани, где проволоку грузили на баржу. Надо упомянуть, что на платформу за раз грузили две тонны проволоки, а в рабочую смену грузилось 140–150 тонн. За эту работу платили три дневных заработка. Была только одна колея, и вторую платформу-тележку поставить было нельзя...

Заметив мои бицепсы и широкие плечи, подошел ко мне бригадир цеха и спросил, не попытаюсь ли я выдержать эту нагрузку и не смогу ли поддержать этих двух закаленных и привыкших к ней работяг. Что-то екнуло у меня в душе, но самолюбие не позволило отказаться. До конца дня оставалось лишь пара часов, и я рискнул. Эти два часа были мукой. Мотки вываливались из моих рук, я обжигал себя в самых разных местах, и только советы моих двух новых друзей по работе помогли дотянуть до сирены, звучавшей в конце рабочей смены. Дома я спал как убитый, но на утро все мое тело ныло...

Валился я спать рано, наутро освежал свое тело душем, и так втянулся в профессию грузчика, что после того, как мои австралийцы ушли на другую, более порядочную работу, я стал бригадиром и покрикивал на двух несчастных «рабов», тянувших гуж изо всех последних сил, дабы не отстать от моего темпа. Но это был уже не тот темп! Мы не могли (или не хотели) гробить себя за сдельные. Кончилось все это тем, что один из моих коллег уронил тяжелый моток проволоки на мою ногу, и мне пришлось лечь в госпиталь. После поправки меня перевели на другую работу. Нога все еще побаливала, и мне позволили работать «по специальности» – проявлять пленки и печатать фотографии на предприятии «Кодак»...

Попросив перевода на работу вне столицы, в провинцию, я получил назначение в бригаду, ремонтирующую железнодорожные пути в штате Новый Южный Уэльс. Работа была тяжелая, жили мы в палатках, добираясь до места работы на дрезинах. Под шпалами, поврежденными белыми термитами, лесным пожаром или потопом, мы часто находили или ядовитую змею, или ядовитых пауков. Проходивший мимо раз в день поезд притормаживал и отгружал нам продовольствие. Он же забирал новые заказы на завтра...

Работая для Австралийского Правительства, а не на частного предпринимателя, можно было давать себе некоторые поправки.

Наш рабочий день вместо полагающихся восьми часов продолжался всего лишь часов пять. Остальное время мы или кипятили чай для отдыха, или просто сидели, поджидая поезда с нашими заказами. Все это можно было объяснить тем, что мы «выполнили норму»...

Через несколько месяцев подошел мой отпуск. Меня оповестили о выполнении моего контракта и моей юридической свободе. Конечно, мое рабочее место будет сохранено для меня, если я вернусь в бригаду. Обдумав с женой, куда нам поехать, мы вернулись в Сидней, нашли для себя комнату в подвальном помещении и работу для меня на фабрике «Данлоп», выпускавшей всякую резиновую продукцию, включая автомобильные и тракторные шины.

Опять работа в ужасной жаре! Горячее сырье, из которого изготавливалась резина, накладывали штабелями перед огромными валами-мельницами. Его пропускали несколько раз между стальными цилиндрами, пока эта резиновая масса не становилась достаточно мягкой для разрезания специальным ножом... Пот с нас катил непрерывно! Мы пили воду из-под крана и глотали горсти таблеток соли для возмещения потери ее потом. В обед все лежало на цементном полу, чтобы хоть как-то поймать холодок, веющий из-под тяжелых железных дверей...

Дичбалис С.А. Зигзаги судьбы. М., 2003. С.138–140, 143–154.

Примерная общая численность «второй волны» советской эмиграции: статистические исследования

*Из исследования эмигрантского публициста
В.Д. Поремского*

Поремский Владимир Дмитриевич (1909–1997). Родился в г. Ченстохове в семье военного. В 1920 г. с родителями эвакуировался в Югославию. Учился в Белграде в русской гимназии, потом в университете. Переехал в 1928 г. в Париж, окончил Сорбонну (1931), получил там ученую степень, в Лилле окончил Институт химии (1932). Стоял у истоков организации НТС. С 1934 г. – председатель Французского отдела Союза. В годы Второй мировой войны работал переводчиком в лагере Вустрау. С 1943 г. – член Исполнительного бюро Совета НТС. После Второй мировой

войны – видный идеолог НТС. В 1955–1972 гг. – председатель НТС, до 1992 г. – член Совета НТС. В 1990-е гг. неоднократно приезжал в Россию.

...Благодаря дотации Рокфеллеровского института Британское королевское общество получило возможность поручить дело сбора статистическому материалу компетентным лицам, которые предприняли ряд поездок по странам эмигрантского рассеяния и собрали внушительные томы сырых данных. Сводка их дана в так называемом рапорте лорда Джона Симпсона, который был опубликован в виде книги в 1938 г. . . .

Современные статистические данные удалось собрать благодаря помощи того же Рокфеллеровского института. На этот раз дотация была получена Верховным комиссаром по делам беженцев при Объединенных Нациях. Работа была осуществлена под руководством Джека Вернанта и опубликована в книге «Беженцы в послевоенном мире»...

Если в данных о довоенной эмиграции я опирался (с некоторыми поправками) на материалы Симпсона и приведенные цифры почти полностью совпадают с опубликованными им, то в определении количества послевоенной эмиграции мне пришлось критически отобрать данные Вернанта и, сопоставив их с данными, собранными в анкетных опросах РИА (Российское Информационное Агентство), свести все в четвертую колонку таблицы – представляющую (по отношению к материалу Вернанта) скорее завышенные, нежели заниженные, данные.

РИА пользовалась в своих анкетах или официальными данными, которые удалось получить в некоторых странах, или путем умножения членов православных приходов и лиц, посещающих пасхальную заутреню, на коэффициент, который можно установить для тех или иных стран с достаточной степенью точности.

К этому расчету приходилось прибегать, например, по отношению к Англии, куда, согласно официальным данным, не мог попасть ни один беженец из СССР. Акция Вествад – Хо не вывозила на работу в Англию уроженцев России. С другой стороны, общеизвестно, что в Англии находится немалое количество людей, которые фигурируют там в качестве лиц самого невероятно происхождения. На самом деле, они – русские.

Очень трудна статистика русских находящихся в США и Канаде. Официальная статистика иммиграционных властей дает цифру в 40.000 русских, данные же РИА указывают на наличие в одном Нью-Йорке около 25 тысяч. В Канаде русскими числятся

люди, давно уже принявшие канадское подданство и потерявшие духовную связь с эмиграцией.

Критический разбор статистического материала и сопоставления приводят к ориентировочным данным, указанным в четвертой колонке таблицы. Они дают общую численность эмиграции в 1952 г. – 260.000 человек.

Эта цифра кажется поразительно малой по сравнению с тем представлением, которое мы имеем о «миллионной» массе новой эмиграции. Очевидно, мы имеем дело с тем же мифом, который возник и в результате появления за рубежами России второй эмиграции.

Первые данные военных властей говорили о цифре приблизительно в 1 миллион человек из числа новой эмиграции. Более поздние данные УНРРА говорят о 500.000. Исследования Георга Фишера в его книге «Советская оппозиция Сталину» приводят уже к более скромной цифре в 250.000 чел. Мой подсчет дает еще меньшую цифру. Действительно, Г. Фишер исходит из статистики ИРО 1950 года, которая обнимает всех беженцев, учтенных этой организацией (и ее предшественницами), расселенных по разным странам или оставшихся в это время на территории Германии и Австрии, Италии и т. п.

Общее количество западных белорусов, западных украинцев, балтийцев и нансенистов, среди которых могли находиться камуфлированные беженцы из Советского Союза, по данным ИРО – 329.000. «Советские» фигурируют в статистике ИРО лишь в числе 44.000 человек.

Фишер полагает, что количество «советских» больше приближается к общей сумме указанных выше категорий, нежели к цифре 44.000. В своих расчетах я пытаюсь исходить из вероятного процента «советских» среди прочих категорий. Этот процент не может быть слишком велик, ибо тогда пришлось бы утверждать, что, например, балтийцев среди балтийцев меньшинство. А это явно не может соответствовать действительности. «Советским» как раз было очень трудно камуфлироваться под балтийцев, но значительно легче под украинцев. Часть «советских» скрыта и среди нансенистов, но все же надо полагать, что основная масса нансенистов представлена старыми эмигрантами. Зато часть последних попала в категорию балтийцев и т. п.

Попытаемся установить численность «новой» и «старо-новой» эмиграции.

Статистика ИРО на июнь 1950 года дает следующие цифры глобального количества перемещенных лиц, Ди-Пи (не только

зарегистрированных к этой дате, но и переселенных в предыдущий период):

Западные белорусы	10.000
Западные украинцы	120.000
Балтийцы	172.000
Нансенисты	27.000
«Советские»	44.000

Вероятное количество «новых» русских эмигрантов среди них:

30 % среди белорусов	3.000
20 % западных украинцев	24.000
1 % балтийцев	2.000
20 % нансенистов	5.000
«советские» как таковые	44.000
Итого	78.000

Ускользнувшие от ИРО

или размещенные

во Франции, Бельгии и т. д. 22.000

Всего «новой» эмиграции 100.000

Старая эмиграция, вновь появившаяся на Западе в результате войны:

среди нансенистов	22.000
среди балтийцев	5.000
разные	3.000
Итого	30.000

Таким образом, в результате войны, в Европе оказалась третья эмиграция в общем количестве 130.000 человек

Основываясь на этом, можно произвести и подсчет всего нынешнего состава эмиграции, который и произведен в следующей таблице.

Расчет численности нынешней эмиграции, исходя из цифр потерь и новых пополнений.

Эмиграция, оставшаяся за «железным занавесом» в Европе:

Финляндия	8.000
Эстония	5.000
Латвия	13.000
Литва	5.000
Польша	80.000

Румыния	11.000
Венгрия	4.000
Чехословакия	15.000
Югославия	27.000
Болгария	16.000
Итого	184.000

Из этого числа	30.000
выбрались обратно на Запад,	
остались	154.000
На Дальнем Востоке было	94.000
Выбрались	14.000
Осталось	80.000
Итого потеряно для эмиграции	234.000

В свободном мире оставалось	505.700
	-278.000
Итого	227.500

Из этих оставшихся потеряны в силу процесса вырождения, ассимиляции и т. д. в течение 15 лет половина (согласно пропорции, имевшей место в первое пятнадцатилетие), следовательно, осталось

Отсюда нынешняя численность эмиграции:	
Неассимилированная часть,	
оставшаяся в свободном мире	115.000
новое пополнение в Европе	130.000
на Дальнем Востоке	14.000
Итого:	259.000

Так, подходя с разных сторон – на основании статистического исследования Джека Вернанта ...и приведенного выше расчета мы приходим к той же цифре в 260.000 человек приблизительно, из которых 100.000 падает на «новую» эмиграцию. Причем во всех случаях речь идет об эмиграции неассимилированной, т. е. той, на которую мы и можем только рассчитывать в политическом смысле.

Расселение нынешней эмиграции резко отличается от расселения в предыдущие периоды. Сейчас только 30 % эмиграции находится в Европе, а 70 % – во внеевропейских странах. А это означает, что нынешняя эмиграция в еще более быстрых темпах

будет ассимилироваться и лет через 15 сведется к каким-нибудь 100.000 человек.

Резко увеличились трудности какой-либо работы в эмиграции из-за ее крайней разбросанности по всему земному шару. Отметим и характерную особенность новой эмиграции. Она в значительно меньшей мере, чем прежняя, представляет собой правящий и ведущий слой Советского Союза. В 1917 году за рубеж ушли те, кто стоял около или у власти. Ныне ушли люди, стоявшие к власти в оппозиции. Немудрено поэтому, что в новой эмиграции не так значительна прослойка крупных писателей, художников, государственных деятелей, ученых и т. д., как это было в эмиграции второй. Зато новая эмиграция схожа со второй тем, что в ней тоже преобладает мужской состав. Наконец, для новой эмиграции характерна ее сравнительная разобщенность. Будучи в России в оппозиции режиму (да и вообще в силу изолированности человека в Советском Союзе), она не создала и не могла создать тот тип организаций, который был характерен для эмиграции прежней: землячества, воинские объединения, объединения корпусные, гимназические, университетские и т. п. Только совместное пребывание во Власовской армии создало узы, легшие в основу некоторых зарубежных организаций.

Все вышеуказанные особенности, несомненно, будут способствовать еще более быстрому темпу ассимиляции, нежели это имело место ранее...

Поремский В.Д. Стратегия антибольшевицкой эмиграции. М., 1998. С. 133–175.

*Из статьи В.Н. Земскова
«Репатриация и вторая волна эмиграции»*

...По официальным данным, около 10 % советских граждан, оказавшихся за границей (451 561 человек), составили «вторую эмиграцию». Однако в это число не включены бывшие советские немцы, ставшие гражданами ФРГ; бессарабы и буковинцы, принявшие румынское подданство, вступившие в брак с иностранцами имевшие от этого брака детей и некоторые другие. С учетом этих «иностранцев» численность «второй эмиграции» составила, по нашим оценкам, около 620 тыс. чел.

В числе советских граждан, по разным причинам не вернувшихся в СССР и составивших «вторую эмиграцию», было при-

мерно $\frac{3}{4}$ так называемых «западников», т. е. жителей республик и областей, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. (Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина, Западная Белоруссия, Правобережная Молдавия и Северная Буковина). Остальные около $\frac{1}{4}$ «второй эмиграции» составляли «восточники», т. е. жители СССР в границах до 17 сентября 1939 г.

Из общего числа советских граждан, составивших «вторую эмиграцию» 103 716, по данным на 1 января 1952 г., были в западных зонах Германии и Австрии, 100 036 – в Англии, 50 307 – в Австралии, 38 681 – в Канаде, 35 251 – в США, 27 570 – в Швеции, 19 675 – во Франции, 14 729 – в Бельгии, 7 085 – в Аргентине, 6 961 – в Финляндии, 3 710 – в Бразилии, 2 804 – в Венесуэле, 2 723 – в Голландии, 2 619 – в Норвегии, 1 540 – в Дании, 1 174 – в Турции, 860 – в Парагвае, 692 – в Палестине, 631 – в Новой Зеландии, 489 – в Швейцарии, 437 – в Италии, 355 – Марокко, 25 344 – в других странах Западной Европы, Америки, Африки, Азии и Океании, 4 172 – в европейских социалистических странах.

Национальный состав «второй эмиграции»
(по данным органов репатриации на 1 января 1952 г.)

Национальность	Численность	% к общему числу
Русские	31704	7,02
Украинцы	144934	32,10
Белорусы	9856	2,18
Латыши	109214	24,19
Литовцы	63401	14,04
Эстонцы	58924	13,05
Другие	33528	7,42
Итого	451561	100

Правовой статус российских эмигрантов
в различных странах мира

*Правовой статус российских эмигрантов в годы
Второй мировой войны*

Германия

«Трудовая книжка для иностранцев» – основной документ, регулировавший пребывание оstarбайтера на территории Рейха в 1942–1945 гг.

Из воспоминаний В.Г. Фурсенко «Ди-пи: дни и годы»

Фурсенко Вера Григорьевна (р. 1924) – родилась в Каховке Николаевской области. В 1941 г. окончила среднюю школу. В 1942 г. вывезена на принудительные работы в Германию. После войны избежала репатриации, работала в Германии и Англии. С 1951 г. работала в библиотеке Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР. С 1956 г. живет и работает в США, с 1957 г. замужем за Н.А. Троицким. Окончила библиотечный факультет Сиракузского университета. Работала заведующей русским отделом библиотеки Бингамптонского университета.

... Я родилась на Украине, под Каховкой. В сорок первом году окончила школу, и поскольку все отметки были отличные, меня приняли в медицинский институт в Днепропетровске без экзаменов, но учиться не пришлось, потому что уже через пару месяцев после начала войны пришли немцы... 10 сентября 1942 года меня насильственно вывезли в Германию. В то время мы жили в Новой Маячке. Перед этим в Германию были отправлены два транспорта добровольцев. Было объявлено, что молодежи, которая хочет работать в Германии, будут платить, обеспечат одеждой, а потом через какое-то время вернут домой. После этого добровольцев больше не было. Я попала в первый транспорт принудительно вывезенных на работы в Германию молодых людей. Возраст – 17–18 лет, по-моему, старше 25 лет не брали...

Сначала мы не осознавали своего положения, нам казалось, что мы свободны, что мы вернемся. Но постепенно стали закрадываться сомнения: почему так много людей в вагонах, почему мы все время голодные – у кого что было с собой, тем и перекусывали. Из вагонов выпускали очень редко, когда же переехали границу, нас уже охраняли солдаты с винтовками. Окончательное прозрение пришло, когда во Франкфурте-на-Майне мы попали в лагерь, за колючую проволоку. Тут я была буквально ошарашена – ведь я вообще ничего о концлагерях не слыхала. Бараки, 2-х и 3-х ярусные деревянные нары, соломенный матрац, соломенная подушка и одеяло какого-то серо-грязного цвета, на стенах надписи. Одна запомнилась: «Кто здесь не был – тот побудет, кто побыл – тот не забудет»...

И начали нас из этого лагеря развозить. Часть тех, с которыми мы ехали, попала куда-то в другое место, а нас привезли в Кассель. Целый состав. Потом заставили идти пешком, под охраной. Пришли на окраину города, по-моему, в то время она называлась Мюнхенберг...

Мы попали на один из цеховых складов танковой фабрики... Обед нам привозили на фабрику. Это была опять та же баланда. Обычно это был брюквенный «суп», который я терпеть не могла. Его готовили так. Гнилую брюкву и картошку привозили в лагерь, где мы жили, сгружали на цемент, кто-то (вначале, как рассказывали, это были повара) брал кишку, поливал их водой и промывал. Потом чуть ли не самыми обыкновенными рабочими вилами сваливали все это в громадные котлы, и это гнилье там варилось... Начинали мы очень рано. Нас будили в пять или в четыре утра... Работали с коротким перерывом до шести или до семи часов вечера...

Раз в месяц (а, может быть, реже?) нам разрешали послать открытку. Открытка просматривалась цензурой, так что часто приходила почти полностью вымаранной. Поэтому я писала домой, что мы живем хорошо, что у нас все в порядке, тихо, но вот бывают такие дни, как тогда. И тут я приводила дату, которую в то время точно помнила – в этот день сильно бомбили Новую Маячку и разрушили нашу школу. Дома, конечно же, поняли, что и в Касселе была большая бомбежка... Но примерно таким же, по видимому, образом кому-то удалось сообщить домой, что нам живется далеко не так хорошо... И хотя была война, сами они жили очень-очень бедно, и мне, и многим из нас начали присылать посылочки. Разрешалось посылать, кажется, 250 граммов. Мне присылали либо табак, либо сало. Почему табак? Этот табак я могла поменять на кусок хлеба...

Немцам вообще было запрещено общаться с нами. Если узнавали, что у немца какая-то связь с остовкой или у немки с остовцем – концлагерь обоим...

Наказывали за малейшее отклонение от порядка: не вовремя встал, не туда ступил, выбился из колонны... Раз еще в самом начале, нас вели с фабрики в лагерь. И тут кто-то затянул что-то вроде «Интернационала». Посню подхватили – вы же понимаете, все мы были советские, все настроены патриотически, все ненавидели немцев, ну и запели. Тех, кто пел, цапнули. По-моему, их тоже били. Потом бросили в карцер...

А в конце сорок третьего или в начале сорок четвертого года случилась та самая бомбежка, о которой я иносказательно сообщила домой... Как потом говорили, бомбежка длилась 85 минут. За это время Кассель был практически уничтожен. Мы видели потом огромные ямы на месте городских строений, целые кварталы поваленных взрывной волной домов. От разрывов фугасных бомб, под обломками зданий, в заваленных бомбоубежищах погибло 65 тыс. мирных жителей, стариков, детей, женщин. Были разрушены больницы, школы, но ни одна бомба не попала в нашу фабрику... Вторая массивная бомбежка случилась спустя несколько месяцев. К счастью для нас, она была тоже ночью, потому что на этот раз бомбили уже не город, а фабрику и полностью ее уничтожили... Наш склад решили перевести в небольшую деревеньку под Байзенфортом, километрах в ста от Касселя. Вот там-то я и провела остаток своей «остовской» жизни, кажется, с лета или осени сорок четвертого до конца войны...

А потом, ранней весной сорок пятого в Байзенфорт пришли американцы. Первое, что они сделали, это открыли двери част-

ных немецких магазинов. И всем – и иностранцам, и немцам – сказали, что вы можете брать все, что хотите: продукты, одежду, обувь. И в магазинах, и в вагонах брошенных при отступлении эшелонов. Немцы, конечно, не ходили, они сразу стали притихшими, а иностранцы пошли все. Мы набрали чемоданов, понабивали их обновками, все старое посбрасывали, переобулись, переоделись. Кормили нас хорошо, отношение было замечательное...

Так прошло месяца два. Однажды всех иностранцев вывели на деревенскую площадь, и какой-то официальный чин из оккупационных властей, возможно, даже не военный, не помню сейчас, объявил на немецком языке, что все, кто до войны проживал в странах на восток от Германии, должны отойти в одну сторону, а те, кто на запад – в другую. В Байзенфорте иностранцев было совсем немного, возможно, поэтому все было так просто, а из Касселя вывозили всех без разбора. Так что у нас была возможность уйти, куда хочешь. Одна девушка сошлась с бельгийцем. Она отошла вместе с ним, и ее увезли в Бельгию. «Западных» отвозили прямо домой. А «восточных», нас трех остовок и нескольких поляков посадили с вещами на грузовик и повезли неизвестно куда...

Привезли нас в Тюрингию, в городок такой, Ордруф. И опять лагерь, опять, колючая проволока... Но я мечтала только об одном – как бы поскорее вернуться к родителям, бабушке, дедушке, сестрам, вернуться в тепло родного дома... Так бы оно и случилось наверное, если бы не одно ужасное происшествие, о котором сразу же узнал весь лагерь. Девушек-остовок на нескольких грузовиках завезли в лес, всячески оскорбляли, называли немецкими подстилками, а потом изнасиловали. Кому-то удалось бежать, они все и рассказали.

После этого многие стали задумываться, стоит ли возвращаться на родину, что нас там ждет. Вот и я переменяла свое мнение, и мы решили идти в комендатуру... Мы, конечно, обратились к американцам. Муж рассказал незатейливую историю о том, что он – западный украинец (а западных не выдавали, они считались наравне с поляками), что во время гражданской войны они совсем маленькими потерялись с братом, что брат теперь находится в польском лагере в Гота, и ему вместе с женой хотелось бы перебраться в этот лагерь.

Американцы – народ простодушный: «Ах, брат? Ну, Боже мой! Собирай манатки, мы тебе сейчас же дадим джип, шофера и перебросим вас в польский лагерь»...

В Гота мы только что и переночевали. На следующий день нас посадили в поезд, долго-долго везли и наконец высадили на

какой-то небольшой станции под Регенсбургом. Это в Баварии, в американской зоне. Километрах в 10–15 от этой станции в густом лесу расположился громадный лагерь для поляков... Когда нас привезли, было раннее лето сорок пятого, и из оккупационных властей в лагере в то время почти никого не было. Поэтому оформляли нас сами поляки. По-польски мы почти не говорили, а с украинцами у поляков были очень и очень натянутые отношения. И назваться украинцем означало в лучшем случае быть выкинутым из лагеря. Впрочем, проблемы у поляков были с западными украинцами, с галичанами, а нас, восточных, это вроде бы и не касалось, однако, я остерегалась говорить, что я – украинка. Так или иначе мы представились им русскими, но сказали, что мы никак не хотим возвращаться. Поляки нас успокоили.

Так в одно мгновение я была вынуждена два раза поменять свою национальность и стала дисплейсед персон – ди-пи, перемещенным лицом, человеком, вывезенным со своего места жительства, которому предоставлено политическое убежище. Ведь поляки (по мнению Запада, в отличие от советских) не могли вернуться на родину, не боясь подвергнуться репрессиям.

Но, надо отдать им должное, поляки никогда не выдавали русских. Так что когда начались многочисленные инспекции советских репатриационных миссий, я не волновалась. На вопрос, есть ли у вас в лагере русские, поляки отвечали категорическим «нет». А когда их вынуждали предъявить списки (а этим миссиям было дано право проверять любой лагерь) и указывали на русские или украинские фамилии, поляки были непреклонны: «Это – не ваш человек, это – поляк. Мы вам его показывать не будем». Таких «поляков» из бывших советских вскоре набралась небольшая группа очень милых людей разных национальностей...

Условия в этом лагере нечего и сравнивать с теми, в которые я попала до сих пор. Это был прямо-таки курорт: свежий воздух, хорошее питание, шоколад, папиросы – все, что твоей душе угодно!

Так прошло два года. И как здесь бы ни было хорошо, все-таки это была клетка, из которой мне хотелось вырваться... И я начала наводить справки. В Америку почти не брали, брали только тех, у кого там были родственники или какие-то связи. Вообще массовой эмиграции в Америку тогда не было. Зато начали уезжать в Марокко, в Австралию, в Южную Америку, но это меня особенно не интересовало. Тут я узнала, что берут на работу по контракту в Англию. Предлагалась работа медсестры, в шахтах, а главным образом на текстильных фабриках. Условия найма

были строго оговорены и казались довольно жестокими. Тем не менее я решила и написала, что хотела бы заключить контракт на год.

Когда я пришла в английское консульство (а, может быть, это была какая-то контора по найму), выяснилось, что русских в Англию не берут, берут поляков, украинцев... По счастливой случайности (меня как-то обворовали, и почти все документы пропали) сохранился мой старый паспорт. Мои данные сразу же переписали, и я снова стала украинкой и отправилась на работу в Англию. Шел 1947 год. Начинаясь новый период моих скитаний по чужой земле...

В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. – М., 1997.

Люди и структуры Русского зарубежья

Французский исследователь Д. Вейон о судьбе героя Спротивления русского эмигранта Б. Вильде

26 марта 1941 года капитан СС Дюринг и его подчиненные задерживают Бориса Вильде, направлявшегося в кафе на площади Пигаль на встречу с Симоной Мартен-Шоффье, которая должна была передать ему фальшивые документы. Так началось «дело Вильде», тесно переплетенное с «делом Музея человека».

К моменту ареста Вильде, молодому этнологу, было тридцать два года. Жизнь его «была сплошным необыкновенным приключением», – пишет в своих воспоминаниях Аньес Гюмбер, одна из товарищей по Спротивлению. Русский по рождению – родился в Санкт-Петербурге 25 июня 1908 года, – после революции 1917 года он с семьей был вынужден бежать в Эстонию, где прошли его детство и учеба. Вместе с другими детьми он получает среднее образование в Тартусском лицее. Юноша очень рано раскрывается, проявив явное литературное дарование, пишет поэмы. Поступив в университет, он продолжает самостоятельно зарабатывать на жизнь, трудясь на заводе, однако, его мягко говоря, антиконформистская деятельность привлекает к себе излишнее внимание и его высылают в Латвию, откуда он в 1930 году перебирается в Германию. Ему двадцать два. После трудных лет в Берлине в сентябре 1932 года он переезжает в Париж. Насколько

значимым для принятия этого решения было общение с Андре Жидом, приехавшим в Берлин с лекцией? Мы не знаем. Известно только, что последний предложил Вильде свое содействие во французской столице. Решающей оказалась его встреча с Полем Ривэ, директором Музея человека, поскольку она развернула карьеру Вильде в сторону этнологии, что не мешало молодому ученому продолжать изучение немецкого и японского языков. Желая усовершенствовать свой французский, он откликается на предложение брать уроки в обмен на уроки русского. Предложение исходило от Ирен Лот, одной из трех дочерей историка Фердинана Лота, работавшей в то время библиотекарем в Сорбонне. В июле 1934 года они поженились. В своей новой семье Вильде обретает любовь и понимание. Получив в 1936 году французское гражданство, он работает в отделе северных культур Музея человека и в 1937 году едет в научную экспедицию в Эстонию, а годом позже – в Финляндию (для изучения финского языка). Его жажда освоения языков неутолима: продолжая занятия японским, он принимается за китайский.

Во время войны его мобилизуют в артиллерийские войска, сперва бригадиром, а затем квартирмейстером. Попав в июне 1940 года в плен в районе гор Юра, он совершает побег и, несмотря на ранение колена, пройдя 300 километров пешком, в начале июля 1940 года возвращается в Париж. Сразу по возвращении Борис Вильде, не желая оставаться в бездействии перед лицом оккупантов, вырабатывает, при содействии Поля Ривэ, план дальнейших действий: разумеется, антифашистская пропаганда, но также и связь с британскими спецслужбами для передачи военно-политических сведений, облегчения пересылки добровольцев и освобожденных военнопленных. Первое упоминание о листовке датируется августом 1940 года. Вильде помогают коллеги из Музея человека – антрополог Анатолий Левицкий и библиотекарь Ивонн Оддон. Позже к ним присоединяются и другие: Аньес Гюмбер, Клод Авелин, Жан Кассу, Марсель Абраам, а также Пьер Броссолет и этнолог Жермен Тийон.

Борис Вильде быстро становится руководителем этой антифашистской деятельности, главой небольшой группы. Он поддерживает связь с группой Андре Вейль-Кюриэля, с профессурой Сорбонны, адвокатами. В это время во Франции существуют очаги борьбы, еще не называемые «сопротивлением» и выполняющие самые разные функции: распространение листовок, сбор информации и т. д. В конце сентября 1940 года борцам из Музея

человека удается выпустить несколько сотен экземпляров листовки, озаглавленной «Виши ведет войну». Но они видят цель в том, чтобы идти дальше и создать газету, редактором которой избран Жан Кассу. Найдено и название – «Резистанс», а первый номер выходит 15 декабря 1940 года. Начиная с декабря Борис Вильде и Анатолий Левицкий стараются расширить свою деятельность в провинции, налаживая контакты в свободной зоне (Тулузе, Марселе, Лионе, Лазурном Береге) и на западе Франции, по-прежнему продолжая попытки объединения маленьких групп, возникающих в интеллектуальных и университетских кругах в самом Париже. По словам Жермен Тийон, работа подпольной группы Музея человека в этот период была прекрасно организована. Однако туда удалось внедриться «паршивой овце»: Альбер Гаво служил осведомителем у капитана Дюринга. 30 декабря в Овервилье на ул. Де Пантен, 13, в помещении, принадлежащем авиаклубу, был произведен обыск и обнаружен ротапринт, на котором работали девятнадцатилетний типографский рабочий Альбер Комба и восемнадцатилетний Р. Фортье. Дома у Комба найдены тринадцать больших конвертов, содержащих значительное количество листовок «Резистанс № 1». Кроме того, у молодого человека хранился список из двадцати двух имен, где выделялись имена Леон-Мориса Нордмана и Вейль-Кюриэля. Немцы задерживают Нордмана на Версальском вокзале в тот момент, когда он, в сопровождении Гаво, предложившего показать дорогу, должен был выйти на связь с тайным каналом для побегов в Бретани. Остальные, адвокаты Рене-Жорж Этьен, Альбер Но А и сенатор Одэн, были также задержаны.

Тем временем Борис Вильде покинул Париж, чтобы перебраться в свободную зону с центром в Тулузе. В начале февраля 1941 года в ходе проведенной СС операции уничтожена парижская группа; Анатолий Левицкий, Ивонн Оддон и другие ее члены арестованы. Все же, ценой тяжелых усилий, сопротивление продолжается и на смену павшим приходят новые добровольцы. Так, Пьер Вальтер принимает дело Левицкого. В марте 1941 года, несмотря на предостережения Поля Ривэ и Клода Авелина, одного из последних, кто видел его живым, Борис Вильде возвращается в Париж. Он сразу же возобновляет связи, отыскивает товарищей. Поскольку у него нет фальшивых документов, Симона Мартен-Шоффье берется их достать. Встреча назначается на 15 часов 26 марта на площади Пигаль – остальное известно. Когда он переходил площадь, его схватили четверо и сперва отвезли на

улицу Соссэ, а затем в Санте. К апрелю 1941 года большая часть подпольной группы Музея человека находится в заключении либо в тюрьме Санте, либо в Шерш-Миди. Спустя некоторое время, 16 июня 1941 года... Бориса Вильде переводят в тюрьму Френ.

Во Френ политзаключенные занимают 6-е отделение, находящееся в ведении нацистов. Условия их содержания особенно тяжелы. Узники содержатся в одиночных камерах, они засекречены и лишены права выходить на прогулки в тюремный двор (находясь в тюрьме с 16 июня, Борис Вильде получает право на первую прогулку только 20 сентября). Все страдают от голода, сырости, а с наступлением осени – и от холода. Передачи первое время также запрещены, поэтому заключенные вынуждены довольствоваться предоставляемым скудным пайком. Затем Вильде отмечает некоторое улучшение: разрешены передачи, выдают писчую бумагу, 15-м сентября помечено его первое из Френ письмо жене; он может читать и обменивать получаемые с воли книги, что изменяет его жизнь в заключении. Уже в Санте он начинает размышлять «о самом важном» и о самом себе, но именно во Френ, как он поясняет в письме жене от 16 января 1942 года, начинает записывать свои мысли: «Постепенно я привык и стал находить в этом некоторое удовольствие. Вот каково происхождение этого дневника»...

Процесс над девятнадцатью обвиняемыми начался 8 января 1942 года под председательством капитана Эрнста Роскотена. Было предъявлено обвинение в шпионаже. В случае предоставления обвинением доказательств ожидал смертный приговор. С самого начала Борис Вильде, Анатолий Левицкий и Пьер Вальтер были выделены как главные виновные, как организаторы заговора. На протяжении всего судебного разбирательства Роскотен пытался спасти самого юного из обвиняемых, Рене Сенешала по прозвищу «Мальчуган», восемнадцати лет. Приговор был вынесен 17 февраля: шестеро помилованы, трое приговорены к тяжелым работам... и десятеро – семеро мужчин и три женщины – к смертной казни. Несмотря на многочисленные выступления в их защиту, семеро мужчин были казнены 23 февраля на Мон-Валерьен. Так завершилось «дело Музея человека», связанное с «делом Вильде»...

ВейонД. От Санкт-Петербурга до Мон-Валерьен // Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942. – М., 2005. С. 6–10.

Роль Русской Православной церкви
в жизни эмиграции

Из очерка Т. Манухиной
«Памяти митрополита Евлогия»

Очерк написан русской эмигранткой Т. Манухиной, записавшей воспоминания митрополита Евлогия.

Митрополит Евлогий (в миру – Василий Семенович Георгиевский) (1868–1946). Родился в многодетной семье сельского священника. В юности часто посещал Оптину пустынь. Окончил Белевское духовное училище (1882), Тульскую духовную семинарию (1888), Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1892). Доктор богословия (1943). С 1895 г. – иеромонах, с 1897 г. – архимандрит, ректор Холмской духовной академии. С 1903 г. – епископ Люблинский, викарий Холмской епархии, с 1912 г. – архиепископ. Член Государственной думы второго и третьего созывов. С 1914 г. – архиепископ Волынский и Житомирский. Участвовал в работе Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. В годы Гражданской войны участвовал в деятельности Высшего церковного управления в Новочеркасске. В 1920 г. эмигрировал. Осенью 1920 г. Временное Высшее церковное управление под руководством митрополита Антония назначило владыку Евлогия управляющим всеми западноевропейскими русскими церквями. В 1921 г. Патриарх Тихон подтвердил это назначение, в 1922 г. возвел его в сан митрополита. В 1920–1930-е гг. находился в сложных отношениях с Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ), которой руководил митрополит Антоний. В 1926 г. отказался подчиняться РПЦЗ, в 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольского патриарха. В последние годы жизни был сторонником сближения с Московской Патриархией.

... 1939 год проходит для Владыки под знаком болезни. «Приблизновал» он уже давно, но с этого года он начинает болеть часто и разными серьезными недугами... С этого года он начинает ощущать свою инвалидность, свою слабость, беспомощность старости – и приближение конца... Этот постепенный уход из жизни длился почти шесть лет и имел свои лучшие и худшие дни, но в общем это был период непрерывных физических недомоганий, морально гнетущих переживаний...

И все же, несмотря на свои немощи, Владыка еще долго силен духом и руль церковного корабля, хоть и слабеющей рукой, а держит он крепко.

После тревожной зимы 1939–1940 годов, первого полугодия войны, наступает грозный май, за ним – трагедия июня... В несколько дней Париж опустел и стал неузнаваем. Запертый, немой, мертвый... В отдалении ухают пушки... С утра ползут противоречивые слухи: не то сдадут столицу без боя, не то предстоят сражения на улицах...

В этот темный, жуткий день я навестила Владыку.

Застала я его в «гостиной», на диване, среди смятых подушек, в будничной потертой ряске. Озабоченный, но спокойный.

– И сам остался и распоряжение священникам дал – приходов не покидать. Нельзя храмов бросать и прихожан, которым деваться некуда. Добрый пастырь – не наемник – от овец «не бегаёт»... За мной приезжал граф Коковцов, увезти меня хотел, но как паству покидать? Как всех вас оставить?

От слов слабого, больного Владыки веет силой духа и светлым покоем надежды на Бога... Утешенная надеждой вышла я от Владыки...

Германская оккупация... Солдаты облепили Париж, как саранча... В эти дни Владыка сумрачен, озабочен и печален. Когда говорим о том, что кругом творится, он морщится и начинает волноваться: «Насильники, насильники... и что они с евреями делают!..»

Вначале Владыку германские власти не трогали, но потом он стал жаловаться, что его осаждают какие-то немцы: они именуют себя «докторами» разных наук, приходят с переводчиками, пристают с расспросами о гонениях на Церковь в России, хотят узнать статистические данные, имена, подробности... «Мы вас беспокоим, но это нужно для научных работ...» Записывают что-то в своих карманных книжечках и уходят, обещая вскоре возвратиться... Создается впечатление, что за Владыкой следит гестапо.

В это опасное время Владыка осторожно ведет церковный корабль. Началось отсиживание во вражьем стане, которому официальное название – «лояльность», а скрытая сила которого – терпение... В своих проповедях Владыка говорит на общие темы веры и благочестия. В меру сил служит в соборе или ездит на храмовые праздники в церкви Парижа и в его окрестностях.

Июнь 1941 года... День Всех Святых в России просиявших... Война!..Апокалиптические дни.

Военные катастрофы у русских на всех фронтах... Реки крови...

Владыка следит за военными действиями в страшной тревоге. Он подавлен, он «сам не свой»... – «Не сплю ночей... Не нахожу себе места... Варвары!..Какие варвары!..» – с негодованием восклицает он. Его мучительно волнует все: и военные вести, и слухи о массовой гибели от голода русских военнопленных в Германии, о страданиях депортированного русского населения на принудительных работах... Когда немцы перебросили русских на работы во Францию, слухи превратились в точные сведения: Епархиальному управлению удалось послать кое-куда в эти «каторги» священников, и многое узналось, о чем догадывались. Беседы с Владыкой оставляют впечатление глубокое: чувствуешь его сострадание русскому горю, горячее, пламенное, и с новой силой пробудившуюся в его душе любовь к своему народу. Жила она в сердце всегда... и эмигрантские годы ее не угасили, но за двадцать пять лет ни разу не было повода ее во всей полноте и силе вновь восчувствовать. Нужна была война, призрак трагедии, гибели русского народа, чтобы она овладела всем его существом безраздельно...

Владыка говорит всегда теперь о России, не может не говорить о ней, и, по-видимому, его чувства и переживания глубже и сильнее, чем можно их выразить словами...

Я помню проповедь его в маленькой церкви в Медоне, летом 1942 года. Владыка стоял на амвоне, устало опираясь на жезл, – сколь всем нам знакомый образ нашего архипастыря! – но словно не митрополит в день храмового праздника произносил свое традиционное «слово», а престарелый отец поверял своим взрослым детям заветные и волнующие его думы...

– Потоками, реками льется сейчас русская кровь, омываются тяжкие грехи революционных лет... Очистительные, искупительные страдания – проявление гнева Божия. Без крови нет и не бывает искупления всенародного греха... Может быть, потом, по очищении, Бог простит, Бог спасет русский народ...

В эти страшные дни сражений летом 1942 года Владыка, казалось, был душой не столько «здесь», сколько «там», в России...

Зима 1942–1943 годов решила судьбу России. Немцы докатились до Волги и наткнулись на твердыню Сталинграда... Но далее все яснее, все отчетливее и с каждым месяцем все несомненной, что Германией война проиграна и что германское отступление теперь уже окончательное...

Владыка внимательно следит за военными событиями. При встречах радостно говорит о продвижениях русских армий, рассматривает карту. Теперь добрые вести о войне – его утешение,

его отрада. На столе «Война и мир». Он перечитывает Толстого с живейшим интересом. «Сейчас мы вновь переживаем вторую Отечественную войну, тот же всенародный подвиг спасения родины...» – говорит он.

Дальнейшие события патриотическую его радость только усиливают. Не о спасении русского народа от германского нашествия уже теперь речь, а об ошеломляющих военных успехах «победоносного русского воинства», за ними с восхищением следит весь мир...

В один из этих победно-финальных дней я застала Владыку счастливым, сияющим, вокруг него лежали газеты, в руках был иллюстрированный журнал: он любовался портретами советских маршалов...

– Смотрите, смотрите, подлинные орлы... Вот этот на Кутузова похож, а вот – Багратион, а вот этот – Барклай... Какие молодцы! Какие лица! Благообразные, волевые, умные... – с веселой улыбкой говорил он.

Когда разговор заходит о существующем в России государственном строе, Владыка на мгновение задумывается...

– Да... да... но национальные задачи могут, по произволению Божию, выполняться путями, нам неизвестными... – убежденным тоном говорит он. – России сейчас возвращается все, что мы утратили во время революции. Пожалуй, и основной славянский вопрос разрешится – вековая задача... вековая задача, завещанная предками... Политика ведется национальная, отвечающая интересам России. Это ново. Это явление надо учесть... с ним надо считаться... – И он вспоминает деятельность русских националистов в прошлую войну...

В те дни побед впервые в Зарубежье стали раздаваться такие речи среди русских патриотов... Что-то незаметно сдвинулось, изменилось в старых привычных оценках, начала меркнуть самая из них память... Постепенно стало забываться незабываемое – о чем говорили так часто с амвона, в печати, в лекционных залах, в семейном быту: о Соловках, об епископах-мучениках, об осквернении святынь, о тайной церковной жизни... История перевернула страницу, и содержание следующей поглотило внимание, так оно оказалось ново.

Это новое – прекращение в России гонений на Церковь. Больше этого – согласие во взаимоотношениях государства и Церкви. Государство уступило, допустило существование «своей» Церкви: непримиримое отыскало путь к подобию примирения...

Известие о прекращении гонений, а потом о Соборе и избрании Патриарха Владыка воспринял как великую радость духовной победы, связанную с победой на полях сражений, как знак «прощенности» русского народа. Нахлынувшие новые впечатления эту радость могли только укреплять.

После освобождения Франции в Париж из трудовых и военных лагерей наехало много советских людей. Новые, не похожие на эмигрантов посетители наших храмов. Не боясь ни огласки, ни преследований зав веру, они во множестве притекали на церковные службы. «Нам теперь это позволено. И детей крестить, и в церковь ходить...» – бойко заявила мне одна молодая девушка...

С какой радостью глядел Владыка на новых гостей!

«...К нам в церковь теперь приходит много наших соотечественников – мужчин и женщин, – писал мне Владыка (23 ноября 1944 г.). – Какие они хорошие, трогательные, особенно женщины, и какие благочестивые! Когда было холодно, и они пришли слишком рано, и их хотели напоить чаем, то старшая из них сказала: нет, мы пришли сюда не для еды, а для души, до обедни чаю пить не будем! И ведь это говорит советская женщина, о которых мы думали, что они совсем погрязли в коммунизме!.. Когда смотрю на эти родные, открытые русские лица, у меня сердце кровью обливается. Вот овцы без пастыря. А лучше сказать – с ложными пастырями, с волками в овечьих шкурах, ибо, пока мы тут пререкаемся, не дремлют униаты, сектанты и проч. Вот почему так хочется засыпать ров, отделяющий нас от России, чтобы скорее идти туда работать для русского бедного (но великого) народа... Конечно, я не увижу этого нового строительства. Мое здоровье плохо, и я уже потерял надежду на выздоровление и, вероятно, скоро умру. Но перед смертью так хотелось бы что-нибудь сделать для родного народа...» – пишет Владыка (23 ноября 1944 г.). И далее в том же письме: «Расскажу Вам о своих скитаниях в советском мире, разыскивая путь русского народа...».

Владыка говорит здесь о первых попытках войти в общение с Московской Патриархией при содействии дипломатических инстанций с целью воссоединения с «Матерью-Церковью». Мы знаем, что попытки эти бесплодными не были и зимою 1944–1945 годов у него завязались сношения с митрополитом Алексием (вскоре Патриархом Московским), которые впоследствии развились и углубились.

Этот же зимою 1944–1945 годов на путь церковного национализма Владыка старается увлечь за собою и паству. В своем «слове» в день пятидесятилетнего юбилея своего священства,

18 февраля 1945 года, он обращается к ней с открытым церковно-патриотическим призывом:

«Мать Святая Церковь Русская зовет нас к возвращению в лоно свое. Уклонимся ли мы от этого материнского призыва? Довольно настрадалась душа наша в изгнании на чужбине. Пора домой. Высшая власть церковная обещает нам спокойное развитие церковной жизни. Хочется облобызать родную русскую землю. Хочется успокоения в лоне родной Матери Церкви и нам, старикам, чтобы найти последнее успокоение, а молодым и зрелым чтобы поработать над возрождением Родины, залечить ее зияющие раны. Без страха и сомнения, без смущения войдем в родную землю: она так хороша, так прекрасна...»

Это «домой», обдуманное и прочувствованное зимою 1944–1945 годов, подготавливает все последующие решения и действия Владыки до его кончины. В письмах той зимы, о которых я упомяну, Владыка кратко излагает свое «исповедание», объясняя смысл своего православного национализма. В них противопоставлен идеал вселенского православия (а также вселенского христианства) – национальному русскому православию. Я приведу из этих писем некоторые строки:

«...Конечно, христианство выше и шире национализма и на вершинах его перед Престолом Господним нет ни эллина, ни иудея, равно как ни православного, ни католика, а есть только праведные и грешные и над ними единый Христос Бог наш. Но пока мы живем на этой грешной земле, неизбежны, необходимы разделения национальные и конфессиональные. И против этого ничего не поделаешь. Национальность (точнее, народность) – это голос крови, зараженной первородным грехом, а пока мы на земле, мы несем следы этого греха и не можем стать выше его (То же я думаю о конфессиональных различиях). Но, будучи убежденным националистом, т. е. верным и преданным сыном своего народа, я, конечно, совершенно отвергаю тот звериный национализм, который проявляют теперь немцы по отношению к евреям, равно как, будучи православным, я чужд религиозного фанатизма... Выше всего чту свободу во Христе. Вот в самых общих кратких словах мое исповедание...» (Письмо от 26 октября 1944 г.)...

Слабый, больной, с головокружением, жалуясь на глухоту, на одышку, на бессонницу, окруженный бдительным уходом, как тяжело больной-хроник, Владыка торопится осуществить задуманный им план возвращению в юрисдикцию Московской Патриархии; он хотел бы как можно скорее это воссоединение канонически

Свято-Никольская домовая церковь в Русском доме престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа. Фото, вероятно, 1940-х гг. из архива семьи Старков (размещено на сайте: <http://www.russian-church.ru>)

оформить, но ему приходится медлить... В письме к Патриарху Алексию (от 3 апреля 1945 г.) Владыка пишет: «К глубококому моему огорчению, в значительной части моей паствы я неожиданно встретил упорное отрицательное отношение к этому делу... И я опасаясь, что мой поспешный шаг на пути слияния (с Матерью Церковью) вызовет новый раскол в церковной жизни эмиграции...». Далее в том же письме: «Предварительно обращения к Вашему Святейшеству нам нужно еще испросить благословение на свое воссоединение с Матерью Церковью от Вселенского Патриарха...».

Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. – М., 1994. С. 604–619.

*Из воспоминаний А. Кожевниковой
о русской православии в Австралии*

...Стержень русскости в рассеянии – безусловно, церковь, и с самого начала все признали первой задачей – установить храм. Денег не было: из-за незнания большинством английского языка почти все работали на фабриках либо занимались подобным «неквалифицированным» трудом за очень небольшую зарплату. Поэтому о постройке собственного храма не могло быть и речи. Собрали достаточно средств, чтобы арендовать помещение для временного проведения богослужений. В конце концов удалось купить пустующую англиканскую церковь неподалеку от центра города, в районе, который считался трущобным из-за того, что в нем жили новые эмигранты всех наций и мастей в условиях, недалеких от пресловутых советских коммуналок. Сейчас из-за близости к центру города этому месту цены нет. Этот совсем не русского вида англиканский храм из серого гранита и стал Свято-Покровским кафедральным собором города Мельбурна.

К храму примыкал полуразрушенный прицерковный зал со сценой, под которой была кухня, где церковное Сестричество каждое воскресенье после литургии готовило чай, потому что по окончании богослужения никто и не мыслил уезжать домой. Во-первых, вся общественная жизнь была вокруг церкви и под ее эгидой. Каждое воскресенье после чашки чая с пирожком или пирожным (выручка от их продажи шла на различные благотворительные цели) был либо какой-нибудь доклад, на который шли и стар и млад, либо постановка театрального кружка, либо концерт. Разумеется, вся эта самодеятельность была самодеятельностью, но все-таки достаточно высокого уровня, особенно если

учитывать нищенские возможности тех лет. Среди русской эмиграции в Австралии были люди и с очень высоким уровнем образования, и артисты, приобретшие себе имя еще до войны...

Кожневникова А. Хороша страна Австралия... // Родина. 1996. № 4. С. 66–70.

Взаимодействие советских посольств с эмигрантами. Отношение представителей Русского зарубежья к Советскому Союзу

Из воспоминаний А.А. Громыко

Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) – выдающийся советский дипломат, государственный и политический деятель. В 1939–1943 гг. – советник полпредства СССР в США, в 1943–1946 гг. – посол СССР в США. В 1944 г. возглавлял советскую делегацию на конференции в Думбартон-Оксе (США) по созданию ООН. В 1945 г. на конференции в г. Сан-Франциско руководил советской делегацией и подписал Устав ООН от имени СССР. В 1957–1985 гг. – министр иностранных дел СССР.

... Работа в посольстве сводила меня с самыми различными людьми – по происхождению, по убеждениям, по профессии. Запомнились встречи с выходцами из нашей страны, которых жизнь занесла в свое время в Америку...

Во время войны, пожалуй, ни одного приема в советском посольстве не пропускал Давид Бурлюк. Помню его первое появление: приблизился ко мне человек среднего роста, с пышной шевелюрой уже седых волос. Протянул руку и поздоровался настолько энергично, что, казалось, перед тобой стоял незаурядной силы тяжелоатлет. Да, здоровался он от души...

Когда я познакомился с этим общительным человеком, он собирался отмечать свое шестидесятилетие. От тех времен, когда он и некоторые другие друзья Есенина паясничали, у него ничего не осталось. Бурлюк уже занимал по отношению к американскому образу жизни и общественному строю четкие негативные позиции.

У советских товарищей, которые встречались с ним в США, сложилось твердое убеждение, что это человек, которого социальная буря перенесла на чуждую ему почву...

А.А. Громыко

Давид Бурлюк. Фото с сайта <http://www.chebuk.ru>

Мне понятно, почему глаза Бурлюка стали влажными, когда он заговорил со мной о Москве.

– Мне нелегко ее вспоминать, – откровенно признался он.

Бурлюк активно включился в работу по мобилизации американского общественного мнения на оказание помощи советскому народу в борьбе против фашистских агрессоров. Он стал одним из деятельных участников «Комитета помощи русским в войне», члены которого собирали в США деньги, одежду, обувь, медикаменты и затем все это пересылали в Советский Союз. Проникнутые симпатией к СССР выступления Бурлюка в прогрессивной печати, и прежде всего в газете «Русский голос», его патриотическая деятельность – это самое лучшее, что он мог сделать для своей родины, находясь в отрыве от нее...

*
* *

Кто из советских людей не хотел бы пожать руку такому человеку, как композитор Сергей Васильевич Рахманинов?

Виделся я с этим человеком всего один раз. Во время войны Рахманинов подал заявление в генеральное консульство СССР в Нью-Йорке с просьбой разрешить ему вернуться на Родину. Чтобы обговорить с советскими представителями детали, связанные с этим решением, он к нам и пришел. Случилось так, что его посещение советского учреждения в Нью-Йорке совпало с моим приездом в этот город по делам из Вашингтона...

– Я рад, что вы решили вернуться на Родину, – сказал я ему. – Вы выдающийся композитор, и наш народ, конечно, горячо одобрит ваше решение.

– Постарайтесь, пожалуйста, ускорить оформление, – попросил он.

– Сделаю, Сергей Васильевич, все от меня зависящее, – обещал я.

Рахманинов заметил:

– Я с восхищением слежу за беспримерным подвигом Красной Армии и советского народа в борьбе против гитлеровской Германии.

А потом добавил:

– Американцы преклоняются перед силой и духом советских людей, и я сам это наблюдал много раз...

К сожалению, быстро решить вопрос о выезде великого композитора из США в СССР не удалось. Шел 1943 год. Вся наша страна вела жестокую битву с врагом. В том же году Сергей Васильевич скончался...

С.В. Рахманинов

С.А. Кусевитский

* * *

Сергей Кусевитский... находясь в Америке... быстро проявил себя как талантливый музыкант и стал главным дирижером Бостонского симфонического оркестра – одного из наиболее авторитетных оркестров США... Кусевитский немало полезного сделал для Советского Союза и до, и во время войны. Он принимал участие

в работе дружественных нашей стране общественных организаций США. Часто посещал советское посольство, обычно в сопровождении племянницы... Уже после войны он бывал не раз со своим оркестром на гастролях в СССР и всегда встречал теплый прием у нашей публики...

* * *

В советской печати в тридцатые годы не раз упоминалось имя профессора Сергея Александровича Воронова. Этот крупный ученый – биолог попал в эмиграцию еще юношей, уехав за границу с родителями. Получив медицинское образование во Франции, он работал главным хирургом госпиталя в Париже... В годы войны Воронову удалось ускользнуть от фашистов во Франции и добраться до Соединенных Штатов, где он продолжал заниматься своей научной работой.

С советским посольством у Воронова установились хорошие, дружественные контакты... Его приглашали к нам в посольство на приемы... Держался Воронов корректно. Он считал себя человеком далеким от политики, однако в среде русской эмиграции проводил самую настоящую политическую работу – рассказывал правду об успехах нашей страны и в довоенный период, и на фронтах, собирал средства в помощь советскому народу, раненым воинам Красной Армии, в общем-то вел себя как настоящий патриот земли российской. В годы войны вдали от родины он жил с пользой для нее. Мы в посольстве были признательны ему за это...

Весьма заметной фигурой в среде русской эмиграции в США был Виктор Александрович Яхонтов. В 1917 году ему было тридцать шесть лет. Тогда, уже в чине генерал-майора, он занимал пост заместителя военного министра Временного правительства. Со служебными поручениями по военной линии Яхонтов до Октябрьской революции выезжал в Англию и Францию, некоторое время был военным атташе в Японии.

Сложной получилась жизнь у этого генерала, который не сразу понял суть революционных перемен в нашей стране. В конце концов он очутился в Соединенных Штатах и там обосновался. Но надо отдать ему должное. Яхонтов никогда не примыкал ни к каким враждебным нашей стране организациям. Он принадлежал к тому крылу русской эмиграции, которое работало на дело нормализации и развития отношений между США и СССР. В годы

Могилa генерала В.А. Яхонтова на Никольском кладбище в Петербурге

войны Яхонтов проводил работу в интересах советско-американской дружбы, скорейшего открытия второго фронта, расширения Соединенными Штатами помощи Советскому Союзу.

Большую популярность в США принесли ему многочисленные устные выступления. Яхонтов показал себя как превосходный оратор. На митингах и лекциях он говорил о борьбе советского народа и Красной Армии против фашистского нашествия, об огромном значении этой борьбы для судеб всего человечества. Говорил вдохновенно и убежденно.

С Виктором Александровичем я не раз встречался. Происходило это в основном на приемах в советском посольстве. Стройный, всегда подтянутый, он выглядел намного моложе своих лет. Во время войны, как бывший генерал, он внимательно следил за всеми сводками с советско-германского фронта, подбирал разноречивые, иногда взаимно исключавшие друг друга сообщения, внимательно их анализировал и делал свои заключения и выводы. Говорить с ним было приятно. Когда он рассуждал о жизни в Советском Союзе, об обстановке на фронте, сомнений не оставалось: перед Вами патриот Родины.

– Мы ценим Вашу деятельность и в среде русской эмиграции, и в американском обществе в целом, – говорил я ему.

– Служу Отечеству, – отвечал он.

Вернулся Яхонтов в Советский Союз в 1975 году. В следующем году его наградили в связи с девяностопятилетием орденом Дружбы народов. Скончался он в 1978 году и похоронен на кладбище Александро-Невской лавры в Ленинграде...

Громыко А.А. Памятное. – М., 1988. Кн. 1. С. 145–155.

Из воспоминаний Б.А. Караева о русских эмигрантах в Тяньцзине (Китай)

Караев Борис Александрович (р. 1928) – родился в Японии в семье русского предпринимателя. В период проживания в Японии, а позднее в Китае, в городах Пекине и Тяньцзине, учился в японских школах. В 1947 г. с первой группой репатриантов приехал в СССР, в город Свердловск, поступил на работу в листопрокатный цех № 1 Верх-Исетского завода (ВИЗ), освоил специальность вальцовщика стана горячей прокатки. Без отрыва от производства окончил школу рабочей молодежи, затем металлургический факультет Уральского политехнического института. Работал мастером, начальником смены, руководителем Прокатной лабо-

ратории ВИЗа. В 1988 г. вышел на пенсию. Сотрудничал с различными организациями Свердловска-Екатеринбурга как переводчик японского языка. С начала 1990-х гг. работает в Уральском государственном университете на кафедре востоковедения.

...Центром общения советских граждан было Общество граждан СССР, располагавшееся в двухэтажном особняке на Медисон-роуд в английской концессии. Между марионеточным китайским правительством, созданной на оккупированной японскими войсками территории Китая, и советским правительством не существовало дипломатических отношений, поэтому советского консульства в Тяньцзине не могло быть. Общество в некотором роде выполняло роль официального представительства проживающих в городе советских граждан. Оно вело обширную культурно-просветительскую работу среди своих членов, которыми являлись все советские граждане. При обществе действовали кружок молодежи, драматический, музыкальный и другие кружки по интересам. Имелась богатая библиотека, укомплектованная в основном художественной литературой, изданной в СССР. Сюда регулярно поступали, хотя и с опозданием, советские периодические издания – центральные газеты, журналы «Огонек», «На смелу» и другие.

При Обществе имелась амбулатория, где бесплатно оказывали медицинскую помощь членам Общества, прием вели врачи, также состоящие в членах этого общественного объединения. Здесь функционировала также столовая, где могли за очень низкую плату, а в отдельных случаях и совсем бесплатно обедать малоимущие и нуждающиеся члены Общества, имелось кафе, где подавали разнообразные закуски и был богатый выбор вин. Доход от этого заведения целиком направлялся на содержание благотворительной столовой.

В помещении Общества имелся зрительный зал со сценой, где часто давались спектакли драматического кружка, концерты, проводились торжественные собрания по случаю знаменательных дат, а также молодежные танцевальные вечера. Кроме того, имелось несколько гостиных, где работали кружки по интересам. В годы Тихоокеанской войны в одной из гостиных, с официального разрешения местных властей... был установлен коротковолновый мощный радиоприемник. Одна из комнат была отведена кружку молодежи, где собирались юноши и девушки, проводились беседы на актуальные темы или проводились различные занятия. Во дворе при Обществе имелась спортивная площадка, где

молодежь играла в волейбол. Зимой на площадке заливали каток и по вечерам охотно катались на коньках. Культурно-просветительные мероприятия, проводимые Обществом, оказывали большое влияние на формирование мировоззрения молодежи, особенно тех, кто обучался в иностранных школах, приобщая их к богатому русскому культурному наследию...

Наступил 1945-й – год окончания многолетней войны, незабываемый год, принесший много перемен...

Приближались Первомайские праздники. По традиции шла подготовка к их празднованию в Обществе граждан СССР. Обычно накануне праздника в арендованном городском кинотеатре проводилось торжественное собрание, затем шла концертная программа. На следующий день во дворе Общества молодежь устраивала парад и спортивный праздник.

Подготовка велась с большим энтузиазмом, все мы ждали, что вот-вот поступят сведения о падении Берлина, а, может быть, и о капитуляции Германии.

Перед фасадом здания Общества имелся высокий флагшток, однако юридически мы не имели права поднимать государственный флаг, поскольку, как уже отмечалось, правительство оккупированной части Китая не было признано Советским государством. Однако всех просто распирало от желания поднять советский флаг, и, посоветовавшись, правление Общества решило на свой страх и риск сделать это праздничным утром 1 Мая. Поднятое знамя не могло не привлечь внимания проходящих, и через некоторое время можно было заметить, что люди специально приходят посмотреть на развевающееся на фоне голубого неба красное знамя...

Недалеко от здания Общества, на противоположной стороне улицы, находилась резиденция германского консула, над которой постоянно был поднят германский флаг. Было курьезом наблюдать советский и германский флаги, развевающиеся почти рядом, через улицу. Молодежный праздник прошел на славу, вечером, как всегда, собралась почти вся советская (таковой мы себя считали) молодежь.

В комнате, где имелся настроенный на московскую волну радиоприемник, постоянно находились люди, которые непременно хотели первыми услышать сообщение о падении Берлина, о чем и стало известно вечером. Многие собрались в Обществе, поздравляли друг друга, радости не было конца.

Мы все знали, что до полной капитуляции Германии оставались считанные дни, и с нетерпением ждали этого часа.

8-го мая ушедший незадолго до этого в Общество отец неожиданно вернулся домой и возбужденно сообщил, что подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии и что по этому поводу правление Общества решило устроить для молодежи праздник, и попросил нас с сестрой помочь в организации вечера.

Когда мы пришли в Общество, в зале уже были расставлены и накрыты столы с угощениями и различными напитками из кладовой кафе Общества.

Было принято решение провести Парад по случаю Дня Победы, причем не на территории Общества, как это проводилось на Первомай, а прошагать по улице перед зданием Общества. Правление уведомило об этом местные власти, и, не дожидаясь официального разрешения, в ближайший выходной члены кружка молодежи с гордостью провели это мероприятие, как и намеревались.

Перед началом торжества кто-то обратил внимание, что над зданием резиденции германского консула, которое находилось за перекрестком, по-прежнему продолжает висеть флаг. Тут же нашлись ребята, которые отправились туда и попросили спустить его. Просьба была тотчас удовлетворена, и германский флаг больше никогда не поднимался. Советский же флаг стали поднимать ежедневно у здания Общества вплоть до 9-го августа – начала советско-японской войны...

9-го августа стало известно, что СССР начал войну с Японией... В тот же день в Общество граждан СССР прибыл японский вице-консул Танака, который выразил сожаление, что наши страны находятся в состоянии войны и просил выполнить следующие требования: не поднимать государственный флаг перед зданием Общества, всем гражданам сдать имеющееся огнестрельное оружие и коротковолновые радиоприемники на хранение в Общество, воздержаться от проведения массовых мероприятий...

15 августа прозвучал Манифест японского императора о безоговорочной капитуляции Японии... По инициативе активистов было решено при Обществе создать дружину из молодежи, которая должна была дежурить по ночам в здании Общества и патрулировать районы в местах компактного проживания наших граждан... За все время наших дежурств никаких эксцессов не произошло, и через некоторое время ночное патрулирование было прекращено...

Большая часть советских граждан хотела вернуться на Родину. Особенно сильное нетерпение проявляла молодежь, в первую очередь те, кто принимал активное участие в жизни Общества...

Так прошел 1946-й год и наступил 1947-й. В апреле или мае вдруг стало известно, что пришло разрешение на возвращение на Родину... Не знаю, по какому принципу были выбраны люди, попавшие в этот список, но я воспринял это как награду за активную общественную работу в кружке молодежи и очень гордился им...

Караев Б.А. Восточный ветер. – Екатеринбург, 2003. С. 89–90; 99–100, 114, 117.

Реакция Русской Православной Церкви за границей на возрождение в СССР института Патриаршества

...Что для советского правительства эти новые мероприятия по существу вынужденны и являются результатом всестороннего великого кризиса небывало напряженной войны – это, конечно, для всех нас совершенно ясно. Мы не можем поверить, что вчерашние ненавистники и гонители веры сегодня стали друзьями и покровителями Православной Церкви, против которой в течении всех этих лет было направлено основное острие их гонения...

Однако, даже будучи вынужденными для власти, современные события в России могут быть явлением отрадным – свидетельством силы народного духа, преодолевшего все притеснения и гонения, навязавшего свою религиозную волю поработителям и победившего их, они могут быть таким образом свидетелем великой новой победы Церкви, подобно той, которая была уже сделана ею при Царе Константине, когда мученики и исповедники церкви сломили злую волю императоров-гонителей. НО могут быть эти события свидетельством и страшной – тягчайшей вещи; нового порабощения Церкви и при том самого тяжелого – внутреннего.

Провозглашенный экстренным Собором новый Московский патриарх – престарелый 76-летний владыка Сергей (Страгородский) не может служить для нас авторитетным указанием. Скорее наоборот. Уже неоднократно приводили мы на страницах нашей газеты сведения о том, какой глубокий соблазн в душах верующих вызывали действия этого архипастыря, в частности, именно его компромисс с советской властью в 1927 г., когда эта власть совершенно неприкровоенно жестоко преследовала Православие и всякую религию вообще, его требование тогда же лояльности к этой власти со стороны всех клириков и мирян, входящих в состав Московской Патриаршей Церкви, и самое главное: его хула

на мучеников, заявление о том, что в Советском Союзе нет гонений на религию, и что все пострадавшие там за веру священники и миряне пострадали за политические и религиозные преступления...

Мы во многом можем обвинять владыку Сергия... Но не можем мы это обвинение против Сергия (Страгородский) распространить и на всех епископов, священников и мирян, находящихся в общении с ним и в подчинении ему, во-первых, потому что знаем среди этих архипастырей, пастырей и рядовых работников церкви многих истинных подвижников, мучеников и исповедников, подвигом которых украшается Церковь, а во-вторых, потому что имя патриарха Церкви, которую возглавляет митрополит, ныне патриарх, Сергей (Страгородский), является и в России и в занятых областях знаменем истинной Церкви, в противоположность бесчисленному множеству всевозможных лже-церковных образований.

И вот для нас очень важно было бы знать, были ли те, кому мы можем всецело доверять, голос кого был бы для нас высочайшим образом авторитетен, за кем мы могли бы пойти с открытой душой и сердцем, если нужно, и на смерть, зная, что идем за Христом – мученики и исповедники правды Божией, те архипастыри, которые в течение этих долгих 25 лет несли крест мученичества в ссылках и заточениях за Церковь – были ли они на соборе, избравшем Патриарха. Им, как никому иному, принадлежит голос Церкви, они являются Ее неустрашимыми свидетелями...

Архимандрит Нафанаил. Патриаршество в России // Православная Русь. Джорданвилль. 1943. № 9–10. С. 1–2.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Воспоминания, письма, дневники

1. *Авторханов А.* Мемуары / А. Авторханов. – Frankfurt a. M.: Посев, 1983. 763 с.
2. *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях: воспоминания и думы бывшего эмигранта / Б.Н. Александровский. – М.: Мысль, 1969. 374 с.
3. *Андреев В.Л.* История одного путешествия: повести / В.Л. Андреев. – М.: Сов. писатель, 1974. 374 с.
4. *Андреев В.* Герои Олерона / В. Андреев, В. Сосинский, Л. Прокша. – Минск: Беларусь, 1965. 104 с.
5. *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Н.Е. Андреева (1908–1982) / Н.Е. Андреев. – Таллинн: Авенариус, 1996. Т. 1. 336 с.; Т. 2. 320 с.
6. *Артемьев В.П.* Первая дивизия РОА: материалы к истории Освободительного Движения Народов России / В.П. Артемьев. – Лондон (Онтарิโอ): Союз Борьбы за Освобождение Народов России, 1974. 183 с.
7. *Баран Х.* Письма П.Г. Богатырева Р.О. Якобсону / Х. Баран, Е.В. Дущечкина // Славяноведение. 1997. № 5. С. 67–99.
8. *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...: Воспоминания председателя НТС, 1930–1960 гг. / В.М. Байдалаков. – М.: Авуар консалтинг, 2002. 124 с.
9. *Бенуа А.* Мои воспоминания: в 5 кн. / А. Бенуа. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1990. (Лит. памятники). [Т. 1]: Кн. 1, 2, 3. 712 с.; [Т. 2]: Кн. 4, 5. 743 с.
10. *Берберова Н.Н.* Курсив мой: автобиография / Н.Н. Берберова. – М.: Согласие, 1999. 736 с.
11. *Бердяев Н.А.* Самопознание: (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. 445 с.
12. *Богатырчук Ф.П.* Мой жизненный путь к Власову и пражскому Манифесту / Ф.П. Богатырчук. – Сан-Франциско: Союз Борьбы за Освобождение Народов России, 1978. 336 с.
13. *Болдырев К.В.* Менхегоф – лагерь для перемещенных лиц (Западная Германия) / К.В. Болдырев // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 110–141.
14. *Васильчикова М.И.* Берлинский дневник, 1940–1945: [из арх. семьи Васильчиковых: пер. с англ. / кн. Мария Васильчикова]. – М.: Журн. «Наше наследие»: Гос. фирма «Полиграфресурсы», 1994. 320 с.

15. *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний / Г.В. Вернадский // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 103–121.
16. *Вертинский А.Н.* Дорогой длинною...: [воспоминания, стихи и песни, рассказы, зарисовки, размышления, письма] / А.Н. Вертинский. – М.: Правда, 1991. 576 с.
17. *Вильде Б.* Дневник и письма из тюрьмы, 1941–1942 / Б. Вильде; пер. с англ. М.А. Иорданской. – М.: Рус. путь, 2005. 160 с.
18. *Вишняк М.В.* Годы эмиграции, 1919–1969. Париж – Нью-Йорк: воспоминания / М.В. Вишняк. – Стэнфорд: Hoover Ins. Press, Stanford University, 1970. 276 с. – То же: СПб.: Форма Т, 2005. 478 с.
19. «В четвертом измерении пространства...»: письма Н.А. Бердяева к кн. И.П. Романовой // Минувшее: ист. альманах. – М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 209–264.
20. *Горман А.К.* Другая сторона медали / А.К. Горман // XX век. История одной семьи. – М., 2003. С. 3–14.
21. *Громыко А.А.* Памятное: [в 2 кн.] / А.А. Громыко. – М.: Политиздат, 1988. Кн. 1. 479 с.
22. *Гуль Р.* Я унес Россию: апология эмиграции / Р. Гуль. – М.: Б.С.Г-Пресс, 2001. Т. 2: Россия во Франции. 520 с.; Т. 3: Россия в Америке. 496 с.
23. Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века, 1920–1970. – М.: Ин-т мировой лит. РАН, 2002. 960 с.
24. *Дивнич Е.И.* НТС, нам пора объясниться! / Е.И. Дивнич. – Нью-Йорк: Изд. «Соотечественник», 1968. 207 с.
25. *Дичбалис С.* Зигзаги судьбы / С. Дичбалис. – М.: Ин-т воен. и полит. анализа, 2003. 272 с. (Материалы к истории рус. полит. эмиграции; Вып. 9).
26. *Добужинский М.В.* Воспоминания / М.В. Добужинский. – М.: Наука, 1987. 480 с. (Лит. памятники).
27. *Добужинский М.В.* Письма / М.В. Добужинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
28. *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. – М.: Вагриус, 2000. 380 с.
29. *Евлогий (митрополит).* Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной / митрополит Евлогий. – М.: Моск. рабочий. ВПМД, 1994. 621 с.
30. *Жадан П.В.* Русская судьба: записки члена НТС о гражданской и второй мировой войне / П.В. Жадан. – М.: Изд. центр «Терра», 1991. 239 с.
31. «Жили, собственно, Россией...»: из наследия Юрия Казакова // Новый мир. 1990. № 7. С. 114–139.
32. *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце: с воспоминаниями Б. Зайцева, Н. Бердяева, Ф. Степуна и др. / Л. Иванова. – М.: ПИК «Культура», 1992. 430 с.
33. *Ильина Н.* Путешествие по Италии со старым другом / Н. Ильина // Новый мир. 1981. № 9. С. 71–113.
34. *Кайгородов А.М.* Маньчжурия: август 1945 / А.М. Кайгородов // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94–104.

35. *Казанцев А.С.* Третья сила: Россия между нацизмом и коммунизмом / А.С. Казанцев. [3-е изд.]. – М.: Посев. Рос. филиал, 1994. 342 с.

36. *Караев Б.А.* Восточный ветер. Воспоминания и размышления / Б.А. Караев. – Екатеринбург, 2003. 188 с.

37. *Климов Г.* Песнь победителя / Г. Климов. – Краснодар: Пересвет, 2002. 688 с. (Золотая библиотека «Пересвета»).

38. *Конов И.С.* Сорок пятый / И.С. Конов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Воениздат, 1970. 288 с. (Воен. мемуары).

39. *Коненков С.Т.* Мой век: воспоминания / С.Т. Коненков. 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1988. 383 с.

40. *Константинов Д. (протоиерей).* Через туннель XX столетия / протоиерей Д. Константинов; под ред. А.В. Попова. – М.: Ист. – арх. ин-т Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. 589 с. (Материалы к истории рус. полит. эмиграции; Вып. 3).

41. *Краснов Н.Н. (мл.).* Незабываемое, 1945–1956 / Н.Н. Краснов (мл.). – Сан-Франциско: Изд. газ. «Рус. жизнь», 1957. 339 с.

42. *Кромиади К.Г.* За землю, за волю...: [на путях рус. освободит. Борьбы 1941–1947 гг.: сб. ст. и очерков: посвящается памяти погибших участников освободит. движения народов России] / К.Г. Кромиади. – Сан-Франциско: Союз Борьбы за Освобождение Народов России: Глобус, 1980. 298 с.

43. *Любимов Л.Д.* На чужбине / Л.Д. Любимов. – М.: Сов. писатель, 1963. 414 с.

44. *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: записки эмигранта / Д.И. Мейснер. – М.: Изд. Агенства печати «Новости», 1966. 301 с.

45. *Моравский Н.В.* Остров Тубабао 1949–1951: последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции / Н.В. Моравский. – М.: Рус. путь, 2000. 112 с.

46. *Мурашкин Б.В.* Человек столетия /. Б.В. Мурашкин; под ред. А.В. Попова. – М.: Ин-т воен. и полит. анализа, 2003. 164 с. (Материалы к истории рус. полит. эмиграции; спец. вып.).

47. *Мясин Л.Ф.* Моя жизнь в балете: [пер. с англ.] / Л.Ф. Мясин. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 1997. 366 с.

48. *Оболенский П.А.* На чужой стороне / П.А. Оболенский // Москва. 1965. № 8. С. 209–221.

49. *Одоевцева И.В.* На берегах Сены / И.В. Одоевцева. – М.: Худож. лит., 1989. 333 с.

50. О чем не говорилось в сводках: воспоминания участников Движения Сопротивления. – М.: Госполитиздат, 1962. 455 с.

51. Переписка Бориса Пастернака с Элен Пельтье-Замойской / пер. Е.Б. Пастернака, предисл. и коммент. Е.В. Пастернак // Знамя. 1997. № 1. С. 107–147.

52. Почему мы вернулись на Родину: свидетельства реэмигрантов / [сост., авт. предисл. и ввод. ст. А.П. Осадчая и др.]. 2-е изд., доп. – М.: Прогресс, 1987. 400 с.

53. *Прянишников Б.В.* Новопоколенцы / Б.В. Прянишников. – Мадрид: Silver Spring, 1986. 320 с.

54. *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка, 1905–1945 / С.Г. Пушкарев. – М.: Посев, 1999. 112 с. (Библиотечка россиеведения; Вып. 3).
55. *Робинсон М.А.* Переписка Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева / М.А. Робинсон, М.А. Досталь // Славяноведение. 1994. № 4. С. 69–91.
56. *Романов Е.* В борьбе за Россию: воспоминания руководителя НТС / Е. Романов. – М.: Слово, 1999. 320 с.
57. *Рубакин А.Н.* Над рекою времени: воспоминания / А.Н. Рубакин. – М.: Междунар. отношения, 1966. 552 с.
58. *Русский Париж*: [сборник: мемуары, очерки, статьи, заметки / сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой]. – М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
59. *Таскина Е.П.* Русский Харбин: антология / Е.П. Таскина. – М.: Изд-во МГУ: Наука, 2005. 352 с.
60. *Сабик-Возулов.* В побежденной Германии. – Б.м., [1947]. 78 с.
61. *Седых А.* Далекие, близкие... / А. Седых. – М.: Захаров, 2003. 269 с.
62. *Сопрунов Ф.Ф.* Своим путем / Ф.Ф. Сопрунов. – М.: Мол. гвардия, 1985. 239 с.
63. *Софронова Е.И.* Где ты, моя Родина? / Е.И. Софронова; под ред. А.В. Попова. – М.: Ист. – арх. ин-т Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1999. 392 с. (Материалы к истории рус. полит. эмиграции; Вып. 5).
64. *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся / Ф.А. Степун. 2-е изд., доп., [испр.]. – СПб.: Алетейя, 2000. 651 с.
65. *Стравинский И.Ф.* Хроника. Поэтика / И.Ф. Стравинский. – М.: Летний сад: РОССПЭН, 2004. 368 с. (Рус. Пропилей).
66. *Сухомлин В.В.* Гитлеровцы в Париже / В.В. Сухомлин // Новый мир. 1965. № 11. С. 111–156.
67. *Тихонова Н.А.* Девушка в синем / Н.А. Тихонова. – М.: Артист. Режиссер. Театр. Культура, 1992. 366 с. (Ballets Russes).
68. *Толстая А.Л.* Дочь / А.Л. Толстая. – М.: Книга и бизнес, 1992. 462 с. (Время и судьбы).
69. *Трегубов Ю.А.* Восемь лет во власти Лубянки: пережитое: записки члена НТС / Ю.А. Трегубов. Франкфурт-на-Майне: Посев, 2001. 270 с.
70. *Троицкий Н.А.* Ты, мое столетие... / Н.А. Троицкий. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2006. 496 с. (Материалы к истории рус. полит. эмиграции; Вып. 11).
71. *Феличкин Ю.М.* Как я стал двойником: воспоминания эмигранта и разведчика / Ю.М. Феличкин. – Ростов н/Д: Журн. «Дон», 1990. 160 с.
72. *Фостер Л.А.* Военнопленные во Второй волне эмиграции: увиденное и прочитанное / Л.А. Фостер // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 445–453.
73. *Хеймсон Л.* О времени и о себе / Л. Хеймсон // Отечественная история. 2005. № 6. С. 185–197.
74. *Чехова О.* Мои часы идут иначе / О. Чехова. – М.: Вагриус, 1998. 271 с.
75. *Ширинская А.А.* Бизерта. Последняя стоянка / А.А. Ширинская. – М.: Воениздат, 1999. 246 с.

76. *Ширяев Б. (Алымов А.). Ди-Пи в Италии: записки продавца кукол / Б. Ширяев (А. Алымов).* – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1952. 269 с. – То же: СПб.: Алетей, 2007. 260 с. (Рус. заруб. источники и исследования).

77. *Шостаковский П.П. Путь к правде / П.П. Шостаковский.* – Минск: Госиздат БССР, 1960. 356 с.

78. *Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера: генерал Власов и Рус. Освоб. Движение / В.К. Штрик-Штрикфельдт; [авториз. пер. И. Баха и М. Рубцовой].* [3-е изд.]. – М.: Посев. Рос. фил., 1993. 448 с.

79. *Яковенко Е. Исход / Е. Яковенко.* – Екатеринбург, 1998. 117 с.

80. *Яновский В.С. Поля Елисейские: книга памяти / В.С. Яновский.* – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 280 с.

II. Публицистические и научные произведения

81. *Александров Р.Н. Письма к Неизвестному Другу / Р.Н. Александров.* – [Франкфурт-на-Майне]: Посев, 1951. 192 с.

82. *Антоний, митрополит Сурожский. Труды / митрополит Антоний Сурожский.* – М.: Практика, 2002. 1080 с.

83. *Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев.* – М.: Республика, 1993. 383 с.

84. *Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Мыслители Русского Зарубежья: Бердяев, Федотов.* – СПб., 1992. С. 37–259.

85. *Вернадский Г.В. Русская история / Г.В. Вернадский.* – М.: Аграф, 2001. 544 с.

86. *Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев.* – М.: Республика, 1994. 368 с. (Библиотека этической мысли).

87. *Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский.* – М.: Академический проект, 2001. 880 с.

88. *Ильин В.Н. Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого / В.Н. Ильин.* – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 2000. 480 с. (Из архива рус. эмиграции).

89. *Ильин И.А. Собрание сочинений / И.А. Ильин.* – М.: Рус. кн., 1993. Т. 1. 400 с.; Т. 2. Кн. 1. 496 с.

90. *Константинов Д., (протоиерей). Гонимая церковь: Русская Православная церковь в СССР / под ред. А.В. Попова.* – М., 1999. 360 с. (Материалы к истории рус. полит. эмиграции; Вып. 6).

91. *Крылов К. Система всенародной собственности / К. Крылов.* – Мюнхен, б. г. 70 с.

92. *Левицкий С.А. Трагедия свободы / С.А. Левицкий.* – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. 350с.

93. *Лосский Н.О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский.* – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 864 с.

94. *Полторацкий Н.* Россия и революция: рус. религ.-филос. и нац.-полит. мысль XX в.: сб. ст. / Н. Полторацкий. – Tenefly (Нью-Йорк): Эрмитаж, 1988. 352 с.
95. *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции: избр. ст. 1934–1997 / В.Д. Поремский. – М.: Посев, 1997. 288 с.
96. *Пушкарёв С.* Самоуправление и свобода в России / С. Пушкарёв. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. 175 с.
97. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. 543 с.
98. *Степун Ф.А.* Чаемая Россия / Ф.А. Степун. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 1999. 480 с.
99. *Трушинович А.Р.* Ценою подвига: избранное / А.Р. Трушинович. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1955. 142 с.
100. *Ульянов Н.* Диптих / Н. Ульянов. – Нью-Йорк: Изд. автора, 1967. 228 с.
101. *Ульянов Н.* Скрипты: сб. ст. о рус. истории / Н. Ульянов. – Анн Арбор, Мичиган: Эрмитаж, 1981. 230 с.
102. *Ульянов Н.* Спуск флага / Н. Ульянов. – Нью-Хэйвен: Изд. автора, 1979. 150 с.
103. *Федотов Г.П.* Россия и свобода / Г.П. Федотов // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. – СПб., 1991. Т. 2. С. 276–303.
104. *Федотов Г.П.* Судьба империй / Г.П. Федотов // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. – СПб., 1991. Т. 2. С. 304–327.

III. Исследования

105. *Александров К.М.* Армия генерала Власова, 1944–1945 / К.М. Александров. – М.: Эксмо, 2006. 576 с. (На стороне Третьего рейха).
106. *Александров К.М.* Вторая волна российской эмиграции: Проблемы изучения и актуальные вопросы для дискуссии / К.М. Александров // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 434–444.
107. *Александров К.М.* «Не обольщаем себя надеждами о скорой реабилитации...» Судьбы офицеров власовской армии в послевоенной эмиграции / К.М. Александров // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 257–268.
108. *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945 гг. / К.М. Александров. – СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 2001. 360 с.
109. *Александров К.* Русские солдаты вермахта: герои или предатели: сб. ст. и материалов / К. Александров. – М.: Эксмо: Язуз, 2005. 752 с. (Досье III Рейха).
110. *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: новейший период / Людмила Алексеева. – Вильнюс; М.: Весть, 1992. 350 с.

111. *Амиров Т.* Крах легиона / Т. Амиров. – Алма-Ата: Казахстан, 1970. 96 с.
112. *Андреева Е.* Генерал Власов и Русское Освободительное Движение: пер. с англ. / Е. Андреева. – М.: Странник, 1993. 96 с.
113. *Антошин А.В.* Международные отношения в эпоху «холодной войны»: взгляд российской эмиграции / А.В. Антошин. – Екатеринбург: Екат.артиллер.институт, 2004. 100 с.
114. *Антошин А.В.* Меншевики в эмиграции после Второй мировой войны / А.В. Антошин // Отечественная история. 2007. № 1. С. 102–115.
115. *Антошин А.В.* Российская эмиграция: история и современность / А.В. Антошин. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2006. 96 с.
116. *Антошин А.В.* Российская эмиграция и апогей «холодной войны» / А.В. Антошин // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России, 1941–2001. – М.: ИРИ РАН, 2007. С. 92–102.
117. *Антошин А.В.* Российские анархисты в эмиграции, 1920–1960-е гг.: (по документам Международного института социальной истории) / А.В. Антошин // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 66–72.
118. *Антропов О.К.* История отечественной эмиграции / О.К. Антропов; Астрахан. гос. пед. ун-т. – Астрахань, 1996 – 1999. Кн. 1: Социальная и политическая сферы деятельности, ч. 1. 1996. 115 с.; ч. 2. 1997. 100 с.; Кн. 2: Культурное наследие русской эмиграции, ч. 1. 1998. 87 с.; ч. 2. 1999. 87 с.; Кн. 3: Вторая волна отечественной эмиграции и ее культура. 1999. 82 с.; Кн. 4: Третья волна отечественной эмиграции. 1999. 148 с.
119. *Анучкин-Тимофеев А.С.* Русские в Австралии / А.С. Анучкин-Тимофеев // Дипломатический вестник. 1998. № 3. С. 47–51.
120. *Арзамаскин Ю.Н.* Заложники второй мировой войны: репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. / Ю.Н. Арзамаскин. – М.: Фокус, 2001. 144 с. (Рос. ист. воен. – полит. библиотека).
121. *Арсеньев А.Б.* У излуины Дуная: очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / А.Б. Арсеньев. – М.: Рус. путь, 1999. 256 с.
122. *Аурилене Е.Е.* Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (возникновение, структура, роль в судьбе российской эмиграции) / Е.Е. Аурилене // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1996. № 1. С. 101–112.
123. *Афанасьев А.Л.* Полюнь в чужих краях / А.Л. Афанасьев. – М.: Мол. гвардия, 1987. 285 с.
124. *Базанов П.Н.* Вторая волна русской эмиграции и лагеря Ди-Пи / П.Н. Базанов // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 467–476.
125. *Базанов П.Н.* Вторая русская эмиграция о путях решения национального вопроса в России / П.Н. Базанов // Гуманитарные науки. 1999. № 2. С. 95–100.
126. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988) / П.Н. Базанов; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб.: СПбГУКИ, 2004. 432 с. — То же. 2-е изд., испр. и доп.: 2008. 468 с.

127. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции / П.Н. Базанов // Зарубежная Россия, 1917–1939. – СПб., 2000. С. 113–119.

128. *Базанов П.Н.* Книжное дело русской эмиграции «дипийского периода» (1945–1951) / П.Н. Базанов // Книга. Исследования и материалы. – М., 2002. Сб. 80. С. 365–378.

129. *Базанов П.Н.* «Лига борьбы за народную свободу»: политическая и издательская деятельность / П.Н. Базанов // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России, 1941–2001. – М., 2007. С. 159–171.

130. *Базанов П.Н.* Материалы по издательской деятельности русской эмиграции в архивах Санкт-Петербурга / П.Н. Базанов // Книжная культура Петербурга: сб. науч. тр.: по материалам 13-х Смирдинских чтений. – СПб., 2004. С. 19–30.

131. *Базанов П.Н.* Периодика и издательства политических партий русской эмиграции после Второй мировой войны / П.Н. Базанов // Россия в контексте мировой культуры. – СПб., 2000. С. 363–373.

132. *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов – петербургский историк в политической эмиграции / П.Н. Базанов // Зарубежная Россия, 1917–1939. – СПб., 2003. Кн. 3. С. 104–111.

133. *Базанов П.Н.* Рутченко (Рутыч) Н.Н. / П.Н. Базанов, А.П. Смирнова // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь. – СПб., 2003. Т. III. С. 487–489.

134. *Базанов П.Н.* Книга Русского зарубежья: из истории книжной культуры XX века / П.Н. Базанов, И.А. Шомракова. – СПб.: С.-Петерб. ин-т печати, 2001. 113 с. — То же. Изд. 2-е, испр.: 2003. 120 с.

135. *Батицев В.* Писатели русской эмиграции. Германия 1921–2008. Материалы к биобиблиографическому словарю. – Франкфурт-на-Майне, 2008. 296 с.

136. *Бахвалов А.Л.* Генерал Власов. Предатель или герой? / А.Л. Бахвалов. – СПб.: Изд. ВШ МВД, 1994. 126 с.

137. *Башкирова Г.Б.* Путешествие в Русскую Америку: (рассказы о судьбах эмиграции) / Г.Б. Башкирова, Г.В. Васильев. – М.: Политиздат, 1990. 334 с.

138. *Белов А.В.* Диверсия без динамита / А.В. Белов, А.Д. Шилкин. – М.: Политиздат, 1976. 183 с.

139. *Белов А.В.* Карловацкий раскол – прошлое и настоящее / А.В. Белов, А.Д. Шилкин. – М.: Знание, 1975. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Научный атеизм; 8).

140. *Белова В.И.* Советские люди глазами русской эмиграции в период Второй мировой войны / В.И. Белова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб.ин-т истории РАН, 2010. С. 166–175.

141. *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...» Русские в Египте / В.В. Беляков. – М.: Гуманитарий, 2003. 303 с.

142. *Бетелл Н.* Последняя тайна. / Н. Бетелл. – Лондон, 1974. 267 с.

143. *Бирман М.А.* М.М. Карпович и «Новый журнал» / М.А. Бирман // Отечественная история. 1999. № 5–6.

144. Блейн Э. Завещание Флоровского / Э. Блейн // Вопросы философии. 1993. № 12. С. 80–86.

145. Богораз Л. Политическая борьба или защита прав / Л. Богораз, В. Голицын, С. Ковалев // Погружение в трясину (Анатомия застоя). – М., 1991. С. 501–544.

146. Большаков В.В. Русские березы под Парижем / В.В. Большаков. – М., 1990. 269 с.

147. Болховитинов Н.Н. «Отечественная история» и Российское зарубежье (Заметки на полях журнала) / Н.Н. Болховитинов // Отечественная история. 2000. № 5. С. 123–127.

148. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США / Н.Н. Болховитинов. – М., 2005. 142 с.

149. Бондарева Е.А. Духовный опыт русской диаспоры в Югославии. 1920–1944 гг. / Е.А. Бондарева // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. С. 160–169.

150. Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России / Е.А. Бондарева // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 53–64.

151. Бондаренко В. Архипелаг «Ди-пи». Возвращение второй волны / В. Бондаренко // Вече. – Мюнхен, 1991. № 42. С. 175–190.

152. Бондаренко М. Путь из казаков в зеки // Новое время. 1996. № 3. С. 42–44.

153. Бочарова З.С. «...Больше не суетиться и не шуметь» (российская эмиграция на начальных этапах Второй мировой войны в переписке А. А. фон Лампе) / З.С. Бочарова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 176–196.

154. Бочарова З.С. Начало формирования «второй» волны эмиграции / З.С. Бочарова // История российского зарубежья. Эмиграция из России – СССР в 1941–2001. – М.: Институт российской истории РАН, 2007. С. 14–23.

155. Будницкий О.В. «Колчаковское золото»: последняя глава, 1940–1957 / О.В. Будницкий // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. – М.: Институт российской истории РАН, 2007. С. 45–62.

156. Будницкий О.В. Попытка примирения / О.В. Будницкий // Диаспора: новые материалы. – Париж – СПб., 2001. Вып. 1. С. 179–240.

157. Быкова Л.А. Архив А.Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета / Л.А. Быкова // Отечественные архивы. 2001. № 3. С. 18–24.

158. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. Сб. статей и документов // Сост. Карпов В.С., Попов А.В., Троицкий Н.А.; Под общ. ред. А.В. Попова; Предисл. В.В. Захарова; Вступ.статья А.В. Попова. – М.: РГГУ, 1997. 376 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. 2).

159. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / В.С. Варшавский. – Нью-Йорк, 1956. 387 с.
160. *Вахтина П.Л.* Архивы русской эмиграции в фонде библиотеки Джорджтаунского университета в Вашингтоне / П.Л. Вахтина // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. С. 135–142.
161. *Витковский Е.* Иван Елагин: тяжелые звезды / Е. Витковский // Новый мир. 1988. № 12. С. 125–131.
162. *Владимиров Г.* Престол Андрея Стратилата // Московские новости. 1990. 8 апреля.
163. *Владимирская Т.Л.* Россияне в Аргентине и Парагвае / Т.Л. Владимирская // Русское Зарубежье в Латинской Америке. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 1993. С. 7–17.
164. Власов и власовцы // Новое время. 1991. № 15. С. 38–39.
165. *Гарбулева Л.* Русские эмигрантские объединения в Словакии во Вторую мировую войну / Л. Гарбулева // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 222–231.
166. *Гареев М.А.* О мифах старых и новых / М.А. Гареев // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 42–52.
167. *Генис В.Л.* Невозвращенцы 1920-х – начала 1930-х гг. / В.Л. Генис // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 46–63.
168. *Говердовская Л.Ф.* Русская эмиграция и православная церковь в Китае (1917–1945) / Л.Ф. Говердовская // Христианство на Дальнем Востоке. Мат-лы междунар. науч. конф. – Владивосток: ДВГУ, 2000. Ч. 1. С. 108–113.
169. *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны / В.И. Голдин. – Архангельск–Мурманск: Изд-во «Солти», 2005. 616 с.
170. *Гончаренко О.Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой / О.Г. Гончаренко. – М., 2005.
171. *Гордиенко Н.С.* Обреченные: о русской эмигрантской псевдоцеркви / Н.С. Гордиенко, П.М. Комаров. – Л.: Лениздат, 1988. 207 с.
172. *Граббе Г., епископ.* Завет святого патриарха / Епископ Г. Граббе. – М., 1996. 340 с.
173. *Граббе Г., епископ.* К истории русских церковных разделений. Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church Under the Soviet Regime 1917–1982» / Епископ Г. Граббе. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1992. 79 с.
174. Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993. 415 с.
175. *Дик Е.Н.* Православие на Ла-Плате (конец XIX – первая половина XX в.) / Е.Н. Дик // Латинская Америка. 1991. № 8.
176. *Долинин В.Э.* Архив НТС во Франкфурте-на-Майне / В.Э. Долинин // Вестник Мемориала. – СПб., 2001. № 6. С. 262–264.
177. *Долинин В.Э.* Связь зарубежной организации НТС с оппозицией в Ленинграде. 1950–80-е гг. / В.Э. Долинин // Наука, культура и полити-

ка русской эмиграции. – СПб.: СПб.гос.ун-т культуры и искусств. 2004. С. 71–79.

178. *Досталь М.Ю.* Российские слависты-эмигранты в Братиславе / М.Ю. Досталь // Славяноведение. 1993. № 4. С. 49–62.

179. *Драгунов Г.П.* Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии / Г.П. Драгунов // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 123–132.

180. *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945 гг. / С.И. Дробязко. – М., 2004.

181. *Дугас И.А.* Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным / И.А. Дугас, Ф.Я. Черон. Париж, 1994. 435 с.

182. *Емельянов Ю.Н.* С.П. Мельгунов: в России и эмиграции / Ю.Н. Емельянов. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. 352 с.

183. *Ершов В.Ф.* Российское военное зарубежье в 1945–1980-е гг.: стагнация и угасание / В.Ф. Ершов // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. С. 134–143.

184. *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1919–1945 гг. / В.Ф. Ершов. – М.: МГУ сервиса, 2000. 294 с.

185. *Жувенель Р., де.* Армия наемников / Р. де Жувенель. – М., 1952. 222 с.

186. *Жуков А.Ф.* История и судьба российской эмиграции: Вторая волна эмиграции, 1939–1950-е гг. Учебное пособие / А.Ф. Жуков, Л.Н. Жукова. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998. 124 с.

187. *Жуковская Е.Н.* Русская православная церковь и Зарубежная русская православная церковь: проблема взаимоотношений в XX–XXI вв. / Е.Н. Жуковская // Четвертые Гродековские чтения. Материалы региональной научно-практической конф. – Хабаровск, 2004. С. 318–323.

188. *Зализецкий И., иерей.* Сотрудники вымышленные и явные. О РПЦЗ в Германии 30–40-е гг. / Иерей И. Зализецкий // Православная Русь. 1993. № 10. С. 10–12; № 11. С. 12–13.

189. *Зайончковская Ж.А.* Остарбайтеры в Германии и дома / Ж.А. Зайончковская // In memorem. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. – СПб., 1995. С. 396–413.

190. *Земсков В.Н.* «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947–1955 / В.Н. Земсков // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. С. 63–91.

191. *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 гг. / В.Н. Земсков // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41.

192. *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба / В.Н. Земсков // Социс. 1995. № 5. С. 3–12.

193. *Земсков В.Н.* Рождение «Второй эмиграции» (1944–1952) / В.Н. Земсков // Социс. 1991. № 4. С. 3–24.

194. *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века / Н.М. Зернов. – Париж: ИМКА-Пресс, 1991. 368 с.

195. *Зюзин Е.И.* Малоизвестные страницы войны / Е.И. Зюзин. – М., 1990.
196. *Ибрагимбеيلي Х.М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток / Х.М. Ибрагимбеيلي. – М., 1977. 319 с.
197. *Иванов В.* Измена генерала Власова // Советская Россия. 1991. 5 октября.
198. *Иванов М.М.* США: правовое регулирование иммиграционного процесса / М.М. Иванов. – М., 1998. 480 с.
199. *Иванова И.* Русский роман о войне прислан из Германии // Московские новости. 1994. № 14.
200. Издательство «Посев». 1945–1985. – Frankfurt a. M: Посев, 1985. 120 с.
201. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. 320 с.
202. Имперцы. 80 лет РИС-О. 1929–2009. – Б.м., [2009]. 72 с.
203. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР / Под ред. В.В. Шелохаева. – М., 2002. 504 с.
204. История русских в Австралии. – Сидней, 2004. Т. 1. 297 с.
205. Казаки со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 70–79.
206. *Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа / В.М. Кабузан. – СПб., 1996.
207. *Казарова Н.А.* Лидия Дан / Н.А. Казарова // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 142–146.
208. *Казнина О.А.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. / О.А. Казнина. – М.: Наследие, 1997. 415 с.
209. *Каневская Г.И.* Политическая палитра русской диаспоры Австралии накануне и в годы Второй мировой войны / Г.И. Каневская // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 130–136.
210. *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина в период японской оккупации (1932–1945) / И.К. Капран // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб.ин-т истории РАН, 2010. С. 92–97.
211. *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в СССР / С. Карнер. – М., 2002. 222 с.
212. *Карпов В.С.* Негаснувший факел «второго исхода» / В.С. Карпов, А.В. Попов // Трибуна русской мысли. 2003. № 1. С. 121–126.
213. *Карпов С.В.* Послевоенная печать российской эмиграции в «холодной войне» / В.С. Карпов // Книга. Культура. Общество. Сб. науч. тр. по материалам 12-х Смирдинских чтений. – СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. С. 220–227.
214. *Катукова И.В.* Бдительность – наше оружие / И.В. Катукова. Л., 1980. 36 с.
215. *Катусев А.Ф.* Движение, которого не было / А.Ф. Катусев, В.Г. Оппоков // Военно-исторический журнал. 1991. № 4, 7, 9, 12.

216. *Катусев А.Ф.* Иуды (власовцы на службе фашизма) / А.Ф. Катусев, В.Г. Опкоков // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 68–81.

217. *Квакин А.В.* Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы / А.В. Квакин // Культура Российского зарубежья. – М., 1995. С. 21–26.

218. *Козлитин В.Д.* Русские и украинские эмигранты в Югославии, 1918–1945. / В.Д. Козлитин. – Харьков: Харьков. пед. ин-т им. Г.С. Сквороды, Мин-во образования Украины, 1996. 471 с.

219. *Колесник А.* РОА – власовская армия / А. Колесник. – Харьков, 1990.

220. *Комин В.В.* Белая эмиграция и вторая мировая война / В.В. Комин. – Калинин, 1979. 62 с.

221. *Кондратьев В.* Оплачено кровью / В. Кондратьев // Родина. 1991. № 6–7. С. 6–8.

222. *Коновалова О.В.* Эсеровская эмиграция в США в годы Второй мировой войны: проблемы культурно-политической идентичности / О.В. Коновалова // Американские исследования в Сибири. – Томск, 2005. Вып. 8. С. 32–41.

223. *Константинов Д., протоиерей.* Мюнхенский Институт. Из истории второй российской политической эмиграции / Протоиерей Д. Константинов // Трибуна русской мысли. – М., 2002. № 4. С. 133–144.

224. *Коренюк Н.* Трудно жить с мифами // Огонек. 1990. № 46. С. 29–31.

225. *Корнилов А.А.* Выдающиеся священники лагеря перемещенных лиц Шляйсгайм / А.А. Корнилов // Макарьевские чтения. Третья междунар. конференция. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос.ун-т, 2004. С. 232–239.

226. *Корнилов А.А.* На службе эмиграции. Духовенство лагеря перемещенных лиц Фишбек / А.А. Корнилов. – Нижний Новгород: НИЦ «Русское зарубежье», 2004. 40 с.

227. *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века) / В.И. Косик. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2000. 287 с.

228. *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 / В.И. Косик // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32.

229. *Котюков К.Л.* Российские военные эмигранты и «пораженческое» движение в период Второй мировой войны / К.Л. Котюков // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941–2001 гг. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. С. 24–44.

230. *Кремнев С.С.* Издательская деятельность организаций морских офицеров. Из истории русской военной эмиграции / С.С. Кремнев // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. С. 19–31.

231. *Кремнев С.С.* Михаил Васильевич Шатов – библиограф и издатель «второй эмиграции» / С.С. Кремнев // Книга. Культура. Общество. – СПб., 2002. С. 155–164.

232. *Кротова М.В.* Август 1945 г. в Маньчжурии в воспоминаниях русской эмиграции / М.В. Кротова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 117–129.

233. *Кьосева Ц.* Русские художники-эмигранты в Болгарии / Ц. Кьосева // Славяноведение. 1996. № 4. С. 11–23.

234. *Кудряшов С.* Была и такая партия / С. Кудряшов // Родина. 1993. № 11. С. 52–53.

235. *Кудряшов С.* Освободители / С. Кудряшов, Л. Решин // Родина. 1992. № 8–9. С. 84–95.

236. *Кузнецов Н.А.* Судьба морского офицера Георгия Чехова / Н.А. Кузнецов, К.К. Семенов // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 269–275.

237. *Кузнецова Т.В.* Русская книга в Китае (1917–1949) / Т.В. Кузнецова. Хабаровск: Дальневост. гос. науч. библ-ка, 2003. 256 с.

238. *Кулакова В.Б.* Гость из Каракаса / В.Б. Кулакова // Латинская Америка. 1997. № 3.

239. *Куликов Н.Г.* Я твой, Россия... / Н.Г. Куликов. – М., 1990. 192 с.

240. *Лепервани М., де.* Иммиграция в Австралию в 1947–1979 гг. / М. де Лепервани // Советская этнография. 1981. № 4. С. 63–82.

241. *Луконин Ю.В.* Марокканские будни изгнанников / Ю.В. Луконин // Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 47–69.

242. *Луконин Ю.В.* С «нансеновским паспортом» на берегах Нила / Ю.В. Луконин // Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 27–46.

243. *Маньков С.А.* Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. / С.А. Маньков // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 83–91.

244. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. – М., 2004.

245. *Мерчи С., Валлетти Э.* Вилла Оланда: островок русских белоэмигрантов в Валл-Пелличе // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. – М.: Наука, 2003. С. 52–60.

246. *Млечин Л.* Власов и власовцы / Л. Млечин // Новое время. 1990. № 3. С. 36–40.

247. *Мнухин Л.* Русско-еврейский Париж в первые послевоенные годы / Л. Мнухин // Евреи России – иммигранты Франции. – М.–Париж–Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2000. С. 99–107.

248. *Моравский Н.В.* Остров Тубабао, 1949–1951: Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции / Н.В. Моравский. – М.: Рус. путь, 2000. 110 с.

249. *Мосейкина М.Н.* Деятельность русской колонии города Сан-Паулу по оказанию помощи соотечественникам в годы Второй мировой войны (по личным воспоминаниям И.Ф. Лихоманова) / М.Н. Мосейкина // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 156–165.

250. *Мосейкина М.Н.* Русские перемещенные лица в Венесуэле (1940–1950-е гг.) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. С. 144–158.

251. *Мосс В.* Православная церковь на перепутье (1917–1999) / Пер. с англ., редактор перевода Т.А. Сенина СПб.: Алетейя, 2001. 415 с.

252. *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю.В. Мухачев. – М.: Мысль, 1982. 270 с.

253. *Назаров М.В.* Всемирное призвание России в духовном опыте Русского зарубежья / М.В. Назаров // Трибуна русской мысли. 2002. № 1. С. 130–134.

254. *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции / М.В. Назаров. – Ставрополь, 1992. 414 с.

255. *Назаров М.В.* Русская Зарубежная Церковь в годы «второй гражданской войны» / М.В. Назаров // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви за границей. – Мюнхен, 1994. № 6. С. 18–22.

256. *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне накануне и во время Второй мировой войны / Е.Н. Наземцева // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 98–106.

257. На службе у ЦРУ. Разоблачение антисоветской деятельности Народно-трудового союза. – М., 1977.

258. Непролетарские партии России: урок истории / под общ. ред. И.И. Минца. – М.: Мысль, 1984. 566 с.

259. *Никандров Н.* Иван Солоневич возвращается с чужбины... / Н. Никандров // Латинская Америка. 1997. № 2. С. 87–100.

260. *Никитин А.К.* Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933–1945) / А.К. Никитин. – М., 1998. 421 с.

261. *Нитобург Э.Л.* История формирования еврейской общности в США / Э.Л. Нитобург // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 5. С. 22–32.

262. *Нитобург Э.Л.* Русская иммиграция в США в зеркале американской статистики / Э.Л. Нитобург // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 94–106.

263. *Нитобург Э.Л.* Русские в Америке – интеграция или ассимиляция? / Э.Л. Нитобург // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 82–103.

264. *Нитобург Э.Л.* Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX – 1917 г.): адаптация и судьбы / Э.Л. Нитобург // Отечественная история. 2002. № 5. С. 63–75.

265. *Нитобург Э.Л.* Русскоязычная пресса в США / Э.Л. Нитобург // США-Канада: Экономика, политика, культура. 2001. № 1. С. 58–74.

266. *Нитобург Э.Л.* Судьбы русских иммигрантов 2-й волны в Америке / Э.Л. Нитобург // Отечественная история. 2003. № 2. С. 102–115.

267. *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в США: Третья волна / Э.Л. Нитобург // США – Канада: Экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 84–91.

268. *Нитобург Э.Л.* Русская православная церковь в США / Э.Л. Нитобург // США и Канада: Экономика. Политика. Культура. 2000. № 4. С. 41–45.
269. *Носик Б.М.* На погосте XX века / Б.М. Носик. – СПб., 2000. 560 с.
270. *Носик Б.М.* Этот странный парижский процесс / Б.М. Носик. – М., 1991. 256 с.
271. НТС: Мысль и дело. 1930–2000. – М.: Посев, 2000. 128с.
272. *Обухова-Зелинская И.В.* Газета «Советский патриот» – сладко-голосая сирена возвращения или дудка гаммельнского крысолова / И.В. Обухова-Зелинская // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 276–292.
273. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны / А.В. Окороков. – М., 2000. 174 с.
274. *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945) / А.В. Окороков. – М., 2000. 120 с.
275. *Окороков А.В.* Краткие биографические данные участников Русского Освободительного Движения / А.В. Окороков // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. – М., 1999. Вып. 2. С. 443–478; Вып. 4. С. 552–566.
276. *Окороков А.В.* Русская эмиграция: политические, военно-политические и военные организации / А.В. Окороков. – М., 2003. 330 с.
277. *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945) / А.В. Окороков. – М.: Русаки, 2002. 593 с.
278. Отклики. Сб. статей памяти Н.И. Ульянова (1904–1985). Б.м., б.г. 250 с.
279. *Паклин Н.А.* Русские в Италии / Н.А. Паклин. – М., 1990. 285 с.
280. *Пацуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе / В.Т. Пацуто. – М., 1991. 400 с.
281. *Петров Е.В.* Историко-теософское направление общественной мысли русской диаспоры в США в годы Второй мировой войны / Е.В. Петров // Международные «Макарьевские чтения». – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2002. С. 135–140.
282. *Петров Е.В.* История американского россиеведения: Курс лекций / Е.В. Петров. – СПб.: Рос.таможенная академия; СПб.филиал им. В.Б. Бобкова, 1998. 214 с.
283. *Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США (первая половина XX столетия). Источники и историография / Е.В. Петров. – СПб.: Рос.таможенная академия; СПб. филиал им. В.Б. Бобкова, 2000. 160 с.
284. *Петрушева Л.И.* Русский заграничный исторический архив в Праге. 1938–1945 гг. / Л.И. Петрушева // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 315–334.
285. *Печерица В.Ф.* Восточная ветвь русской эмиграции / В.Ф. Печерица. – Владивосток, 1994. 188 с.
286. *Печерица В.Ф.* Духовная культура русской эмиграции в Китае / В.Ф. Печерица. – Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 1998. 276 с.

287. Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии / Ю.А. Писарев // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 151–161.

288. Полоскова Т.В. Русские в Аргентине / Т.В. Полоскова // Дипломатический вестник. 1998. № 1. С. 40–43.

289. Полоскова Т.В. Судьбы перемещенных лиц / Т.В. Полоскова // Дипломатический вестник. 1996. № 10. С. 77–79.

290. Полчанинов Р.В. Русский книжный «бум» в Германии в 1945–1948 гг. / Р.В. Полчанинов // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 383–400.

291. Полчанинов Р. Подпольные издания НТС 1946–1948 гг. / Р. Полчанинов // Библиография. 1996. № 3. С. 133–135.

292. Польский М., протопресвитер. Очерк положения Русского Экзархата Вселенской юрисдикции / Протопресвитер М. Польский. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1952. 32 с.

293. Поляков Ю.А. Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта / Ю.А. Поляков // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 8–15.

294. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П.М. Полян. – М., 2002. 896 с.

295. Полян П.М. Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с.

296. Попов А.В. Историческая наука русского зарубежья: Архив профессора К.Ф. Штеппы в ГАРФ / А.В. Попов // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. – Омск, 2000. С. 109–113.

297. Попов А.В. Культурные и научные центры второй русской политической эмиграции / А.В. Попов // Образование и педагогическая мысль российского зарубежья. – Саранск, 1994. С. 24–25.

298. Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции / А.В. Попов // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. С. 118–133.

299. Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. С прил. системат. библиогр. / А.В. Попов. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2005. 619 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 10).

300. Попов А.В. Россия в негосударственных хранилищах США / А.В. Попов // Отечественные архивы. 1996. № 2. С. 22–26.

301. Попов А.В. Русская эмиграция в США и Архивная Россия: Проблемы выявления и описания материалов, хранящихся в архивах общественных организаций и частных лиц / А.В. Попов // Проблемы зарубежной архивной России. Мат-лы междунар. конф. – М.: Росархив, 1996. С. 112–120.

302. Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектова-

ния, описания и использования / А.В. Попов / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 4. – М.: ИАИ РГГУ, 1998. 392 с.

303. *Попов А.В.* Фонд Н.А. Троицкого в ГАРФ / А.В. Попов. / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 1. – М., 1994.

304. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. 511 с.

305. *Пушкарев Б.* Мемуары В.М. Байдалакова / Б. Пушкарев // *Посев.* 2002. № 6. С. 47.

306. *Пушкарев Б.С.* Народно-трудовой союз российских солидаристов / Б.С. Пушкарев // Библиография. 1994. № 2. С. 46–55.

307. *Пушкарева Н.Л.* Пути формирования русской диаспоры после 1945 г./ Н.Л. Пушкарева // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 6. С. 18–30.

308. *Разумовский Г., священник.* Патриаршая делегация в Харбине / Священник Г. Разумовский // *Журнал Московской Патриархии.* 1945. № 12. С. 14–17.

309. *Рар Л.А., Оболенский В.А.* Ранние годы (1924–1948): Очерк истории Народно-трудового союза / Л.А. Рар, В.А. Оболенский. – М.: Посев, 2003. 194 с.

310. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945 / Л. Регельсон. – Париж: YMCA-Press, 1977. 625 с.

311. *Решин Л.Е.* Надежды маленький оркестрик / Л.Е. Решин // *Родина.* 1993. № 4. С. 99–101.

312. *Решин Л.Е.* Воинствующая некомпетентность / Л.Е. Решин // *Военно-исторический журнал.* 1992. № 2. С. 51–58.

313. *Решин Л.Е.* «Wlassow-Aktion», или как германское командование пыталось разложить Советскую Армию и ее тыл в 1941–1945 гг. / Л.Е. Решин // *Военно-исторический журнал.* 1993. № 3. С. 22–25.

314. *Родионова Н.А.* Жизнь лагеря для перемещенных лиц Менхегоф и судьба его обитателей (на основе воспоминаний В.К. Болдырева, И.В. Халафовой, А.И. Жедилягиной) / Н.А. Родионова // *Нансеновские чтения 2009.* – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 454–466.

315. *Росов В.А.* Еще раз о русских архивах в США / В.А. Росов // *Вопросы истории.* 2000. № 7. С. 173.

316. *Россика в США.* Сб. статей / Ред. А.В. Попов. – М.: Институт политического и военного анализа, 2001. 352 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 7).

317. *Руденко А.В.* Белорусские иммигранты в антифашистском движении Аргентины / А.В. Руденко // *Латинская Америка: современный этап развития.* – М., 1975. Вып. 2. С. 122–141.

318. *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний...: Русские в австралийской истории / А.Ю. Рудницкий. – М., 1991. 192 с.

319. *Русак В.С.* История Российской церкви от основания до наших дней. / В.С. Русак. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1993. 580 с.

320. *Русская православная церковь за границей: 1918–1968.* Т. 1–2. / Под ред. гр. А.А. Соллогуба. – Нью-Йорк, 1968. 1451.

321. *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция во Франции перед лицом Второй мировой войны / И.В. Сабенникова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 62–74.

322. *Сабенникова И.В.* Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе, 1926–1951 гг. / И.В. Сабенникова // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941–2001 гг. Сб. статей. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. С. 5–13.

323. *Седова Е.Е.* Деятельность русских учебных заведений в Европе в военное и послевоенное время / Е.Е. Седова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 335–347.

324. *Семенова Л.Н.* Г.Р. Окулевич и русские канадцы / Л.Н. Семенова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 232–246.

325. *Семенова Л.Н.* Русская Канада во Второй мировой войне / Л.Н. Семенова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 137–155.

326. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

327. *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных / М.И. Семиряга // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33.

328. *Серков А.И.* История русского масонства после Второй мировой войны / А.И. Серков. – СПб., 1999. 446 с.

329. *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь / А.И. Серков. – М., 2001.

330. *Сизоненко А.И.* По страницам газеты русских монархистов / А.И. Сизоненко // Латинская Америка. 1995. № 9. С. 65–68.

331. *Сизоненко А.И.* Наши соотечественники в Латинской Америке / А.И. Сизоненко, Н.А. Панков. – М.: Амипресс, 2002. 82 с.

332. *Симонова Т.М.* Российская военная эмиграция и фашизм / Т.М. Симонова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 8–32.

333. *Сопельняк Б.* Подарок в десять тысяч душ / Б. Сопельняк // Родина. 1993. № 4. С. 94–98.

334. *Столыпин А.П.* На службе России: Очерки по истории НТС / А.П. Столыпин. – Frankfurt a. M.: Посев, 1986. 303 с.

335. *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки / А.А. Стрелко. – Киев: Наук. думка, 1980. 142 с.

336. *Сулацков А.А.* Пишут письма провокаторы (Критические заметки об истории и идеологии Карловацкого раскола) / А.А. Сулацков. – Алма-Ата, 1973. 216 с.

337. *Сухарев Ю.Н.* Материалы к истории русского научного зарубежья / Ю.Н. Сухарев. – М.: Росархив, 2002. Кн. 1. 608 с.; Кн. 2. 560 с.

338. *Талалай М.Г.* Организация русских эмигрантов во Флоренции (1917–1949) / М.Г. Талалай // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. – М., 2003. С. 32–39.

339. *Тарле Г.Я.* Российская эмиграция в 1940–1950-е гг. / Г.Я. Тарле // Россия и современный мир. 1999. № 3. С. 108–129.
340. *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945) / В.А. Тесемников // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137.
341. *Толстой И.Н.* Борьба за Американский Комитет: К политической предыстории Радио Свобода / И.Н. Толстой // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 401–410.
342. *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты / Н.Д. Толстой. – М.: Русский путь, 1996. 542 с.
343. *Трушнович Я.А.* К истории Народно-Трудового Союза / Я.А. Трушнович // Посев. 1990. № 1. С. 143–153.
344. *Трушнович Я.А.* Невдалеке от фронта: К истории Народно-Трудового Союза / Я.А. Трушнович // Посев. 1992. № 1. С. 116–123.
345. *Трушнович Я.А.* НТС в послевоенном Берлине / Я.А. Трушнович // Посев. 1999. № 9. С. 35–38.
346. *Трушнович Я.А.* Работа НТС на оккупированной немцами Украине: К истории Народно-Трудового Союза / Я.А. Трушнович // Посев. 1992. № 3. С. 108–114.
347. *Ульянкина Т.И.* Интеллектуальная иммиграция в США: акция «Беженского университета» и Толстовского фонда (США) по спасению ученых и преподавателей высшей школы в Европе / Т.И. Ульянкина // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 421–433.
348. *Урицкая Р.Л.* Правовое положение русской эмиграции в оккупированной Франции / Р.Л. Урицкая // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 75–82.
349. *Урядова А.В.* Зимняя война и эмиграция / А.В. Урядова // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 41–61.
350. *Уэр Каллист, епископ Диоклийский.* Православная Церковь / Уэр Каллист, епископ Диоклийский. – М.: Библейско-Богословский Ин-т св. апостола Андрея, 2001. 375 с.
351. *Филиппов С.В.* США: иммиграция и гражданство / С.В. Филиппов. – М.: Наука, 1973. 204 с.
352. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 360 с.
353. *Хисамутдинов А.А.* Русские эмигранты на Филиппинах / А.А. Хисамутдинов // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 141–146.
354. *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004) / В.И. Цепилова. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2004. 294 с.
355. *Цурганов Ю.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне / Ю.С. Цурганов. – М.: Intrada, 2001. 287 с.
356. *Черезов К.К.* Маска НТС, или НТС без маски / К.К. Черезов. – М., 1965. 75с.
357. *Черкасов А.И.* Русские канадцы / А.И. Черкасов // США – Канада. Экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 92–99.

358. *Чернухин В.* На любанском направлении / В. Чернухин // Военно-исторический журнал. 1992. № 8. С. 43–45.

359. *Черняев В.Ю.* Русские узники Компьенского лагеря и их судьбы / В.Ю. Черняев // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т российской истории РАН, 2010. С. 203–221.

360. *Чикарлеев Ю.* Трагедия НТС. Эпизод тайной войны / Ю. Чикарлеев. – Нью-Йорк, 1987. 240 с.

361. *Чуев С.* Проклятые солдаты: Предатели на стороне III Рейха / С. Чуев. – М., 2004.

362. *Шевяков А.А.* Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупированных зонах государств антигитлеровской коалиции / А.А. Шевяков // Население России 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграция. Сб. науч. тр. – М., 1994. С. 195–222.

363. *Шевяков А.А.* «Тайны» послевоенной репатриации / А.А. Шевяков // Социс. 1993. № 8. С. 3–11.

364. *Шендерюк М.Г.* Совпатриоты и коллаборанты: возможен ли знак равенства? / М.Г. Шендерюк // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 293–299.

365. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. 2-е изд., исп. и доп. – М.: Мысль, 1986. 272 с.

366. *Шкаровский М.В.* Германская епархия в годы Второй мировой войны. Обитель преподобного Иова Почаевского / М.В. Шкаровский // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви за границей. – Мюнхен, 2000. № 3.

367. *Шкаровский М.В.* Русская церковная эмиграция в Италии в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы / М.В. Шкаровский // Нансеновские чтения 2009. – СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 308–314.

368. *Шкаровский М.В.* Русская церковная эмиграция на Балканах в конце 1930-х – 1945 гг. / М.В. Шкаровский // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сб. статей. Кн.2. – СПб., 2003. С. 138–149.

369. *Шкаровский М.В.* Русские православные общины в Германии в 1933–1941 гг. / М.В. Шкаровский // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Кн.3. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. – СПб., 2002. С. 88–100.

370. *Шлегель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945) / К. Шлегель. – М., 2004. 632 с.

371. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Огороков. – М., 2001. 490 с.

372. *Яковлев Н.Н.* ЦРУ против СССР / Н.Н. Яковлев. – М.: Мол. гвардия, 1979. 287 с.

373. *Beyer T.* New York: Russen in der Neuen Welt // Der grosse exodus. Die russische emigration und ihre zentren 1917 bis 1941. / T. Beyer. – Munchen, 1994; P. 346–372.

374. *Danilov D.P.* Immigrating to the USA / D.P. Danilov, H.D. Deutsch. – Vancouver, 1994. 200 p.

375. *Holborn L.W.* The International Refugee Organization / L.W. Holborn. – New York, 1956.
376. *Liebich A.* At Home Abroad: the Mensheviks in the Second Emigration / A. Liebich // Canadian Slavonic Papers. Vol. XXXVII, Nos. 1–2, March–June 1995. P. 1–13.
377. *Liebich A.* From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921. / A. Liebich. – Cambridge–London, 1997. 476 p.
378. *Liebich A.* Martov's Last Testament // Revolutionary Russia / A. Liebich – London, 1999. Vol. 12, No. 2. P. 1–18.
379. *Liebich A.* Mensheviks Wage the Cold War / A. Liebich // Journal of Contemporary History. – London, 1995. Vol. 30. P. 247–264.
380. *Polovchak W., Klose K.* Freedom's child / W. Polovchak, K. Klose. – New York, 1988. 246 p.
381. *Ristaino M.* Shanghai: Russische fluchtlinge im «gelben Babylon» / M. Ristaino // Der grosse exodus. Die russische emigration und ihre zentren 1917 bis 1941. – Munchen, 1994. P. 329–345.
382. *Williams R.C.* Culture in exile. Russian émigrés in Germany. 1881–1941. / R.C. Williams. – Ithaka–London, 1972.
383. *Van Reenan A.* Lithuanian diaspora. Königsberg to Chicago / A. Van Reenan. – New York – London, 1990.
384. *Vernant J.* The Refugee in the Post – War World / J. Vernant. – New-Haven, 1956.

IV. Диссертации, авторефераты диссертаций

385. *Аверьянов В.В.* Проблема традиции в русской философии XX в. (Русское Зарубежье): Автореф. дис... канд. филос. наук / В.В. Аверьянов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2000. 24 с.
386. *Аурилене Е.Е.* Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е гг. XX в. (на примере Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи): Автореф. дис... канд. ист. наук / Е.Е. Аурилене. – Владивосток, 1996. 24 с.
387. *Горидько М.И.* Проблема природы и противоречий национальных отношений в творческом наследии мыслителей Русского зарубежья (20–40-е гг. XX в.): Автореф. дис. канд. филос. наук / М.И. Горидько; Моск. пед. ун-т. – М., 2000. 27 с.
388. *Гуртовенко Г.А.* Философская антропология С.Л. Франка: Автореф. дис... канд. филос. наук Г.А. Гуртовенко. – М., 1998. 25 с.
389. *Ермакова Е.Е.* Художественная перспектива в поэзии И.А. Бунина: Автореф. дис... канд. филол. наук / Е.Е. Ермакова; Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2003. 22 с.
390. *Зайцев В.В.* Философская антропология Н.А. Бердяева и современность: Автореф. дис... канд. филос. наук / В.В. Зайцев. – М., 1998.

391. *Зимовец Л.Г.* Культурологическая концепция Н.А. Бердяева: Автореф. дис... канд. филос. наук / Л.Г. Зимовец; Рост. гос. академия архитектуры и искусства. – Ростов-на-Дону, 2001. 34 с.

392. *Зимянина Е.В.* Философия человека в системе С.Л. Франка: Автореф. дис... канд. филос. наук / Е.В. Зимянина; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2002. 22 с.

393. *Зюзев Н.Ф.* Ценностные основания философии истории П.А. Соколова. Поздний этап творчества: Автореф. дис... канд. филос. наук / Н.Ф. Зюзев; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2000. 28 с.

394. *Калкутин Д.Л.* Деятельность молодежной оппозиции в СССР (1945–1960): Автореф. дис... канд. ист. наук / Д.Л. Калкутин; Курск. гос. тех. ун-т. – Курск, 2000. 22 с.

395. *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. 1920–1998 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук / В.Е. Колупаев. – М., 1999. 24 с.

396. *Кривицкий С.И.* Аграрный вопрос в работах С.Н. Прокоповича: Автореф. дис... канд. ист. наук / С.И. Кривицкий. – М., 2002. 28 с.

397. *Кривошеева Е.Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны: Автореф. дис... докт. ист. наук / Е.Г. Кривошеева. – М., 2003. 40 с.

398. *Кузнецова Т.В.* Центры русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук / Т.В. Кузнецова; ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 1999. 23 с.

399. *Маламуд Г.Я.* Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 50-х гг.: Дис... канд. ист. наук / Г.Я. Маламуд; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 1998. 201 с.

400. *Морозова М.Ю.* Исторический анализ проблемы интеллигенции в трудах Г.П. Федотова: Автореф. дис... канд. филос. наук / М.Ю. Морозова. – М., 1996. 17 с.

401. *Некрасов А.П.* Философско-эстетические воззрения В.В. Вейдле: Автореф. дис... канд. филос. наук / А.П. Некрасов; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2000. 18 с.

402. *Онегина С.В.* Пореволуционные политические движения российской эмиграции 1925–1945 гг. Варианты российской государственной доктрины. Автореф. дис... канд. ист. наук / С.В. Онегина; Ин-т российской истории РАН, М., 1997. 27 с.

403. *Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX в.: Автореф. дис... докт. ист. наук / Е.В. Петров. – СПб., 2001. 34 с.

404. *Погодин И.В.* Христианская историософия Н.А. Бердяева: Автореф. дис... канд. филос. наук / И.В. Погодин; Моск. ин-т электр. техники (тех. ун-т). – М., 2001. 16 с.

405. *Пращерук Н.В.* Феноменология И.А. Бунина: авторское сознание и его пространственная структура: Автореф. дис... докт. филос. наук / Н.В. Пращерук; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 1999. 34 с.

406. *Пронин А.А.* Российская эмиграция в современной историографии: Автореф.дис...канд.ист.наук / А.А. Пронин; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2001. 25 с.

407. *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии (начало 1920-х – 1945): проблема социальной адаптации: Автореф.дис...канд.ист.наук / С.В. Смирнов; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2002. 24 с.

408. *Солодухин Д.Т.* Рациональные и иррациональные аспекты познания в интуитивизме С.Л. Франка: Автореф.дис...канд.филос.наук / Д.Т. Солодухин; Моск.пед.гос.ун-т. – М., 2001. 16 с.

409. *Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956): Дис...канд.ист.наук / Н.В. Суржикова; Урал.гос.ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2001. 322 с.

410. *Тучкова Т.В.* Проблема национального характера в философии русского зарубежья: Автореф.дис...канд.филос.наук / Т.В. Тучкова; Мурман.гос.тех.ун-т. – Мурманск, 2002. 22 с.

411. *Федотова Л.Г.* Концепция свободы в творчестве Н.А. Бердяева: Автореф.дис...канд.филос.наук / Л.Г. Федотова. – М., 1998. 22 с.

412. *Целовальников И.Ю.* Интертекстуальность прозы А. Ремизова: Автореф.дис...канд.филол.наук / И.Ю. Целовальников. – Волгоград, 1999. 16 с.

413. *Цурганов Ю.С.* Российская военная эмиграция в Европе, 1939–1945 гг.: Автореф. дис...канд.ист.наук / Ю.С. Цурганов; РГГУ. – М., 2001. 24 с.

414. *Шуплецов В.М.* Насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии (1941–1945): Автореф.дис...канд.ист.наук/ В.М. Шуплецов; Перм.гос.ун-т. – Пермь, 1983. 17 с.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абакумов В. – 273
Аблова Р.Т. – 181, 256
Абраам М. – 310
Абрамович Р. – 97, 113–115, 171, 172,
209, 214, 217, 249, 255, 258, 261
Авелин К. – 310, 311
Аверин И.С. – 216
Авксентьев Н.Д. – 97, 170, 255
Адамович Г.В. – 222
Аксельрод П.Б. – 78
Алдан М.А. – 118
Алданов М.А. – 81, 97, 105, 177
Александров К.М. – 15, 20, 21
Александрова В. – 212, 213, 258
Алексеев А.Г. – 111
Алексеев Д.Ю. – 18, 21
Алексеев С.С. – 108
Алексий I, патриарх – 149, 152, 321
Алексинская Т.И. – 92
Алимпиев Е.Н. – 42
Алл Н.Н. – 99
Аллеманов – 150
Альперин А.С. – 223
Алябьев Е.Г. – 47
Ананьин Е.А. – 78
Анастасий, митрополит – 133, 151
Андреев В. – 256
Андреев В.Л. – 46, 181
Андреев Г. – 261
Андреев Д.Л. – 46
Андреев Л. – 46, 181
Анисимов О.В. – 240, 260
Антоний, митрополит – 313
Арбенин Е. – 194, 257
Аргинский Р.М. – 41
Аронсон Г.Я. – 115, 172, 212, 258
Арсеньев А.Б. – 108, 124
Арсеньев Н.С. – 106
Арцимович М. – 94
Аурилене Е.Е. – 216, 258
Афонский Н.П. – 126, 150

Б

Бабиков В.В. – 99
Багратион П.И. – 317
Базанов П.Н. – 19, 21, 124
Базиль В.Г. – 137
Байдалаков В.М. – 107, 124, 232, 259
Балабин Е.И. – 70
Баланчин Дж. – 138
Балмасов С.С. – 14, 20, 21
Баран Х. – 88
Баратов Н.Н. – 256
Баркер Р.В. – 31
Барклай-де-Толли М.Б. – 317
Барлиаз К. – 129
Бахметев Б.А. – 124, 145
Бахрах А. – 222
Бахрушин А.А. – 136
Безнин М.А. – 261
Безрадецкий С.Е. – 147
Беларский С. – 137
Белкова Г. – 256
Белобородов А.П. – 279
Бенуа А.Н. – 156–159
Берберова Н.Н. – 77, 88
Бердяев Н.А. – 220, 222, 235–237,
242, 258–260
Берия Л.П. – 270, 272
Беркман А. – 116
Бернар С. – 131
Бернес М. – 49
Бетелл Н. – 31, 53
Бизьянов – 282
Биргель В. – 132
Бискупский В.В. – 67
Благовещенский Р.Ф. – 193, 194, 196
Блонский И. – 143
Богданович П. – 67, 93, 185
Бодэ Б. – 148
Бойчук А. – 143, 144, 167
Болдырев – 33, 68, 80
Болдырев К.В. – 80, 87, 88, 147, 167
Бологов – 74

Бортнянский Д.С. – 150
 Браиловский А. – 137
 Браухич В. фон – 193
 Брейтман М. – 206, 258
 Бриан А. – 174
 Броссолет П. – 310
 Брух М. – 137
 Брюно Б. – 148
 Буданов Я.В. – 102
 Буденный С.М. – 207
 Будник А.С. – 144
 Будницкий О.В. – 17, 21, 124
 Буйвило В.П. – 42
 Бунаков-Фондаминский И.И. – 182
 Бунин И.А. – 61, 77, 182, 222
 Бурлюк Д.Д. – 80, 229, 322, 324, 325
 Буслакова Т.П. – 88
 Буханов В.А. – 67, 87
 Буцкий М.П. – 41

В

Вакар Н.Л. – 124
 Вакар Н.П. – 105
 Валентинов Н.В. – 174
 Вальтер П. – 311, 312
 Варзалий С. – 26
 Варшавский В.С. – 182, 222, 256
 Васильчиков И.С. – 87
 Васильчикова М.И. – 64, 65, 87
 Вацянов Ц.А. – 42
 Ващенко Е.И. – 136
 Вейль-Кюриэля А. – 310, 311
 Вейнбаум М. – 105, 201, 257
 Вейон Д. – 309
 Великатов П.П. – 94, 129
 Вениамин, патриарх – 149
 Вердеревский Д.Н. – 223
 Вернант Дж. – 301
 Вергинский А.Н. – 35, 48, 49, 54
 Вильде Б. – 181, 182, 256, 309–312
 Винокур А. – 117
 Витковский Е. – 156, 168
 Вишняк М.В. – 110, 209, 244, 258, 261
 Вишняк Ф. – 117
 Владимир Кириллович, великий князь – 102–104, 119
 Владимир, архиепископ – 150–153
 Владимир, князь – 133
 Власов А.А. – 15, 18, 20, 28, 36, 41, 52, 113, 118, 120, 193, 276
 Войцеховский С.Л. – 106
 Волнянский М.Ф. – 41

Воронов С.А. – 328
 Врага Р. – 252, 262
 Врангель, баронесса – 99
 Вуд – 266
 Высота А.Г. – 108
 Вышинский А.Я. – 32

Г

Гаво А. – 311
 Гаганидзе И.Н. – 204
 Гагарина А. – 97
 Гайда М. – 136
 Гарви П.А. – 211, 212, 258
 Геббельс Й. – 65, 192, 194
 Гегелашвили С.Д. – 70
 Гекке П. – 134
 Генрих VIII – 131
 Герасимов Ф. – 254, 262
 Герцен А.И. – 110, 111
 Гессен С.И. – 72, 88
 Гиммлер Г. – 187, 188, 215
 Гитлер А. – 20, 28, 30, 66, 89, 115, 131, 151, 170, 171, 173, 177–180, 185, 187, 190, 201, 202, 204, 206, 212, 214, 215, 226
 Глазенап П.В. – 118–120
 Глобачев Н.К. – 103
 Гоголь Н.В. – 141
 Голдин В.И. – 13, 20, 216, 258
 Голиков Ф.И. – 29, 274, 283, 284
 Голль Ш. де – 181
 Головин Н.Н. – 93
 Головина М.М. – 40
 Голубев А. – 119
 Голубев К.Д. – 31
 Гончаренко О.Г. – 15, 20
 Горбачевич Д. – 140
 Горбачев М.С. – 55
 Горбунов С.З. – 233
 Гордеев В.А. – 50, 51
 Гордиевский О. – 55
 Городейчик С.И. – 204
 Горчаков М.К. – 67
 Горчакова М. – 97
 Горький М. – 184
 Горянин А.Б. – 20, 21
 Граббе М.Н. – 67, 96
 Гранин Д. – 13
 Грашенский – 44
 Греков А.М. – 93
 Грибоедов А.С. – 126, 129
 Гришин Г.Е. – 150

Громыко А.А. – 32, 322, 330
 Губияк Н. – 142
 Гузенко И. – 50
 Гуль Р.Б. – 105, 125
 Гурьев М. – 141, 142, 167
 Гусев Ф. – 195, 257
 Гюмбер А. – 309, 310

Д

Далин Д.Ю. – 113, 114, 122, 211, 258
 Дан Л.О. – 78, 111, 112, 171
 Дан Ф.И. – 112, 124, 172, 174, 229, 255
 Данилов А.И. – 33, 108
 Данилюк И. – 116
 Двинов Б.Л. – 115, 172
 Дегрель Л. – 103
 Делевский Ю. – 245, 261
 Делибалта И.Д. – 108
 Денике Ю.П. – 113, 114, 244, 261
 Деникин А.И. – 182
 Державин (Арцюк) Е.Н. – 120, 121, 125
 Деспотули В.М. – 188, 189, 191, 194, 256, 257
 Дикий М. – 163
 Димони Т.М. – 261
 Дичбалис С.А. – 21, 294, 297
 Добужинский М.В. – 139, 156–159, 167, 168
 Долгов Н. – 262
 Долинин В.Э. – 21, 124, 259
 Дом В. – 131
 Доманевская О.И. – 173, 174, 229, 255
 Дон Левин И. – 121
 Дроздовский А. – 58
 Дубенецкий М. – 204
 Дубина-Александров – 99
 Дубосарский И. – 59
 Дугас И.А. – 85, 89
 Душечкина Е.В. – 88
 Душкин С. – 137
 Дэвис Н. – 202
 Дюбуа А.Э. – 112, 124
 Дюринг – 309, 311
 Дягилев С. – 138

Е

Евец Е.И. – 147
 Евлогий, митрополит – 148–152, 167, 313, 321
 Егоров Н. – 142

Еленский Б. – 116
 Елин В.А. – 139, 140
 Ерин Е.Ф. – 204, 257

Ж

Жадан П.В. – 108, 124
 Жданов А.А. – 247
 Ждановский Е. – 136
 Жедилягин И. – 108
 Жеребков Ю.С. – 93, 123, 183, 187, 256
 Жид А. – 310
 Жобэр М. – 128
 Жуковский С. – 227

З

Заец К. – 204
 Замятин Е.И. – 98
 Звегинцев В. – 94
 Зеелер В.Ф. – 61, 222
 Земсков В.Н. – 31, 53, 85, 89, 283, 302
 Зензинов В.М. – 110
 Зима В.Ф. – 262
 Зорин Ф.Н. – 290
 Зубов П.П. – 202

И

Иванов – 43
 Иванов В.С. – 99
 Иванов Г.В. – 84, 242
 Иванов М.М. – 88
 Иванова Л. – 87
 Иден А. – 31
 Изразцов К. – 163
 Илларионов М. – 186, 256
 Ильин И.А. – 251, 262
 Ингерман С.М. – 97
 Иоанн, архиепископ – 154
 Иоанн, епископ – 153
 Ионин С.Л. – 121
 Иргизов Н. – 253, 262
 Истомин В.И. – 184

К

Кажура В. – 136
 Казанцев А.С. – 28, 52, 66, 87, 240, 260
 Кайгородов А.М. – 72, 88, 279, 283
 Каллаш М. – 167
 Каменев С.С. – 38
 Камышниковая Л. – 85, 86
 Каппель В.О. – 279

Караев Б.А. – 330, 334
 Карандакова Н.Ю. – 127
 Карпович М.М. – 105, 243, 260
 Карташев А.В. – 107
 Кассу Ж. – 310, 311
 Катлапс Д.Г. – 43
 Кафганов С.В. – 48
 Кедров М.А. – 92, 147
 Келли Р. – 121
 Келлог Ф. – 174
 Керенский А.Ф. – 111, 114, 120, 122,
 177, 209, 228
 Кефали М.С. – 172
 Кирилл Владимирович, великий князь –
 102, 290
 Клейнмихель К. – 64
 Климов Г.П. – 50, 54, 253, 262
 Клоге О.де – 97
 Ключарев Н.Н. – 147, 148
 Кнут Д. – 222
 Коваленко П.А. – 146, 167
 Кодрянская Н.В. – 37, 98
 Кожевникова А. – 164, 168, 321, 322
 Козак П. – 58
 Коковцов – 314
 Колесников М. – 279
 Колтовский Ю. – 148
 Колчак А.В. – 290
 Комба А. – 311
 Конев И.С. – 28, 52
 Коновалов А.И. – 105
 Кононов И.Н. – 119
 Константинов Д. – 18, 21, 163, 164, 168
 Копыл Д.Д. – 96
 Корнилов В.А. – 184
 Косик В.И. – 256
 Косинцев П.С. – 41
 Кох Э. – 190
 Коцебу П. – 99
 Кравченко В.А. – 50
 Краснов П.Н. – 15, 40
 Краснов С.Н. – 93
 Крессер – 293
 Кречко С. – 204
 Кривицкий С.И. – 262
 Кривошеев Г.Ф. – 51
 Кривошеин И.А. – 47
 Крикунов П. – 14, 20
 Кромиади К.Г. – 36, 82, 88, 102, 193
 Круглов С. – 273
 Круговой Г. – 109, 124
 Крыжановская М.А. – 126
 Кувязев – 206

Кузнецов Н.А. – 124
 Куликов Н.Г. – 54
 Кульчицкий Д.Н. – 79
 Курганов И. – 244, 260
 Куропаткин А.Н. – 279
 Кусевицкий С.А. – 327
 Кускова Е.Д. – 238, 241, 245, 260, 261
 Кутузов М.И. – 317
 Кюбл В. – 204

Л

Лайонс Е. – 121
 Лампе А.А. фон – 193
 Лапшин И.И. – 72
 Лауцкас – 288
 Лахно А.В. – 233
 Левицкий А. – 181, 310–312
 Левицкий Д.А. – 108
 Левицкий С.А. – 147
 Легостаев Ф.М. – 82, 118, 244
 Лейббрандт Г. – 256
 Лейхтенбергский С.Н. – 119
 Лекко Ш. – 139
 Ленин В.И. – 55, 179, 184
 Ленц В. – 136
 Леонтий (Туркевич), архиепископ –
 154
 Леонтий, епископ – 154, 163, 164
 Леперванш М.де – 89
 Лешин – 119
 Лифарь С. – 127, 128, 166
 Лович – 75
 Лот И. – 310
 Лот Ф. – 310
 Лучинский А.А. – 282
 Львовский – 150
 Любимов Л.Д. – 61, 62, 87
 Ляде – 151

М

Майер Г.А. – 94
 Макаренко З. – 80
 Макаров В. – 99
 Маклаков В.А. – 106, 223
 Маклакова М.А. – 91, 223
 Маков А.Н. – 233
 Маковский С.К. – 222
 Максим, патриарх – 152
 Максименко Н. – 262
 Максимов Г.П. – 116, 117, 252
 Максимов С. – 147
 Маленков Г.М. – 247

Малиженовский И. – 134
 Малинин – 147
 Малышкин В.Ф. – 193, 194, 196
 Малышкин Г.Е. – 40
 Мамуков Е.И. – 108, 230, 259
 Мануйлов М. – 118
 Манухина Т. – 130, 149, 167, 313
 Маньков С.А. – 124
 Мари М.Ф. – 63
 Мария Павловна, великая княгиня – 97
 Марков А.П. – 37, 125, 159, 225
 Мартен-Шоффье С. – 309, 311
 Мартынов Б.Ф. – 168
 Маяковский В.В. – 229, 259
 Медведев С.Н. – 41
 Мейер Ю.К. – 102
 Мейеринк Х. фон – 132
 Мейснер Д.И. – 70–72, 87, 227, 228, 259
 Мельгунов С.П. – 106, 107, 120
 Мерещков К.А. – 216, 258
 Мериль М. – 160
 Месняев Г.В. – 106
 Мефодий, игумен – 127
 Мечников И.И. – 92
 Милоков П.Н. – 105, 174–176, 182, 228
 Миропольский Г.Л. – 42
 Михайловский А.И. – 102, 148
 Михайловский Н.К. – 111
 Модрах В.К. – 67
 Мозжухина К.А. – 37
 Молотов В.М. – 171, 173, 175, 176, 180
 Монган И. – 49
 Монтеро Е. – 78
 Морозов П.И. – 43
 Морозов С.Н. – 40
 Моршен Н. – 156
 Мосейкина М.Н. – 259
 Мосичкин В.К. – 101, 121
 Мочарова – 85
 Мрачный М. – 116
 Муравьев П.А. – 107, 124
 Мусоргский М.П. – 137
 МуССолини Б. – 180, 215
 Мясин Л.Ф. – 138, 139, 167
 Мясоедов А.Н. – 224, 225

Н

Набок-Василькова Н.С. – 101
 Набоков В.В. – 98, 177
 Назаров М.В. – 32, 121, 125
 Наумов В.П. – 277
 Нафанаил, архимандрит – 335

Нахимов П.С. – 184
 Негулеско Ж. – 138
 Несмелов (Митропольский) А. – 279
 Нечаева Т.Ю. – 168
 Неюорская К.П. – 144
 Николаевский Б.И. – 97, 113, 114, 118, 122, 172, 209, 261
 Николай II – 102, 246
 Никольский А.А. – 227
 Никон, епископ – 153, 154
 Нитобург Э.Л. – 168
 Ницше Ф. – 182, 190
 Но А. – 311
 Новгородцев С.И. – 120
 Нодзу – 279
 Нокс А. – 225
 Нордман Л.-М. – 311

О

Оболенская В.А. – 181
 Оболенский В.А. – 107, 259
 Оболенский П.А. – 37, 54, 60, 68, 87, 291
 Оболенский С. – 99
 Оболенский С.С. – 259
 Оддон И. – 310, 311
 Одоевцева И.В. – 221, 258
 Оден – 311
 Околович Г.С. – 108
 Оку – 279
 Омелянчук А. – 143
 Омелянюк А. – 57
 Оменьянчук А. – 167
 Орехов В.В. – 104
 Осипов Н.И. – 147, 237, 238, 260
 Осоргин М. – 175, 255
 Остров И. – 94
 Островский А.Н. – 129

П

Павлова А. – 137
 Пантелеймон, архиепископ – 163, 164
 Пастаков – 92
 Переселенков Н. – 84
 Перон Х.Д. – 82
 Петрищев А.Б. – 246, 261
 Петров А.В. – 289, 290
 Петров В. – 50
 Петрович П.А. – 281
 Петрункевич А.И. – 97
 Петэн А.Ф. – 215
 Писаревский В.Н. – 121

Письменный Ю.А. – 102
 Плаксин Б.Н. – 78
 Погребняк А. – 204
 Поздеева Е.П. – 109
 Позднышев С.Д. – 92
 Поздняков В.В. – 102
 Поликарпов М.А. – 96
 Полторацкий Н.П. – 106, 107, 124, 148
 Поляков Г.Г. – 199
 Поляков-Литовцев С. – 207, 258
 Полян П.М. – 27, 52, 69, 87
 Помазанский М. – 147
 Попов А. – 134
 Попов А.В. – 17, 19, 21, 154, 167
 Попов М. – 133
 Поремский В.Д. – 84, 89, 297, 302
 Поспеловский Д.В. – 261
 Прегель С. – 98
 Прокопович С.Н. – 252, 262
 Прокофьев С.С. – 157
 Прокша Л. – 256
 Прянишников Б.В. – 110, 231, 232,
 234, 241, 259
 Пургалис А.Я. – 43
 Путря Ф. – 205, 258
 Пушкарев Б.С. – 15, 21, 233
 Пушкарева Н.Л. – 54
 Пушкин А.С. – 139, 140
 Пятницкий Н.В. – 183, 184, 256

Р

Радищев А.Н. – 25
 Раев М. – 159
 Райва Г.Б. – 199
 Рар Л.А. – 259
 Рахманинов С.В. – 137, 325, 326
 Редлих Р.Н. – 237–239, 260
 Режис Ф. де – 164
 Рембергер М. – 204
 Ремига Д.Н. – 233
 Ремизов А.М. – 37, 222
 Реуцкий Д.М. – 101
 Риббентроп Й. фон – 171, 173, 180
 Ривз П. – 310, 311
 Римский-Корсаков Н.А. – 137
 Рогович П.А. – 93
 Роговский Е.Ф. – 223
 Родзянко В. – 135
 Родзянко М.В. – 246
 Родичев Ф.И. – 228
 Рождественский С.П. – 147
 Розенберг А. – 67, 108, 190–192

Рокер – 116
 Романов Е. – 32, 53, 108, 124, 147
 Романова И.П. – 235, 236, 260
 Рончевский Р.П. – 241
 Роскотен Э. – 312
 Росс Н. – 34, 54
 Ростовцев И.Н. – 148
 Рубинштейн А. – 137
 Рубинштейн Н. – 77
 Рузвельт Ф. – 30, 190, 191, 203
 Рыбаков Н.П. – 243, 260
 Рыбковский В.А. – 40
 Ряснянский С.Н. – 106

С

Саблин Е.В. – 37, 159, 225–227, 246
 Саблина Н.И. – 78
 Савин В.Л. – 78
 Самарин В. – 196, 257
 Самсон Н.У. фон – 93
 Самсониевский С. – 135
 Сапир Б.М. – 115
 Сапранков Ф.Д. – 40
 Сардаров – 39
 Седова Н.И. – 245
 Седых А. – 105
 Селиванов Ф.А. – 40
 Семенов А.Ф. – 41
 Семенов Г.М. – 290
 Семенов К.К. – 124
 Семенов М.А. – 119
 Семиряга М.И. – 52
 Сенешаль Р. – 312
 Серафим, митрополит – 133, 135, 150,
 152
 Сербин Ю.В. – 119
 Сергиевский Б.В. – 106, 145
 Сергей (Страгородский), патриарх –
 334, 335
 Сериков Н.Д. – 70
 Сидоров С.Г. – 55
 Симонов К. – 221
 Симпсон Дж. – 298
 Ситец Д. – 58
 Скаржинский П.В. – 148
 Скобцова Е.Ю. – 182
 Скоморовский Б.А. – 229
 Скрябин А.А. – 182
 Скрябин А.С. – 94
 Славнов В.М. – 232
 Смирнов Л.П. – 119
 Смирнов С.В. – 14, 20

- Смуляр Е.М. – 59
 Смыкалин А.С. – 29, 52
 Соколов – 150
 Соколов В.П. – 144
 Солженицын А.И. – 18, 53
 Соловьев А.В. – 72, 88
 Солоневич И.Л. – 119
 Сорин Б.А. – 202
 Сорокин П.А. – 254, 262
 Сосинский В.Б. – 181, 256
 Софронова Е.И. – 38, 47, 54, 75, 76, 84, 88, 89
 Спасский П.В. – 127
 Сталин И.В. – 20, 47, 66, 72, 89, 110, 170–173, 176, 179, 180, 184–186, 190, 191, 193, 196, 201, 207, 210–212, 225, 245, 247, 252, 255, 260, 262, 269, 273, 299
 Сталинский Е. – 208, 209, 258
 Станкевич В.Б. – 81, 228
 Старлочанов Д.Д. – 134
 Степун Ф.А. – 234, 243, 259, 260
 Стравинский И.Ф. – 137, 138
 Страхович К.И. – 43
 Стрелко А.А. – 83, 89
 Струве Г. – 165
 Струве П.Б. – 106
 Стюарт – 33, 34
 Судоплатов П. – 272
 Сургучев И.Д. – 129
 Суржикова Н.В. – 55
 Сухомлин В.В. – 59, 87, 209, 210, 258
 Сушко И. – 58
- Т**
 Тарапанов В. – 161
 Тарапанов О. – 161
 Тарле Г.Я. – 19, 21
 Тарусский Е. – 192, 257
 Тельман Э. фон – 132
 Тепляков Н.А. – 289
 Терапиано Ю.К. – 155, 168, 222
 Терешенко Д.М. – 145
 Тер-Погосян М.М. – 223
 Тийон Ж. – 310, 311
 Тимашев Н.С. – 243, 260
 Тимофеев А.И. – 136
 Тимофеев-Ресовский Н.В. – 13
 Тито И.Б. – 72
 Тихон, патриарх – 153, 313
 Толстая А.Л. – 202
 Толстой А.Н. – 203, 213
 Толстой Л.Н. – 52, 317
 Толстой Н.Д. – 31
 Толстой-Милославский Н.Д. – 29, 52, 53
 Трегубов Ю.А. – 108, 124
 Треско фон – 39
 Троицкий Н.А. – 18, 36, 118, 274–276, 279, 304
 Троцкий Л.Д. – 245
 Трубецкой Ю. – 84
 Трушнович А. – 262
 Турицын – 56
 Туркул А.В. – 102, 119, 193
 Тыркова-Вильямс А.В. – 106, 124, 226, 227, 246, 254, 262
- У**
 Угримов А.А. – 44, 46, 47, 54
 Угрюмов А.И. – 78
 Ульянов Н.И. – 107, 124, 125, 147
 Унковский В. – 128, 129, 166
 Уразов М.А. – 41
 Урицкая Р.Л. – 60, 67, 87
 Успенский Н. – 143
 Утесов Л. – 49
- Ф**
 Фабрициус Н.Ф. – 101
 Февр Н. – 192
 Федоренко А.Т. – 62
 Федоров А.А. – 85, 91
 Федотов Г.П. – 177, 242, 260
 Фекула П.М. – 202
 Феличкин Ю.М. – 37, 54
 Феодор (Рафальский), епископ – 165, 166
 Феофил, митрополит – 154
 Филипп, епископ – 134
 Филиппов Б.А. – 147
 Фишер Г. – 299
 Фишер Ю. – 277
 Флам-Оболенская Л.С. – 18, 21
 Фольмер В.Ф. – 40
 Фортье Р. – 311
 Франк С.Л. – 260
 Фрезинский Б. – 54
 Фрунза-Давидкова В.П. – 145
 Фурсенко В.Г. – 68, 304
- Х**
 Хейфец Я. – 137
 Херасков И.Н. – 107

Хисамутдинов А.А. – 88
 Хлебников – 133
 Хлобыстов И. – 231
 Хольмстон (Смысловский) Б.А. – 119, 120
 Хомяков Г.А. – 247
 Храброва И. – 203, 257
 Хрущев Н.С. – 251
 Хунчак – 24
 Хэрбатт Ф. – 30

Ц

Цацкин Н. – 59
 Цветков В.Ж. – 21
 Церетели И.Г. – 77
 Цетлин М.С. – 77
 Цибрук А.И. – 147
 Цурганов Ю.С. – 21
 Цуриков Н.А. – 102, 148

Ч

Чавчавадзе П.А. – 202
 Чазов С. – 167
 Чайковский П.И. – 140
 Чацкин – 59
 Чеботарев В. – 231
 Челищев В.Н. – 126
 Челищев П. – 138
 Чепелев И. – 206, 258
 Червинская Л. – 222
 Чернина Л. – 128
 Чернов В.М. – 110–112, 124
 Черняев – 56
 Черон Ф.Я. – 85, 89
 Черчилль У. – 30, 31, 190
 Чехов А.П. – 129
 Чехов Г.В. – 103, 124
 Чехов М.А. – 139, 156
 Чехова О. – 77, 80, 88, 131, 166
 Чеченев А.Е. – 40
 Чижова А.Ф. – 136
 Чудакова М.Н. – 79
 Чухнов Н.Н. – 148

Ш-Щ

Шагал М. – 139
 Шамин С.В. – 136

Шамшур О.В. – 88
 Шаньков М.Н. – 290
 Шапиро – 116
 Шафранович – 50
 Швабо – 62
 Шварц С.М. – 212, 250, 253, 261, 262
 Шевяков А.А. – 84, 89
 Шендерюк М.Г. – 16, 21
 Шепелев (Чепелев) – 26
 Шибанов Г.В. – 181, 219
 Ширинская Е. – 73–75
 Шкаровский М.В. – 132, 135, 166
 Шмелев И.С. – 127, 130
 Шмит В.П. – 145
 Шомракова И.А. – 124
 Шостаковский П.П. – 160, 168, 230, 258, 259
 Шпеер А. – 194
 Шгамм А.Ю. – 21
 Штеппа К.Ф. – 286
 Штеппа Э.К. – 286
 Штехенберг – 50
 Шуплецов В.М. – 27, 52

Щ

Щербин Г. – 134, 380

Э

Эйзенхауэр Д. – 32
 Эльяшев Е. – 124
 Эндрю К. – 55
 Эренбург И. – 221
 Эрн Н.Ф. – 83
 Этьен Р.-Ж. – 311

Ю

Югов А.А. – 112, 172, 229
 Юденич Н.Н. – 118
 Юрок С. – 137
 Юрьев С.В. – 101
 Юрьевский Е. – 174, 255

Я

Яблоновский С.В. – 126
 Якобсон Р.О. – 88
 Яковлев И.Я. – 42, 276
 Яхонтов В.А. – 38, 229, 328, 330

Русский мир в XX веке

в 6-ти томах

Том 1

Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века.

Том 2

Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов.

Том 3

Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России.

Том 4

Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг.

Том 5

Антошин А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг.

Том 6

Бордюгов Г.А., Касаев А.Ч. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг.

Издания АИРО-XXI в 2007–2013 гг.

2007

- Я.В. Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Козн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина.* Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С.И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.
- Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.
- В.Г. Воловников.* О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В.Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- С.Ф. Платонов.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.
- Александр Рабинович.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Николай Андреев.* Первые стихи.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги.
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.
- Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.
- Константинов С.В.* «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.
- Леонид Козлов.* В диалоге с прошлым.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Козна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.
- Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.
- Стивен Козн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. *Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куреньшев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.
- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томплин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).

- Эрик Кулевиг.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф.Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. (АИРО – Первая монография).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. (АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).
- Япония 2009. Ежегодник.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.
- А.К. Конопацкий.* Прошлое великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоглавой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО–XXI, 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII–XV вв. – М.: «АИРО–XXI», 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 432 с.
- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940–1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО–XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь поляни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI, 2010. – 216 с.

- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Коэн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куреньшев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Козн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.
- Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.
- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2011. – 280 с.
- А.Д. Цыганок.* Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI, 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография»).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.

- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшев.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО–XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО–XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова. К 75-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО–XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мещёра-край»).
- Мещёра-край: альм. по истории и культуре Мещерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО–XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горницы. От неолита до современности. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО–XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО–XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 536 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Две родины Стивена Козна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 700 с.
- Невольник чести. Путь и судьба Владимира Полотова / Сост.: Т.Б. Григер канд. ист. н., доц., Н.В. Полотова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.

- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Коэн; вступит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2013. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Крюков. На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 548 с.
- Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2013 – 312 с.
- Между каноунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин. Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтохов. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов. В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул. Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

Русский мир в XX веке
в 6-ти томах

Научное издание

Алексей Валерьевич АНТОШИН

Том 4

НА ФРОНТАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И «ХОЛОДНОЙ» ВОЙН:
РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ
в 1939 – начале 1950-х гг.

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 27.01.2014
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 23,5
Тираж 1000 экз. Зак.